ФГБУ ВПО «НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА»

На правах рукописи

Панченко Алла Александровна

Советское государство и вузовская интеллигенция в 1929-1985 гг. (на примере Горьковского государственного педагогического института иностранных языков)

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
д-р исторических наук, проф.
Ольга Николаевна Сенюткина

Нижний Новгород
2019

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Государственная политика по совершенствованию системы лингвистического образования и усилия коллектива Нижегородских курсов иностранных языков по её внедрению в образовательное поле страны (1929-1939) 44

1.1. Политика Советского государства в сфере преподавания иностранных языков в контексте перехода от лозунга мировой революции к идее построения социализма в одной стране 44

1.2. Коллектив Нижегородских курсов иностранных языков на пути формирования новой структуры учебного заведения: от курсов к институту ... .66

Глава 2. Взаимодействие власти и вузовского коллектива ГГПИИЯ в условиях предвоенного, военного и послевоенного периодов (1939-1955) 107

2.1. Структура, численность, состав коллектива вновь созданного вуза; степень автономности структур институтского самоуправления в предвоенные годы 108

2.2. Общественно-политическая атмосфера в коллективе ГГПИИЯ в период Великой Отечественной войны 123

2.3. Коллектив ГГПИИЯ в послевоенный период; идеологические кампании и дискуссии (1946-1953).....145

Глава 3. Формы реакции вузовской интеллигенции на основные элементы государственной политики в области высшего образования (на примере ГГПИИЯ) (1955-1985) 168

3.1. Условия труда и материально-бытовое положение сотрудников.....168

3.2. Возможности развития межвузовских и международных связей ГГПИИЯ с учетом особенностей реализации государственной политики.....183

3.3. Качественные и количественные изменения в сфере деятельности вуза и её материально-технического обеспечения в предперестроечный период..... 198

Заключение 227

Список литературы 231

Приложения 274

Приложение 1. Фрагмент из: Кирюшин П. Международная рабочая связь на эсперанто. 1930 г. 274

Приложение 2. Список преподавателей иностранных языков в г. Нижнем Новгороде – Горьком (1917-1937) 279

Приложение 3. Приказ № 2 по ГГПИИЯ. Объявление административных должностей и окладов их содержания. 1937 г. 282

Приложение 4. Приказ по ГГПИИЯ № 8 от 7 февраля 1938 г. «О преобразовании кафедр иностранных языков в кафедры английской, немецкой, французской филологии» 283

Приложение 5. Новый учебный план для факультетов английского, французского, немецкого языков институтов иностранных языков. 1938 г. 285

Приложение 6. Число студентов, успешно сдавших весеннюю сессию 1940 г. и переведенных на следующий курс 286

Приложение 7. Преподаватели и студенты Горьковских высших учебных заведений, арестованные в горы сталинских репрессий по материалам онлайн-ресурсов 287

Приложение 8. Преподаватели, сотрудники и студенты Горьковских высших учебных заведений, ушедшие на фронт Великой Отечественной войны 305

Приложение 9. Из воспоминаний студентки, впоследствии преподавателя иняза В. В. Никитиной о работе в госпитале во время Великой Отечественной войны 330

Приложение 10. Сотрудники Нижегородского иняза. Краткие биографические сведения 331

Приложение 11. Из воспоминаний В. П. Киселева 360

Приложение 12. Из воспоминаний В. К. Романовой 362

Приложение 13. Из воспоминаний В. П. Киселева 364

Введение

Актуальность проблемы исследования. Сегодня руководством страны перед системой государственных органов поставлена задача по осуществлению научно-технического прорыва. Особая роль в этом прорыве отводится системе высшего образования и подготовке кадров. Параллельно мы видим, как государство в рамках образовательной политики реализует новые проекты, в том числе такие как «5-100» (по выводу 5 российских вузов в топ-100 мировых вузов) или создание научно-образовательных центров (НОЦ).

Очевидно, что в условиях поставленных задач вузовская интеллигенция, которая есть и сегодня, воспринимается государством как агент своей политики и как агент этих изменений.

В этом контексте изучение опыта взаимодействия советского партийного руководства и сотрудников системы высшего образования является чрезвычайно важным и позволяет понять роль вузовской интеллигенции в решении государственных задач, методы взаимодействия номенклатуры с вузовской интеллигенции, степень самостоятельности вузовских сотрудников в организации образовательного процесса. Что вузовская интеллигенция принимало легко? В чем приходилось убеждать или ломать позиции лидеров академического сообщества? Как менялось самоощущение вузовской интеллигенции в развивающемся советском государстве?

Дополнительно актуальность проявляется еще и в том, что работа рассматривает Нижегородский иняз[1] – место подготовки специалистов

[1] Автор подразумевает под «Нижегородским инязом» высшее учебное заведение, образованное на основе частных курсов иностранных языков под руководством М. М. Ландау в Н. Новгороде (с 1932 по 1990 гг. – Горьком) и далее трансформировавшееся в Государственные курсы иностранных языков, с 1937 г. ставшее Горьковским государственным педагогическим институтом иностранных языков (далее сокр. – ГГПИИЯ);

со знанием иностранных языков. Как советское государство формулировало запрос на людей с иностранным языкам, может быть интересно и сейчас, когда Россия реализовывает программы импортозамещения, старается регламентировать взаимодействие отечественных ученых с мировым научным сообществом и пр.

Объектом исследования является коллектив преподавателей ГГПИИЯ как часть советской вузовской интеллигенции.

Предметом исследования является государственная политика советской власти по отношению к вузовской интеллигенции и её восприятие профессорско-преподавательским составом.

Цель исследования – провести анализ советской государственной политики по отношению к вузовской интеллигенции в период главенства командно-административной системы на примере истории ГГПИИЯ как крупного отечественного центра высшего лингвистического образования**.**

Указанная цель предполагает решение следующих **задач:**

- выявить этапы реализации государственной политики по отношению к вузовской интеллигенции и ее особенности;
- с использованием новых источников раскрыть механизм, формы и цели государственного воздействия на внутреннюю политику вуза;
- проанализировать формы реакции вузовской интеллигенции на основные элементы государственной политики в области высшего образования;
- исследовать особенности внутренней политики руководства вуза, общественно-политическую атмосферу, условия труда и материально-бытовое положение сотрудников;
- оценить степень автономности структур институтского самоуправления (кафедры, деканат, ученый совет) и характер их взаимоотношений с партийной и комсомольской организациями института;

с 1990 г. – Нижегородским государственным педагогическим институтом иностранных языков (НГПИИЯ); с 1994 г. – Нижегородским государственным лингвистическим университетом им. Н. А. Добролюбова (НГЛУ).

- провести анализ качественных и количественных изменений в сфере научной и педагогической деятельности вуза и его материально-технического обеспечения.

Поставленные задачи решаются диссертантом во всех главах работы, исходя из признания и использования принципа хронологии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1929 г. по 1985 г. Нижняя граница – 1929 г. – выбрана не только и не столько как год признания горьковских курсов иностранных языков на государственном уровне, но как год перехода от НЭПа к командно-административной системе, ставшей основой для структурного формирования вузовской интеллигенции в условиях директивной модели управления политической, экономической и культурной жизнью. Верхняя граница – 1985 г. – отличается качественным изменением жизни советского общества и новой политикой власти в рамках перехода к политике перестройки, повлиявшей на ход общественной жизни в общем, и, в частности, на изменение повседневности вузовской интеллигенции как активной ее части.

Территориальные границы исследования охватывают как территорию РСФСР-СССР, так и отдельно пространство города Нижнего Новгорода (Горького), поскольку в нем локально проходили процессы становления и развития класса вузовской интеллигенции, параллельно проходившие и на более глобальном уровне.

Научная новизна. Настоящее исследование является первой комплексной работой, изучающей процесс становления вузовской интеллигенции и механизмы ее взаимодействия с советским государством поэтапно на обширном хронологическом отрезке, на основе широкого спектра привлеченных источников, включающих впервые введенные в научный оборот делопроизводственные материалы, публицистику и периодическую печать:

- реконструирована история становления и развития ГГПИИЯ как центра формирования советской вузовской интеллигенции в регионе, что

позволяет углубить наши представления о его роли и месте в общественно-политическом советском поле;

- выявлены основные этапы государственной политики в сфере высшего лингвистического образования;
- исследованы различные формы реакции на указания центра со стороны коллектива ГГПИИЯ;
- определена специфика каждого этапа в развитии вуза;
- реконструированы и описаны элементы конкретики повседневности в жизнедеятельности вуза.

Впервые на уровне диссертационного исследования изучается жизнь, трудовая деятельность преподавательского коллектива ГГПИИЯ, воплощающего собой пример деятельности вузовской интеллигенции, становление которой происходило в годы советской власти.

Рассмотренные автором диссертации внешне- и внутриполитические процессы, протекавшие в стране на разных этапах её истории, позволили выявить и проанализировать конкретные изменения в системе взаимоотношений советского государства и вузовской интеллигенции. Большая часть источников, составивших основу написания диссертации, вводится в научный оборот впервые, тем самым восполняя существенную научную лакуну в области изучения проблем развития советского общества (27 фондов и 318 единиц хранения).

Степень научной разработанности проблемы.

Проблема, интересующая диссертанта – взаимодействия внутри общества. И, прежде всего, тот аспект взаимодействий, который можно обозначить как смысловую связку: политическая элита – вузовские интеллектуалы.

В России «интеллектуальное меньшинство» – это интеллигенция, важнейшую часть которой составляет вузовская интеллигенция. Её, по нашему мнению, нельзя рассматривать только как абстрактное целое. Образ вузовской интеллигенции складывается, как мозаика, из отдельных элементов, что

связано со средой обитания (спецификой вуза в определенном регионе), длительностью истории вузовского коллектива, с традициями конкретной повседневности вуза и т. д.

Со своей стороны, политическая элита советского периода отечественной истории, действовавшая в рамках провозглашенной диктатуры пролетариата, по сути, представляла власть партийно-государственной номенклатуры, вынужденной развивать социальную сферу, в том числе вузовское образование, придерживаясь курса, взятого на строительство социализма.

Диссертационное исследование основывается на комплексном и всестороннем изучении взаимоотношения «власти и интеллигенции» на примере становления, развития и функционирования системы отечественного высшего лингвистического образования в Нижегородском регионе на базе Нижегородского иняза. Поэтому при написании диссертации автором рассматривались не только труды историков, но и широкий пласт научных работ других исследователей (педагогов, социологов, филологов, философов). Эта введенная в исследование междисциплинарность была необходима для отражения эволюционной динамики изучаемого объекта.

Основу для историографического обзора составит хронологически-проблемный подход к пониманию проблематики, избранной диссертантом, то есть поэтапное, согласно времени, рассмотрение трудов ученых и выделение наиболее важных проблем из затронутых ими.

Дореволюционный период. Большой вклад в программное осмысление взаимоотношений государственной машины и интеллигенции в русле философско-этического подхода концентрированно внесли такие русские мыслители, как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, П. Б. Струве, Н. О. Лосский, Л. Н. Гумилев, Е. Н. Трубецкой и др[2].

[2] Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С.Л. Франка (1909). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 235 с.

Их роль в процессе осмысления проблемы взаимодействия власти и интеллигенции подчеркивали многие ученые, для которых было важно рассмотреть и исследовать столкновение определенных нравственных характеристик власти и интеллектуалов[3].

Советский период. Подход к проблеме взаимоотношений власти и интеллигенции в советский период во многом определялся в русле *социологического осмысления* их места и роли в новом обществе.

Ученые, использовавшие в своих трудах социологический подход, следовали характеристике, данной В. И. Лениным, который включал в интеллигенцию «не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда»[4].

В *первые послеоктябрьские десятилетия* (1920-е – 1930-е гг.) изучение прослойки интеллигенции велось не историками, а партийными и советскими работниками, и рассматривалось сквозь призму выработки и реализации партийных решений[5].

---

[3] Денисенко Ф. Роль интеллигенции. – Одесса: изд. Л. Нитче, 1884. – 37 с.; Каблиц И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. – СПб.: изд. Н. А. Лебедев, 1886. – 305 с.; Череванин Н. Движение интеллигенции (до эпохи «доверия» кн. Святополк-Мирского) // Общественное движение в России в начале XX в. Т.1. – СПб., 1909. – С. 259-260.; Пешехонов А. В. К вопросу об интеллигенции. – СПб. изд. Рус. богатство, 1906. – 104 с.; Потресов А.Н. (Старовер) Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: изд. О. Н. Попова, 1906. – 314 с.; Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т.1. – СПб.: Революционная мысль, 1907. – 183 с.; Милюков П. Н. Очерки из истории русской интеллигенции. – СПб.: Знание, 1903. – 308 с.; Изгоев А.С. Интеллигенция как социальная группа // Образование. – 1904. – №1. – С.72-94; Лозинский Е. И. Что же, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). 1907 г. – М.: УРСС, 2003. – 259 с.;

[4] Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 8. – 666 с. – С. 309.

[5] Будущее интеллигенции. Диспут в Политехническом музее // Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923-1925 гг. – Новосибирск: Наука, 1993. – 226 с.; Кеплер Б. А. Пролетарская революция и советская интеллигенции / Б. А. Келлер. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 47 с.; Ярославский Е. О роли интеллигенции в СССР. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1939. – 40 с.; Крупская Н. К. О культурно-просветительной работе. Избранные статьи и речи. – М.: Сов. Россия, 1969. – 245 с.; Крупская Н. К. О коммунистическом воспитании. Избранные статьи и речи. – М.: Мол. Гвардия, 1956. – 424 с.; Крупская Н. К. Ленинские установки в области культуры. Сборник статей. / Н. К. Крупская; Ин-т Маркса-Энгельса-

Идеологическая работа партии в годы гражданской войны рассматривалась как почти безошибочная, а общество позиционировалось как всё более понимающее правильность партийного курса. Это был тот дискурс истории, который находил однобокую интерпретацию в историографии. «Красный террор» рассматривался однозначно как реакция на «белый террор». Так, в работе А. Е. Бейлина утверждается, что «буржуазные специалисты в громадном большинстве – против нас»[6]. Действия «чрезвычаек» оценивались только позитивно[7]. Прямолинейность в оценках взаимодействий власти и общества представляется очевидной[8].

На фоне общего критичного отношения к интеллигенции, как к мелкобуржуазному слою, росло понимание необходимости формирования пролетарской, советской интеллигенции. Н. И. Бухарин в 1925 г. говорил, что ее кадры должны быть «натренированы идеологически» и подчеркивал: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике»[9].

Историки делали акцент на безусловные успехи советской власти в идеологической (агитационно-пропагандистской) работе и в деле совершенствования системы обеспечения потребностей трудящихся в социальной сфере[10]. Подчеркивалась значимость достижений советской

Ленина при ЦК ВКП(б). – М.: Парт. изд-во, 1934. – 257 с.; Луначарский А. В. Ленин и просвещение. – М.: Работник просвещения, 1924. – 24 с.; Луначарский А. В. О народном образовании. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 559 с.

[6] Кадры специалистов СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин. Под ред. и с предисл. И. А. Кораваля. – М.: Союзоргучет, 1935. – 419 с.

[7] Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии. / – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского истпартотдела губкома ВКП(б), 1927. – 124 с.

[8] Десять лет Советской власти в Нижегородской губернии: 1917-1927. / Сост. Ф. Ф. Шульц. Под ред. О. Л. Рывкина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского губернского исполнительного комитета, 1927. – 222 с.

[9] Будущее интеллигенции. Диспут в Политехническом музее // Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923-1925 гг. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 39.

[10] Медынский Е. Н. История русской педагогики: С древнейших времен до Великой пролетарской революции. Пособие для аспирантов и преподавателей истории в педвузах и педтехникумах / Е. Н. Медынский. – М: Гос.учеб.-пед.изд-во, 1936. – 470 с.

власти, отраженная в Конституции 1936 г[11]. Резко отрицательно оценивались люди, не принявшие советскую власть[12], что во многом подготовило почву для дальнейших репрессий в отношении интеллигенции.

В *1940-е гг.* борьба с буржуазной частью интеллигенции стала терять свою актуальность в связи с возникновением тезиса о переходе основной массы старых специалистов на сторону советской власти[13]. Во многом это объясняется тем, что в ходе гонений и репрессий интеллигенция прошла вынужденный процесс «перековки». Часть из них была физически уничтожена, оставшиеся в живых подчинились идеологии тоталитаризма. В дальнейшем вузовская интеллигенция принимает необходимость участия в перестройке системы высшего образования и утверждении сталинской концепции науки.

Послевоенные годы отмечаются ростом патриотических работ, освещающих ратный подвиг советских людей, в том числе представителей профессорско-преподавательского состава вузов и студенчества, принимавших активное участие в Великой Отечественной войне. Это послужило основанием для роста оценок советской интеллигенции, как передовой и народной[14].

---

[11] Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11. – М.: Госполитиздат, 1945. – 611 с.

[12] Об интеллигенции: Сб. статей (из газет и журналов). – Чкалов: Чкал. обл. изд., 1939. – 76 с.

[13] Камерова Н. В. Особенности взаимоотношений советской власти и буржуазных историков в РСФСР – СССР в 1920 – 1930-е гг. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 91–95.; Алентьев А. А. Против низкопоклонства перед Западом в преподавании и научной работе в вузах // Вестн. высш. шк. – 1949. – № 1.; Горст А. С. Педагог высшей школы воспитатель студенческой молодежи // Вестн. высш. шк. – 1946. – № 11-12.; Иовчук М. Т. Недостатки и меры улучшения научной деятельности и преподавания общественных наук//Вестник высшей школы. – 1947. – №3. – С. 10-24.; Кафтанов С. В. Задачи высшей школы//Вестник высшей школы. – 1946. – № 11-12. – С. 1-10.; Шардин Д. И. Большевистскую партийность – в основу преподавания общественных наук//Вестник высшей школы. – 1949. – № 3. – С. 11-15.

[14] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Июнь 1941-1945 гг. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1970. – 494 с.; Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Образцовая тип., 1948. – 192 с.; ВКВШ. Четверть века высшей школы СССР. / Под. ред. С. В. Кафтанова. – М.: Советская наука, 1945. – 120 с.; Антошин В. Н. КПСС в борьбе за создание советской народной интеллигенции. – М., 1957. – 210 с.; Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР / А. С. Бутягин, Ю. А. Салтанов. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 296 с.

В последующие годы эта тема также будет часто подниматься советскими авторами[15].

Переход к системному обсуждению высшего лингвистического образования и вопросов воспитания вузовской интеллигенции можно обозначить с момента публикации статьи И. В. Сталина о проблемах идейно-политического содержания языкознания и экономики как отраслей науки[16]. Статья должна была усилить влияние марксистско-ленинско-сталинской идеологии на деятельность вузовских работников и вызывала широкий резонанс в системе высшего образования[17].

1960-е – 1980-е гг. можно отметить двумя тенденциями.

Во-первых, в советской историографии продолжается активная дискуссия вокруг фундаментальных вопросов и проблем высшей школы и профессорско-преподавательского состава вузов[18]. В рамках изучения вузовской интеллигенции в этот период широко освещались взаимодействия партийно-государственных структур и высших учебных заведений. Это направление можно считать значимым, поскольку, безусловно, работа профессорско-преподавательского состава являлась частью деятельности

---

[15] Веселов Г. П. Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): автореф. дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Г. П. Веселов. – М., 1966. – 17 с.; Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / М. Р. Круглянский. – М., 1970. – 21 с.

[16] Сталин И. В. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сборник статей / Под ред. акад. В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, Т. 1. Ч. 1. – 1951-1952. – 432 с.

[17] Малыгина О. А., Капцугович И. С. Научная деятельность И. В. Сталина как один из методов формирования стереотипов вузовской интеллигенции г. Молотова // Вестник НАСА. – 2011. – №1 (7). – С. 48-54.; Геращенко Б. С. Всемерно улучшать подготовку научных кадров // Вестн. высш. шк. – 1956. – № 10. – С. 7-11.; Бармин И. П. Из опыта работы КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. – 75 с.; Власов М. Г. Рождение советской интеллигенции. – М.: Политиздат, 1968. – 88 с.; Королева Н. А. Опыт КПСС в перевоспитании старой и подготовке новой интеллигенции (1921-1925): автореф. дисс. … к. и. н.: 07.00.02 / Н. А. Королева. – Владимир, 1968. – 18 с.; Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1977. – 96 с.; Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. (1917-1975). – М.: Политиздат, 1977. – 317 с.; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. – М.: Наука, 1972. – 471 с.

[18] Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 105 с.

Нижегородского иняза, как и других вузов страны, являлась объектом регулирования со стороны политической элиты того времени и поэтому подлежит пристальному изучению. К этой группе отнесем как некоторые более ранние, так и более поздние работы отечественных и иностранных ученых, представляющих интерес в формате данного диссертационного исследования.

Первые *общие обзоры* тенденций развития высшей школы, трудностей и достижений в ее строительстве содержат работы К. Т. Галкина[19], В. П. Елютина[20], Е. В. Чуткерашвили[21]. Так, Е. В. Чуткерашвили в своей монографии, проводя статистический и социально-исторический анализ, рассматривает высшее образование с точки зрения экономиста и статистика. Анализ, проведенный автором, позволил выделить особенности различных этапов развития преимущественно высшего университетского образования и трансформации кадровой политики вузов.

Активно изучалась система высшего образования в СССР в целом и в западной науке. Это работы В. Шимоньяк[22], Н. Де Витт[23], выпущенная в 1980 г. в Калифорнийском университете книга «Образование в СССР»[24], книга Е. Моос[25], исследование Д. Бейкера и А. В. Вайсмана[26], посвященное

---

[19] Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров СССР / К. Т. Галкин. – М.: Советская наука, 1958. – 176 с.

[20] Елютин В. П. Высшая школа страны социализма / В. П. Елютин – М.: Соцэкгиз, 1959. – 100 с.

[21] Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. / Е. В. Чуткерашвили. – М.: Высшая школа, 1961. – 238 с.

[22] Shimoniak W. Communist Education: Its History, Philosophy, and Politics. / Rand McNally, 1969. – 506 p.

[23] Witt N. Education and Professional Employment in the U.S.S.R. NSF (Series) (Volume 61, Ediction 40) United States. National Science Foundation. NSF (Volume 61, Edition 40). National Science Foundation (U.S.), National Research Council (U.S.). Office of Scientific Personnel. National Academies, 1961. – 865 p.

[24] Education in the U.S.S.R., current status of higher education, 1980. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.worldcat.org/title/education-in-the-ussr-current-status-of-higher-education/oclc/7281244

[25] Moos E. Higher education in the Soviet Union. / National Council of American-Soviet Friendship, 1956. – 32 p.

[26] Baker D, Wiseman A. The Worldwide Transformation of Higher Education. International perspectives on education and society (Volume 9). – Emerald Group Publishing, 2008. – 347 p.

мировой истории трансформации системы высшего образования, и другие[27]. При этом, закономерным представляется общий тренд в описании системы высшего образования в СССР во всех указанных работах с акцентом на идеологизацию и «железный занавес», что находило отражение в повседневной рабочей действительности как сотрудников, так и студентов[28].

Наиболее полным зарубежным исследованием системы дореволюционного и советского образования является книга Д. Т. Зеппера и У. В. Брикмана[29], рассматривающих длительный период с 1731 по 1989 гг.

Во-вторых, тон в направлении некоторого плюрализма в оценках исторических событий задала «оттепель». Историография 1960-х – 1980-х гг. была в определенной степени подготовлена охватившей мир войной (1939-1945 гг.). После её окончания осмысливались в связи с историей нацистской Германии вопросы тоталитарной власти, концентрационных лагерей, рожденных человеконенавистнической идеологией и т. д. В связи с этим была заложена основа для размышления о тоталитаризме в СССР в 1930-е г. Но этот момент осмысления пришел не сразу по политическим обстоятельствам

---

[27] Grenoble L. A. Language Policy in the Soviet Union / Language Policy (Volume 3). Springer Science & Business Media, 2006. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://books.google.kz/books/about/Language_Policy_in_the_Soviet_Union.html?hl=ru&id=Nn3xDTiL0PQC

Kasevich V., Kleiner Y., Sériot P. History of Linguistics 2011: Selected Papers from the 12th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XII) / Studies in the History of the Language Sciences (Volume 123). – John Benjamins Publishing Company, 2014. – 221 p.

[28] Трусь А. И. Некоторые итоги деятельности Коммунистической партии по развитию высшей и средней специальной школы в период строительства социализма // Партийное руководство высшей школой СССР: межвуз. сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1982. – 160 с.; Советская интеллигенция (История формирования и роста 1917-1965). – М.: Мысль, 1967. – 432 с.; Научные кадры СССР: динамика и структура / ред. проф. В. Ж. Келле, проф. С. А. Кугеля. – М.: Мысль, 1991. – 283 с.

Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917-1927 гг.). – М.: Наука, 1980. – 392 с.; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. (1917-1941гг.) / Отв. ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин – М.: Педагогика, 1980. – 456 с.; История педагогики: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. М. Ф. Шабаевой – М.: Просвещение, 1981. – 367 с.

[29] Zepper J., Brickman W. Russian and Soviet Education 1731 – 1989: A Multilingual Annotated Bibliography. – Routledge, 2014. – 560 p.

внутренней жизни страны, хотя ряд «врагов народа» был реабилитирован вскоре после смерти И. В. Сталина.

Сюжет репрессивной политики в деле утверждения идей коммунизма стал подаваться в ином ключе после секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС[30]. Осуществился некоторый прорыв в безмолвствующем до того момента на темы репрессий информационном поле. Инициатива этого прорыва шла от власти. Однако полноты освещения вопроса достигнуто не было. Большинство материалов по-прежнему оставалось вне поля зрения историков: информация строго дозировалась. Отдельные факты реабилитации не могли получить быструю историографическую оценку. Тем не менее, освещение темы репрессий (пусть частичное) было показателем уровня гражданственности общества, честности власти и исторической науки. В основном внимание было сосредоточено (с подачи Хрущева) на отдельных делах, сфабрикованных в эпоху сталинизма. «Красный террор» с точки зрения репрессивной политики по-прежнему не рассматривался. Деятельность спецорганов характеризовалась незначительно и односторонне. От идеализации деятельности ВЧК стали отступать, но ход репрессивной политики рассматривался как в целом правильное движение с отдельными нарушениями социалистической законности. Процесс реабилитации не был полновесным. Он постепенно шел на убыль, о трагических событиях прошлого вспоминали всё реже и реже. «Заявляя о необходимости восстановления справедливости, укреплении законности, руководители страны лишь «выпускали пар», мало что меняя в этой системе, – отмечала работник Генпрокуратуры РФ Г. Ф. Весновская[31]. Это влияло на развитие историографии. Именно тогда, после XX съезда, горьковский журналист

---

[30] Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). 7-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953-1960. – Ч. 1. – 832 с.; Ч. 2. – 676 с.; Ч. 3. – 692 с.; Ч. 4. – 640 с.

[31] ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт/М. – М: МОПЧ, 1999. – 456 с. – С. 409.

и краевед М. А. Хазанов начал создавать, опираясь на человеческую память, свой архив. Архив будет подробно осмыслен в рамках описания источниковой базы диссертационного исследования.

С середины 1960-х гг. все сделанное «шестидесятниками», имеется в виду критика культа личности Сталина, было вновь «прикрыто», информация представлялась обществу по минимуму. Административно-командная система удовлетворялась двойной моралью. В исторических сочинениях того периода утверждалась мысль о гуманном характере советского правосудия и существующей исправительной системы на всех этапах существования. Вопреки реальному положению дел коммунистическая пропаганда внушала гражданам мысль о необходимости действий ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД именно в тех формах, в каких они осуществлялись. Вся работа по реабилитации жертв сталинских репрессий была свернута. Не поднимались темы политических репрессий, сталинских лагерей и их заключенных. В исторических трудах отрицалась, какая бы то ни была преемственность меду деятельностью карательных органов 1930-40-х гг. и ВЧК. Между ВЧК и НКВД проводилась четкая дифференциация. Между тем отметим, что сами работники НКВД продолжали называть себя чекистами и ни в коей мере не отделяли себя от ВЧК[32].

Забегая вперед, отметим, что полноценная возможность работать с архивами фонда Нижегородской Губчека появилась только после относительно недавнего открытия фонда для историков, что дало возможность более подробного освещения деятельности власти по отношению к богатым и образованным нижегородцам, что и нашло отражение в двух статьях историка О. Н. Сенюткиной[33].

---

[32] Культурное строительство в Нижегородской губернии (1917 – 1927 гг.): документы и материалы. / Сост. В.В. Колябин, Т.И. Бибанов, – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988. – С. 294.

[33] Сенюткина, О. Н. Богатые жители Нижнего Новгорода – объект внимания молодой советской власти (весна 1918 г.) / О. Н. Сенюткина // Нижегородский краевед. Сб. научных статей. / Сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. – Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С.50-58;

С 1987 г. решениями на высшем уровне власти были созданы условия для качественно иного освещения происходивших в стране репрессий 1930-1950-х гг. С сентября 1987 г. начала работу Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930-40-х и начала 1950-х гг., которую возглавил сначала М. С. Соломенцев, а затем А. Н. Яковлев. Информация о массовых нарушениях законности, о произволе и жестокости одних и трагических судьбах других выплеснулась на страницы публицистической печати. Газеты и журналы буквально захлестнула волна материалов о репрессиях, о судьбах людей в рамках проявлений сталинизма[34]. Материалы для СМИ и историков предавались гласности в результате развертывания деятельности реабилитационных комиссий в центре и на местах.

Что касается утверждения идей советской власти в сознании членов общества с помощью социальной политики (бесплатное образование, медицинское обслуживание и т. д.), то на эту тему было написано большое количество работ[35]. В них справедливо говорилось об успехах советской власти на протяжении всего времени её существования.

Во время перестройки (1985-1991) был подготовлен следующий этап историографии, связанный с политикой гласности. Давалась резкая критика советского периода отечественной истории[36]. Начало положили публицисты, впоследствии включились историки. Сегодня критика по сравнению с 1990-ми гг. начинает несколько смягчаться. Но эта тенденция к смягчению находит

Сенюткина, О. Н. Единовременный налог на богатых (проявление репрессивной политики рождающихся органов советской власти в Нижегородской губернии весной 1918 г.) / О. Н. Сенюткина, М. Ю. Царев. – Н. Новгород: Мост (Язык и культура), – 2004. – № 13. – С. 52-57.

[34] См. перечень газетных статей этого периода в разделе данной диссертации «Источники».

[35] Достижения советской власти за 40 лет в цифрах / ред. Э. С. Софиев – М.: Государственное статистическое издательство, 1957. – 370 с.; Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. – М.: Политиздат, 1983. – 237 с.; Фортунатов В. В., Шестакова Р. В. Интеллигенция помощник рабочего класса в построении социализма в СССР. – Л.: ЛГПИ, 1984. – 135 с.

[36] Капица П.Л. Письма о науке. 1930-1980. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 399 с.

отпор в обществе[37]. Этот этап в развитии историографии рассматриваемой темы открыл новые возможности для рассмотрения избранной нами проблематики. Прежде всего: для оценки той роли, которую сыграла идеология марксизма-ленинизма в трансформации сознания людей и создании советской общности – советского народа, а также для изучения трагических последствий тех радикальных механизмов, которые использовались спецслужбами для утверждения советских идей по отношению к противникам.

Учитывая огромный историографический пласт по интересующей автора проблематике, сознательно сузим его до совокупности основных работ, позволяющих помочь диссертанту в анализе его собственной источниковой базы. Что абсолютно не означает, что диссертант не придает значения многочисленным историческим трудам, считая их базовой основой для понимания процессов отечественной истории.

Современная российская историография подробно рассматривает проблему взаимодействия вузов и власти учеными в этот период начинает на различных *хронологических* отрезках. В рамках более длительных временных периодов исследование высшего образования проводили, например, Л. И Анайкина[38] и О. П. Шушарина[39]. Интерес представляют и многочисленные работы подробно описывающие интересующие диссертанта процессы на определенных этапах советской истории. С историографической точки зрения динамику оценочных характеристик сложно назвать однолинейной. Она складывается из периодов обращения историков к негативным моментам взаимодействия власти и общества (иногда

---

[37] Открытое письмо академиков РАН с критикой директора ФСБ за слова о чекистах и «перегибах» в годы репрессий [Электронныйресурс] / Медиазона. – Режим доступа: https://zona.media/news/2017/12/22/pismo-akademikov

[38] Анайкина Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР, 1922 – 1991 гг.: дисс. … д. и. н.: 07.00.02 / Лидия Ивановна Анайкина. – М., 2002. – 326 с.

[39] Шушарина О. П. Государственная политика в сфере высшего образования в 1953 – 2003 гг.: тенденции, проблемы, противоречия: на материалах Российской Федерации: дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Ольга Петровна Шушарина. – М., 2002. – 449 с.

их замалчиванием), а на параллелях к возвеличиванию советского эксперимента по построению социализма и коммунизма[40].

Более узкие хронологические отрезки рассматриваются в рамках отдельных ярко выраженных периодов отечественной истории.

Период становления советского государства и анализ исторических событий 1920-1930-х гг. показан как сложный многосторонний процесс, неподдающийся однозначным оценкам. В первое десятилетие после октябрьского переворота 1917 г. вузовская и научная интеллигенция стала объектом политического («красного») террора[41]. Плачевное положение высшей школы усугублялось разрухой в стране. Часть работ рассматривает вузовскую интеллигенцию в качестве «третьей силы» в начале 1920-х гг.[42]. Интеллектуальная элита пыталась сформировать программы трансформации общества, включающие концептуальные представления о социуме и стратегии развития. Обосновывается, что основанием для выступления интеллигенции в роли «третьей силы» было то, что разворачивался процесс некоторой переоценки ценностей при переходе к нэпу.

Из последних научных работ в контексте взаимодействий власти и общества интересен третий выпуск сборника научных статей «Нижегородский краевед»[43], и особенно его блок, посвященный событиям 1917 г. Период гражданской войны нашел отражение в сборнике статей

---

[40] Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Книга вторая. / сост. В. А. Казаков, В. П. Фадеев, – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1977. – 334 с.; Михеенков Е. Г. Вузовская интеллигенция города Томска в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 -конец 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. –Томск, 2004. – С. 17.

[41] Хоменко Е. В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве: октябрь 1917 – конец 1920-х гг.: дисс. ... к. юр. н: 12.00.01. / Елена Викторовна Хоменко. – Н. Новгород, 2006. – 256 с.

[42] Орлов С. Б. Интеллигенция как мифологический феномен // Социологические исследования. – 2001. – № 11. – С. 57.; Казанин И. Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (окт. 1917-1919 г.) // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. «Правоведение». – СПб., 2000. – № 5. – С. 198-214.

[43] Нижегородский краевед: сб. научных статей. / Сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. – Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. – № 3. – 256 с.

по итогам научной конференции, посвященной 100-летию российских революций[44].

Показано, что переход к НЭПу предотвратил гибель российского высшего образования. В то же время отступление от принципов военного коммунизма в экономике сопровождалось беспощадным подавлением любых оппозиционных настроений. Анализу подвергнуты механизмы «перехода» научной интеллигенции к новым советским правилам и ритуалам. Рассматриваются обстоятельства репрессивной операции, получившей в отечественной истории название «философский пароход». Анализируется численность преподавателей вузов и студентов накануне начала индустриализации страны[45].

1930-е гг. – время жесткой идеологической борьбы с многочисленными тяжелыми последствиями как для страны в целом, так и для отдельных категорий граждан. Высшая школа и вузовская интеллигенция представляет собой один из важнейших институтов, деятельность которого направлена на формирование научных, идейных, культурных ориентаций в обществе. Этим объясняется самое пристальное внимание политической власти к системе высшего образования[46]. Приводится ряд примеров, доказывающих, что изменения социального порядка привели к появлению новых социально-культурных практик, используемых научной интеллигенцией. Причинами появления новых социально-культурных практик, порой совершенно

---

[44] Сенюткина О. Н. Насилие как атрибут установления диктатуры пролетариата (на материалах Нижегородской губернии) / О. Н. Сенюткина // Власть и общество. Уроки истории. К 100-летию революции в России. – М.: ГУ тип. МГПУ, 2017. – 388 с. – С. 159-166.

[45] Лапко А. Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток//Успехи математических наук. 1972. Т. XXVII. – №6 (168). – С. 5-23.; Сафразьян Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921-1927). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. – 158 с.

[46] Красильников С. А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке: (Дискус. заметки)//Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1998. – 80 с. – 42 С.

несвойственных дореволюционной научной интеллигенции, были адаптация и желание сохранить целостность ученого сообщества.

Другим источником новых исследований на тему интеллигенции являются работы, выполненные при участии Ивановской школы интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Журнал «Интеллигенция и мир», издающийся с 2001 г., содержит огромное количество разноплановых материалов, освещающих различные стороны жизни интеллигенции в отечественной истории.

Сегодня отечественная историография политических репрессий в СССР продолжает пополняться новыми трудами, анализирующими суть процессов, проходивших в конце 1910-х – начале 1990-х гг., в том числе и на Нижегородской земле[47]. Это подтверждает наличие общественного интереса к указанной тематике в условиях формирования гражданского общества России.

Тема политических репрессий начала широко обсуждаться на научных конференциях[48], нашла отражение в СМИ[49], включение в учебные планы и программы учебных заведений.

---

[47] Общество и власть. Российская провинция [Текст]: 1917-1980-е годы (по материалам нижегородских архивов). В 3-х т. Т. 1. Общество и власть. Российская провинция: 1917 – середина 30-х гг. / Редкол. т.: А. А. Кулаков, Ж.-П. Депретто (отв. ред.) и др.; Сост.: А. А. Кулаков, Л. П. Колодникова, В. В. Смирнов. – ИРИ РАН – М.; Н. Новгород; Париж: ИРИ РАН, 2002. – 635 с.; Политические репрессии в Нижегородской области: (1917-1953) / Беляков А., Дёгтева О., Сенюткина О., Смирнов С.; сост. и отв. ред. С. А. Смирнов. – РИГ «Отчина» – Н. Новгород, 2016. – 293 с.

Частично лакуна была закрыта анализом ситуации репрессий по отношению к имамам, сделанным О. Н. Сенюткиной. См.: Сенюткина, О. Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей) / О. Н. Сенюткина, Ю. Н. Гусева; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2013. – 232 с.

[48] Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы II региональной научной конференции. – Краснодар, 2004. – 249 с.; Абросимова, Л. В. Работа ЦАНО по выявлению и обработке документов, служащих основанием для канонизации мучеников-жертв политических репрессий в Горьковской области в 1930-40-х гг. XX в. / Л. В. Абросимова // Сборник докладов Международной научно-практической конференции «Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри». – Саратов, 2003. – 416 с.

[49] Андрюшина Л. Под этим камнем лежит мой отец // Нижегородская правда. – 1994. – 8 сентября.; Аничкова Н. 14 тысяч изломанных судеб // Нижегородские новости. – 1998. – 17 апреля. – С. 1.; За то, что отец был немец // Нижегородский рабочий. – 1994. – 23 июня. – С.

Широкий пласт исследований посвящен анализу восприятия фронтовой повседневности представителями советской вузовской интеллигенции, служившими в Красной Армии в 1941-1945 гг. Основными проблемами выделяются организация быта, досуга и специфика человеческих отношений в экстремальных условиях тотальной войны в рамках милитарного социума. Значительный пласт работ посвящен трудовому и ратному подвигу профессорско-педагогического состава советских вузов. Исследования основывается на документальных источниках, мемуарах и дневниках участников Великой Отечественной войны[50]. В частности, в своей диссертации М. Р. Круглянский[51], опираясь на законодательные источники (декреты и др.)

7.; Давыдов М. Чтобы не повторилось // Перекресток России. – 1994. – 16 сентября.; Киселев С. В. Жертвам «красного колеса» // Нижегородский рабочий. – 1994. – 6 сентября. – С. 3.; Малинина А. Памяти репрессированных // Город и горожане. – 1998. – 29 января. – С. 13.; Надеин В. Память, которая всегда с нами // Нижегородские новости. – 1995. – 31 октября.; Пекарский А. Я словно роюсь в собственной могиле дрожащими и грязными руками // Город и горожане. – 1994. – № 75. – С. 1.; Помним всех поименно // Биржа плюс карьера. – 1998. – № 7. 25 февраля. – С. 30.; Прошельцева С. Они тоже искали врагов и сами стали врагами // Нижегородский рабочий. – 1997. – 29 мая. – С. 9.; Пудалов Б. М., Логачёва Н. Е. Дело №21587…// Нижегородская правда. – 1998. – 28 февраля. – С. 2.; Реабилитированная память // Дело. – 1994. – № 38. – С. 8.; Хазанов М. Багровый след //Нижегородский рабочий. – 1991. – 27-30 августа. – С. 6.; Шимоволос С. Лучше поздно, чем никогда // Нижегородские новости. – 1996. – 17 февраля. – С. 2.; Шишов А. И дружба, и кровь… // Частная собственность. – 1993. – № 1. – С. 25-26.

[50] Дунаевская И. М. От Ленинграда до Кенигсберга: Дневник военной переводчицы (1942-1945). – М.: РОС-СПЭН, 2010. – 428 с.; Писаренко И. С. Законодательное регулирование развития советской высшей школы в годы Великой Отечественной войны / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jeducation.ru/5_2003/99.html; Ровный Б. И. Особенности разработки и реализации политики Советского государства в сфере образования в годы Великой Отечественной войны: 1941 – 1945 гг.: дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Борис Игоревич Ровный. – М., 2004. – 359 с.; Малхасян Н. В. Государственное руководство системой народного образования в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Надежда Вадимовна Малхасян. – Кострома, 2011. – 215 с.

[51] Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. … к. и. н.: 07.00.02. / М. Р. Круглянский. – М., 1970. – 21 с.; Кабакова, Н. В. Повседневность экстремального времени: условия труда преподавателей СибАДИ в начальный период Великой Отечественной войны (1941 год) / Н. В. Кабакова // Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, новации: материалы Международной научно-практической конференции. – Омск: СибАДИ, 2016. – С. 1131-1136.; Емельянов, Б. В. Кампания борьбы с космополитизмом 1948 г. в оценке З. А. Каменского / Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв. и реализация путей общественного развития // Материалы науч. конф., 28-30 мая 2004 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2004. – С. 129.

советской власти, прослеживает историю советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны.

Последний значительный пласт работ посвящен трансформационному периоду в конце советской эпохи[52]. Предпринимаются попытка исследовать изменения во взаимоотношениях профессорско-педагогического состава и сотрудников вузов и государства в годы перестройки. Даются характеристики культурной атмосферы тех лет, образа жизни, определяются основные болевые моменты модернизационного процесса в образовании.

Помимо роста числа точечных хронологических работ в современной историографии важно отметить и рост исследований, посвященных *территориальному* изучению проблем вузовской интеллигенции и системы высшего образования[53]. Исследования как регионального, так и городского

---

[52] Алехина Л. С. Высшая школа в период трансформации российского общества во второй половине 80-х – 90-е годы XX века: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Любовь Сергеевна Алехина. – Иркутск, 2002. – 236 с.; Белоножкин А. С. Реформирование системы высшего образования в СССР (1985 – 1991 гг.): дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Александр Сергеевич Белоножкин. – М., 2006. – 190 с.; Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х -середина 60-х гг. XX в.). – Иркутск: изд. Ирк. ун-та, 1998. – 294 с.; Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946-1964 гг. (На материалах Западной Сибири): В 2 ч. – Омск: СибАДИ, ч. 1. 2001. – 223 с.; Шноль С. Э. Герои и злодеи российской науки. – М.: КРОН-пресс, 1997. – 463 с.

[53] Артамонова Н. Я. Источники изучения проблемы интеллигенции Восточной Сибири (1917 г. середина XX в.) // Гуманитарные науки. Сборник статей. Вып. 10. – М., 2000. – С. 22-31.; Базарова Г. Д. Формирование и развитие научной интеллигенции Бурятии (1922-1985 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1998. – 21 с.; Волкова Т. А. Развитие высшего образования в восточных районах Республики Татарстан в 1990-е гг.: автореф. дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Тамара Анатольевна Волкова – Казань. 2002. – 25 с.; Калашников Е. В. Деятельность партийно-государственных органов Архангельской области в сфере народного образования накануне и в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Евгений Владимирович Калашников. – Архангельск, 2000. – 201 с.; Кононенко В. М. Развитие высшего образования на Юге России: 20 – 90-е гг. XX века: автореф. дисс. ... д. и. н: 07.00.02 / Виктор Михайлович Кононенко. – Ставрополь, 2006. – 46 с.; Осяева О. Н. Система образования в Мордовии и ее роль в социокультурной жизни региона: 1941 – 1955 гг.: дисс. ... к. и. н: 07.00.02 / Ольга Николаевна Осяева. – Саранск, 2007. – 201 с.; Казарин В. Н. Педагогическая и научная интеллигенция Восточной Сибири: формирование, облик, деятельность. Вторая половина 40-х середина 60-х гг. XX в.: автореф. дис. канд. ист. наук. – Иркутск, 1998. – 22 с.; Шатохин И. Т. Провинциальная интеллигенция России в конце XIX начале XX вв. (По материалам Курской губернии.): автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1999. –16 с.; Кирсанова Н. Я. Идеологические кампании 1947-1953 годов в системе высшего образования Мордовии: статья / Н. Я. Кирсанова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 177-182.; Хаминов Д. В. Историческое образование и историческая наука в Сибири под давлением

уровня, и уровня отдельных вузов на различных этапах советской истории, позволяют ввести в научный оборот новые архивные материалы, анализирует основные направления исследовательской работы в институтах регионов, важнейшие разработки вузовских ученых, способствовавшие техническому и научному прогрессу.

Интересны труды, освещающие специфику профильного высшего образования в регионах страны в советский период. Различные аспекты научной деятельности высших учебных заведений в регионах СССР по техническим, естественно-научным, гуманитарным направлениям на различных этапах отечественной истории раскрываются в работах Ю. С. Воробьевой[54] А. В. Дружкина[55], Н. Т. Ерегиной[56], М. А. Кожевиной[57], Е. В. Лебедева[58], Ю. П. Лякутина[59], Г. В. Макарция[60], А. В. Николаева[61],

---

идеологических кампаний послевоенного сталинизма / Д. В. Хаминов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 4. – С. 236-237.; Сизов С. Г. Идеологические кампании 1947-1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 95-103.; Еремеева А. Н. Провинциальный учёный в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед Западом / Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв. и реализация путей общественного развития // Материалы науч. конф., 28-30 мая 2004 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2004. – С. 71.

[54] Воробьева Ю. С. История развития общественного высшего образования в России, 1900-1917 гг.: автореф. дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Юлия Семеновна Воробьева – М., 1995. – 34 с.

[55] Дружкин А. В. Аграрный университетский комплекс в системе высшего профессионального образования России: автореф. дисс. ... д. пед. н.: 13.00.08 / Александр Васильевич Дружкин. – Тольятти, 2002. – 44 с.

[56] Ерегина Н. Т. Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.: дисс. ... д. и. н.: 67.00.02 / Наталья Тимофеевна Ерегина – Санкт-Петербург, 2010. – 650 с.

[57]Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование: 1918 – 1991 гг.: автореф. дисс. ... д. юр. н.: 12.00.01 /Марина Анатольевна Кожевина. – М., 2005. – 54 с.

[58] Лебедева Е. В. Развитие науки в Поволжье в 1917 – первой половине 1920-х гг.: на материалах Казанского, Саратовского, Самарского университетов: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Екатерина Васильевна Лебедева. – Самара, 2002. – 270 с.

[59] Лякутина Ю. П. История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири: 1918-1991гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Юлия Павловна Лякутина. – Иркутск, 2002. – 250 с.

[60] Макарция Г. В. Теория и практика управления системой коммунистического воспитания будущих специалистов в советской высшей школе развитого социалистического общества: дисс. ... д. философ. н.: 09.00.02 / Геннадий Валерианович Макарция. – Тбилиси, 2002. – 417 с.

[61] Николаев А. В. История становления и развития физической подготовки в военно-учебных заведениях России во второй половине XIX-начале XX в: автореф. дис. ... к. и. н.: 07.00.02 / Александр Валентинович Николаев. – М., 2002. – 184 с.

Д. В. Хаминова[62], М. Н. Черновой[63], А. В. Чистовой[64], Г. А. Широкова[65] и др. Особое внимание в данных исследованиях уделяется значению региональных особенностей функционирования вузов, их научным достижениям, некоторым аспектам взаимоотношений внутри научного сообщества.

С точки зрения изучения высшего исторического образования, значительный интерес представляет диссертационная работа К. А. Ушмаевой[66], в которой автор подробно анализирует основные тенденции и особенности трансформации высшего исторического образования в России в 1920-е – 1990-е гг.

В частности, автор описывает процесс становления и развития преподавания истории в высших учебных заведениях СССР, анализирует особенности образовательной политики и финансирования системы образования в указанной области, разрабатывает оригинальный подход к оценке общественной обстановки и условий, в которых происходило научное творчество историков. Кроме этого, автор анализирует состояние изучения исторических дисциплин в вузах и изменение в методических и теоретических подходах, как к изучению, так и к преподаванию исторических дисциплин в СССР.

Немногочисленные исследователи обратились к истории лингвистического образования советского периода в целом. Так, Л. А. Дейкова в своих работах предлагает краткую характеристику основных нормативных

---

[62] Хаминов Д. В. Историческая наука и образование в Томском университете (конец XIX в. – 1991 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / Дмитрий Викторович Хаминов. – Томск, 2010. – 30 с.

[63] Чернова М. Н. История Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, 1933 – 1960 гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Марина Николаевна Чернова. – М., 2003. – 333 с.

[64] Чистова А. В. МГПИ имени В. И. Ленина в системе высшего педагогического образования СССР в 60 – 70-е гг. XX века.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Анна Владимировна Чистова. – М., 2002. – 202 с.

[65] Широков Г. А. Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Геннадий Афанасьевич Широков – Самара, 2002. – 485 с.

[66] Ушмаева К. А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России (20–90-е гг. XX века): дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Ксения Алексеевна Ушмаева. – Пятигорск, 2011. – 562 с.

документов, регулирующих систему высшего лингвистического образования в пределах Советской России и соответствующих нормативам учебно-методических программ советского периода. Впервые ею приводится список открытых советской властью учебных заведений и курсов, в которых велось преподавание иностранных языков[67].

А. М. Фирсова в своем диссертационном исследовании также сопоставляет статусное состояние иностранных языков в жизни общества и заключает, что главенствующее положение на определенный период времени того или иного европейского языка объяснялось, прежде всего, экономическим и историческим фоном развития цивилизации[68].

Наиболее широкой в хронологическом плане (1917-1970 гг.) работой, освещающей историю педагогического образования в СССР, а также перспективу его развития в 1970-е гг., является работа Ф. П. Паначина[69]. Автором книги представлен внушительный фактический материал, охватывающий указанный период. В качестве несомненного достоинства данной работы стоит выделить включение в него различных статистических данных.

Следует отметить ряд работ, посвященных становлению школьного и высшего педагогического образования на Нижегородчине (Н. В. Быстрова[70],

---

[67] Дейкова, Л. А. Становление и развитие иноязычного лингвистического образования в вузах России: историко-теоретический аспект: … дисс. к. пед. н.: 3.00.01 / Людмила Александровна Дейкова – Ульяновск, 2011. – 26 с.; Дейкова, Л. А. (Черненькова) Эволюция преподавания иностранных языков в России конца XIX – начала XX вв. // Актуальные проблемы образования в России и за рубежом: лингвистический, методический, педагогический аспекты: Материалы международной научно-практической заочной конференции. Редкол.: Л. А. Иванова, Т. А. Полуянова. – Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т, 2013. – 178 с.

[68] Фирсова, А. М. История преподавания иностранных языков в России XIX-начала XX веков: Монография / А. М. Фирсова. – Н. Новгород: ННГАСУ ГХИ, 2008. – 148 с.; Фирсова А. М. Культурно-исторические проблемы лингвообразования в России: дисс. ... д. пед. наук: 13.00.01 / Анна Михайловна Фирсова. – Н. Новгород, 2009. – 315 с.

[69] Паначин Ф. П. Педагогическое образование в СССР: важнейшие этапы и современное состояние: монография / Ф. П. Паначин. – М.: Педагогика, 1975. – 224 с.

[70] Быстрова, Н. В. Становление и развитие школьной системы образования в Нижегородской губернии в 1917 – 1930 гг.: автореф. дисс. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Наталья Васильевна Быстрова – Н. Новгород, 2001. – 23 с.

С. В. Симановский[71]). Определенный интерес для нашего исследования представляет также работа И. А. Зверевой[72]. Хронологические рамки этого труда включают 1996 – 2003 гг., но в работе присутствует небольшой фрагмент, рассматривающий становление высшего профессионального образования Нижегородской области в XX веке.

Диссертационное исследование Г. А. Казанцевой описывает становление и развитие инженерно-педагогического образования в Нижегородской области[73]. Становлению ННГУ посвящена монография А. Ф. Хохлова[74]. Среди работ, раскрывающих разные аспекты в деятельности вузов Нижегородской области, стоит отметить статьи Е. А. Слепенковой (о НИРС Горьковского педагогического института в советский период[75]) и Н. Ю. Стоюхиной (о психологическом образовании в Нижнем Новгороде в начале XX в.[76]).

Исследование особенностей развития советской высшей школы и науки в период тоталитаризма проведено И. В. Берельковским на материалах

---

[71] Симановский, С. В. Развитие высшего педагогического образования в Нижегородском Поволжье в 30-е гг. XX века: дисс. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Станислав Вилленович Симановский – Н. Новгород, 2003. – 149 с.

[72] Зверева, И. А. Организационно-педагогические основы регионализации высшего профессионального образования (на примере Нижегородской области): автореф. дисс. ... к. и. н.: 13.00.01 / Ирина Альбертовна Зверева. – Н. Новгород, 2003. – 26 с.

[73] Казанцева, Г. А. Становление и развитие инженерно-педагогического образования в Нижегородской области: дисс. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Галина Алексеевна Казанцева. – Н. Новгород, 2007. – 182 с.

[74] Хохлов, А. Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: Монография. – Н. Новгород: ННГУ, 2001. – 377 с.

[75] Слепенкова, Е. А. Системы научно-исследовательской работы студентов в Нижегородском (Горьковском) педагогическом институте в Советский период / Е. А. Слепенкова / Вестник Нижегородского образования. – Н. Новгород.: 2011, №2. – С. 142-148; Слепенкова, Е. А. Становление и развитие педагогической научно-исследовательской работы деятельности будущего учителя отечественной школы в XX в.: Монография. – Н. Новгород: Из-во. НГПУ, 2008. – 248 с.

[76] Стоюхина, Н. Ю. Психологическое образование в Нижнем Новгороде в начале XX в. / Н. Ю. Стоюхина / Вестник Нижегородского образования. – Н. Новгород: 2013. №3. – С. 232 – 238; Стоюхина, Н. Ю. Деятельность нижегородских психологов в 1920–1930 гг. / Н. Ю. Стоюхина /Вестник Нижегородского образования. – Н, Новгород: 2013. №2. – С. 206-212.

Горьковской области, прежде всего, с привлечением документов по истории НГПИ[77].

К изучению историко-педагогических основ преподавания иностранных языков в России обратилась в своей диссертационной работе Л. Ю. Никшикова[78]. Исследователь рассматривает педагогические аспекты истории преподавания европейских иностранных языков в российском образовании в XIX – начале XX вв., в том числе на основе материалов Нижегородской области.

Деятельность Нижегородского иняза, его факультетов, кафедр и отдельных сотрудников находит отражение в ряде работ. Отметим статьи, посвященные профессиональной деятельности сотрудников иняза[79]. Отдельных слов заслуживает работа О. Н. Сенюткиной. Кроме того, что ею был собран и структурирован Архив Музея НГЛУ, её авторству также принадлежит ряд трудов, посвященных истории вуза. В частности, статья «Нижегородский лингвистический университет: начало истории. 1917–1922», в которой описан

---

[77] Берельковский, И. В. Советская научно-педагогическая интеллигенция и идеология тоталитаризма в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Борьба с инакомыслием (По материалам Нижегородской губернии – Горьковской области) / И. В. Берельковский. – М.: МГГУ; Н. Новгород: НГПУ, 2007. – 189 с.

[78] Никшикова, Л. Ю. Историко-педагогические основы преподавания иностранных языков в России XIX − начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 – Н. Новгород, 2007. – 217 с.

[79] Загрекова Л. В., Кильянова Л. В. Деятельность кафедры педагогики Горьковского педагогического института в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Загрекова, Л. В. Кильянова / Вестник Нижегородского образования. 2015. – №1. – С. 168-173.; Филичева Н. И. Николай Сергеевич Чемоданов /Проблемы общего и германского языкознания. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 184 с.; Юрлова Н. А. Ученый, педагог и организатор иноязычного лингвистического образования. К 60-летию со дня рождения А. Н. Шамова / Н. А. Юрлова // Вестник Нижегородского образования. 2012. – №3. – С. 207-210.; Каспранский Р. Р., Рябов Г. П. Юрий Максимович Скребнев /Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: ГГПИИЯ, 1982. – С. 3-5.; Кирнозе З.И. Воспоминания /Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. – Н. Новгород, 1999. – №2. – С. 187-188.; Сапожникова О. С. В. Е. Ярнатовская – филолог, учитель, человек / Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. – Н. Новгород, 1999. – №2. – С. 172-186.

момент зарождения Нижегородского иняза – создание в 1917 г. курсов иностранных языков под руководством М. М. Ландау и их деятельность[80].

Отметим также небольшие по объему издания, выходившие к юбилеям Нижегородского иняза: в 1978, 1987, 2007, 2012 и 2017 гг.[81]. Краткие сведения по истории НГЛУ представлены на официальном сайте вуза[82].

Историографический обзор, сделанный диссертантом, убеждает в том, что назрел момент комплексного подхода к анализу идеологического дискурса взаимодействий власти и вузовской интеллигенции. Нужно содержательное заполнение той лакуны, которая образовалась в результате изменения позиций самой власти по поводу собственных действий в отношении системы высшего образования. Без сомнения, проведенный анализ исторической литературы показал, что указанные труды оставляют место для дальнейшего изучения проблемы, избранной диссертантом. Рассмотрим возможности исторических источников для намеченных действий.

Источниковая база диссертации. Источники, на которых основывается данная работа, не только являются носителями разнообразной информации об окружающей действительности: они способствуют пониманию сути исторического времени в меняющихся условиях общественной жизни. По мнению И. Д. Ковальченко, исторический источник позволяет не только верифицировать и фиксировать те или иные факты, но и выявлять причинно-

---

[80] Сенюткина, О. Н. Нижегородский лингвистический университет: начало истории. 1917-1922 / О. Н. Сенюткина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород.: 2011. Выпуск 15. – С. 229-243.

[81] Университет, рожденный Октябрем. 1918-1978. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. – 192 с.; Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с.; Университет, сближающий культуры мира. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 1917-2007. – Н. Новгород, 2007. – 176 с.; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова 95 лет. Традиции, инновации, успешное будущее. – Н. Новгород, 2012. – 102 с.; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 100 лет на службе Отечеству. Страницы истории. 1917-2017. – Н. Новгород: Радонеж, 2017. – 88 с.

[82] Сайт НГЛУ им. Н. А. Добролюбова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lunn.ru/sveden/history. Аналогично с краткой историей Московского лингвистического университета можно ознакомиться на официальном сайте МГЛУ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.linguanet.ru/ob-universitete/

следственные связи, исследовать закономерности исторического развития в их индивидуальной образности[83].

В ходе исследования был проработан широкий спектр разнообразных источников, которые можно представить в виде совокупности четырех групп: законодательные и нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения.

Первая группа включает разнообразные **законодательные и нормативно-правовые акты** союзного и местного уровня. Это опубликованные документы и материалы, включающие законодательные и партийно-правительственные декреты, положения, постановления и распоряжения различных органов власти, затрагивающие как систему высшего образования, так и другие стороны жизни. В эту же группу включаем партийные документы, соглашаясь при определении их статуса в системе источников права с доктором юридических наук С. В. Коданом, что «идеологическими источниками права выступали работы лидеров коммунистической партии, программные документы и решения партийных органов, которые определяли идеологические и политические направления, стратегические и тактические задачи развития советского общества»[84]. С. В. Кодан справедливо отметил, что «юридическими источниками права выступали нормативно-правовые акты – советское законодательство, конституция, законы и подзаконные акты, служащий важнейшим инструментом трансляции в общество на нормативно-правовом уровне идеологии и политических решений КПСС»[85]. А «связующим звеном между идеологическими и юридическими источниками права выступали совместные постановления коммунистической партии и советского государства»[86].

---

[83] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 435 с.

[84] Кодан С.В. Партийные документы в системе источников изучения истории советского права //Электронный ресурс Интернет / https://cyberleninka.ru/article/v/partiynye-dokumenty-v-sisteme-istochnikov-izucheniya-istorii-sovetskogo-prava

[85] Там же.

[86] Там же.

Уровень СССР

Документы и материалы Министерства высшего образования СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР, Государственного Комитета СССР по народному образованию позволяют реконструировать путь становления высшего лингвистического образования в СССР, и в том числе путь формирования преподавательского состава вузов, сформировавших класс вузовской интеллигенции. Данные документы предоставляют обширный материал для анализа особенностей общественно-политической обстановки страны, влиявших на жизнь вуза. Возникает возможность конструирования пострадавшего от революции и гражданской войны вузовского пространства, создания картины быта преподавательского и студенческого состава, формирования вузовских коллективов, подготовки учебных планов и программ, развития научной деятельности.

Уровень РСФСР

При написании диссертационной работы использовались документы Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос) (1917-1946 гг.), Министерства просвещения РСФСР (Минпрос) (1946-1988 гг.) и Министерства народного образования РСФСР (Минобр) (1988-1991 гг.). Именно указанные структуры контролировали сферу государственного высшего образования на всем протяжении советской истории.

Материалы Минпроса РСФСР и Минобра РСФСР дают представление о политике в области высшего образования в целом, и профессорско-преподавательского состава в частности. Следует отметить документы и материалы Всесоюзного комитета по высшей школе при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР (1936-1946 гг.) о введении единых учебных планов и программ, системе штатных преподавателей, об изменениях в сфере присуждения ученых степеней и званий, о первых шагах такого института как аспирантура и создании Всесоюзного фонда диссертационных работ (1944 г.).

Были проанализированы материалы Государственного учёного совета (ГУС) как руководящего научно-методического органа Наркомпроса (1919-

1933 г.). ГУС утверждал учебные планы, программы и учебные пособия для начальной, средней и высшей школы, а также преподавателей вузов.

Кроме того, определенный интерес представили материалы Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука) (1921-1930 гг.), который был сформирован в составе Академического центра Наркомпроса. В числе этих материалов выделим Постановление СНК об утверждении «Положения о высших учебных заведениях РСФСР» от 10 ноября 1931 г.[87], давшее начало созданию стабильной системы высшего образования в стране.

Вторая группа состоит из **материалов официального делопроизводства**. Среди материалов органов образования, следует отметить наличие объемного массива официальных неопубликованных документов, впервые введенных диссертантом в научный оборот. Большое значение для данного исследования имела работа в Центральном архиве Нижегородской области (далее – ЦАНО), содержащего как делопроизводственные документы органов управления образованием, так и документы высших учебных заведений, в том числе материалы деятельности Нижегородского иняза.

Диссертантом изучены, хранящиеся в ЦАНО, материалы фондов Горьковского педагогического института иностранных языков (Ф. Р-2595), Горьковского педагогического института им. А.М. Горького (Ф. Р-2734), Сормовского педагогического института (Ф. Р-3007), Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Ф. Р-377), Горьковского политехнического института им. А.А. Жданова (Ф. Р-2464). Некоторые копии документов из этих фондов хранятся в Архиве Музея НГЛУ. Кроме документов ЦАНО, диссертантом были задействованы другие источники из Архива НГЛУ (в оригиналах), а также материалы Архива Музея НГЛУ (в оригиналах и копиях).

---

[87] Деркет СНК РСФСР от 10 ноября 1931 г. «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1350.htm

Наиболее часто встречающиеся виды делопроизводственных документов, содержащие большой фактический материал по теме диссертации:

- учебные планы и программы языковых специальностей разных лет, позволяющие проанализировать изменения в содержании лингвистического образования: количество и наименование учебных курсов, их объем, формы отчетности;
- штатные расписания преподавателей, помогающие реконструировать количественный и качественный состав педагогов: уровень образования, возраст, наличие ученой степени и звания, научный и педагогический стаж, партийность, объем учебной нагрузки, размер заработной платы;
- протоколы заседаний органов управления образованием, ученых советов вузов, языковых и иных кафедр, раскрывающие векторы изменений вузовского пространства;
- приказы руководства учебным заведением, позволяющие выделить наиболее значимые вехи в истории вуза;
- личные дела членов коллектива иняза, дающие возможность проследить судьбы людей, учившихся и работавших в инязе, уточнить детали из истории коллектива.

Документы, сконцентрированные в Архиве НГЛУ и в Архиве Музея НГЛУ, кропотливо обрабатываются и систематизируются. Однако, далеко не все из них изучены до конца и полностью. Следует добавить, что пока фонды этих архивов не каталогизированы, диссертанту приходится ссылаться лишь на сами хранилища, как таковые, а не на соответствующие фонды, описи и дела.

Особое место в источниковой базе диссертации занимают материалы спецорганов и материалы органов образования. Среди материалов спецорганов выделим циркуляры, инструкции и другие нормативные материалы ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Особенно отметим отчеты о деятельности Нижегородской ГубЧК, отложившиеся в фонде 1099 (Нижгубчека) ЦАНО[88], позволившие детально

[88] ЦАНО. Ф. Р-1099. Оп. 1. Д. 2. Л. 20, 24-24 об. и др.

реконструировать уровень противостояния и конфликтности власти и общества в годы гражданской войны. Следующий важный пласт документов спецструктур охватывает период репрессий, захвативший и преподавателей вуза, и студентов, значительно повлиявший на дальнейшую внутреннюю и внешнюю политику вуза.

Переломным моментом в развитии историографии исследуемой проблемы было принятие ряда документов[89], позволивших шире взглянуть на проблему политического произвола. Только хронологически, согласно Закону, история политических репрессий стала рассматриваться с ноября 1917 г. Последовавшие исследования и опубликованные своды документов обозначили основные вехи реабилитационной политики союзных и российских властей касающихся жертв сталинизма: 1956-1962 гг., 1987-1989 гг.[90]. Кроме того, выделили две волны политических репрессий в Горьковской области в 1930 – начале 1950-х гг.: с 1936 г. по май 1937 г. и с июня 1937 г. по 1940 г. Авторами проведен сопоставительный анализ появления некоторых нижегородских политических дел, причем упор сделан на преследование горьковчан-коммунистов, прежде всего по делам троцкистско-зиновьевского блока и антипартийной группы правых в сравнении с процессами над «врагами народа», которые готовились в Москве. Интересен материал о реакции

---

[89] Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/

Указ Президиум Верховного совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов» / Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15404.htm

[90] Забвению не подлежит: Неизвестные страницы нижегородской истории (1918-1984) Кн. 2. / Сост. Л. П. Гордеева, В. А. Казаков, В. В. Смирнов. – Н. Новгород: Волго-вятское кн. изд-во, 1994. – 557 с.; Забвению не подлежит. О репрессиях 30-х – начала 50-х гг. в Нижегородской области. Кн. 1. / Сост. А. П. Арефьев, В. А. Казаков, В. В. Смирнов – Н. Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1993. – 368 с.; Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: 9-ти т. Т. 7 / ред. кол.: О. М. Удовина (предс.). – Симферополь: АнтиквА, 2012. — 327 с.; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. – 222 с.

Горьковской парторганизации и представителей общественности на столичные процессы над контрреволюционерами: приветствия приговорам в местной прессе, исключения из партии троцкистов, зиновьевцев и пр.[91].

Третья группа – **периодическая печать**. В ходе исследования были изучены материалы средств массовой информации, отражающие процессы жизнедеятельности в регионе. Для создания общей картины реализации государственной политики в сфере образования интересно обратиться к таким изданиям как: газеты «Правда», «Известия» (ВЦИК, ЦИК, ЦК КПСС), «Учительская газета», журнал «Народное просвещение», «Горьковская коммуна», «Ленинская смена» и др.

Также в ходе исследования были изучены материалы средств массовой информации, отражающие разные стороны жизни иняза. Особое значение имеют материалы газеты «Лингвист», отложившиеся в Архиве Музея НГЛУ. Газета выходила с 1956 г. по 1961 гг. под руководством партийного бюро, комитета ВЛКСМ, профкома, месткома и дирекции ГГПИИЯ. Анализ газетных материалов дает возможность исследования истории иняза в её наиболее значимых проявлениях, понимания влияния идеологии советского времени на преподавательский и студенческий коллектив. Специфика газеты «Лингвист», как «рупора» официальной информации, позволяет выявить дополнительные детали из разносторонней жизни вуза, представляющие интерес в русле данного исторического исследования.

К четвертой группе относятся **источники личного происхождения**.

Воспоминания различных деятелей сферы образования, преподавателей, сотрудников и выпускников иняза занимают важное место в ряду источников данного исследования. Диссертант обратился к ранее не введённым в научный оборот воспоминаниям, проливающим свет на взаимодействия советской власти и вузовской интеллигенции

[91] Забвению не подлежит. О репрессиях 30-х – начала 50-х гг. в Нижегородской области. Кн. 1. / Сост. А. П. Арефьев, В. А. Казаков, В. В. Смирнов – Н. Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1993. – 368 с. – С. 16.

в интересующий его период. Использование опубликованных воспоминаний, хранящихся в Архиве Музея НГЛУ, проведение интервью и консультаций со студентами, выпускниками и преподавателями позволяет более ярко воссоздать атмосферу вузовского пространства, охарактеризовать ключевые события в жизни страны и отношение к ним представителей вуза[92].

Важное место в разделе источников личного происхождение занимает «Архив Хазанова», начавший собираться после XX съезда горьковским журналистом и краеведом М. А. Хазановым. Опираясь на человеческую память, он разыскивал земляков, их родных, записывал рассказы жертв политических репрессий, собирал по крупицам письма из лагерей, дневники репрессированных. «Архив Хазанова», включающий более 1000 кратких биографических справок, был позднее опубликован частично (240 фамилий)[93] и дал основу для первых представлений о масштабах репрессивной политики на Нижегородской земле, которая в том числе коснулась и представителей нижегородской вузовской интеллигенции.

Приведенный анализ имеющейся источниковой базы позволяет утверждать, что выявленных автором исторических источников достаточно для подтверждения или опровержения положений, выносимых диссертантом на защиту. Значительный объем источникового материала, представленный в данном исследовании, вводится в научный оборот впервые, что обуславливает высокую научную новизну диссертации.

Методология исследования основана на сочетании принципов историзма и системности, являющихся первостепенными для когерентного исторического исследования. Немаловажным является и отказ от формационного подхода к пониманию истории. Основанием тому служит критика в его адрес, в частности, из-за «грубого социологизма и детерминизма,

---

[92] См. например, воспоминания В. П. Киселева и В. К. Романовой.

[93] ЦАНО. ФОНД Р-2345. 1915-1992 Хазанов Михаил Абрамович, журналист и краевед. 1868-1992 гг. Опись 1. 402 ед. хр. Документальные повести и воспоминания. Очерки, статьи, заметки. Переписка. Материалы, собранные М. А. Хазановым

примата материального над духовным»[94], а также за попытки «уложить сложный, противоречивый ритм исторического прогресса, отличавшийся самобытностью в судьбах разных стран и народов, в прокрустово ложе догматической схемы»[95].

Историзм, предусматривающий рассмотрение любого явления в эволюции его количественных и качественных изменений, дал возможность выявить общие закономерности и особенности становления и развития слоя вузовской интеллигенции.

Системность, требующая комплексности анализа и выявления взаимосвязей объекта исследования с социокультурными условиями его существования, позволила раскрыть взаимосвязь педагогической и научной деятельности профессорско-преподавательского коллектива вуза с развитием советского государства в целом.

В работе были применены сравнительно-исторический метод, статистический метод и историко-социологический анализ, позволившие раскрыть сущность изучаемых явлений, представить общую картину деятельности вузовской интеллигенции в стране, выявить общее и особенное в её развитии. Кроме этого, данная методика стала основной при определении различных количественных и качественных характеристик: штата иняза, научных исследований, подготовки научных кадров, деятельности преподавателей и студентов. Важным методом исследования явился контент-анализ архивных документов и материалов средств массовой информации. Биографический метод позволил изучить происходившие события через судьбы людей, непосредственно связанных с вузом в рассматриваемый период, что нашло непосредственное отражение в Приложениях. Главным принципом в данной работе является комплексный подход к изучению проблемы.

---

[94] Яковец Ю.В. История цивилизаций. / Ю. В. Яковец. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. – 350 с. – С. 41, 52–53.
[95] Там же.

Положения, выносимые на защиту:

1. За время своего существования коллектив ГГПИИЯ постоянно совершенствовал формы своей деятельности, определяющиеся в большей степени меняющейся обстановкой в стране. Так, в 1917-1922 гг. частные курсы иностранных языков под руководством М. М. Ландау имели государственную поддержку, но оставались достаточно независимыми в определении вектора внутреннего развития, хотя и отвечали потребностям времени. Форма государственных курсов иностранных языков, остававшихся под руководством М. М. Ландау в 1923-1935 гг., позволила сформировать устойчивую основу для дальнейшего создания нового института – ГГПИИЯ. Период перехода от курсов к институту (1935-1937), во время которого советская власть активно применяла разнообразные меры подавления вузовской интеллигенции, показал, что качество и условия обучения на курсах позволяло им стать не только ресурсом для создания первых кадров лингвистов-педагогов, но и местом концентрации новой советской вузовской интеллигенции. Последующее постоянное развитие и усиление ГГПИИЯ в 1937-1985 гг. позволило образовательной структуре в 1994 г. стать университетом.

2. ГГПИИЯ является крупнейшим (большую часть времени – единственным) центром подготовки специалистов, владеющих иностранными языками в Нижегородском (Горьковском) регионе. Это положение предполагало аккумулирование в своей орбите широкого круга представителей интеллигенции, включающего как профессорско-преподавательский состав учебного заведения, так и его выпускников. За 45-летний период (1937-1982 гг.) иняз выпустил свыше 12 тысяч молодых специалистов. В связи с этим эволюция Нижегородского иняза с 1917 по 1985 гг. не только включается в общий социокультурный контекст времени, но и является ярким выражением процесса реализации государственной политики по отношению к вузовской интеллигенции на всех этапах существования вуза.

3. Оценивая масштаб задач молодого советского государства в сфере просвещения, руководство страны формировало для складывающейся

вузовской интеллигенции новые ориентиры, опирающиеся на сочетание теории с практикой, производственного опыта с наукой и глобально нацеленные на подготовку почвы для формирование мировой пролетарской революции. Социальная значимость вузовской интеллигенции в исследуемый период состояла в решении тех задач, которые ставились новой властью в деле построения социализма.

4. Несмотря на вызовы времени, обрушившиеся на страну в XX веке, вузовская интеллигенция продолжала развиваться, усиливаться и укреплять свое значение в культурной, социальной, экономической и общественной жизни страны, проходя через все перипетии отечественной истории. Конкретные же формы взаимодействия власти и вузовской интеллигенции определялись во многом меняющейся обстановкой в стране. Так, Великая Отечественная война нанесла серьезный урон обществу, затормозив решение социальных задач. Проблема становления и трансформации вузовской интеллигенции в XX веке является значимым сюжетом в рамках как отечественной историографии, так и филологии, культурологии, и других наук, и требует комплексного междисциплинарного изучения.

Теоретическая значимость. Впервые системно изучается заявленная тема исследования. Определяется социально-политическая и общественно-экономическая природа взаимодействия советской власти в отношении вузовской интеллигенции в контексте внутренней и внешней политики советского государства. Сформулированы выводы и положения, развивающие и дополняющие ряд разделов отечественной истории в вопросах образовательной и социальной политики Советского государства.

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения советского общества в рамках государственной политики, а также для преподавания «Истории России», при составлении учебных пособий, обобщающих работ, спецкурсов по истории советского общества в целом и нижегородской

вузовской интеллигенции в частности. Полученные результаты могут быть использованы в ходе дальнейших исследований истории региона.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют специальности 07.00.02 – Отечественная история, а именно: п. 4 (история взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов), п. 6 (история повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе её развития), п. 9 (история общественной мысли и общественных движений), п. 12 (история развития культуры, науки и образования России, её регионов и народов), п. 13 (история взаимоотношений государства и религиозных конфессий), п. 15 (исторический опыт российских реформ), п. 17 (личность в российской истории, её персоналии), п. 22 (интеллектуальная история России).

Ключевые положения и выводы диссертации **апробированы** в виде докладов на международных и всероссийских конференциях. Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории, регионоведения и журналистики НГЛУ им. Н. А. Добролюбова и на заседаниях кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Диссертация была рекомендована к защите.

Все основные результаты исследования и выводы полностью отражены в 12 научных работах общим объемом 5,66 п. л. (226 589 знаков), 6 из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень ВАК РФ.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ по специальности Отечественная история:

1. **Панченко А. А. Горьковский педагогический институт иностранных языков как объект репрессивной политики советской политики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. №4. С. 53-59.**

2. **Панченко А. А. Идея мировой революции и её влияние на развитие лингвистического образования в первые годы советской власти // Вестник Костромского государственного университета. 2018. №4. С. 29-33.**

3. **Панченко А. А. Международные связи Горьковского педагогического института иностранных языков в 1950-е гг. // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. №1. С. 55-61.**

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ по иным специальностям:

4. **Панченко А. А. Высшая школа в годы Великой Отечественной войны (на материалах истории НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) // Нижегородское образование. 2016. № 1. С. 103-109.**

5. **Панченко А. А. Журналистские традиции Нижегородского государственного лингвистического университета // Журналист. Социальные коммуникации. 2017. №3 (27). С. 135-139.**

6. **Панченко А. А. Отечественное лингвистическое образование в XX веке (историографический дискурс). // Нижегородское образование. 2018. №1. С. 102-107.**

Другие публикации:

7. Вдовина А. А. (Панченко). Опыт исследования краеведческих материалов на Нижегородчине (на примере изучения семейного архива Блохиных) // Региональная культурная среда и педагогика: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Выявление и использование возможностей региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительной деятельности». 2013. С. 119-122.

8. Вдовина А. А. (Панченко) Врач в советском обществе // Традиции образования и духовное становление личности: идеи Н. А. Добролюбова

и выдающихся мыслителей XIX-XXI вв. и современность. Сб. докладов XXXVII Международной научной конференции «Добролюбовские чтения». 2013. С. 284-291.

9. Вдовина А. А. (Панченко) Академик Николай Николаевич Блохин: начало деятельности // Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции как феномен духовности». 2013. С. 231-235.

10. Панченко А. А. Идея гражданства и хаос реальности. (События 1918 года в нижегородском селе Быковка). // Сб. докладов Международной научной конференции XLII Добролюбовские чтения». 2018. С. 15-18.

11. Панченко А. А. Горьковский иняз в первые послевоенные годы // Экология культуры – экология нравственности. Русская усадьба: мир, миф и миг действительности. Сб. докладов международной научной конференции «XLI Добролюбовские чтения». 2017. С. 15-20.

12. Панченко А. А. Деятельность М. М. Ландау – основателя курсов иностранных языков в Нижнем Новгороде: последние годы жизни. // Журнал Аспирант. 2018. №1. С. 41-46.

Участие в конференциях:

1) Панченко А. А. Идея гражданства и хаос реальности. (События 1918 года в нижегородском селе Быковка). Доклад на Международной научной конференции XLII Добролюбовские чтения», – Н. Новгород, 2018
2) Панченко А. А. Горьковский иняз в первые послевоенные годы. Доклад на Международной научной конференции XLI Добролюбовские чтения», – Н. Новгород, 2017.
3) Вдовина А. А. (Панченко) «Врач в советском обществе». Доклад на XXXVII Международной научной конференции «Добролюбовские чтения». – Н. Новгород, 2013
4) Панченко А. А. «Конкретика революционной повседневности – 1917 год (о создании курсов иностранных языков под руководством М. М. Ландау).

Доклад на VI Историко-архивном форуме «Память о прошлом – 2017», Самара, 2017

5) Вдовина А. А. (Панченко) Академик Николай Николаевич Блохин: начало деятельности. Доклад на Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции как феномен духовности» – Н. Новгород, 2013.

6) Вдовина А. А. (Панченко). Опыт исследования краеведческих материалов на Нижегордчине (на примере изучения семейного архива Блохиных) // Доклад на Всероссийской научной конференции с международным участием «Выявление и использование возможностей региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительной деятельности». – Пермь: 2013

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования, состоит из оглавления, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка источников и литературы, а также 13 приложений.

Глава 1. Государственная политика по совершенствованию системы лингвистического образования и усилия коллектива Нижегородских курсов иностранных языков по её внедрению в образовательное поле страны (1929-1939)

Первая глава посвящена политике советской власти по отношению к вузовской интеллигенции в период становления советского государства. Задача данной главы – изучить предпосылки зарождения класса вузовской интеллигенции в Нижегородском крае, рассмотреть основные векторы воздействия на вузовскую интеллигенцию и ее реакцию, а также на примере ГГПИИЯ более подробно описать инструменты, используемые для достижения государственных задач по созданию социалистической системы высшего лингвистического образования в СССР.

1.1. Политика Советского государства в сфере преподавания иностранных языков в контексте перехода от лозунга мировой революции к идее построения социализма в одной стране

В 1929 г. произошёл резкий переход от НЭПа к командно-административной системе. Можно считать, что в этом году после того, как из политбюро были выведены Н. И. Бухарин и А. И. Рыков, устанавливается единовластие И. В. Сталина. Закончился период внутрипартийной борьбы, в ходе который из руководства ВКП(б) были вытеснены наиболее активные сторонники мировой революции. Это повлекло за собой изменения в партийной

идеологии. И. В. Сталин, понимая, что с экономической точки зрения надо взаимодействовать с капиталистическими странами, отказался в сложившихся условиях от мировой революции, не отрицая её в перспективе и не распуская Коминтерн. На повестку дня стал вопрос о необходимости бросить все ресурсы на построение социализма в одной стране – СССР[96].

Изменились соответствующим образом и задачи, которые Советское государство ставило перед вузовской интеллигенцией. Исходивший от советской власти социальный заказ оказал влияние на изменение не только общего вектора развития высшей школы, ее научно-теоретической и методологической базы, но и на цели образовательной деятельности, структуру и содержание образовательного процесса, а также на деловые, повседневные практики его участников. Особенно рельефно эти изменения проявились в отношении той части интеллигенции, которая была связана с преподаванием иностранных языков.

Во-первых, оказались востребованы кадры, сформировавшиеся в дореволюционный период. Для развития советской интеллигенции, работающей внутри системы вузовского лингвистического образования, имелась основа, созданная до 1917 г. Значение в контексте проблематики диссертации имеет создание в 1906 г. курсов иностранных языков в Москве преподавателем Зинаидой Львовной Степановой[97].

Диссертанту важно, что для развития профессиональных данных преподавателя французского языка З. Л. Степанова использовала в качестве основы полученное в Московском Александровском институте благородных девиц образование (внутренний фактор влияния на становление в будущем отечественного лингвистического образования). Кроме того, она, как и многие преподаватели созданного позже Нижегородского иняза, оттачивала своё

---

[96] Худолей К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране) // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2017. – №2. – С. 145-166.

[97] Московский государственный лингвистический университет / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.linguanet.ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/

мастерство преподавателя в Швейцарии и Франции (внешний фактор влияния на процесс формирования кадров).

Следует, однако, отметить, что ни в одном из четырех существовавших к 1917 г. в Нижнем Новгороде высших учебных заведений не было подготовки специалистов по иностранным языкам[98]. Правда и в созданных после революции НГУ и НПИ подготовка учителей иностранного языка первое время не была предусмотрена[99].

Однако очередная реорганизация НПИ превратила вуз в Нижегородский институт народного образования (НИНО)[100]. А в 1919 г. в уставе институтов народного образования (ИНО) на общероссийском уровне фиксировалось обязательное изучение студентами одного из европейских языков на выбор – английского, немецкого или французского[101]. Поэтому учебный план студентов I и II курсов НИНО предполагал изучение иностранных языков в объеме 2 часов в неделю, а по некоторым специальностям – и на III курсе – студенты изучали иностранные языки[102].

Появление в учебных планах иностранных языков неизбежно должно было привести к увеличению потребности Нижнего Новгорода

---

[98] Только на первом курсе литературно-исторического факультета Народного университета (всего в университете функционировало 4 факультета: юридический, естественно-исторический, физико-математический и литературно-исторический) преподавалось сравнительное языкознание, но лишь на основе славянских языков, западноевропейские языки в курсе не затрагивались – Хохлов А. Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: Монография / А. Ф. Хохлов. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 377 с. – С. 39, 62-63.

[99] В НГУ с 1918-1919 уч. г. действовали следующие факультеты: математический, физико-химический, биологический, горнотехнический, агрономический, инженерно-строительный, электротехнический, профессиональный (готовил специалистов в различных технических областях) и рабоче-энциклопедический (по сути, общеобразовательные курсы для рабочих). Позднее добавились историко-филологический (просуществовал с ноября 1918 по 1921 г.) и медицинский (с января 1920 г.) факультеты – Хохлов А. Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: Монография / А. Ф. Хохлов. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 377 с. – С.330, 331, 333.
В НПИ с 1 ноября 1918 г. действовало три факультета: словесно-исторический, физико-математический и естественно-географический. Имелось небольшое количество часов по немецкому языку (преп. Эмилия Георгиевна Хай) – ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп.1. Д. 10. Л.7.

[100] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 1. 230 л.

[101] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 18. Л. 5. Л. 33об.

[102] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Д. 25. Л. 1-1 об.

в преподавателях иностранных языков и закономерно отразиться на контингенте вузовских преподавателей.

Проведенный нами анализ архивных документов дает возможность утверждать, что в НИНО в 1919 г. было подано не менее десяти заявлений[103] от лиц, имеющих соответствующее образование и опыт в области преподавания иностранных языков и желающих работать в вузе. Основной контингент соискателей составляли женщины, преподававшие в средних школах Нижнего Новгорода или временно безработные, образовательный опыт которых включал различные педагогические курсы или курсы иностранного языка за границей, в том числе в Сорбонне во Франции (В. Н. Лебедева, М. И. Лукьянова), в Швейцарии (Э. К. Шарпье[104]), в Германии (О. Л. Эзер).

Кроме того, заявления была получены от дореволюционных выпускников Нижегородского Мариинского института[105], Варшавского женского института, Петроградского педагогического института и Курсов новых языков Петрограда послереволюционного времени. Все соискатели обладали опытом проведения частных языковых уроков, преподавали в гимназиях, реальных училищах, школах и прочих учебных заведениях. Примечательной чертой всех изученных заявлений было то, что в них соискатели предлагали услуги по преподаванию немецкого и французского языков. Преподаватели английского языка отсутствовали. Этот факт привносит дополнительную ценность курсам под руководством М. М. Ландау, о которых будет сказано ниже.

По результатам конкурсного отбора на замещение вакансий преподавателей иностранного языка в НИНО было отобрано пять соискателей.

---

[103] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 11. Л. 32, 48, 49, 52, 60, 63, 85, 88, 111, 112.
[104] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 231. Л. 111; Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 156. Л. 75 об., 76; Д. 264. Л. 66 об.
[105] Нижегородский Мариинский институт – учебное заведение, имевшее статус среднего; был открыт в 1852 г., содержался на средства нижегородского и симбирского дворянства.

В коллектив вуза из 56 преподавателей вошли Р. Е. Вагнер[106], Н. А. Коротких[107], Э. Р. Тьерри[108], Л. Э. Шапошникова[109], И. Шейнина[110].

Кроме НИНО, другим учебным заведением, ведущим подготовку учителей, стали активно работающие с июня 1919 г. Нижегородские педагогические курсы. При этом в документе, описывающих деятельность курсов отмечается, что они не занимались подготовкой учителей иностранного языка: «Читаются лекции по коммунизму... Истории искусств не было, иностранных языков также нет»[111].

В начале 1920-х гг. губернским отделом народного образования были созданы шестимесячные педагогические курсы, имевшие целью подготовку учителей для школ I ступени, но и они не имели программ для обучения учителей иностранных языков[112].

Очередное преобразование в Нижегородский педагогический институт (высший, четырехгодичный), произошедшее с НИНО в июне 1921 г., также не восполнило эту лакуну. Несмотря на широкую структуру НПИ, состоящего теперь из 26 кафедр, и на преподавание иностранных языков (немецкого и французского), работа ни по повышению квалификации, ни по подготовке новых кадров не велась. Более того, кафедры, объединяющей преподавателей иностранных языков, создано не было[113].

---

[106] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 25. Л. 52 об.
[107] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 1. Л. 24. Л. 58; Д. 8. Л. 6.
[108] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.
[109] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 71. Л. 16; Оп. 2. Д. 42. Л. 71 об., 72. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 117. Л. 74 об. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 156. Л. 75 об., 76.
[110] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
[111] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 4. Д. 73. Л. 6.
[112] Первый выпуск так называемых «красных учителей» в Нижегородской губернии произошел в 1920 г. в июне-месяце. Из 65 человек, поступивших на курсы, их окончило 45. См.: Нижегородская Коммуна. – 1920. – 18 июня. – № 132.
[113] В нем с осени 1921 г. начали работать 5 отделений: социально-воспитательное (школьное), внешкольное, социально-историческое, физико-математическое, биолого-географическое.
Зеленцов В. Д., Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. – 176 с. – С. 32-34.

Курсы иностранных языков, созданные в Нижнем Новгороде М. М. Ландау, существовали с 1917 г. как частные[114]. Будучи озабоченным вопросом поиска источников существования, переехавший в 1917 г. на жительство в Нижний Новгород, Ландау вынужден был давать сначала частные уроки иностранного языка в состоятельных семьях, а затем вел занятия в группах обучаемых при различных организациях[115]. Полиглот Ландау владел восемью языками, из них пятью – в совершенстве[116].

На рубеже лета-осени 1917 г. он создал собственную образовательную структуру – курсы иностранных языков и сформировал их пока немногочисленный штат[117]. Находясь во главе группы преподавателей, М. М. Ландау лично проводил занятия английского и немецкого языка. Постепенно увеличивался штат преподавателей курсов. Это означало, что курсы оказались вполне самоокупаемыми, а количество их слушателей не иссякало. Одни приходили, дабы иметь навыки иностранной разговорной речи, собираясь в эмиграцию, другие готовили себя к преподавательской карьере, иные просто хотели привития культуры собственным детям. Добавим, что среди посетителей курсов были и те, кто попросту искал достаточно увлекательного времяпровождения. (К примеру, на курсы записывались скучающие жены состоятельных нижегородцев, не обремененные заботами о поиске средств к существованию).

Параллельно с курсами Ландау в Нижнем Новгороде развивались вышеупомянутые курсы в Москве. Но и те и другие никоим образом не пересекались, что подтверждает анализ документов, сделанный диссертантом. Из-за высокого уровня преподавания московские курсы нашли своих многочисленных слушателей и, как результат, в 1926 г. получили статус

---

[114] Воспоминания Н. Н. Ландау // Архив Музея НГЛУ.
[115] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 232. Л. 10.
[116] Как писал сам М. М. Ландау: «Владею в совершенстве следующими языками (говорю, пишу и читаю): русским, английским, французским, немецким, польским» – ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 232. Л. 10.
[117] Согласно воспоминаниям жены М. М. Ландау – Н. Н. Ландау // Архив музея НГЛУ.

Высших курсов иностранных языков (далее – ВКИЯ). ВКИЯ были переданы Библиотеке иностранной литературы в Москве (руководила работой библиотеки Маргарита Ивановна Рудомино). Библиотека поначалу была создана при Неофилологическом институте. На базе созданных в 1926 г. ВКИЯ в 1930 г. был организован Московский институт новых языков[118]. Таким образом, можно утверждать, что у истоков советской системы обучения иностранным языкам при поддержке власти стояли З. Л. Степанова и М. И. Рудомино.

Выпускники ВКИЯ, специалисты со знанием иностранных языков, работали в Народном комиссариате иностранных дел, Народном комиссариате внешней торговли, других организациях и учреждениях. По сути, история развития курсов иностранных языков, давших, в конечном итоге, основу для создания Московского государственного лингвистического университета, отражает процесс зарождения и становления новой профессии: лингвиста советских времен.

Курсы Ландау также продолжали зарекомендовывать себя в глазах чиновников. М. М. Ландау начал давать уроки популярного тогда «международного» языка эсперанто[119]. Вопросы развития эсперанто считались

---

[118] МГЛУ в разные годы носил названия: Институт новых языков, Московский педагогический институт новых языков, Московский государственный педагогический институт иностранных языков, 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков, 1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, Московский государственный институт иностранных языков им. Мориса Тореза, Московская государственная лингвистическая академия, Московский государственный лингвистический университет. Сайт МГЛУ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://linguanet.ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/

[119] Эсперанто – самый распространенный из искусственных языков, вспомогательное средство международного общения. Создан в 1887 г. варшавским врачом Л. Заменгофом, псевдоним которого Esperanto (Надеющийся) стал названием языка. Эсперанто использует корни европейских языков, от которых с помощью нескольких десятков аффиксов создаются обозначения понятий из различных сфер действительности. С 1905 г. ежегодно проводились международные конгрессы в рамках Всеобщей эсперантской ассоциации.
Подробнее см. Сергеев И. В. Основы эсперанто. – М., 1961.– 50 с.; Проблемы интерлингвистики. – М., 1976. – 60 с. и др.
Добавим, что к 1917 г. в Нижнем Новгороде уже существовало и активно работало одно из отделений этой международной организации.

тогда весьма актуальными из-за поддержки политической элитой идеи мировой революции[120].

Как отмечалось ранее, идеология пришедших к власти большевиков включала в себя теорию мировой революции, перспективы которой виделись достаточно близкими, а события в Венгрии, Баварии, Словакии и других странах подкрепляли убежденность в скорейшем наступлении эры диктатуры мирового пролетариата. Для грядущего мирового сообщества трудящихся требовался единый язык общения, и потому теоретическое детище Л. Заменгофа становилось политически востребованным.

Неудивительно, что в Советской России вообще, а в Нижнем Новгороде, в частности, кружки и объединения эсперантистов получили заметную поддержку со стороны коммунистов. И в этом смысле познания М. М. Ландау в эсперанто оказались востребованными. В 1918 г. курсы эсперанто в Нижнем Новгороде получили финансовые дотации от властей и продолжали существовать. Более того, орган Нижегородского губернского комитета РКП(б) – «Нижегородская Коммуна», неоднократно и регулярно помещал на своих страницах рекламу курсов эсперанто, на которых вел занятия и М. М. Ландау: «Курсы языка эсперанто. Правление Нижегородского Общества Эсперантистов доводит до сведения записавшихся на курсы, что таковые происходят в помещении бывшей гимназии Хреновской (угол Ошары и Чернопрудненского переулка) по понедельникам, средам, пятницам и субботам с 7 до 9 часов вечера»[121].

Таким образом, в трудных условиях, когда власти закрывали многие учебные учреждения частного характера, а для государственных

---

[120] Так в 1919 г. преподаватель Смирнов читал лекцию о значении и важности языка эсперанто студентам историко-филологического факультета НГУ. Нижегородская Коммуна. – 1919. – 8 февраля. – № 29.

[121] Нижегородская Коммуна. – 1919. – 23 января. – № 15.

Городская гимназия, владелицей которой являлась госпожа Е. Т. Хреновская, возникла в 1889 г. и располагалась в здании на стыке ул. Ошарской и Чернопрудненского пер. – ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 290. Л. 66.

Часть этого здания использовалось в 1919 г. под курсы эсперантистов. Там же работали курсы иностранных языков, созданные М. М. Ландау.

образовательных структур остро не хватало помещений[122], курсы иностранных языков, руководимые Ландау, продолжали исправно функционировать, надежно прикрытые щитом ESPERANTO. Еще более их позиции укрепило весной 1919 г. специальное Постановление Москвы о повышении значимости языка эсперанто. «Комиссия по международному языку, образованная при Комиссариате просвещения, вынесла постановление о введении языка эсперанто в школах республики»[123]. Нижегородское общество эсперантистов[124], «организуя новые курсы этого языка, имеет, между прочим, в виду и подготовку кадров преподавателей»[125].

Перемены начала 1920-х гг. оказывали воздействие и на курсы иностранных языков М. М. Ландау. С одной стороны, постепенно уходили в прошлое тяготы, испытания и иллюзии революции и гражданской войны, угасали надежды на быструю и победоносную мировую революцию, а с ними и увлечения языком эсперанто (Приложение 1).

К тому же власти целенаправленно и последовательно сужали круг ранее созданных учебных структур, забирая под собственный контроль вопросы образования и воспитания масс. Согласно решению Наркомата просвещения в 1919-1920 уч. г. прекращали существование почти все частные учебные заведения[126]. В ближайшие годы последние из уцелевших хозрасчетных

---

[122] Подтверждений тому было достаточно. Так, в январе 1919 г. ректор НГУ проф. Синицын во время приезда в Нижний наркома А. В. Луначарского довольно резко поставил перед ним вопрос о недопустимости реквизиций вузовских помещений для нужд армии. – Нижегородская Коммуна. – 1919. – 18 января. – № 12.
Сами нижегородские власти констатировали очевидный недостаток школьных помещений в связи с реквизициями военных ведомств. – Нижегородская Коммуна. – 1919. – 1 апреля. – № 71, – 2 апреля. – № 72.

[123] Известия ЦИК. – 9 марта 1919 г. – ч. 53.

[124] Нижегородское общество эсперантистов стало подчиняться окружному комитету эсперантосекции III Интернационала (ЭСКИ) с момента создания Коминтерна. Ячейки ЭСКИ были организованы в 1920 г. при ГК РКП(б), политотделе губвоенкомата, ГК РКСМ, при командных курсах Приволжского военного округа. 16 июня 1920 г. в Нижнем Новгороде прошло торжественное заседание членов оргкомиссии ЭСКИ совместно с представителями английского пролетариата – ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 15. Д. 36. Л. 6-7. Необходимость изучения эсперанто признавалась до начала 1930-х гг.

[125] Нижегородская Коммуна. – 1919. – 15 мая. – № 104.

[126] Нижегородская Коммуна. – 1919. – 14 марта. – № 57.

образовательных учреждений были переведены в государственные. Кроме того, по Постановлению Нижегородского ГУБОНО от 25 октября 1922 г.[127] преподавание иностранных языков в школах (либо французского, либо английского) являлось обязательным лишь с пятого года обучения, то есть было прекращено обучение иностранным языкам в первых четырех классах советской школы[128]. Это также можно считать отголоском размышлений о возможности мировой революции.

С другой стороны, в стране разворачивалась НЭП, и частный капитал стал активнее проникать в различные сферы хозяйственной и социальной жизни. Вновь постепенно расширялся рынок образовательных услуг, в том числе, рос спрос на знание иностранных языков.

В этих условиях М. М. Ландау оказался востребованным как потенциальный заведующий государственной учебной структурой. В 1922 г. в Нижегородском ГУБОНО был поставлен вопрос о необходимости наличия курсов иностранных языков, действующих официально под руководством местных властей.

Была составлена смета на содержание курсов, которые были первоначально названы «Курсы иностранных языков и литератур при ГУБОНО»[129]. Именно 1922 г. можно считать годом изменения статуса курсов М. М. Ландау: с частного на государственный[130].

Анализируя мотивы, подтолкнувшие местные власти к созданию новой государственной учебной структуры, отметим следующее. Окончание Первой мировой войны и базовые изменения, произошедшие на международной арене, выдвигали необходимость широкого изучения западноевропейских языков.

---

[127] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 6. Д. 274. Л. 2.

[128] Аргументируя это решение замзавгубоно писал: «...преподавание языка с малых лет имеет смысл только тогда, когда ребенок имеет возможность постоянной практики. Пятый год обучения охватывает возраст 12 лет, что отнюдь нельзя считать уж слишком большим» – ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 6. Д. 274. Л. 2.

[129] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 6. Д. 409. Л. 18.

[130] Сенюткина О. Н. Нижегородский лингвистический университет: начало истории. 1917 – 1922 / О. Н. Сенюткина / Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2011. – № 15. – С. 229–243.

В тех условиях руководство страны ещё не выдвигало жесткую установку на создание «железного занавеса» для Запада. Причем, на первый план жизнью ставилась необходимость знания не только немецкого и французского, которые традиционно изучались в России с давних времен, но и языка стран-победительниц (Англии и США), все более прочно занимавших ведущие позиции в экономической и политической сферах международной жизни. Ранее приоритетные в России французский и немецкий языки, уступая позиции английскому, постепенно допускали уравнивание его популярности с собственной. Научные открытия мирового уровня (работы Эйнштейна, Планка, Бора, Резерфорда и др.) все чаще публиковались на английском языке. Вполне уловившие эту тенденцию российские ученые, в том числе нижегородские, стали испытывать возрастающую потребность в знании английского языка.

Ученые, входившие в Секцию научных работников Нижнего Новгорода, действовавшую в рамках НГУ, поняли, что чтение специальной литературы на иностранных языках, особенно английском (немецким многие преподаватели владели свободно), являлось потребностью момента. Именно ученые подтолкнули чиновников ГУБОНО к идее создания курсов иностранных языков. В Нижнем Новгороде М. М. Ландау и потенциал курсов, которыми он руководил, были известны – его курсы не могли не заинтересовать тех, кто нуждался в знании иностранных языков[131].

С осени 1923 г. Нижегородские курсы иностранных языков начали действовать вполне официально. Все работники, преподававшие на курсы, или уже являлись членами профессионального союза, или вступали в него[132].

---

[131] Видимо неслучайно, когда в 1935 г. директор Горьковского педагогического института составлял докладную записку начальству в Москву о местном потенциале преподавания иностранных языков, он позволил себе написать следующее: «Секция научных работников города Нижнего Новгорода в 1923 г. организовала курсы иностранных языков с целью предоставления знаний иностранного языка своим членам». ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 14.

[132] Союз работников просвещения существовал с лета 1919 г., в него входила основная масса советских преподавателей. См.: Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).

Видимо, финансирование курсов шло по «профсоюзной линии». Отсюда ещё одно обозначение курсов как существовавших при Союзе работников просвещения. М. М. Ландау позже отмечал, что с 1923 г. он работал преподавателем английского языка «на курсах иностранных языков при Союзе работников просвещения, имея под своим руководством несколько групп»[133].

Кроме помощи, которую ГУБОНО должен был оказать в сложившихся условиях университету, кураторам развития образования в губернии следовало думать о преподавании языка в школе, стало быть, вести кадровую политику, направленную на пополнение рядов учителей иностранных языков.

После окончания гражданской войны и в связи с заметной стабилизацией ситуации в стране власти начинают обращать более пристальное внимание на вопросы и проблемы народного образования, в том числе, обучения иностранным языкам. В 1924 г. Наркомпросом РСФСР издается программа подготовки учителей иностранного языка, и начинают появляться соответствующие учебники. Однако, книг, пособий, учебников и методических материалов не хватало, и потому значительные силы М. М. Ландау вкладывает в приобретение и накопление учебных материалов, необходимых для квалифицированного ведения занятий. Поскольку его курсы были платными, часть финансов уходила на тиражирование (перепечатку) пособий по истории стран изучаемых языков и оплату их художественных переводов, осуществляемых самими сотрудниками курсов[134]. Постепенно формировалась библиотека учреждения, возглавляемого Ландау – основа будущих библиотечных фондов ГГПИИЯ.

Ф. 752 Г. Нижегородский губернский отдел профсоюза работников просвещения Губ. Прос. (1917 – 1929 гг.). Оп. 1. Д. 631. Л. 1-353.

Ф. Р-3086 Г. Нижегородские краевые и территориальные организации профсоюза работников просвещения. (1929 – 1936). Оп. 2. Д. 70. Л. 1-200.

Желтов А. К. Народное образование в Горьковской области за 30 лет (1917-1947) / А. К. Желтов. – Горький: ОГИЗ, 1948. – 104 с. – С. 25.

[133] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 232. Л. 10.

[134] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

Курсы имели тогда три отделения: английское, французское и немецкое[135]. В 1923 г. в коллектив курсов вошла Л. В Миловидова, преподававшая немецкий язык[136]. С сентября 1925 г. начал вести курс английского языка Г. Г. Гиленков[137]. В 1928 г. штатными сотрудниками курсов стали преподаватели немецкого языка Э. В. Ярошевская[138] и Ф. И. Ланц[139].

В условиях новой экономической политики слушателями курсов становились не только научные работники, но и люди разных социальных слоев, разного уровня образованности и культуры, разного возраста. В рядах слушателей Нижегородских курсов иностранных языков в 1920-е гг. оказались домработницы, рабочие, приказчики, служащие и т. п.

Заметим, что некоторые из тех, кто оканчивал курсы, сами становились преподавателями. Так, например, М. Я. Лебедева[140] окончила немецкое и английское отделения Нижегородских курсов иностранных языков в 1926 г., французское отделение – в 1928 г. и с 1930 г. сама начала преподавать на курсах под руководством М. М. Ландау. В 1928 г. французское отделение курсов окончила А. А. Генке. С 1928 по 1931 гг. на английском отделении курсов и с 1935 по 1938 гг. (сначала на немецком отделении, затем в рамках вновь образованного ГГПИИЯ) обучалась Н. А. Бубнова[141]. А. А. Генке и Н. А. Бубнова стали в будущем преподавателями иняза.

Подобная преемственность дала некоторую основу для решения кадровой проблемы в новом горьковском вузе. По-видимому, известная доля заслуги в формировании кадрового состава ГГПИИЯ принадлежит персонально организатору курсов М. М. Ландау, сумевшему вырастить и воспитать первых нижегородских вузовских лингвистов-преподавателей.

---

[135] Срок обучения на курсах в момент их создания установить не удалось.
[136] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 14 об. – 15. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1.Л. 10.
[137] «Познакомился с Максом Михайловичем в 1925 г. на курсах иностранных языков и был с ним связан по общественной работе до его смерти в 1935 г.», – вспоминал Г. Г. Гиленков – ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 5483. Л. 37 об.
[138] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15; Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.
[139] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15.
[140] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15 об.
[141] Архив Музея НГЛУ.

Добавим, что в достаточно трудных и сложных постреволюционных условиях их молодому коллективу пока не приходилось задумываться над сложными вопросами организации научного поиска в сфере лингвистики и филологии. Вполне естественно, что Нижегородские курсы иностранных языков тогда могли заниматься лишь преподавательской деятельностью, накапливая методический опыт.

Помещения для учебных занятий курсы арендовали в здании бывшей Нижегородской губернской гимназии[142], соседствуя с педагогическим институтом, занимавшим с 15 сентября 1921 г. часть этого же здания[143]. Обе структуры: курсы М. М. Ландау и Нижегородский педагогический институт, хоть и находились под одной крышей, тем не менее, существовали независимо друг от друга.

Кадровый состав преподавателей иностранных языков на курсах, а также в пединституте и НГУ (двух тогдашних вузов Нижнего Новгорода) не дублировался. К уже названным ранее преподавателям иностранного языка НИНО/НПИ добавилось ещё двое: А. А. Аллендорф[144] и Л. О. Эйнгорн[145].

Подчеркнем, что те коллективы преподавателей иностранных языков, которые работали у М. М. Ландау в первой половине 1920-х гг. на курсах, и те, кто работал в НПИ и НГУ, – это разные коллективы, что мы проиллюстрировали, назвав преподавателей поимённо (Приложение 2).

Причем, если структура курсов была способна самофинансироваться, то Нижегородский пединститут до осени 1924 г. жил под угрозой исчезновения, испытывая острый недостаток бюджетных финансовых средств. Тогда же большие трудности испытывал и НГУ. В 1921 г. были закрыты четыре его факультета. В 1922 г. он был снят с финансирования из государственного

---

[142] Старая часть нынешнего здания Нижегородского государственного педагогического университета им. М. Горького.

[143] Зеленцов В. Д., Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. –176 с. – С. 31.

[144] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 71. Л. 13 об.; Д. 73. Л. 9 об. Ф. Р-377. Оп. 2. Д. 23.

[145] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 31. Л. 5; Ф. Р-377. Оп. 2. Д. 1411.

бюджета[146]. Что касается преподавания иностранных языков, отметим следующее. С 1919 г. немецкий язык в НГУ преподавал А. А. Якобсен[147]. По совместительству там же вели занятия преподаватели из НПИ Л. Э. Шапошникова и А. А. Аллендорф.

В середине 1920-х гг. в Наркомпросе возникла идея укрупнения и усиления НГУ. Помимо других мероприятий в течение 1925 г. прилагались усилия, направленные на рост числа преподавателей иностранного языка в НГУ. Главное управление профессиональным образованием (Главпрофобр) утвердило сразу семь претендентов из желающих преподавать в университете[148]. Поэтому обучение языкам в 1925-1926 уч. г. в университете обеспечивали 10 работников, из них, кроме одного – А. А. Якобсена– все являлись сверхштатными[149].

Чтобы сохранить высшие учебно-образовательные структуры Нижнего Новгорода в условиях слабого госбюджета, в 1926 г. власти приняли решение с июля-месяца включить НПИ в качестве педагогического факультета (в числе 59 преподавателей, из них 9 профессоров) в общую структуру НГУ. Существовавшие внутри педагогического института Отделения сохранились как отделения вновь образуемого факультета в количестве пяти, и среди них новое (появившееся ещё в 1924 г.) лингвистическое, оно же – отделение

---

[146] Зеленцов В. Д. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. –176 с. – С. 35.

[147] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 231. Л. 111.
ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 156. Л. 76 об., 77.

[148] Это М. М. Ландау (утвержден 7.03), А. А. Кремер (15.09), Г. Г. Гиленков (15.10), А. З. Романова (25.09), Э. К. Шарпье (15.10), Г. Г. Шульц (15.10), Г. Э. Шульц (15.10) – ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 184. Л. 59 об., 60. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 156. Л. 75 об., 76; Д. 192. Л. 1.

[149] На 1925/1926 учебный год преподавали иностранные языки в НГУ следующие ассистенты, оформленные на работу совместителями: в 1919 г. – Л. Э. Шапошникова, в 1922 г. – А. А. Аллендорф, в 1925 г. – Г. Г. Гиленков, А. А. Кремер, М. М. Ландау, З. А. Романова, Э. К. Шарпье, Г. Г. Шульц, Г. Э. Шульц и единственный из преподавателей иностранных языков, находившийся в штате НГУ с 1919 г. – А. А. Якобсен.– ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 8а. Д. 208. Л. 59 об.; ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 231. Л. 109-111.

русского языка и литературы. Добавим, что, несмотря на название, отделение не имело специальности «иностранные языки»[150].

Тем не менее, свое педагогическое мастерство совершенствовали в рамках НГУ на всех факультетах с 1925 по 1930 гг. А. А. Кремер[151] и Г. Г. Гиленков, работавшие одновременно на курсах иностранных языков под руководством М. М. Ландау

Сам Ландау также имел учебную нагрузку в рамках университета с 1925 г. как «ассистент» и «лектор», являясь членом литературно-лингвистической предметной секции[152]. 7 марта 1925 г. М. М. Ландау, оставаясь, прежде всего, заведующим курсов иностранных языков ГУБОНО, оформился как внештатный работник и в университет по направлению Губпрофобра[153].

Поскольку в 1926 г. Нижегородский педагогический институт стал педагогическим факультетом НГУ, членами университетского преподавательского коллектива частично стали лица, работавшие на курсах под руководством М. М. Ландау

В 1929 г. при Всесоюзном Обществе культурных связей с заграницей (ВОКС) была создана Комиссия по Высшей школе. В мае 1929 г. эта Комиссия обратилась к правлениям вузов страны с предложением установить связи между вузами страны и иностранными вузами для того, чтобы облегчить работу ВШ через оперативное получение необходимой информации[154].

3 июля 1929 г. Комиссия предложила руководству вузов, в том числе и НГУ, ответить на ряд вопросов о преподавании иностранных языков, при

---

[150] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 88. Л. 20; Д. 132. Л. 5.
Хохлов, А. Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: Монография / А. Ф. Хохлов. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 377 с. – С. 337, 338.
[151] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 156. Л. 61 об- 62; Д. 192. Л. 1.
[152] Его имя зафиксировано в списках научного персонала НГУ в период с 1925 по 1930 гг. – ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 184. Л. 59 об., 60; Д. 156. Л. 52; Д. 176. Л. 388; Д. 192. Л. 19 об., 20; Д. 206. Л. 157 об., 158; Д. 264. Л. 81.
[153] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 156. Л. 102.
[154] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

этом подчеркивая следующее: «Обучение иностранным языкам в настоящее время является одним из актуальных вопросов, требующих разносторонней проработки. В преподавании иностранных языков в наших вузах нет единства ни в отношении системы и методики, ни в отношении применяемых учебных пособий»[155].

Отвечая на вопросы Комиссии ВОКС, правление НГУ, по сути, дало характеристику работы преподавателей иностранных языков, в том числе и М. М. Ландау. Подчеркивалось, что в НГУ наибольшее внимание уделялось преподаванию немецкого языка (80 часов, в то время как на английский и французский отводилось по учебному плану по 12 часов). Как объясняли авторы записки в Москву, причинами того явились:

1) знакомство с немецким языком по средней школе;

2) мнение среди студенчества, что «техника Германии исчерпывает все достижения и все новое переводится на немецкий язык»;

3) большее знакомство профессуры с немецким языком. В неделю на иностранный язык отводилось всего по 2 часа.

Отмечалось, что учебников и пособий для изучения иностранным языкам в библиотеке университета крайне мало, хотя с апреля 1929 г. в помощь студентам начал действовать кабинет иностранных языков. Положительным моментом было то, что в кабинете студенты могли читать периодику на трех иностранных языках: всего 72 наименования. Особой трудностью преподавания было то, что студенты «в большинстве случаев попадали в вуз, абсолютно не зная языка»[156].

Помимо того, что вопросом постановки преподавания иностранных языков в вузах занялось Всесоюзное Общество культурных связей с заграницей, в этом же направлении развил активную деятельность Народный комиссариат по просвещению РСФСР. В феврале 1930 г. 37 вузов страны получили инструкции о необходимости заняться созданием курсов

[155] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 294. Л. 14.
[156] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 294. Л. 13.

иностранных языков. Внимание правлений вузов, в частности НГУ, обращалось на то, что «усиливающаяся необходимость международного общения трудящихся, расширяющаяся потребность использования научно-технического опыта других государств в социалистическом строительстве ставят вопрос об иностранных языках актуальной задачей сегодняшнего дня». Отмечалось также, что «иностранные языки представляют собой важнейшее орудие международного и культурного общения...»[157]., «удовлетворяют потребность знакомства с иностранной технической литературой»[158].

НГУ было рекомендовано «проработать в недельный срок вопрос о создании вечерних курсов иностранных языков при педфаке и открыть курсы с 1 апреля 1930 г.»[159]. Поскольку опыт курсов иностранных языков в Нижнем Новгороде накапливался в течение многих лет, имелись крепкие преподавательские кадры, особых трудностей поставленная Москвой задача для вузовских работников не представляла.

Руководству НГУ пришлось учесть, что ЦК партии признал важность изучения иностранных языков партактивом, что обосновывалось «необходимостью усвоения партийными работниками иностранного технического и научного опыта в условиях индустриализации, а также усвоения ими особенностей общественно-политической жизни в других странах»[160].

Выполняя указания «сверху» и руководствуясь присланным из Москвы «Положением о курсах иностранных языков при вузах», руководитель НГУ П. И. Шульпин наметил смету Курсов иностранных языков для рабочих и партактива и развернул подготовку к их открытию[161]. Курсы начали

---

[157] ЦАНО.Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1 об.
[158] ЦАНО.Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1 об.
[159] ЦАНО.Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1.
[160] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 1216. Л. 1 об.
[161] Согласно «Положению», курсы открывались с разрешения Наркомпроса, во главе их стоял заведующий, назначаемый правлением вуза, обучение должно было быть рассчитанным на 1-2 год. Цель курсов – дать навыки чтения и простой разговорной речи. По смете, составленной Шульпиным, предполагался набор 100 человек, организация работы 4-х групп (двух английских и двух немецких). Плата не более 2 рублей в месяц от слушателя.

функционировать, как и было задумано, с 1930 г. с использованием кадрового потенциала курсов М. М. Ландау

Ещё в ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) принял решение о расширении сети специализированных вузов. В связи с этим Нижегородский государственный университет в 1930 г. был расформирован[162]. Вместо одного университета в Нижнем Новгороде возникает шесть институтов: из них пять новых: машиностроительный, инженеров речного транспорта, химический, сельскохозяйственный, инженерно-строительный и медицинский и один – восстановленный педагогический институт[163]. При расформировании НГУ в 1930 г. обслуживающий весь университет кабинет иностранных языков был передан педагогическому институту[164].

Многие преподаватели, работавшие на курсах М. М. Ландау, совмещали эту деятельность с преподаванием в университете и институтах. При расформировании университета в 1930 г. встал вопрос, каким образом по шести институтам будут распределены преподаватели кафедры иностранных языков НГУ. Вновь восстанавливаемый в 1930 г. педагогический институт представил комиссии по ликвидации НГУ список необходимых ему преподавателей. Среди прочих в этом списке были названы интересующие нас лица, а именно: М. М. Ландау, Г. Г. Гиленков, А. А. Кремер. Однако проведенное 6 апреля 1930 г. распределение по вузам преподавательского персонала не совсем соответствовало пожеланиям разных возникающих институтов. Кафедра иностранных языков НГУ, насчитывавшая 10 человек[165], была расформирована

Оплата труда преподавателя – 3 рубля за час. Всего расходы на курсы планировались в сумме 5936 рублей в год – ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 1216. Л. 2-5, 6, 7-14; Д. 331. Л. 53.

[162] В 1931 г. Нижегородский университет пережил свое третье рождение, но возродился без преподавания дисциплин гуманитарного цикла – Хохлов, А. Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: Монография / А. Ф. Хохлов. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 377 с. – С. 360.

[163] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 6. Л. 1, 22, 23; Кто есть кто в Нижегородском государственном педагогическом университете / Под общ. ред. В. А. Глуздова, А. А. Касьяна. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 168 с. – С. 15.

[164] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 6. Л. 23.

[165] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 294. Л. 25.

следующим образом: в машиностроительный институт были направлены М. М. Ландау (английский язык), А. В. Энгельс[166], А. А. Герман и А. А. Кремер (немецкий язык); в химико-технологический – А. А. Федорова (нем.), Г. Г. Гиленков (англ.); в сельскохозяйственный – Ц. Г. Световидова[167] (нем.); инженерно-строительный – С. А. Баулин (нем.); педагогический – Л. Э. Шапошникова (фр.) и А. Б. Архангельская (нем.)[168]. В медицинском институте место преподавателя иностранного языка оставалось некоторое время вакантным[169].

По-видимому, перевод М. М. Ландау в машиностроительный институт был признан целесообразным ввиду наличия у него высшего технического образования и опыта преподавания технического перевода. Однако, в 1930-1931 уч. г. основной работой М. М. Ландау, как и прежде, оставалось руководство курсами иностранных языков, которые принял в свою структуру восстановленный в 1930 г. НПИ[170]. Нагрузка М. М. Ландау на курсах составляла 26 часов в декаду, оклад – 140 рублей. Кроме того, он вел занятия в машиностроительном институте (оклад – 114 рублей), сельхозинституте (оклад – 40 рублей), автостроительном техникуме (50 рублей), на курсах иностранного языка водного института (120 рублей) и преподавал английский язык комсоставу «Дома Красной Армии»[171]. Таким образом, годовая нагрузка М. М. Ландау составляла 520 часов. Большую учебную нагрузку на курсах иностранных языков, руководимых Ландау, несла Л. Э. Шапошникова (тоже 26 часов в декаду)[172].

Таким образом, преподавательский коллектив курсов включал в себя, скажем условно, три группы. Одна из них: преподаватели курсов, работавшие

---

[166] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 117. Л. 37 об.; Оп. 6. Д. 275. Л. 24.
[167] Ц. Г. Световидова пришла преподавать немецкий язык в НГУ в конце 20-х гг. До этого занималась учительской деятельностью в Нижегородском механико-строительном техникуме и др. учебных заведениях Н. Новгорода – ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 8. Д. 31. Л. 8 а.
[168] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 42. Л. 71 об. 72.
[169] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 6. Л. 23 об.
[170] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 42. Л. 13 об.; Д. 91. Л. 43. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 42. Л. 86 об.
[171] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 42. Л. 71 об., 72, 80.
[172] Там же.

только на курсах (Л. В. Миловидова, Э. В. Ярошевская и др.), вторая – те преподаватели, для которых основной работой были курсы и они вместе с тем были оформлены в штате НПИ (М. М. Ландау, Л. Э. Шапошникова и А. Б. Архангельская)[173]. Третья – те, кто работал на курсах и по совместительству трудился в других вузах: например, А. А. Герман, Г. Г. Гиленков, А. В. Энгельс, Ц. Г. Световидова. и ряд других – в пединституте[174] и т.д.

На вновь созданной кафедре иностранных языков восстановленного пединститута обучение немецкому языку осуществляли А. А. Кремер и, М. Я Лебедева; французскому языку – М. С. Михайлова[175] и В. Н. Лебедева[176]. Все они, кроме нагрузки по кафедре, имели «часы» на курсах М. М. Ландау.

С 1 сентября 1930 г. к проведению занятий на курсах приступила О. А. Колдунова[177]. Это была 35-летняя сотрудница курсов, за плечами которой имелся опыт преподавательской деятельности с 1917 г.[178]. Она квалифицированно вела курс английского языка в рамках структуры под руководством М. М. Ландау. Впоследствии практически весь преподавательский состав курсов перешел на работу в ГГПИИЯ и другие вузы.

Таким образом, с 1 сентября 1930 г. курсы под руководством М. М. Ландау развернули свою деятельность как Государственные курсы иностранных языков при только что восстановленном Нижегородском педагогическом институте[179].

---

[173] Кафедры иностранных языков в НПИ в момент восстановления НПИ ещё не существовало, и преподаватели языка Архангельская и Шапошникова являлись членами кафедры литературы (отделения языка и литературы) – См.: ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 91. Л. 34.
[174] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 42. Л. 46 об.
[175] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15.
[176] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15 об.; Оп. 1. Д. 11. Л. 56; Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об., 9.
[177] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
[178] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 14. 14 об.
[179] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Хотя Курсы иностранных языков существовали при НПИ, они оставались самостоятельной единицей в финансовом смысле и обеспечивали свой бюджет полностью за счет поступлений за обучение от слушателей. Для подтверждения мысли о независимости курсов добавим, что в списке преподавателей педагогического института за 1932-1933 уч. г. указано: М. М. Ландау получает в институте 90-94 рубля как совместитель; основная же его работа – зав. курсами иностранных языков[180].

Приведенные факты из истории Нижегородских курсов иностранных языков подтверждают: идея мировой революции, сохранявшаяся с 1917 г. до конца 1920-х гг. в идеологическом арсенале большевиков, подвигла власть к поддержке Курсов иностранных языков под руководством М. М. Ландау, несмотря на тяжелые условия жизни общества в тот период. Напряженная работа под лозунгом «Иностранные языки – в массы» велась при финансовой поддержке от властей, но достаточно обособленно, поддерживаемая силами отдельных энтузиастов, сформировавших знания иностранных языков еще в дореволюционный период. Доказав, что М. М. Ландау обеспечивает более высокое качество обучения и эффективность изучения иностранных языков, Курсы выдержали испытание временем и жесткую конкуренцию с иными учреждениями подобного профиля и уровня. К началу 1930-х гг. Курсы продолжали исправно работать, став не только ресурсом для создания первых кадров педагогического состава по специальности «иностранные языки», но и местом концентрации советской вузовской интеллигенции.

[180] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 124. Л. 121.

1.2. Коллектив Нижегородских курсов иностранных языков на пути формирования новой структуры учебного заведения: от курсов к институту

С начала 1930-х гг. на университеты возлагались обязанности проведения научных исследований и культурного просвещения населения. Создавалось, в том числе усилиями преподавателей курсов Ландау, идеологическое пространство в духе марксизма-ленинизма, которое все более укреплялось по мере укрепления государства СССР. Всё активнее предлагалось по-большевистски связывать теорию с практикой, сочетать производственный опыт с наукой, что в первую очередь требовало дальнейшую реорганизацию старой академической школы и создание новой.

Значительное влияние на работу Нижегородских курсов иностранных языков оказало Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». В одном из пунктов документа говорилось следующее: «признать необходимым, чтобы средняя школа обязательно обеспечила знание одного иностранного языка каждому оканчивающему школу»[181]. В связи с этим местные власти начали более глубокое изучение возможностей преподавания иностранных языков в Нижнем Новгороде, в первую очередь, возможностей курсов М. М. Ландау.

В коллектив курсов вливались новые силы. В январе 1933 г. он пополнился преподавателем немецкого языка Л. А. Корнеевой[182], а с октября 1934 г. приступила к преподаванию английского языка О. А. Остроумова[183].

---

[181] Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917 – 1973. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с. – С. 162.
[182] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15 об.
[183] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.

Постепенно, под воздействием разных, в том числе и политических обстоятельств, учебный план курсов расширялся и усложнялся. Так, например, после поступления на курсы С. Н. Медовщиковой в 1931 г., ей, как и другим слушателям, не предлагались ни общеобразовательные, ни общественно-политические дисциплины. Однако, в 1932 г. учебный план курсов пополнили такие предметы как: «история страны изучаемого языка», «история классовой борьбы», «педагогика», «истмат и диамат», «политэкономия». Поэтому в документе, свидетельствующем окончание С. М. Медовщиковой английского отделения курсов (от 1935 г.), значились не только сугубо специальные предметы («английский язык», «фонетика английского языка», «разговорная практика», «художественный перевод», «технический перевод», «деловая корреспонденция»)[184], но и вышеуказанные дисциплины.

На основании результатов четырехлетнего обучения[185] на английском отделении курсов слушатели обретали квалификацию «преподаватель английского языка полной средней школы и переводчик»[186]. В конце 1935 г. распоряжением «сверху» в учебный план вводятся такие предметы как: «лексикология», «литература», «история языка», «психология».

Естественно, что на фоне усложнения и расширения учебных планов и программ, преподавателям приходилось постоянно повышать свой общеобразовательный уровень и квалификацию. Например, в 1933 г. один из лучших преподавателей курсов, работавший с М. М. Ландау с 1925 г., Г. Г. Гиленков[187] стал читать ряд новых курсов – «методика преподавания английского языка», «художественный перевод», «фонетика английского языка», «история английской литературы».

---

[184] По-видимому, комплексное преподавание именно этих дисциплин сумел наладить и поддерживать в течение многих лет М. М. Ландау

[185] Документы С. Н. Медовщиковой подтверждают, что с начала 30-х гг. курсы иностранных языков при ГПИ имели четырехгодичный срок обучения – Архив музея НГЛУ.

[186] Она была утверждена краевым отделом народного образования 14 ноября 1935 г.

[187] По отзыву М. М. Ландау, Гиленков был «крупным специалистом по фонетике английского языка и автором трудов из этой области». – Отзыв М. М. Ландау о Г. Г. Гиленкове. Рукопись. – Архив музея НГЛУ; ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 231. Л. 112 об., 113.

Благодаря трудам и заботам коллектива курсов, возглавляемых М. М. Ландау, школы, техникумы, училища и вузы Нижегородского края пополнялись квалифицированными преподавателями иностранных языков.

Постепенно и с немалым трудом росла квалификация преподавательского состава самих курсов иностранных языков при Нижегородском пединституте. Попутно заметим, что преподавательский состав курсов в 1930-е гг. состоял из лиц, работавших в различных вузах, втузах, средних школах города Горького. Как правило, они преподавали иностранный язык не в одном, а сразу в нескольких учебных заведениях.

Среди прочих обстоятельств, к профессиональному росту коллектив подталкивали и решения Москвы, приступившей с 1932 г. к созданию дополнительных структур и подразделений высшей школы в СССР[188]. По-видимому, наиболее квалифицированным и авторитетным преподавателем среди сотрудников курсов считалась О. А. Колдунова, имевшая многолетний стаж и опыт педагогической деятельности с 1917 г.[189]. Обогащенная опытом и новыми знаниями, она вернулась в Нижний Новгород в 1930 г. и продолжила работу преподавателем английского языка[190]. К 16-ой годовщине Октябрьской

---

[188] Ученые степени и звания преподавателей дореволюционных вузов были отменены в 1918 г. соответствующим декретом СНК РСФСР. Восстановлены постановлением СНК СССР 13 января 1934 г. См.:
Декрет СНК РСФСР от 1 января 1918 года «О некоторых измененияз в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных завелений Российской Республики» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18415#07871151301323965
Постановление СНК СССР от 20 марта 1937 № 464 «Об ученых степенях и званиях» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sssr.regnews.org/doc/mw/2p.htm

[189] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 3,10. ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 1 об., 10.

[190] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 8 об.

революции её труд был отмечен почетной грамотой от курсов[191] за подписью Ландау и премией в размере 100 рублей[192].

Соответствующие материалы о представлении О. А. Колдуновой к званию доцента были направлены в 1934 г. в Квалификационную комиссию Наркомвода от ГИИВТа, так как она имела нагрузку по кафедре иностранных языков института инженеров водного транспорта с 1 января 1930 г.[193]. 2 ноября 1934 г. она была утверждена доцентом кафедры иностранных языков ГИИВТа и стала заведовать ею, продолжая работу на курсах М. М. Ландау[194]. Таким образом, О. А. Колдунова вошла в число самых первых доцентов советской системы высшего образования[195], явившись первым обладателем ученого звания в рамках будущего Нижегородского иняза, долгое время единственным доцентом по иностранным языкам в городе Горьком.

В поисках новых кадров преподавателей-нелингвистов М. М. Ландау приглашает на курсы в новом учебном году (1934-1935) И. С. Комарова[196], специалиста в области педагогики[197]. И. С. Комаров работал на курсах по совместительству, будучи штатным преподавателем педагогического института. Понимая дефицит преподавательских кадров в условиях растущих требований к деятельности курсов, М. М. Ландау выезжает в Москву для поиска и привлечения в Горький квалифицированных работников высшей школы. Однако тогда эти хлопоты не принесли результата: растущее учебное заведение не обладало требуемыми ресурсами и должной базой. Оно не могло

---

[191] Это, на первый взгляд, мелкая деталь имеет для нас серьезное значение. По нормам того времени правом награждать грамотами обладали отнюдь не частные, но только государственные учреждения, что вполне конкретно указывает: хозрасчетные курсы под руководством М. М. Ландау являлись структурным подразделением государственного учреждения; в тот момент – частью ГПИ.

[192] Архив музея НГЛУ.

[193] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 1 об.

[194] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 7; Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 14 об.

[195] Аттестат, подтверждающий звание доцента, был выдан О. А. Колдуновой решением ВАК Министерства высшего образования СССР лишь в 1948 г. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 63, 102.

[196] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 9. 59 л.; Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 124. Л. 110; Архив музея НГЛУ.

[197] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

обеспечить иногородних преподавателей достойным жильем, да и сами курсы не обладали собственным помещением и продолжали занимать площади под сводами Горьковского пединститута.

Реорганизация педагогического института в августе 1934 г. по факультетскому признаку не коснулась курсов. На одном из пяти его факультетов – факультете языка и литературы ГПИ – имелся кабинет иностранных языков[198].

В начале 1930-х гг. деятельность Государственных курсов иностранных языков при ГПИ обрела одно из новых направлений. Решением властей им вменялись в обязанность организация и проведение политпросветработы среди иностранных рабочих и специалистов, прибывших в город для пуска ряда новых промышленных предприятий и переоборудования некоторых старых заводов[199]. Отметим, что в их общей массе оказалось немало коммунистов, искренне желавших оказать помощь молодой Советской республике. Кроме них, было и немало квалифицированных рабочих, пытавшихся пережить тяжелые годы экономической депрессии, бушевавшей на Западе. (Следует добавить, что многие из приезжих иностранцев останутся в СССР, связав свою судьбу с Нижним Новгородом-Горьким.)

С апреля 1931 г. М. М. Ландау, будучи заведующим курсами иностранных языков при ГПИ, стал постоянно посещать коллективы рабочих-иностранцев на предприятиях Нижнего[200]. По существу, он занялся политико-воспитательной работой, что свидетельствовало о достаточно высокой степени

---

[198] Зеленцов, В. Д. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. –176 с. – С. 53, 56.

[199] В связи с проводимой в СССР политикой индустриализации страны началась широкая закупка оборудования в США, Германии, Англии и других государствах. В таких обстоятельствах развернулась закладка автомобильного завода, завода фрезерных станков, а также обновление промышленного потенциала Сормовского завода.

[200]Например, на заводе «Красное Сормово» установление контактов с иностранцами директор НПИ поручил заведующему курсами Ландау и доценту кафедры истории Смирину – ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 29. Л. 101.

доверия к нему со стороны властей. После долгого перерыва М. М. Ландау продолжил практику прямого общения с носителями иностранного языка.

Между тем, курсы продолжали развиваться, закрепив за собой на деле статус высших четырехгодичных курсов иностранных языков при ГПИ. В их рамках преподавалось более десяти учебных дисциплин как специального, так и общего характера. Окончившие курсы получали квалификацию «учитель иностранного языка и переводчик»[201]. Продолжающийся рост учебно-методического потенциала высших курсов выдвигал и делал достижимой задачу превращения их в самостоятельное высшее учебное заведение.

М. М. Ландау также продолжал расти как преподаватель и организатор учебного процесса. Его личностные качества и поведенческие императивы убеждали многих в том, что он – один из наиболее вероятных претендентов на роль руководителя будущей учебной структуры. По воспоминаниям жены Ландау, он «никогда не жаловался на усталость, но жаловался, что ему не хватает на все времени. Он обладал каким-то обаянием, стремился всем быть полезным, тактичным вообще со всеми»[202].

Параллельно Ландау активно занимался научной деятельностью. На протяжении ряда лет он работал над материалами кандидатской диссертации, находясь в академических контактах с ведущими учеными-лингвистами страны. По сведениям Ландау Н. Н., текст той диссертации был практически выполнен целиком к концу 1934 г.

Одновременно он обладал достаточно высокой учебной нагрузкой на высших курсах иностранных языков: 18 часов в неделю вел занятия по английскому языку[203] и техническому переводу с английского языка

---

[201] Документы окончивших курсы иностранных языков при ГПИ. – Архивы НГЛУ и Музея НГЛУ.
[202] Воспоминания Ландау Н. Н. Рукопись. – Архив музея НГЛУ, Л. 1 об.
[203] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 2 об.

на русский[204]. Кроме того, в 1934-1935 уч. г. преподаватель Ландау выполнил 80 часов работы с аспирантами[205].

Архивные фонды сохранили единственный приказ директора высших курсов иностранных языков Макса Ландау, написанный им собственноручно в обычной школьной тетради в линейку и с портретом В. И. Ленина на обложке. Приказ от 15 декабря 1934 г. касался назначения новым секретарем курсов Марии Константиновны Бурдиной[206].

Следующий приказ руководство курсов издает в связи со смертью М. М. Ландау. Он скончался 4 апреля 1935 г., по сути, в расцвете творческих сил, замыслов и возможностей. 4 апреля 1935 г. появился приказ следующего содержания: «Сего числа я вступил во временное исполнение обязанностей директора курсов вместо умершего М. М. Ландау, о чем объявить сотрудникам и слушателям курсов для сведения. Основание: договоренность и личное поручение заместителя Горьковского педагогического института... Директор Анисимов»[207].

Со смертью М. М. Ландау заканчивался период зарождения будущего, одного из новых, горьковских вузов. Сопоставительный анализ изложенного с дальнейшими событиями, связанными с возникновением иняза, показывает, что именно М. М. Ландау принадлежит значительная заслуга в процессе становления будущего института. По существу, им был создана база для появления под крышей Горьковского педагогического института самостоятельной образовательной структуры на уровне высшего учебного заведения.

Однако, потребовалось ещё два с половиной года, чтобы детище М. М. Ландау обрело статус вуза. Ряд обстоятельств местного

---

[204] Об этом, в частности, вспоминала в 1937 г. слушательница курсов Е. Н. Булгакова: «В 1934-1935 уч. г. я обучалась на III курсе четырехгодичных курсов иностранных языков. М. М. Ландау я знала. Он вел технический перевод. После смерти Ландау этот курс стал вести Меркульев, вскоре арестованный» – ЦАНО. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 5483. Л. 67, 68 об.
[205] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 1. Л. 3 об.
[206] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
[207] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 об.

и государственного порядка способствовал дальнейшему процессу созревания нового лингвистического института.

Система высшего образования СССР во второй половине 1930-х гг. переживала значительные структурные перестройки. В отличие от первой половины 1930-х гг., когда различные постановления вводились и отменялись, а зачастую и противоречили друг другу, в 1936-1937 гг. принимается ряд мер, способствующих значительному улучшению организационно-воспитательной работы вузов, повышению ответственности министерств и ведомств за обучение и материальное обеспечение студентов и преподавателей. Принятые меры способствовали переходу университетов и институтов к работе на основе стабильных учебных планов.

Важной точкой, меняющей работу вузов, стало принятие Постановления «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой»[208], изменившее не только кадровый подход в системе высшего образования, но и в целом работу этих учебных заведений[209]. Развитием идей постановления были документы о совершенствовании работы аспирантуры[210].

В 1937 г. был отменен почасовой порядок оплаты труда преподавателей[211]. Утверждались следующие должности: профессор – заведующий кафедрой, профессор кафедры, доцент и ассистент, вводились

---

[208] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа //http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm

[209] Ленин, В. И., КПСС о развитии науки. / В. И. Ленин. – М., Политиздат, 1981. – 800 с. – С.367.

[210] Постановление СНК СССР от 16 сентября 1936 г. «О заочной аспирантуре». Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917 – 1973. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с. – С. 486-489;
Постановление СНК СССР от 31 марта 1939 г. «Об утверждении Положения об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах» //Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / Под ред. Л. И. Карпова, В. А. Северцева. – М.: Сов. наука, 1957. – 656 с. – С. 39.

[211] Постановление СНК СССР от 11 ноября 1937 г. «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа //http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4127.htm

должности старшего преподавателя и преподавателя. В зависимости от стажа работы устанавливались оклады.

Научно-педагогическим работникам вузов предписывалось, вести все виды учебной и научно-исследовательской работы в среднем по 5 часов в день, запрещалась работа по совместительству. Выдвигалось требование развивать научные исследования в университетах и институтах. Учебный план аспирантов на 1938 г. требовал изучения курсов: марксистско-ленинской философии, специальности и иностранного языка.

Проанализируем процесс развития ГГПИИЯ. После смерти Ландау недолго на должности руководителя курсов иностранных языков находился Д. А. Анисимов. Вскоре его сменил А. И. Березин. Выбор властями кандидатуры Березина не был случайным. А. И. Березин (1900-1961 гг.) имел высшее педагогическое образование, опыт преподавания в различных, в том числе высших, учебных заведениях. Обладал навыками партийной и организационной работы и значительным (с 1919 г.) партийным стажем. Кроме всего прочего, располагал безупречной биографией советского руководящего работника.

Распоряжением директора педагогического института Федотова (приказ № 189 по ГПИ от 31 августа 1935 г.) Д. А. Анисимов сдал дела А. И. Березину Соответствующий документ гласил: «Тов. Березина Александра Ивановича назначаю директором КУРСОВ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ с 28-го августа 1935 г. Директор ГПИ: Федотов»[212].

Первым приказом по курсам иностранных языков за номером 16 А. И. Березин ставит в известность их коллектив о собственном назначении[213]. Заранее отметим: в качестве директора Государственных курсов иностранных языков при ГПИ ему доведется проработать два учебных года – в 1935-1936 г. и 1936-1937 г.

---

[212] Архив музея НГЛУ.
[213] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 5 об.

Вступив 1 сентября 1935 г. в должность исполняющего обязанности директора курсов иностранных языков при Горьковском педагогическом институте, А. И. Березин занялся зачислением в собственный штат преподавательских кадров. Процедура потребовала предоставления с их стороны ряда справок, в том числе и о предыдущем стаже педагогической деятельности.

Самыми ранними официально оформленными справками о работе на вышеупомянутых курсах были документы, датируемые 1933 г. Однако, среди тех, кто оформлял трудовой договор на 1935-1936 уч. г., оказалась преподаватель Л. В. Миловидова, сумевшая с помощью устных свидетельств иных сотрудников доказать, что работала на Нижегородских курсах иностранных языков с 1923 г. Позже её заявление и свидетельства иных преподавателей отложились в материалах Центрального архива Нижегородской области[214].

Кроме того, в затребованных «наверх» докладных 1935 г. директор ГПИ и директор курсов указали 1923 г. как дату образования курсов иностранных языков. По-видимому, тогда А. И. Березин не считал необходимым говорить о деятельности курсов в статусе частных. И потому в газетной публикации от 1937 г. он подчеркнул, что Нижегородские курсы иностранных языков существовали с 1923 по 1937 гг.[215]. Позже это заявление было повторено в книге, посвященной 50-летию Горьковского государственного педагогического института иностранных языков[216].

Тщательный анализ материалов Архива Музея НГЛУ и фондов ЦАНО, а также их сопоставительное рассмотрение позволяют считать

[214] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.
[215] Горьковская Коммуна. – 1937. – 18 октября.
[216] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 7.

работоспособной версию времени зарождения будущего лингвистического университета, а именно – 1917 г., что и было высказано ранее[217].

Не ставивший перед собой задач скрупулезного воссоздания истории иняза, А. И. Березин мог полагать, что своим зарождением возглавляемый им институт обязан советской власти, что было вполне оправданным и уместным в тревожных условиях текущего 1937 г.

Зачинатель курсов М. М. Ландау к тому времени уже скончался и, по-видимому, не осталось желающих публично утверждать, что возникший институт иностранных языков есть поздний продукт частнопредпринимательской инициативы беспартийного и достаточно аполитичного человека с большой практикой изучения и преподавания лингвистических дисциплин.

А. И. Березину как руководителю достался преподавательский персонал курсов в количестве 21 человека штатных преподавателей, причем, из них 40% составляли мужчины и 60 % – женщины[218]. Штат административно-хозяйственных работников представляли пять человек – директор, секретарь, бухгалтер, библиотекарь, машинистка[219].

Число преподавателей почти не менялось, до 1937 г. лишь двое сотрудников покинули коллектив[220]. В сентябре 1936 г. русский язык стала преподавать Е. Ф Батюк-Урусова[221], а всеобщую историю – М. А Шамшин.

---

[217] Среди документов, содержащихся в музее НГЛУ, содержится оригинал рукописи воспоминаний жены М. М. Ландау – Нины Никитичны Ландау. Она подчеркивает, что приехавший в Нижний в 1917 г. Макс Михайлович сразу приступил к организации курсов. Степень объективности её суждений повышает и то обстоятельство, что Н. Н. Ландау ещё до замужества была одной из первых слушательниц Нижегородских курсов иностранных языков //Архив музея НГЛУ. Рукопись «Воспоминания Н. Н. Ландау». Л. 1, 1 об.

[218] Подсчитано нами по: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 2. Л. 26.

[219] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 2. Л. 67.

[220] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 21 об., 37.

[221] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород, 1998. Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов и др.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.), Л. Н. Большов и др. 1997. – 542 с. – С. 79.

В ЦАНО имеется личный фонд Е.Ф. Батюк-Урусовой. Ф. Р-353. Оп. 1. 38 дел. 1910-1978.

В феврале 1937 г. Е. Д. Вильсон была назначена на должность преподавателя по дисциплине «разговорная практика»[222].

Как хозрасчетное предприятие, курсы были платными и обладали собственным расчетным счетом в Госбанке[223]. Бюджет курсов формировался только из оплаты за обучение, представляемой учащимися. Плата за год зависела от материального положения обучаемого и должна была быть не меньше 150 рублей и не выше 400 рублей (то есть определялась тогдашними месячными окладами). Студент вуза платил за обучение на курсах 100 рублей. Никаких дотаций от государства курсы не получали. Некоторые лица обучались на курсах как командируемые от краевых организаций (крайоно и др.) за счет государства. В 1935 г. смета курсов в доходной части составила 55200 рублей[224].

Оплата труда преподавателей формировалась из объема почасовых занятий, из расчета 5 рублей 25 копеек за один академический час. «Час доцента» стоил 8 рублей 33 копейки. Максимальная нагрузка достигала 770 часов в год. Таким образом, размер зарплаты преподавателей зависел от количества часов и, соответственно, был разным[225]. Наибольшую почасовую нагрузку выполняли преподаватели Г. Г. Гиленков, Л. А. Корнеева, О. А. Остроумова[226]. Небольшие доплаты осуществлялись в виде так называемых «хлебных» денег[227].

В сентябре 1935-1936 уч. г. слушатели приступили к занятиям в помещении горьковской городской школы им. А. С. Бубнова[228], на её третьем

---

[222] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 21 об., 22, 29.
[223] № 150/520 – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 22, 27.
[224] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 16.
[225] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 15 об. Так, например, согласно бухгалтерским ведомостям, Г. Г. Гиленкову было выплачено за весь учебный год 4165 рублей 70 копеек (то есть около 350 рублей в месяц), тогда как должностной оклад директора курсов А. И. Березина составил 825 рублей в год.
[226] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 1. Л. 5 об.
[227] Всего за 1935-1936 уч. г. был выделен на всех сотрудников курсов 261 рубль, то есть около 10 рублей на человека в год. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 2. Л. 68.
[228]Помещение упоминаемой ранее городской гимназии, принадлежавшей Е. Т. Хреновской, располагалось на Черном пруду (Чернопрудский переулок, дом 2) и до 1939 г. школа носила

этаже, причем, все группы обучаемых одновременно. Курсы были укомплектованы «из рабочих, служащих и их иждивенцев» в количестве 329 человек, из них 39 – составляли так называемое «партийно-комсомольское ядро». 32 человека из слушателей курсов имели высшее и незаконченное высшее образование, 180 – среднее, 117 – незаконченное среднее. Лица, имевшие образование ниже семилетки, на курсы не зачислялись[229].

Нехватка аудиторного фонда, предоставляемого школой после окончания её работы, создавала известные трудности. Занятия на курсах начинались в 19:30, и это рождало заметную усталость слушателей. Выражаясь современным языком, следует признать, что все они были, по существу, «студентами вечернего отделения». Однако, тогда на основании распоряжения крайоно они обозначались как «слушатели I, II, III, IV г. обучения». Выпускники курсов получали право преподавать язык в средней школе, на рабфаках и в техникумах.

Администрация учреждения во главе с А. И. Березиным достаточно требовательно относилась к поддержанию должной дисциплины среди слушателей и преподавателей курсов. За систематический пропуск занятий без внятного объяснения причин отчислялись нерадивые и недисциплинированные лица. Так 4 ноября 1935 г. директор издал приказ об отчислении с английского отделения 15 человек, с немецкого – 19, с французского – 1[230]. 29 декабря 1936 г. курсы покинули 35 человек[231]. Согласно приказу от 10 февраля 1937 г., были отчислены 42 человека со всех отделений[232].

Одновременно директор вместе с бухгалтерией учреждения внимательно следил за аккуратностью и своевременностью денежных поступлений

имя государственного и партийного деятеля А. С. Бубнова. С 1939 г. ей было присвоено название «Школа имени Декабристов».

[229] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 16.

[230] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 8.

[231] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 27.

[232] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 30.

от обучаемых. В связи с неуплатой отдельными лицами полагающихся средств, администрация передавала соответствующие дела на них в суд[233].

Параллельно дирекция наказывала отдельных преподавателей, позволяющих себе опоздания или срывы занятий. (Таковые были нередки в связи с тем, что многие преподаватели работали по совместительству и добирались до школы имени Бубнова из отдаленных филиалов и иных учебных заведений.) А. И. Березин издавал по таким случаям соответствующие приказы, в которых «предупреждал» или «ставил на вид»[234]. Отметим также, что Государственные курсы иностранных языков при ГПИ все более нуждались в собственном, достаточно вместительном и просторном помещении. Дальнейшие события все чаще будут указывать на растущую остроту этого вопроса.

Вместе с тем А. И. Березин поощрял наиболее работоспособных и добросовестных преподавателей[235]. Директор умело стимулировал работу молодых сотрудников[236].

С первого семестра 1936-1937 уч. г. начинается систематическое направление ведущих преподавателей курсов в научно-лингвистические центры страны, преимущественно в Москву и Ленинград, для повышения квалификации и академического роста[237]. В дальнейшем такая практика приобретет стабильный характер.

---

[233] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 14.

[234] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 9-10.

[235] Так, например, провожая в сентябре 1936 г. на заслуженную пенсию старейшую преподавательницу курсов Э. В. Ярошевскую, руководство курсов наградило её двухнедельной путевкой в дом отдыха // ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

[236] В приказе от 27 июня 1936 г. он подчеркивал: «С удовлетворением отмечаю большую и напряженную работу, проделанную на курсах и его рабочих филиалах, молодыми растущими преподавателями тов. Синчуговой Г. В. и Медовщиковой С. М.». Тогда С. М. Медовщикова получила премию в размере 150 рублей, а Е. Э. Радзишевской была объявлена благодарность // ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 17.

[237] Так приказом от 5 ноября 1936 г. в качестве поощрения научными командировками и книгами на иностранных языках были награждены О. А. Колдунова, Ф. И. Ланц, Р. О. Лебедева, С. Н. Медовщикова. 28 июня 1937 г. ещё два преподавателя – Л. А. Корнеева и Л. В. Миловидова направляются в научную командировку в Москву с выплатой 100 рублей командировочных // ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 25, 34 об.

Тем не менее, было очевидно, что курсы испытывают значительный дефицит в специалистах высшей квалификации. В таких условиях А. И. Березин опирается на помощь московских институтов. Начиная с 1936-1937 уч. г. в Горький стали выезжать ведущие ученые-языковеды. Наиболее заметной фигурой среди них был Г. П. Торсуев, первым приехавший в Горький в качестве командированного столичного специалиста.

Вместе с тем, понимая, что последующее поколение преподавателей не может быть обеспечено за счет иногородних вузов, дирекция курсов внимательно присматривается к своим наиболее способным и талантливым слушателям. Многие из них (А. М. Архангельская, Г. С. Голубовская и др.) награждались грамотами, ценными подарками, путевками в дома отдыха, подборкой учебных материалов, их фотографии заносились на Доску почета курсов и т.д. Самые одаренные и наиболее трудолюбивые зачислялись в штат преподавателей курсов. Преподавателями, по существу, они становились, будучи старшекурсниками, приступив к обучению слушателей младших групп. Притом, согласно приказу директора, они освобождались от дальнейшей платы за обучение «с целью поощрения стремления к повышению квалификации»[238].

Одной из первых среди них была А. С. Ненюкова[239]. Другой стала бывшая выпускница курсов Л. И. Парийская[240]. В 1937 г. курсы окончила Ю. П. Новикова, очень скоро ставшая одним из лучших учителей города.

Последовательно расширялась работа филиалов курсов на предприятиях и в учреждениях города[241]. На штатную должность инструктора по филиалам был назначен 2 сентября 1936 г. энергичный П. А. Припоров[242]. В работе с филиалами особую активность проявил молодой сотрудник

---

[238] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 34.
[239] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 12. 71 л.; Архив музея НГЛУ.
[240] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 9. Л. 59; Архив музея НГЛУ.
[241] Среди них числились заводы: имени Воробьева, 21-й авиационный, имени 26 бакинских комиссаров, фабрика «Красный Октябрь», учреждения: «Лесосплав», «Оргсвязь», «Трансле с», «Заготзерно», Внешторг, «Электропром» и др. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
[242] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 21.

С. Н. Казанский[243]. В 1936-1937 уч. г. работа на филиалах продолжилась: к ней подключились преподаватели Плотникова, А. М. Иноземцев, А. М. Жукова (Архангельская), Гурвич[244].

22 октября 1935 г. Наркомпрос РСФСР сделал запрос в Горьковский пединститут за № 310 об имеющемся в городе ресурсе преподавателей иностранных языков. Отвечая на «бумагу» Наркомпроса, директор ГПИ и директор курсов иностранных языков составили две докладных: от 5 и 15 ноября 1935 г., представляющих собой краткие аналитические записки[245].

В первой докладной от 5 ноября была обрисована кадровая ситуация с преподавателями иностранных языков для средней и неполной средней школы в Горьковском крае («проблема кадров до сих пор остается неразрешенной»). Отмечалось, что имеющиеся в крае педагогические институты и педтехникумы, как русские, так и национальные, готовят кадры всех требуемых специальностей, за исключением преподавателей иностранных языков. Подчеркивалось, что «потребность школ до сих пор удовлетворяется либо за счет лиц, окончивших курсы иностранных языков (что говорит о значении их деятельности в период до создания ГГПИИЯ – авт.), либо за счет преподавателей других дисциплин, дающих уроки английского и немецкого языка по совместительству»[246]. «Если городские школы как-то выходят из положения, – отмечалось в докладной, – то многие школы периферии вынуждены уроки иностранного языка снимать за отсутствием преподавателей»[247]. В сложившейся ситуации авторы докладной считали необходимым на базе курсов, существующих, как они отмечали, уже более 10 лет, создавать вуз.

---

[243] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 3. Л. 13. Ф. Р-120. Оп. 11. Д. 200. Ф. Р-120. Оп. 11. Д. 1. Л. 3 об.
[244] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 34 об.
[245] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 13-13 об., 14-16.
[246] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 13.
[247] Там же.

Из второй записки от 15 ноября, характеризующей курсы иностранных языков, следовало, что они «существуют с 1923 г. … Никакого положения о курсах в делах не сохранилось». Имя умершего в начале 1935 г. М. М. Ландау и его заслуги в создании структуры в записке не были отражены, но подчеркивалось, что «в настоящее время курсы работают как филиал педагогического института и имеют целью без отрыва от производства подготовку преподавателей и переводчиков английского, немецкого и французского языков. Срок обучения четырехгодичный».

Авторы записки оценивали учебный план курсов как приближающийся к учебному плану вечернего отделения факультета языка и литературы «с той лишь разницей, что значительно уменьшено количество часов (1740), поскольку курсы находятся на хозрасчете вынуждены укладываться в сумму, получаемую с учащихся»[248]. При характеристике кадровых возможностей курсов в числе наиболее опытных назывались девять преподавателей. Из них трое были руководителями подразделений иностранных языков в вузах города: Г. Г. Гиленков (зав. кафедрой иностранных языков индустриального института), О. А. Колдунова (зав. кафедрой ГИИВТа), Ф. И. Ланц (зав. циклом иностранных языков в инженерно-строительном институте).

Остальные работали в разных вузах по совместительству рядовыми преподавателями: в сельскохозяйственном институте (М. С. Михайлова), в индустриальном (Л. В. Миловидова), в педагогическом (В. Н. Лебедева), в университете (Л. А. Корнеева), в строительном и педагогическом (М. Я Лебедева.).

В качестве вывода в записке, направляемой в Наркомпрос РСФСР, была сформулирована просьба «реорганизации курсов и создания на их базе факультета иностранных языков при педагогическом институте, готовящего кадры для средней школы и отделения иностранных языков двухгодичного учительского института, дающего кадры для неполной средней школы»[249].

---

[248] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 14.
[249] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 16.

Предлагалось создать новые учебные структуры уже в 1936-1937 уч. г.[250].

После такого рода переписки неудивительно, что через полгода после своего назначения на должность директора курсов А. И. Березин был вызван в центр в целях ознакомления с опытом организации учебно-методической работы в ведущих лингвистических вузах страны. Согласно приказу от 15 марта 1936 г., он выбыл в недельную командировку «для знакомства с постановкой учебной и организационно-хозяйственной работы Московского комбината иностранных языков и Ленинградских государственных курсов»[251]. Это была его первая командировка в центр. В дальнейшем такая практика станет постоянной.

Как отмечалось ранее, внимание к изучению иностранных языков в стране на уровне центра было явно выражено в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой»[252]. В частности, речь в документе шла о вступительных экзаменах в вузы, включающие теперь и иностранные языки[253].

Изучив ситуацию в Горьковском крае, Наркомат стал готовить создание не факультета иностранных языков внутри педагогического института, как просил директор ГПИ, а самостоятельный институт иностранных языков, учитывая имеющийся достаточно сильный кадровый потенциал вузов города Горького.

По-видимому, Наркомпрос СССР, озабоченный проблемами формирования новых периферийных вузов и создания их руководящих структур, был вынужден находить формы и средства соответствующего обучения представителей последних. Со временем А. И. Березин приобретал

---

[250] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 3. Д. 41. Л. 13.
[251] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 11 Об., 12.
[252] Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917 – 1973. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с. – С. 427-433.
[253] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm

все больший опыт организатора образовательной структуры, как бы рос параллельно с ростом и усилением возглавляемых им курсов. Безусловно, А. И. Березин был человеком своего времени – дисциплинированным и ответственным партийцем, пришедшим к должности решением руководства и вложившим много сил для оправдания оказанного ему доверия. Следует полагать, что в условиях подготовки к созданию Горьковского педагогического института иностранных языков (первая половина 1937 г.) его кандидатура, среди иных, была наиболее вероятной и приемлемой на должность директора нового рождающегося вуза.

13 сентября 1937 г. вышло Постановление СНК РСФСР за № 953 «О подготовке преподавателей иностранных языков для неполной средней и средней школы», в котором, среди прочего, указывалось следующее. «В целях улучшения подготовки преподавателей иностранных языков для неполной средней и средней школы, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Организовать для подготовки преподавателей иностранных языков средней школы следующие педагогические институты с трехгодичным сроком обучения: …[254]

г) Горьковский педагогический институт иностранных языков – на базе курсов иностранных языков»[255]. Тогда в России были одновременно созданы три иняза: Ленинградский, II Московский и Горьковский[256]. Эти три вновь созданные педагогические институты иностранных языков добавились

[254] ГГПИИЯ сразу сформировался как четырехгодичный по сроку обучения институт, так как базировался на четырехгодичных курсах иностранных языков.

[255] Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 24. Д. 133. Л. 305. Цит. по копии, хранящейся в Архиве Музея НГЛУ. Отметим, что внутри структуры Горьковского педагогического института, из которой «ушли» курсы как база Горьковского института иностранных языков, образовались и начали функционировать сначала кафедра иностранных языков, а затем – факультет иностранного языка. Причем, между образовавшимся ГГПИИЯ и этим факультетом ГПИ сохранились прочные функциональные связи. Перед Великой Отечественной войной эти структуры сольются: факультет иностранного языка ГПИ войдет в Горьковский институт иностранных языков.

[256] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

к имеющемуся I Московскому инязу, созданному в 1930 г. Горьковский институт стал частью формирующейся системы вузов, готовящих преподавателей иностранных языков.

7 октября 1937 г. А. И. Березин издает свой первый приказ в качестве и. о. директора ГГПИИЯ: «§ 1. На основании Постановления СНК РСФСР за № 953 от 13 сентября сего г. считать Горьковские Курсы Иностранных языков реорганизованными в Горьковский Педагогический Институт Иностранных языков. И.О. директора Березин»[257].

На следующий день появляется приказ № 2 по ГГПИИЯ, где объявлялись административные должности нового вуза и оклады их содержания[258] (Приложение 3). Штатный состав преподавателей включал в себя по-прежнему 21 специалиста[259], распределенного по пяти кафедрам – английского языка, немецкого языка, французского языка, социально-экономических наук, языкознания и русского языка (Приложение 4).

Тогда кафедрами временно заведовали О. А. Колдунова (английского языка), О. Э. Козлова (французского языка), Ф. И. Ланц (немецкого языка), В. А. Вершинин (социально-экономических наук), Н. А. Лавров (языкознания и русского языка). Их труд оплачивался из размера полной ставки в 500 рублей. Заведующим кафедрами доплачивали от 120 до 140 рублей[260].

Институт включал в себя три факультета: английского языка, французского языка и немецкого языка. Первым деканом факультета немецкого языка был назначен Д. А. Анисимов (по совместительству)[261], 10 января 1938 г. его сменил В. А. Вершинин[262]. Факультетом французского языка заведовал в начале сам А. И. Березин, а с 1 сентября на эту должность назначается

---

[257] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[258] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[259] Плюс 7 совместителей. Таким образом, всего – 28 человек. Из них 17 имели высшее специальное образование – Сизов К. В. Историческая справка о ГГПИИЯ на 1 июня 1973г. // ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д.231. Л. 115.
[260] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
[261] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[262] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

И. Л. Нечаев[263], преподаватель истории, пришедший в вуз в августе 1938 г.[264]. Штатной должности декана факультета английского языка в момент создания института не существовало. Но окончивший в 1937 г. МПИИЯ К. В. Иосифов (1912 г. р.), начал, будучи преподавателем английского языка и литературы в Горьковском инязе, исполнять обязанности декана по договоренности с директором.

Тогда действовала сетка четырехгодичного обучения[265], студенты распределялись по первому, второму, третьему и четвертому курсам. Для них в 1937 г. устанавливалась государственная стипендия в размере: I курс – 100 рублей, II – 120, III – 135, IV – 150[266]. (Через 4 месяца она будет увеличена)[267]. Кроме того, в рамках иняза существовало подготовительное отделение (так называемый «нулевой» курс), слушатели которого (общим числом 26 человек) также обеспечивались госсодержанием в 50 рублей в месяц[268].

В 1937 г. студенческий контингент состоял из 148 человек, распределенных по факультетам следующим образом: ФАЯ – 72, ФНЯ – 57, ФФЯ – 19. Добавим, что очевидная малочисленность студентов факультета французского языка заставила А. И. Березина издать следующий приказ №19 от 3 декабря 1937 г.: «§1. С 1 декабря студентов подготовительной группы факультета французского языка в числе 25 человек считать студентами первого курса того же факультета»[269].

---

[263] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 1. Д. 73. Л. 18.
[264] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.
[265] Хотя постановление СНК от 13 сентября 1937 г. предполагало трехгодичный срок обучения, но предшествующий период развития курсов с четырехгодичным сроком обучения и накопленный опыт работы вполне позволяли инязу качественно вести преподавание в течение 4 лет.
[266] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
[267] В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 11 ноября 1937 г. за № 2001 с 1 ноября того же г. устанавливались следующие размеры стипендий: I курс – 130 рублей, II курс – 150 рублей, III – 175, IV – 175. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 28. В декабре 1937 г. вышел соответствующий приказ А. И. Березина о назначении студентам новых стипендий.
[268] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
[269] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

Вместе с тем, А. И. Березин, вынужденный увязывать между собой ряд разноплановых (методических, организационных, кадровых, хозяйственных, финансовых и др.) задач, не считал возможным оставить курсы иностранных языков вне собственного контроля. Для этого имелось несколько причин. Во-первых, в городе и области имелось достаточно мало лиц с полным средним образованием, имевших право на поступление в вуз, что создавало трудности в процессе подбора абитуриентов. Во-вторых, с самого рождения иняза давали знать о себе финансовые проблемы. В-третьих, лица, закончившие курсы и имеющие собственный педагогический опыт, нередко становились преподавателями нового вуза. Он обращается в инстанции с вопросом о сохранении курсов и добивается поддержки от горисполкома, отдавшего соответствующие распоряжения ГОРОНО. 18 октября 1937 г. он публикует в прессе статью, рассказывающую о возможностях курсов и приглашающую желающих стать их слушателями[270].

С 1 ноября при ГОРОНО открываются одногодичные вечерние курсы для взрослых с отделениями английского и немецкого языков. Туда зачислялись лица не моложе 18 лет, имеющие 7-летнее образование и внесшие оплату за обучение в размере 250 рублей. Филиалы курсов располагались в трех районах: Свердловском (Нагорная часть), Сталинском и Автозаводском районах (Заречье). Занятия шли три раза в неделю по три-четыре часа. Для руководства курсами была выделена специальная ставка из средств иняза[271]. Распоряжением А. И. Березина с 15 сентября 1937 г. секретарем курсов был назначен О. И. Биндеман, работавший также по совместительству секретарем факультета немецкого языка ГГПИИЯ[272].

---

[270] Горьковская Коммуна. – 1937. – 18 октября.

[271] Внимание руководства иняза к курсам не ослабевало и в дальнейшем: в 1939 г. курсы работали как 10-месячные – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 3. Д. 2. Л. 80. С 27 августа 1939 г. по 3 августа 1940 г. ими руководила зам. директора ГГПИИЯ по курсам иностранных языков А. И. Гергардт – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 3. Д. 1. Л. 22, 39, 51. С осени 1940 г. должность директора курсов занял И. С. Комаров – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

[272] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Оп. 2. Д. 3. Л. 38 об.

Перед новым вузом возник ряд разнообразных базовых задач. Совершенно очевидной была проблема площадей. Институт размещался, как и прежние курсы иностранных языков, в основном в арендованных помещениях школы № 16 Чернопрудского переулка. Этого явно не хватало, и А. И. Березин с завидной настойчивостью начинает «атаковать» различные инстанции[273]. Чем дальше, тем больше жизненные реалии диктовали необходимость увеличения, как аудиторного фонда, так и обретения новых помещений для кабинетов, читальных залов и т. д.[274]. Результатом деятельности Березина было обретение 16 комнат, которые находились на балансе института. По существу, они были изъяты из-под контроля и ведомства школы №16[275]. Такое достижение позволило проводить занятия не только в вечернее время, но также утром и днем.

Не последней стала проблема поиска жилья иногородним студентам[276], но ещё более острой была задача обеспечения квартирами преподавателей, и, в первую очередь, приезжающих из Москвы ведущих специалистов, без которых трудно было рассчитывать на качественное обеспечение учебного процесса. В июле 1938 г. Березин отдает следующее распоряжение своему помощнику по хозяйственной части: «т. Николаеву В. А. поручаю обеспечить

---

[273] А. И. Березин посетил высокие кабинеты председателя Горьковского облисполкома А. Н. Бурова, председателя горсовета Боронина, обкома ВКП(б), наркома просвещения РСФСР Тюркина, к которому неоднократно выезжал в 1937 – 1938 гг. Он писал письма в «Учительскую газету» и «Правду». А. И. Березин не побоялся написать личное письмо в адрес И. В. Сталина. Подробнее см.: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 12.

[274] Так, например, возвратившаяся из служебной командировки в Московский институт иностранных языков библиотекарь ГГПИИЯ в своем отчете подчеркивала, что Горьковскому инязу следует как можно быстрее открыть кабинет звукозаписи с использованием возможностей так называемого литофона. Однако, решение вопроса упиралось в отсутствие комнаты и это тормозило развитие процесса современного обучения студентов языкам. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

[275] Этого А. И. Березин добился в 1938 г., когда решением Наркомпроса РСФСР упомянутые фонды были переданы возглавляемому им институту.

[276] Дирекция института предвидела расширение приема и увеличение числа студентов. Действительно, в 1938-1939 уч. г. прием в институт составил 150 человек, на подготовительном отделении обучалось 48 человек – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д.231. Л. 116.

к 15 августа для иногородних студентов Института не менее 50 мест в частных квартирах и 4 комнаты для вновь приезжающих преподавателей»[277].

Подбор и расстановка кадров администрации и преподавателей оказались делом не только трудным и хлопотным, но и болезненным. Многие из набранных руководителей и рядовых технических работников довольно быстро обнаружили либо некомпетентность, либо недисциплинированность. Анализ архивных дел показывает, что с ноября 1937 г. по ноябрь 1938-го г. А. И. Березин был вынужден уволить целый ряд работников, начиная с пьянствующего шофера грузовой машины до старшего бухгалтера и даже собственного заместителя по хозяйственной части[278]. Увольнялись или переводились на другие должности преподаватели, лаборанты и даже один из деканов[279].

Особые трудности и проблемы изначально были связаны с деятельностью библиотеки. Она насчитывала около тысячи томов[280] и А. И. Березин, ещё в бытность свою директором курсов иностранных языков при ГПИ, требовал качественной систематизации её фонда[281]. Однако, дело затягивалось, а зачисленные в штат библиотекари демонстрировали халатность и беспечность. Пришлось уволить нескольких работников библиотеки, причем с довольно нестандартными формулировками. Так, например, в изданном приказе №24 от 29 марта 1938 г. Березин подчеркивал: «§1. Библиотекаря института... считать уволенной с 5 марта за неявку на работу. §2. В связи с нежеланием... закончить сдачу библиотеки и оформить приемно-сдаточный акт, создать для приема библиотеки Комиссию под председательством т. Брой И. М. Комиссии к 1.IV.38 представить мне приемочный акт.»[282].

---

[277] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 64.
[278] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1, 9.
[279] Там же.
[280] Лингвист. – 1957. – 23 сентября. – № 24 (40).
[281] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3. Л. 20.
[282] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

Инвентаризация библиотеки так и не была проведена до конца 1938 г., в результате чего её директору И. М. Брою был объявлен выговор[283]. Тем не менее, библиотека работала. Студентам младших курсов выдавалось на руки по три книги, старшекурсникам по пять, преподавателям – по семь.

Сам А. И. Березин продолжал исполнять обязанности директора ГГПИИЯ, причем, достаточно долго, будучи не утвержденным в должности. Он знал, что областные власти в течение осени 1937 г. рассматривали на эту должность иные кандидатуры, в том числе авторитетную фигуру опытного организатора из НГУ И. И. Чугунова[284]. Документы с ходатайством о его назначении на должность директора ГГПИИЯ были отправлены в Наркомпрос РСФСР. Более того, 21 декабря 1937 г. появился приказ Наркомпроса о назначении И. И. Чугунова на должность директора Горьковского иняза[285]. Буквально в канун Нового г. 31 декабря 1937 г. А. И. Березин выбывает в столицу по вызову наркома. В связи с этим он издает приказ, где указывает цель командировки – «по делам Института»[286].

Но дела института оказались гораздо сложнее, чем представлялось некоторым руководителям. Решением ЦК ВКП(б) И. И. Чугунов был направлен на партийную работу в Краснодарский край. Приказ Наркомпроса от 21 декабря 1937 г. пришлось отменить параграфом № 1 соответствующего приказа №4 от 3 января 1938 г., а §2 утверждал «тов. Березина А. И. и. о. директора Горьковского Педагогического Института иностранных языков»[287].

5 января 1938 г. А. И. Березин вернулся в Горький и издал приказ о том, что приступил к исполнению своих обязанностей[288]. Однако, он продолжал

---

[283] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 117, 117 об.
[284] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 8а. Д. 132.
[285] Неслучайно 21 декабря 1937 г. А. И. Березину было выдано удостоверение за № 120 в том, что «он, действительно, работает в Государственном Пединституте в качестве декана факультета иностранных языков. Директор ГГПИ – Вейкшан. Управделами – Родионова» – Архив музея НГЛУ.
[286] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
[287] Архив музея НГЛУ.
[288] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

числиться «исполняющим обязанности директора». Ему так и не было суждено утвердиться в статусе директора ГГПИИЯ.

Находясь в Москве в январе 1938 г., Березин получил ряд новых инструкций и предписаний, касавшихся упорядочения рабочих структур вверенного ему вуза. По возвращении в родной город он приступил к их реализации.

Вышеупомянутым приказом от 5 января он освобождает от работы преподавателей факультета немецкого языка Ф. И. Ланца и Е. Э. Радзишевскую, «согласно указаний Наркомпроса, как не имеющих высшего специального образования. Основание: указания Наркомпроса от 3/I – 38 г.»[289]. Приведенный факт означал, что столичное ведомство всерьез начинало пересмотр кадрового состава советских вузов.

Исполняя Постановление СНК СССР от 11 ноября 1937 г., касающееся работы высшей школы, А. И. Березин преобразовывает кафедры иностранных языков в кафедры английской, немецкой, французской филологии.

Однако, коллектив по-прежнему не мог целиком и полностью обеспечить учебное расписание и реализовать предлагаемые Наркомпросом программы (Приложение 5). Поэтому продолжалось приглашение ведущих специалистов из Москвы и других горьковских вузов. В 1938 г. среди них были московские доценты Г. П. Торсуев (методика преподавания и фонетика английского языка), В. Б. Линднер (методика преподавания и фонетика немецкого языка), Э. Ф. Райснер (грамматика и практикум немецкого языка), профессор ГПИ С. И. Архангельский (история Запада), преподаватель И. П. Далматов (диалектический материализм), доцент ГПИ И. С. Комаров (педагогика). Труд перечисленных почасовиков оплачивался следующим образом: преподавателю – 15 рублей за 1 академический час, доценту – 25, профессору – 30[290]. Среди почасовиков работал на должности преподавателя русской литературы сам

[289] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
[290] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

директор ГГПИИЯ А. И. Березин[291]. Отметим, что его собственный оклад содержания вырос с марта 1938 г. благодаря решению правительства от 1 февраля того г. до 1000 рублей. Такую же сумму стал получать его заместитель по учебной части[292].

Преподавательские кадры института продолжали пополняться за счет новых, в том числе направленных из Москвы и Ленинграда, специалистов, а также перешедших из других горьковских вузов. В феврале 1938 г. штат пополнился П. Я. Бергманом, направленным от I Ленинградского Института иностранных языков (английская филология), упомянутой ранее Э. Ф. Райснер (немецкая филология), а также А. Я. Сосенским (немецкая филология)[293]. Согласно распоряжениям Москвы, план приема студентов в ГГПИИЯ на 1938-1939 уч. г. был рассчитан на 200 человек.

Согласно приказу Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) СССР[294] определялся набор дисциплин, обязательных на государственных выпускных экзаменах в рамках институтов иностранных языков. Он состоял из: теории и практики иностранного языка, истории языка, истории зарубежной литературы, педагогики и методики преподавания иностранных языков.

Весной – летом 1938 г. А. И. Березин направляет в ведущие академические центры ряд наиболее перспективных преподавателей для повышения квалификации и начала работы над диссертациями. Среди них были Е. А. Щелок, А. В. Шеффер, П. Я. Бергман, А. В. Брылина, О. А. Колдунова, Б. А. Перлин. Их командировки были достаточно

---

[291] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
[292] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
[293] В связи с началом нового уч. г. и расширением перечня преподаваемых дисциплин, а также в виду заметного увеличения числа студентов, в сентябре на работу были приняты Е. Н. Мореплавцев (всеобщая история и история народов СССР), Г. Н. Рожков (военное дело), И. Л. Нечаев (диамат и истмат, ленинизм и история партии), И. А. Агаф (физическая культура).
[294] Всесоюзный комитет по делам высшей школы был учрежден в 1936 г. в связи с широким развитием всех отраслей высшего образования. С 1938 г. действовал единый типовой устав вузов страны.

продолжительными (от 10 до 30 дней) и весьма хорошо оплаченными (от 300 до 600 рублей на человека)[295]. Причем, эти средства были выделены из статьи «повышение квалификации». Командированных консультировали лучшие столичные специалисты-лингвисты. Например. О. А. Колдунова получила ряд консультаций у А. В. Кунина, тогда доцента I Московского иняза[296].

В сентябре 1938 г. был сформирован новый состав членов Совета ГГПИИЯ в количестве 23 человек[297]. В него вошли и новые члены коллектива, выпускницы МПИИЯ – В. В. Хрусталева и Г. В. Михина. На первом же заседании вновь образованного Совета звучала мысль об особой актуальности дальнейшего повышения квалификации преподавателей и более широкого и эффективного развития НИР.

В рамках изучения работы профессорско-преподавательского коллектива вузов нельзя не исследовать сюжет столкновения политики правящей элиты и нижегородской вузовской интеллигенции, выражающийся в том числе в идеологическом контроле со стороны властей над сотрудниками и учащимися внутри системы высшего образования.

Создание Горьковского института иностранных языков совпало с пиком политических репрессий в стране, что не могло не сказаться на его развитии. После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. в законодательство страны начинают вводиться изменения, в дальнейшем предопределившие судьбу миллионов граждан. Нормативные документы[298], служившие основанием для проведения массовых репрессий в стране, делали законным политический террор в отношении широких масс людей. В частности, НКВД утвердил для Горьковской области норматив в 1000 осужденных, подлежащих немедленному

[295] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп 1. Д. 9. Л. 59, 59 об.
[296] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 13.
[297] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 12. Л. 178.
[298] В первую очередь, Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Книга памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996. – С. 766 – 780.

расстрелу, и 3500 осужденных – аресту и заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет[299]. В этих условиях политическая благонадежность становилась основным критерием при подборе научно-педагогических кадров.

В первую очередь, ужесточение режима было связано с тем, что «часть представителей антисоветских формирований, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства…в различные советские учреждения»[300].

В результате органами НКВД с регулярной периодичностью подвергались репрессиям, как преподаватели, так и учащиеся, региональных вузов и техникумов, а также школ различного уровня, от городских до сельских. Политическая благонадежность становилась основным критерием при подборе научно-педагогических кадров.

Внимание к горьковчанам – «троцкистам и зиновьевцам» было проявлено ещё в январе 1936 г., когда арестовали преподавателя Горьковского педагогического института В. П. Ольберга, «эмиссара Троцкого»[301]. Помощниками Ольберга были названы Елин и Федотов, которые якобы способствовали его легализации после приезда из Германии в 1935 г. в СССР на постоянное жительство и работу. Ольберга обвиняли в создании террористической группы, подготовившей убийство вождей партии[302].

Толчком к активизации интереса к преподавателям горьковских вузов явились крупные процессы августа 1936 и января 1937 г. над Зиновьевым, Каменевым и др. Дело В. П. Ольберга потянуло за собой дела ректора ГПИ И. К. Федотова (якобы руководителя троцкистской террористической группы в городе Горьком), первого секретаря Дзержинского ГК партии М. Л. Елина, преподавателя пединститута Я. А. Фуртичева. Возникло так называемое дело

---

[299] Книга памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996. – С. 766 – 780.

[300] Книга памяти жертв политических репрессий: Российская Федерация. Ульяновская область. – Ульяновск, 1996. – С. 766-780.

[301] С этого ареста начинают свой очерк о репрессиях 1930-х гг. Кулаков и Гордеева.

[302] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) обкомам, крайкомам, горкомам, райкомам партии «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока от 29 июля 1936 г.» // Известия ЦК КПСС. – 1988. № 6. – С. 102.

Елина, результатом которого явился приговор военной коллегии Верховного суда СССР к расстрелу 2 октября 1936 г. 25 человек якобы существовавшей в городе Горьком в 1930-1936 гг. троцкистско-зиновьевской организации под руководством Елина, Федотова, Фуртичева. Дела осужденных были полностью сфабрикованы.

По решению Политбюро ЦК партии от 2 июля 1937 г. было предложено «всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков … с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки… ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке. Секретарь ЦК И. Сталин»[303].

30 июля 1937 г. Фриновский направил Поскребышеву Оперативный приказ № 00447 о репрессировании бывших кулаков … и других антисоветских элементов. Это был приказ наркома внутренних дел Союза ССР, генерального комиссара государственной безопасности Н. Ежова. Операцию предлагалось начать 5 августа 1937 г. и закончить в четырехмесячный срок[304].

31 января 1938 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято предложение НКВД СССР об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии. Предлагалось всю операцию закончить не позднее 15 марта 1938 г.[305].

---

[303] ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт/М. – М: МОПЧ, 1999. – 456 с. – С. 341.

[304] ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт/М. – М: МОПЧ, 1999. – 456 с. – С. 342-343.

[305] ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт/М. – М: МОПЧ, 1999. – 456 с. – С. 343.

Несмотря на немногочисленность педагогического и студенческого состава ГГПИИЯ (на 1937 г. в институте числился 21 человек штатных преподавателей[306]) в штате выявляются два сотрудника, подлежащих аресту: преподаватель русского языка Е. Ф. Батюк-Урусова (1895-1978 гг.) и специалист по германо-романской филологии Г. Г. Гиленков (1899-1938 гг.).

Е. Ф. Батюк-Урусова родилась в 1895 г. в деревне Гремячево Тульской губернии. Будучи преподавателем русского языка Горьковского института инженеров водного транспорта и преподавателем на курсах иностранных языков при Горьковском педагогическом институте (с 1936 г.[307]), была арестована в 1937 г. и приговорена Особым совещанием при НКВД СССР 16 января 1938 г. к восьми годам исправительно-трудовых работ как «член семьи изменника родины»[308]. В данном случае арест был произведен в соответствии с Оперативным приказом НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»[309], предписывающего особому совещанию «рассмотрение дел на жен осужденных изменников Родины и тех их детей старше 15-летнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий»[310], а также «заключению в лагеря на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5–8 лет»[311].

Однако, в дальнейшем срок заключения был сокращен до пяти лет, а 29 ноября 1942 г. Екатерина Федосеевна была освобождена из-под стражи[312].

---

[306] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 2. Л. 26.
[307] ЦАНО. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 38.
[308] Жертвы политического террора в СССР: Книга памяти "Узницы АЛЖИРа" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index2.htm
[309] Фонд Александра Н. Яковлева (Мемориал-аспект. – № 2–3. – Октябрь 1993 г.) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009101
[310] Хаустов В. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе 1937-1938 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/haustov/0/
[311] Хаустов В. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе 1937-1938 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/haustov/0/
[312] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород, 1998 –

Надо объяснить, что начальник отдела шоссейных дорог УНКВД Горьковской области И. И. Батюк-Урусов и его заместитель В. Д. Рукавишников были осуждены и расстреляны как участники «антисоветской террористической организации», якобы существовавшей в отделе шоссейных дорог.

Г. Г. Гиленков (1899-1938 гг.)[313] – уроженец города Вильно, окончил этнолого-лингвистическое отделение Ленинградского государственного педагогического института и являлся специалистом по германо-романской филологии. Работал, кроме курсов, в вузах города Горького, в частности, с 1925 г. проводил занятия в Нижегородском государственном университете[314]. На курсах вёл методику преподавания английского языка, художественный перевод, английскую фонетику, историю английской литературы.

11 сентября 1937 г. был арестован органами НКВД и обвинен в контрреволюционной деятельности в составе «фашистской организации, состоящей из профессоров и преподавателей вузов г. Горького»[315]. Согласно справке, выданной органами НКВД родственникам Гиленкова[316], он был обвинен в контрреволюционной деятельности и скончался в месте заключения 17 апреля 1944 г.

В 1938 г. усиливается волна репрессий по отношению к студентам ГГПИИЯ, несмотря на крепнущую и развивающуюся партийную и комсомольскую организацию института. В институте не афишировали арест органами НКВД осенью 1937 г. студентки IV курса Екатерины Михайловны Меркульевой. Но знавшим её лично было известно, что она была репрессирована по подозрению в шпионаже.

Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов и др.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.), Л. Н. Большов и др. – Н. Новгород: 1997. – 542 с. С. 79.

[313] ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 9. Д. 231. Л. 112.

[314] ЦАНО. Ф. 120. Оп. 9. Д. 231. Л. 112.

[315] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М.Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород, 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов и др.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.), Л. Н. Большов и др. – Н. Новгород: 1997. – 542 с. – С. 37.

[316] Архив музея НГЛУ

Е. М. Меркульева (1909-1938 гг.), будучи студенткой IV курса ГГПИИЯ, работала гидом-переводчиком в системе «Интуриста» и в 1937 г. была арестована спецорганами вместе с целой группой работников «Интуриста»: от начальника до официантки ресторана «Интурист». Меркульева была приговорена решением Комиссии НКВД и самого Прокурора СССР по обвинению ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж) к высшей мере наказания и расстреляна 25 января 1938 г.[317].

Такая же мера наказания была применена к председателю Всесоюзного общества «Интурист» В. А. Курцу (немцу по национальности), арестованному 3 ноября 1937 г. и обвиняемому в принадлежности к правотроцкистской террористическо-шпионской организации, а также в контактах с Геббельсом в ходе рабочих поездок в Германию, где якобы получал указания о проведении фашистской работы. Вероятно, эти аресты были связаны с проведением «немецкой операции» в рамках оперативного приказа НКВД СССР[318].

Можно предположить, что эти аресты были связаны с проведением так называемой «немецкой операции». В рамках оперативного приказа НКВД СССР № 00485 «Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» от 11 августа 1937 г., регулировалось проведение всех массовых операций, в том числе и «по национальным линиям»[319].

---

[317] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов, В. В. Смирнов и др. – 1998. – 542 с. – С. 204, 245, 304.

[318] Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» от 11 августа 1937 г. // Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937 – 1941 гг. Т. 1: 1937 г. – М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве, 2010. Т. 1. – 742 с. – С. 99-115, 178-179.

[319] Через трупы врага на благо народа. Кулацкая операция в Украинской ССР 1937-1941 гг. Т. 1: 1937 г. М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве. – М.: 2010. – С. 178-179.

К этой операции можно отнести и арест органами НКВД преподавателя английского языка ГГПИИЯ А. Я. Сосенского, родившегося в Германии[320]. Он был арестован 23 июня 1938 г., приговорен «тройкой» по обвинению в статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж) к высшей мере наказания и расстрелян 10 октября 1938 г.[321].

Следует отметить, что ряд возбужденных следствием дел по отношении к студентам и сотрудникам ГГПИИЯ был прекращен после ратификации Приказа Наркома Внутренних дел о порядке осуществления Постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.[322], отменившего «все оперативные приказы и директивы о проведении массовых операций»[323], и передавшего «все следственные дела, находящиеся в производстве, в судебные органы»[324]. Так арестованный 29 июня 1938 г. органами НКВД студент II курса ФАЯ Н. Ф. Карбовец[325], по данным оцифрованной Книги памяти Нижегородской обл.[326], был приговорен по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж) к 10,5 месяцам заключения. Дело прекращено 15 мая 1939 г.

Дело арестованного в ноября 1938 г. зав. кафедрой социально-экономических наук и декана ФНЯ В. А. Вершинина по обвинению в статьях 17-58-8 (подстрекательство совершению террористического акта), 58-11 УК РСФСР (организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления)[327] также было прекращено, после того

---

[320] Жертвы политического террора в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index.htm

[321] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 2 / Сост.: А. Н. Голубинова, М. Ю. Гусев и др.; Редкол.: В. И. Жильцов (пред.), А. П. Арефьев и др. – 2001. – 756 с. – С. 628.

[322] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М.: МФД, 2004. – 736 с. – С. 612–617.

[323] Там же.

[324] Там же.

[325] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д.231. Л. 116.

[326] Жертвы политического террора в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index.htm

[327] Там же.

как он провел в заключении и под следствием один год и три месяца[328]. Дальнейшее следствие не нашло доказательств его «контрреволюционной деятельности» и в 1940 г. он был восстановлен в должности преподавателя ГГПИИЯ (и. о. доцента политэкономии)[329], хотя вскоре ушел из института по личному заявлению[330].

Практика увольнения сотрудников «по собственному желанию» в связи с обнаружением в их биографиях «темных мест» в годы политических репрессий становится достаточно распространённой. Порочащими карьеру и по сути ломающими жизнь считались, например, соседские отношения с будущим узником ГУЛАГа или неизвестные самому человеку, но выявленные органами НКВД, факты из частной жизни его родителей и т.п. Факты «сокрытия» от дирекции некоторых эпизодов своих биографий волновали тогда членов коллектива иняза.

Например, «преподаватель английского языка тов. П. Я. Бергман подал заявление об освобождении его от работы в Институте, так как он при поступлении на работу скрыл от дирекции и общественных организаций Института факт ареста его отчима и матери, в связи с чем он не считает возможным больше оставаться в Институте»[331].

А. И. Березину также были предъявлены претензии как к его собственной биографии, которые послужат формальным основанием для снятия его с должности и. о. директора ГГПИИЯ и перевода на другую работу, так и сюжеты об отношении Березина к подбору кадров и о круге его личных знакомых. Только по политическим мотивам, чей приказ о зачислении на работу в ГГПИИЯ подписывал лично Березин, были удалены из института вышеупомянутые Сосенский, Карбовец, Бергман.

---

[328] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов, В. В. Смирнов и др. – 1998. – 542 с. – С. 112.
[329] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.
[330] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 75.
[331] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л 71 а.

Хорошо известно и громкое дело М. В. Кузнецова, редактора газеты «Автострой» ГАЗа им. В. М. Молотова, расстрелянного по решению Военной коллегии Верховного суда СССР 10 мая 1938 г. за «участие в антисоветской троцкистской организации»[332]. Кузнецов приходился дальним родственником Березину. (Подобного рода «семейно-бытовые связи» достаточно жестко наказывались властью.)

В результате партийных разбирательств коммунист Березин получил выговор с формулировкой «за небольшевистское отношение к подбору кадров и семейно-бытовую связь с Кузнецовым, оказавшимся врагом народа»[333], что в дальнейшем стало причиной его отстранения от должности и. о. директора ГГПИИЯ.

11 марта 1939 г. в трудовой книжке А. И. Березина появляется лаконичная запись: «Освобожден от исполнения обязанностей директора в связи с назначением постоянного директора» за подписью нового руководителя М. И. Шаркова.

Говоря о политических репрессиях в Советском государстве, стоит отметить, что они продолжались и после принятия нормативного документа, отменяющего проведение массовых операций, но уже не были столь масштабны. Согласно «Справке 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных в период 1921–1953 гг.»[334] в 1937-1938 гг. было арестовано (за контрреволюционные преступления, в т. ч. за антисоветскую агитацию) 1 575 259 человек, а за 1939-1953 гг. – 1 115 427 человек[335]. Таким

---

[332] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород, Т. 2 / Сост.: А. Н. Голубинова, М. Ю. Гусев и др.; Редкол.: В. И. Жильцов (пред.), А. П. Арефьев и др. – Н. Новгород: 2001. – 756 с. – С. 405.

[333] Личный листок по учету кадров от 27 ноября 1938 г. Березина А. И. – Личное дело А. И. Березина //Архив Музея НГЛУ.

[334] Сенюткина, О. Н. Нижегородский лингвистический университет: начало истории. 1917-1922 // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 15. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. – С. 229-243.

[335] Архив НИПЦ «Мемориал». Коллекция документов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009312

образом, за два года активных репрессий арестовано большее количество людей, чем за последующий 14-ти летний период.

Последние два эпизода в истории политических дел студентов и сотрудников иняза приходятся на 1953 г. В первом случае секретарь комитета ВЛКСМ ГГПИИЯ, преподаватель философии, ассистент кафедры основ марксизма-ленинизма Л. В. Карпинский был исключен из рядов партии за неосторожные оценки в адрес И. В. Сталина, но после смерти «вождя всех времен и народов» был возвращен в институт. Впоследствии работал в ГГПИИЯ с 1953 по 1956 г.

Во втором случае был арестован студент заочного отделения ГГПИИЯ Игорь Эммануилович Давыденко[336]. Его решением облсуда 8 мая 1953 г. по обвинению в статье 58-10 ч.1. УК РСФСР (Пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений) приговорили к 10 годам лишения свободы. 25 февраля 1955 г. срок был снижен до 3 лет лишения свободы. Освободился Давыденко 25 марта 1955 г.[337].

Отметим, что тема политических репрессий в СССР не является исчерпанной и возможно дальнейшее её исследование на базе новых материалов. Репрессии советского периода охватывали все слои населения, в том числе, коллективы высших учебных заведений. Автор ввел в научный оборот архивные источники из истории ГГПИИЯ, позволяющие увидеть, что репрессии не обошли стороной коллектив иняза, хотя и не были масштабными. Аресты представителей вуза не увязывались спецслужбами с какой-либо одной «кампанией» проводимых репрессий, наносились «точечные удары»

---

[336] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород, Т. 3 / Сост.: А. Н. Голубинова, М. Ю. Гусев и др.; Редкол.: В. И. Жильцов (пред.), А. П. Арефьев и др. – Н. Новгород, 2003. – 645 с. С. 276.

[337] Жертвы политического террора в СССР: Книга памяти Нижегородской обл. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index2.htm

по отдельным лицам. Тем не менее, молодой институт ощутил урон от репрессивной политики.

Причины репрессий отдельных членов коллектива ГГПИИЯ коренятся в сути сталинизма как политики, направленной на физическое уничтожение «врагов народа» и устрашение общества в целом. Репрессии государства в высших учебных заведениях страны затронули преподавателей с дореволюционным образованием и стажем работы, сотрудников и студентов, не разделявших официального курса партии или не демонстрирующих приверженность ему, и даже тех, кто в силу семейного происхождения или условий быта казался угрожающим советскому режиму (Приложение 7).

Пострадавшие от политических репрессий члены преподавательского коллектива иняза не были «бывшими». Это были граждане нового государства, люди образования, готовые работать на благо строящегося социалистического общества. Но опасность, которую они, по мнению той власти, представляли для общества, заключалась в том, что они преподавали чужие языки и знакомили студентов с элементами чуждых культур. Самые талантливые представляли и наибольшую опасность, они могли не прислушаться в полной мере к идеологическим установкам.

В заключение первой главы отметим следующее. Основа вузовской интеллигенции в советский период отечественной истории сформировалась ещё до революционных событий: некоторые учебные заведения в России и за рубежом выпустили тех, кто впоследствии, начиная с 1917 г., составил костяк первых советских преподавателей иностранных языков.

История формирования вузовской интеллигенции внутри системы советского высшего лингвистического образования началась с формирования Курсов иностранных языков в Москве (будущих ВКИЯ) и Курсов иностранных языков под руководством М. М. Ландау в Нижнем Новгороде. Первые шаги преподаватели курсов советского времени делали с 1917 г. в условиях, когда большевистской властью осмысливались вопросы создания нового

образовательного поля. Это образовательное поле должно было соответствовать идеологическим установкам марксизма-ленинизма.

За период 1917-1939 гг. руководство большевистской партии так и не выработало четкую программу реорганизации старой школы и функционирования новой. Принятые законодательные документы зачастую были противоречивыми и непоследовательными, что позволяет говорить о сомнительности существования концепции «кузницы красных кадров». Об этом писала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «Строилось очень много наспех, лишь с агитационными целями, без экономии в средствах и силах, не по плану, без определенной перспективы. Надлежащего контроля и руководства не было»[338]. Советская педагогическая интеллигенция внутри системы высшего лингвистического образования развивалась весьма трудно и непоследовательно.

Исторические источники, изученные диссертантом, позволяют считать зарождение протоструктуры будущего Нижегородского иняза, относящимся к осени 1917 г. Зачинателем и организатором этой протоструктуры будущего НГЛУ явился М. М. Ландау, выступивший с собственной инициативой обучения желающих иметь навыки разговорной речи и делопроизводства на иностранных языках.

Успешно развиваясь, частные курсы Ландау были замечены властью и реорганизованы в 1923 г. в государственные курсы при ГУБОНО, прежде всего, из-за приверженности руководства того времени идее мировой революции. Знание языка эсперанто и наличие опыта его преподавания в условиях веры части советской политической элиты в мировую революцию сыграли немаловажную роль в предоставлении М. М. Ландау дополнительных возможностей для развития курсов. Немалую роль сыграло также и то обстоятельство, что Ландау сумел создать профессиональную команду

[338] Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Том 7: Основы политико-просветительной работы / [Под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. Подгот. текста и примеч. А. Г. Кравченко и Л. С. Фрид]. – М.: Изд-во АПН, 1959. – 751 с. – С. 115.

преподавателей иностранных языков: английского, немецкого и французского. Тем самым, структурой, ставшей в дальнейшем базой для формирования вузовских подразделений, оказались Нижегородские курсы иностранных языков.

Во времена советской власти, детище Ландау, равно как и все остальные частные учебно-образовательные структуры разного ранга и уровня, были национализированы, и это обстоятельство, помимо прочих, внесло некоторую неопределенность в понимание условий и времени возникновения учреждений, подобных Горьковскому институту иностранных языков. Достаточно долгое время, до 1990-х гг., годом рождения Нижегородского иняза считался 1937-й г. И только в последние годы было обращено внимание на базу ГГПИИЯ – курсы Ландау.

Именно в ранний советский период действовавшие курсы М. Ландау наращивали тот потенциал, который впоследствии при создании института иностранных языков на базе курсов позволил использовать опыт, накопленный «снизу», и развить его волей «сверху» в стабильно действовавший вуз со сложившимся и динамично развивающимся профессорско-педагогическим составом.

В 1937 г. в образовательном поле страны, благодаря поддержке со стороны государства, появляется новый институт иностранных языков, в составе которого будет развиваться вузовская интеллигенция, специализирующаяся на разных гуманитарных областях знания с доминированием лингвистики.

То есть параллельно происходило укрепление курсов иностранных языков и выработка руководством страны концепта развития системы высшего образования, включающее совершенствование кадровой политики.

Политические репрессии в сфере образования привели к радикальному изменению кадрового состава образовательных учреждений, повлияли на дальнейшее развитие интеллигенции в регионе, поместив ее в жесткие рамки политического и идеологического контроля. Принятые меры позволили

выстроить советскую вузовскую интеллигенцию так, что по отношению к ней внимание уделялось не только ее профессиональным навыкам, но и ее политическим воззрениям.

Глава 2. Взаимодействие власти и вузовского коллектива ГГПИИЯ в условиях предвоенного, военного и послевоенного периодов (1939-1955)

Задача данной главы – проанализировать ситуацию взаимодействия советской власти и вузовской интеллигенции в сложнейших условиях середины XX века. Социально-экономическая и политическая трансформация, которой подверглась вузовская интеллигенция, в 1920-е – 1930-е гг., позволила подавить сопротивление, возникающее в первые десятилетия. Невключенность в реформы и непонимание новых идеологических ориентиров, наблюдаемые ранее, практически сошло на нет, столкнувшись с вызовами Мировой войны, наложившими заметный отпечаток на состояние вузовской интеллигенции в дальнейшие десятилетия.

На примере истории ГГПИИЯ рассмотрено состояние кадрового корпуса высшей школы, определены ее перспективные точки роста, которые в дальнейшем позволили, с одной стороны, преодолеть последствия влияния либерально-демократических идей послевоенного периода, и, с другой стороны, способствовать формированию новых научных, идейных, культурных ориентаций в среди вузовской интеллигенции.

2.1. Структура, численность, состав коллектива вновь созданного вуза; степень автономности структур институтского самоуправления в предвоенные годы

В конце 1930-х гг. в условиях внутренних репрессий в стране и внешней напряженности, связанной с созданием и ростом тоталитарных государств в Европе и Азии, объективные обстоятельства требовали от партийного руководства СССР совершенствования как системы высшего лингвистического образования, так внутренней политики по отношению к вузовской интеллигенции, являющейся акторами внутри нее. В этой парадигме система высшего лингвистического образования рассматривалась, как инструмента общения с иными государствами, так и инструмента борьбы с ними, а вузовская интеллигенция – как субъект этого общения.

Необходимо было принципиально менять отношение к гуманитарному знанию и социальным институтам – его носителям. В частности, была поставлена задача подготовки для Красной Армии значительного количества офицеров, владеющих иностранными языками. Эта задача осложнялась нехваткой квалифицированных преподавателей иностранных языков.

В 1939 г. СНК СССР принял постановление об организации при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (2-й МГГПИИЯ) военного факультета со статусом высшего военно-учебного заведения. Согласно официальной истории Военного университета Министерства обороны РФ, на него возлагалась задача подготовки военных преподавателей английского, немецкого и французского языков для училищ и академий Красной Армии.

«На основании этого постановления был издан приказ Народного комиссара обороны СССР и Народного комиссара просвещения РСФСР, в соответствии с которым предписывалось организовать данный факультет

к 1 февраля 1940 г. Именно этот день – 1 февраля 1940 г. – был в последующем закреплен приказом министра Вооруженных Сил №0180 от 5 сентября 1944 г. как дата образования Военного института иностранных языков»[339].

Многообещающим для лингвистов стало и Постановление СНК СССР от 16 сентября 1940 г. «Об изучении иностранных языков в средних школах и вузах»[340], предполагавшее введение новых языковых спецкурсов и расширение подготовки учителей иностранных языков, но реализация его в полной мере была приостановлена началом Великой Отечественной войны.

Постановлением СНК СССР от 26 октября 1940 г. № 638 вводилась плата за обучение в средних и высших учебных заведениях. Как отмечалось в документе, «учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений, Совет Народных Комиссаров СССР признает необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся...»[341]. После преамбулы о возросшем уровне доходов трудящихся СНК постановил ввести плату в школах Москвы и Ленинграда, а также столичных городов союзных республик – 200 рублей в год, во всех остальных городах, а также селах. – 150 рублей, в столичных вузах – 400 рублей, во всех остальных – 300 рублей в год. Плату за заочное обучение в средних и высших учебных заведениях предполагалось взимать в половинном размере. Кроме того, с 1 ноября 1940 г. «стипендии назначаются лишь тем студентам и учащимся в техникумах,

---

[339] История Военного университета Министерства обороны РФ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vumo.ru/our/59-voennyj-institut.html

[340] Постановление СНК СССР от 16 сентября 1940 г. «Об изучении иностранных языков в средних школах и вузах» // Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. / Сост.: Мовшович М. И., под ред.: Ходжаев А. М. – М.: Советская наука, 1948. – 616 с. – С. 547.

[341] Постановление СНК СССР от 26 октября 1940 г. № 638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР, и об изменении порядка назначения стипендий» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/node/21520

которые проявляют отличные успехи»[342]. Введение платы за обучение и отмена стипендий стали болезненным ударом по бюджету большинства студентов.

К 1939 г. внутренняя и внешняя ситуации, в которых находился СССР, значительно преобразились: страна не только пережила пик репрессий, но и переходила на режим ужесточения рабочей дисциплины, а сами работники ощущали на себе требования ещё большей производственной отдачи. Вместе с тем совершенно очевидной становилась угроза (или неизбежность) надвигающейся мировой войны. Это также заставляло руководство различных уровней и рангов зорче присматриваться к процессу подготовки и расстановки кадров.

Кроме того, явная незавершенность выполнения задач культурной революции (охват обучением всеобщей массы населения) требовала все большего числа учительских кадров. Решение этих и ряда иных задач возлагалось руководством на нового директора Горьковского иняза. Действительно, диапазон профессиональной деятельности М. И. Шаркова включил в себя целый ряд новых аспектов, ранее не столь заметных – начиная от вопросов жесткого укрепления рабочей дисциплины и заканчивая действенными мерами в области НИР (научно-исследовательской работы).

25 февраля 1939 г. М. И. Шарков (преподаватель основ марксизма-ленинизма Горьковского сельскохозяйственного института) был вызван в Москву в Наркомпрос РСФСР в качестве сотрудника ГГПИИЯ. Сопоставление взаимосвязи вышеизложенных фактов с дальнейшими событиями убеждает в том, что уже в феврале 1939 г. в целом был решен вопрос о новом директоре ГГПИИЯ. 5 марта М. И. Шарков возвратился из Москвы и в тот же день посетил обком ВКП(б), где получил официальную рекомендацию на работу в иняз.

По всей видимости, ещё до вступления в должность и сразу после этого М. И. Шарков вникал в суть новых задач и искал формы и методы

---

[342] Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. / Сост.: Мовшович М. И., под ред.: Ходжаев А. М. – М.: Советская наука, 1948. – 616 с. – С. 349.

их реализации. Имея за плечами большой опыт партийно-политической работы, в том числе и на уровне Ждановского РК ВКП(б), и не меньшую практику руководящей работы в учебно-образовательных учреждениях (от заведующего маленькой сельской школы до директора Горьковского комвуза), М. И. Шарков соотносил смысл стоящих перед ним рабочих задач с характером проблем, выросших перед советским государством в конце 1930-х гг. Иными словами: в достаточно быстро меняющихся политических реалиях СССР любая руководящая деятельность обретала черты и элементы политической работы. Как член партии более чем с десятилетним стажем, М. И. Шарков не мог по-другому расценивать свое перемещение с должности преподавателя общественных дисциплин на высокую должность руководителя лингвистического вуза.

Учёт дефицита кадров в ГГПИИЯ привел наркома просвещения РСФСР Потемкина к изданию приказа от 2 июля 1940 г. о переводе из ГПИ в иняз 14 преподавателей. Среди пришедших в институт иностранных языков оказались В. Н. Орнатская, Г. С. Голубовская и др. Вместе с тем ранее существовавший в рамках ГПИ факультет иностранного языка по тому же приказу наркома был включен в структуру ГГПИИЯ[343].

Перед войной иняз переживает вполне закономерные структурные перемены. Рост числа студентов повлек за собой не только арифметическое увеличение количества преподавателей. Вуз рос и требовал появления в своих рамках новых подразделений. Так в 1940-1941 уч. г. появились новые кафедры: возникла кафедра педагогики и психологии (зав. кафедрой – доцент И. С. Комаров, штат 2 человека), латинского языка (зав. кафедрой – В. Н. Герасимов, 4 человека в штате), методики (зав. кафедрой – А. А. Генке,

[343] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 69 об. В ГПИ сохранились только созданные перед войной двухгодичные курсы по подготовке преподавателей иностранного языка. Забегая вперед, скажем, что в 1941 г. на этих курсах обучалось 180 человек. В годы войны они, окончив обучение, начали работать учителями в средних школах – Зеленцов В. Д. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. –176 с. – С. 88.

3 человека в штате), литературы (зав. кафедрой – Буравцова, 3 человека в штате). Вне кафедр преподавались отдельными дисциплинами история стран изучаемого языка (преподаватель – Ф. И. Архипов[344]), география и физкультура.

С 1940 г. в инязе начали функционировать курсы по повышению квалификации учителей иностранного языка 5-7-х классов средних школ, на которых занимались тогда 100 человек[345].

Особое внимание уделялось развитию и укреплению кафедры марксизма-ленинизма (до 1940 г. кафедра социально-экономических дисциплин). Был расширен кадровый состав до 7 человек в связи с заметным ростом количества учебных часов по преподаванию общественных дисциплин (до 500). Н. С. Власов заведовал подразделением, в котором трудились сам директор, а также старший преподаватель Ф. Г. Евграфов (1,5 ставки), И. Л. Нечаев (1,5 ставки) и др. Именно преподаватели этой кафедры направляли деятельность крепнущей партийной организации, которая к началу Великой Отечественной войны насчитывала 28 коммунистов. Во главе её стоял в 1939-1940 гг. Ф. Г. Евграфов[346].

Достаточно хлопот М. И. Шаркову доставило решение вопроса о руководстве деканатами. Со своей работой отлично справлялся бессменный заместитель директора по учебной работе П. А. Припоров[347]. Не имел замечаний и помощник по АХЧ М. Я. Малков. Однако, вопрос о кадрах деканов достаточно долго был проблемным. М. И. Шарков направляет в Наркомпрос три кандидатуры новых деканов (Иосифова, Гергардт, Нечаева). Но все три кандидатуры были отклонены. Нечаев, как не имеющий высшего специального образования, был освобожден 15 марта 1940 г. от обязанностей декана ФФЯ[348].

---

[344] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 2. Л.89.
[345] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 116.
[346] ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 8а. Д. 281.
[347] Однако, Наркомпрос РСФСР не утвердил кандидатуру П. А. Припорова в следующем 1941 г. на должность заместителя в виду того, что у него нет специального высшего образования – Архив НГЛУ.
[348] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 18.

Его обязанности, как и. о. декана сначала выполняла Г. В. Михина[349], а затем с 25 августа 1940 г. – Н. А. Сакулинская[350]. За ней – до июня 1941 г. – Е. И. Михлин.

В августе 1940 г. Иосифов сдал обязанности декана ФАЯ и. о. декана Голубовской[351]. На Гергардт временно были возложены обязанности и. о. декана ФНЯ.

Одним из первых шагов нового директора стали усилия по укреплению производственной дисциплины. Появляются многочисленные приказы о жестких наказаниях (вплоть до судебных приговоров[352]) нарушителей рабочего режима. Так, согласно этим приказам, в конце августа 1940 г. выговор за четырехминутное опоздание на работу был вынесен библиотекарю Фишман. За самовольный уход с работы под суд была отдана технический работник А. П. Захарова. Докладная секретаря ФАЯ (факультета английского языка) послужила основой для передачи в суд материала на преподавателя английского языка В. Т. Ржевского, допустившего опоздание на занятия на 43 минуты. Можно было бы продолжить перечисление фактов аналогичного рода[353].

Рабочий режим обучения в ГГПИИЯ (впрочем, как и в иных вузах) обретал некоторые элементы военизированного учреждения. «В целях упорядочения трудовой дисциплины всем сотрудникам института иностранных языков, – подчеркивал приказ М. И. Шаркова № 43 от 2 апреля 1939 г., – приказываю с 3 апреля сего года вешать номерные знаки при явке на работу и снимать при уходе с работы».

Отдельное директорское распоряжение от 4 сентября 1940 г. касалось усиления контроля за выполнением на пишущих машинках печатных

---

[349] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.
[350] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 70.
[351] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 70.
[352] При этом М. И. Шарков опирался на новые статьи УК СССР, преследующие не только расхитителей социалистической собственности и саботажников, но и игнорирующих требования КЗОТа и соответствующих предписаний о рабочей дисциплине.
[353] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 20, 22, 24 об., 28, 36, 70, 72, 92.

материалов на иностранных языках и требовало обязательной проверки количества и содержания таких материалов[354].

В условиях предвоенного времени сам М. И. Шарков 3 сентября 1940 г. призывается на военные сборы на срок 45 суток[355], возложив исполнение обязанностей директора на своего заместителя по учебной работе П. А. Припорова. Следует подчеркнуть, что директор ГГПИИЯ не просто «отбывал воинскую повинность». Сразу же после возвращения из лагерей он издает приказ о проведении в вузе блока мероприятий противовоздушной обороны. Те же учения вновь были проведены 21 декабря 1940 г., причем директор Шарков выполнял обязанности «начальника ПВО объекта ГГПИИЯ»[356].

Одновременно в номенклатуру изучаемых дисциплин пришло увеличение часов по допризывной подготовке. Для обучения военным специальностям была образована кафедра допризывной подготовки (штат – 3 человека) во главе с Г. Н. Рожковым[357].

31 мая 1940 г. в институте были введены типовые правила внутреннего распорядка. Учебный год начинался 1 сентября и заканчивался 30 июня. Каникулы устанавливались в периоды с 24 января по 6 февраля и с 1 июля по 31 августа. Длительность учебного дня определялась в 6 часов обязательной непрерывной работы с преподавателем. Здание учебного корпуса было занято с 7:30 утра до 23:30 вечера. Рабочий день профессорско-преподавательского состава длился, согласно расписанию, устанавливался твердый график приема посетителей дирекцией и деканами факультетов. Аудитории и кабинеты закреплялись за соответствующими факультетами. Были введены новые образцы студенческих билетов и зачетных книжек.

---

[354] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 83.
[355] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 81 об.
[356] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 118, 146.
[357] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 32. Таким образом, можно считать, что официально созданная в 1962 г. военная кафедра ведет отсчет своей истории с сентября 1940 г.

Усиление режима работы ГГПИИЯ совпало по времени с ослаблением натиска политических репрессий. Иняз перестали лихорадить факты арестов студентов и преподавателей.

Лишь дважды М. И. Шарков, следуя соответствующим нормам, был вынужден подписать приказы об отчислении из вуза студентки I курса ФФЯ Конопко Белы и слушательницы подготовительного отделения Фридман Леи, как не имеющих права жительства в городе Горьком[358]. (По-видимому, речь шла о выселении из города и соответственно об отчислении из вуза лиц, подпавших под действие закона, регулирующего положение членов семей изменников Родины).

Одной из животрепещущих и приоритетных оставалась проблема учебных площадей. Контингент студентов и преподавателей продолжал расширяться, а фонд учебных аудиторий, несколько увеличенный А. И. Березиным, требовал незамедлительного роста. В течение девяти месяцев М. И. Шарков добился решения вопроса качественного расширения учебных и административных площадей иняза. В декабре 1939 г. здание школы №16 с её 33 аудиториями перешло в ведение ГГПИИЯ. Из них 20 были отведены под учебные аудитории; большой зал служил проведению лекций, общих собраний, культурных мероприятий и т. п. Другая большая аудитория стала читальным залом библиотеки, а сама она разместилась в двух вместительных комнатах. Кабинеты кафедр заняли три помещения, а шесть было отведено для работы администрации, партийной и общественных организаций. Более того, впервые за долгие годы коллектив преподавателей обрел собственное помещение – так называемую «профессорско-преподавательскую комнату»[359]. М. И. Шарков лично возглавил работы по ремонту и переоборудованию помещений бывшей школы, использовав время летних каникул 1940 г., сознательно лишив себя полагающегося отпуска[360].

---

[358] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 105.
[359] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 109.
[360] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 55.

Зная, что требования к его вузу будут продолжать расти, уже в 1940 г. Шарков приступает к закладке фундамента совершенно нового четырехэтажного корпуса на улице Минина (ныне I корпус современного НГЛУ), рассчитанный для работы с контингентом в 880 студентов.

Параллельно директор продолжал добиваться решения прежней проблемы, касавшейся вопроса обеспечения обучаемых и части сотрудников жильем. (Число студентов и персонала росло, а это требовало новых жилых помещений.). Помощником по АХЧ подыскивались все новые и новые квартиры, а сам М. И. Шарков добился от властей передачи его учреждению комнаты под студенческое общежитие, расположенной по улице Кооперативной близ Нижне-Волжской набережной[361]. Добавим, что наем жилья был делом не только хлопотным, но и дорогостоящим, бывшим не по карману подавляющему большинству студентов. И потому государство брало на себя основное бремя оплаты жилья для обучаемых, взимая с них относительно небольшие суммы в размере от 9 рублей 10 копеек до 14 рублей 25 копеек в зависимости от размера получаемой стипендии. Нестипендиаты платили ежемесячно по 10 рублей[362].

Поскольку в 1940 г. в стране была введена оплата за обучение в старших классах средней школы и в большинстве вузов, М. И. Шарков распорядился «обязать всех студентов института, в том числе и стипендиатов, внести установленную плату за обучение»[363].

Согласно существующим нормам, 150 рублей в семестр взималось за очную форму обучения и 75 – за заочную[364]. Заочное отделение в Горьковском инязе начало функционировать с мая 1940 г. Его контингент составил 276 человек[365].

---

[361] Поскольку она находилась близ расположенного там городского ломбарда, студенты иняза в шутку стали называть общежитие «Ломбардом».
[362] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 144. Эти суммы определялись соответствующим распоряжением Наркомпроса РСФСР от 15 декабря 1940 г.
[363] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 106.
[364] Там же.
[365] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 116.

Что касается стипендии, то в 1940-1941 уч. г. право на её получение в прежнем размере сохранялось только за отличниками. В сентябре 1940 г. В инязе по всем факультетам и курсам их насчитывался 31 человек (ФАЯ – 14, ФНЯ – 9, ФФЯ – 8)[366].

Но, согласно новым указаниям из Москвы, уже в конце 1940 г. число получавших стипендию было увеличено до 113 человек[367]. В известной степени это указывало на проявление заботы о студентах со стороны властей, всерьез и эффективно решавших задачи ликвидации неграмотности и малограмотности населения страны.

Две студентки III курса Амирова (ФФЯ) и Николина (ФНЯ), как особо отличившиеся не только по учебным показателям, но и в общественно-политической жизни института, получали особую стипендию им. И. В. Сталина в размере 500 рублей в месяц[368].

Кроме того, успешно работавшие студенты имели поощрения в виде учебной литературы, становящейся их собственностью[369]. В этом студенческом списке среди прочих упомянуты имена Сенаторовой (II курс) и Санжара (III курс)[370], впоследствии ставших авторитетными преподавателями-лингвистами.

Администрация вуза выделяла и поощряла не только лучших студентов и преподавателей, но и целые коллективы работников. В 1940 г. на институтскую Доску почета были приказом директора «за хорошую постановку учебно-педагогического процесса, за систематическую работу над повышением своей квалификации и активное участие в общественной работе института» помещены фотографии преподавателей: П. А. Припорова,

---

366 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 106.
367 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 110.
368 О значении этих стипендий позволяют судить цифры, отражающие уровень зарплаты заведующих кафедрами, получавших в Горьковском инязе от 500 до 1080 рублей в месяц.
369 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 12 об.
370 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 89 об.

О. А Колдуновой, А. В. Шеффер, Р. И. Лебедевой, Е. А. Щелок, В. И. Смирновой, К. Г. Плотниковой, Н. А. Сакулинской.

В 1941 г. специальным распоряжением директора на Доску почета была дополнительно помещена фотография доцента Н. А. Лаврова[371].

С начала 1939-1940 уч. г. в институте был введен аспектный метод преподавания языка. Обучение языку проводил не один преподаватель, а несколько, каждый по своему разделу (фонетика, грамматика, практика языка и др.). Аспектное преподавание в то время считалось наиболее прогрессивным, лучше всего обеспечивающим подготовку по иностранным языкам[372]. В феврале 1940 г. по общим показателям, прежде всего по уровню академической успеваемости, лидирующие позиции занял факультет немецкого языка, награжденный по этому случаю Переходящим Красным Знаменем института[373].

Вряд ли успех ФНЯ был случайным: после заключения известного договора с Германией в сентябре 1939 г. и резко возросших экономических связей Москвы и Берлина особое внимание и ресурсы были обращены в сторону качественного расширения корпуса переводчиков с немецкого языка. Добавим, что некоторые из специалистов немецкого языка получили приоритеты стажировки в МИИЯ по вопросам преподавания и обучения.

Дальнейшее развитие получила научно-методическая работа. Постепенно увеличивалось количество преподавателей с учеными степенями и званиями. Корпус доцентов включал в себя Колдунову, Лаврова, Комарова. Из ЛГУ в ГГПИИЯ прибыл кандидат филологических наук С. А. Миронов, назначенный 4 октября 1940 г. доцентом кафедры немецкой филологии[374]. 12 ноября того же г. он возглавил факультет немецкого языка[375]. Сергей

---

[371] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
[372] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – С.15.
[373] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.
[374] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 106 об.
[375] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 133.

Александрович, помимо прочего, активизировал НИР, приступив к сбору статей и материалов для задуманного научного сборника.

Окончившая с отличием иняз в 1939 г. А. С. Ненюкова, будучи преподавателем ГГПИИЯ, тогда же поступила в заочную аспирантуру при I МПИИЯ. К маю 1941 г. успешно прошла первый год обучения[376]. Несколько раз ей удалось выехать в I МПИИЯ в научных целях[377]. Для повышения научной квалификации и по методическим вопросам в Москву, также в I МПИИЯ, выезжали В. В. Хрусталёва, Л. И. Эпштейн, А. В. Брылина[378]. В мае 1940 г. начинает работать заочное отделение[379].

Продолжилась практика приглашения в ГГПИИЯ специалистов из столичных вузов; в 1940 г. в Горький вновь приезжал Г. П. Торсуев, ставший к тому времени профессором. В ГГПИИЯ он вел «Вводный фонетический курс» и «Методику преподавания английского языка».

В 1939 г. на условиях почасовой оплаты в ГГПИИЯ стали работать московские специалисты Т. Р. Левицкая, А. И. Смирницкий, Н. С. Чемоданов. С 1939 г. вошла в преподавательский коллектив ГГПИИЯ О. Ф. Елеонская, с января 1940 г. в ГГПИИЯ стал работать Е. И. Михлин, филолог-русист, выпускник ЛГУ. В коллектив иняза входит А. А. Чемоданов, специалист по английской филологии. Важной новацией в научно-методической работе преподавателей стали организация и проведение С. А. Мироновым, Е. И. Михлиным и А. А. Чемодановым семинаров по грамматике, фонетике, истории языка, литературе.

---

[376] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 12. Л. 48.
[377] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л.3, 40, 75.
[378] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л.45, 48.
[379] Строго говоря, первым назначенным на должность заместителя директора ГГПИИЯ по заочному отделению был В. И. Самсонов (приказ директора ГГПИИЯ от 14 апреля 1940 г.), но уже 31 мая он был отозван на другую работу, поэтому никакой деятельности на этой должности он не успел даже начать. Назначенная на должность зам. директора по вновь открывшемуся заочному отделению Шеффер направляется в Московский иняз для «знакомства с постановкой работы на заочном отделении». Шеффер осуществила первые шаги по созданию структуры, а затем на этой должности будет работать Гергардт (с 12 ноября 1940 г.).

Одной из самых важнейших рабочих задач, стоящих перед Горьковским инязом, продолжало оставаться качественное обучение возрастающего потока студентов. К 1940-1941 уч. г. заметно увеличилось их общее количество. Тогда общий прием на I курс всех трех факультетов составил 300 человек: 116 – на очную форму обучения (из них 75 человек с подготовительного отделения) и 184 – на заочную. Отметим характерную деталь: из 184 человек, зачисленных на I курс заочного отделения, на английское отделение поступили 30 человек, на французское – 9, а на немецкое – 145[380].

Приведенные цифры со всей очевидностью указывают на доминирующую престижность изучения немецкого языка в те годы.

Уровень успеваемости и, соответственно, число студентов по курсам и факультетам выглядели неодинаково (Приложение 6). С возрастанием курсов уменьшалось число обучаемых. На эту тенденцию влиял не только естественный отсев слабоуспевающих. В связи с введением оплаты за обучение не каждый студент мог оплатить собственную учебу. И потому в начале 1940-1941 уч. г. за неуплату соответствующего взноса с разных курсов всех трех факультетов было отчислено приказом директора с ФАЯ – 22, с ФФЯ – 15, с ФНЯ – 1 и подготовительного отделения – 13 человек[381], то есть более 50 лиц.

Приводя в соответствие с общим количеством студентов штатное расписание, М. И. Шарков заметно увеличил число преподавателей. Если в начале 1939 г. иняз располагал 16-ю преподавательскими штатными единицами, то в начале 1940-1941 г. пед. коллектив ГГПИИЯ расширился до 83 человек за счет собственных выпускников[382], а также благодаря направленным в Горький на постоянную работу вышеупомянутых специалистов из Москвы и Ленинграда. Кроме того, состав сотрудников пополнили носители иностранных языков. Среди них – американка

[380] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35, 74.
[381] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 127 а.
[382] Среди них – Л. П. Бормотова и Т. Г. Лашкина // ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 69 об.

Ф. И. Роштон. Стали работать штатными преподавателями Е. И. Сингер[383] и Е. Л. Сиверс[384]: вести занятия, а также организовывать кружки разговорной практики по иностранным языкам. Коллективы кружков разговорной речи готовили и проводили вечера на иностранных языках, а также конкурсы на лучший художественный перевод.

Оценивая степень автономности структур института, можно отметить, что деятельность всех подразделений коллектива была под строгим контролем директората, члены которого несли персональную ответственность за реализации постановлений партии и правительства. Совместно с администрацией вуза контроль за работой коллектива осуществляла партийная организация вуза. Первым парторгом в 1937 г., в год создания ГГПИИЯ, стала Н. П. Эпштейн (1937). В 1938 г. коммунисты иняза выбрали своим лидером преподавателя основ марксизма-ленинизма Л. И. Эпштейн-Крылову. Партийная ячейка постепенно росла и увеличивалась численно. Рабочий коллектив института (преподаватели и сотрудники) возглавлял их выборный орган – местный комитет (местком), председателем которого с осени 1938 г. была Е. А. Щелок.

Считается, что первое комсомольское собрание в ГГПИИЯ состоялось 9 марта 1938 г. Тогда в инязовских рядах ВЛКСМ насчитывалось 95 человек, в 1939 г. – около 130 юношей и девушек [385].

В рамках групповых и общих собраний обсуждались вопросы успеваемости, дисциплины, развития общественно-политической и культурной работы. Комсомольцы сумели организовать при вузе кружки «Ворошиловский стрелок», «ОСОАВИАХИМ» и санитарной обороны. В первый же год существования ГГПИИЯ студенты создали четыре драмкружка, танцевальную группу и хор в составе 70 человек.

---

[383] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 100 об.
[384] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 90. Оп. 1а. Д. 3. Л. 16.
[385] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 231. Л. 116.

Учащиеся института внимательно вчитывались в газетные сообщения о международных событиях, которые становились все более напряженными. Молодые люди горячо откликнулись на гражданскую войну в Испании, собрав в фонд помощи республиканцам более 800 рублей из своих достаточно скудных средств[386]. Участие студентов во встречах с иностранными рабочими формировали в их сознании чувство патриотизма и дух интернационализма.

Подводя итог содержанию параграфа, отметим, что во время предвоенного периода своего существования ГГПИИЯ значительно окреп и был в целом подготовлен к тяжелым военным и послевоенным годам.

За годы руководства ГГПИИЯ А. И. Березиным был решен целый ряд разноплановых (методических, организационных, кадровых, хозяйственных, финансовых, бытовых и др.) задач. Увеличились площади вуза, для обеспечения учебного расписания и реализации предлагаемых Наркомпросом программ в ГГПИИЯ на работу приглашались ведущие специалисты из Москвы и Ленинграда, а также других горьковских вузов, в академические центры для повышения квалификации и начала работы над диссертациями были направлены наиболее перспективные преподаватели.

За первые четыре года своего существования институт иностранных языков города Горького выпустил 156 специалистов, часть из которых осталась преподавать иностранные языки в Горьковской области, многие уехали работать в отдаленные районы страны, в том числе в Сибирь[387].

В то же период в целом и была заложена основа Горьковского педагогического института иностранных языков, структура которого в дальнейшие десятилетия претерпевала различные локальные изменения и совершенствования, но не меняла свою суть.

---

[386] Там же.
[387] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 116.

2.2. Общественно-политическая атмосфера в коллективе ГГПИИЯ в период Великой Отечественной войны

Утром 22 июня 1941 г. коллектив Горьковского иняза работал в ритме повседневной жизни. Сессия заканчивалась, в аудиториях вуза шли последние экзамены. В 12 часов пополудни председатель Совнаркома В. М. Молотов объявил по радио о внезапном нападении фашистской Германии на СССР. Около 13 часов коридоры и помещения института стали наполняться взволнованными преподавателями и студентами. Их настроения вылились в незапланированный, но искренний митинг. Звучали гневные слова, заявлялась готовность защитить Родину. В этом смысле коллектив ГГПИИЯ не был исключением: достаточно известно, что волна митингов прокатилась во всех учреждениях города Горького, как, впрочем, и по всей стране[388].

23 июня в рамках открытого партийного собрания иняза многие заявили о своей готовности немедленно отправиться на фронт. В ближайшее время в ряды РККА вступили десятки инязовцев. Среди них – директор ГГПИИЯ М. И. Шарков, секретарь партбюро М. Г. Серебров[389], преподаватели Ф. И. Архипов, Н. С. Власов, Ф. Г. Ефграфов, Г. Н. Рожков, В. Г. Соболев, студенты Н. И. Клопков, секретарь комитета ВЛКСМ, М. Кулагин, Ц. Файнина, О. Глазов, А. Горбунова, Г. Глазова, О. Шигонцева, П. Голов, Н. Кирсанов, Г. Рыжов, Е. Мошкина, К. Некрасов, В. Санжар, А. Дерюгин и др.[390].

---

[388] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 17.

[389] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 14. Л. 77. Секретаря партбюро института сменил Фролов М. Ф. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 17. Л. 50. С 1944 по 1950 гг. обязанности секретаря партбюро института выполняла А. А. Генке.

[390] Полный перечень имен героев, ушедших в 1941 гг. и впоследствии на фронт, хранится в Музее НГЛУ, а имена погибших сохраняет Мемориальная доска I учебного корпуса университета.

Между тем, жизнь учебного заведения (как и иных советских учреждений того времени) продолжалась, учебные поручения и служебные обязанности продолжали оставаться рабочей задачей преподавателей и сотрудников иняза. Вне зависимости от патриотических чувств студенты должны были учиться. Руководство вуза в новых условиях было обязано приспосабливать учебный процесс к военному времени и его требованиям. И потому учебные занятия на II курсе (177 человек), III (165 человек) и IV (130 человек) начались 1 августа 1941 г.[391]. 237 человек, зачисленные на I курс, начали семестр, как обычно, 1 сентября[392]. Таким образом, общий контингент студентов в 1941-1942 уч. г. составил более 700 человек. Однако, преподавательский состав и количество студентов очень заметно сократились в течение первых двух месяцев войны: в армию ушло более 60 человек[393].

В конце августа 1941 г. и. о. директора ГГПИИЯ стал П. И. Шульпин, назначенный на эту должность решением Горьковского обкома партии вместо ушедшего в армию М. И. Шаркова. Соответствующий приказ № 131 С 108 по институту был подписан 29 августа того года. Через месяц П. И. Шульпин был утвержден в должности директора вуза[394].

На вуз была возложена задача реализации приказа Всесоюзного Комитета высшей школы (ВКВШ) от 30 июня 1941 г. о перестройке работы высшей школы[395].

Тяжелейшие условия войны потребовали от вузов системной подготовки специалистов, чья квалификация была нужна, прежде всего, в боевых условиях, при том, с высшей школы не снимались задачи выпуска из её стен работников, необходимых тылу. Иными словами: инязовское преподавание достаточно быстро было сориентировано на ускоренную, но вполне качественную,

---

[391] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.
[392] Там же.
[393] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С.17.
[394] Архив Музея НГЛУ.
[395] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.

подготовку солдат и офицеров-переводчиков, разведчиков, контрразведчиков, служащих других воинских подразделений. Вместе с тем ГГПИИЯ продолжал плановое обучение будущих учителей общеобразовательных средних школ.

П. И. Шульпину приходилось решать разноплановые задачи вуза в предельно жестких условиях конкретики военного времени. Почти немедленно вверенный ему вуз попал в полосу нехваток и потерь. Развернувшееся накануне войны строительство собственного учебного корпуса на улице Минина было очень быстро «заморожено». Ранее занимаемое для занятий помещение на Черном пруду было изъято военными организациями без объяснений причин и обстоятельств такого решения. Осенью 1941 г. директор иняза находит помещения для учебы своих студентов в стенах речного техникума (ныне здание Нижегородского речного училища), причем курсанты техникума продолжали свои плановые занятия. Таким образом, весь 1941-1942 уч. г. коллектив иняза проводил образовательный процесс во вторую смену[396].

Можно удивляться тому, что учебные занятия не были сорваны вовсе под напором растущей массы новых «вводных». Продолжающийся уход на фронт добровольцев (в начале уч. г. военными переводчиками стали 30 человек, в марте 1942 г. – 20 человек[397]) сокращал количество обучаемых, но аудиторного фонда института при этом все равно не хватало. Дело в том, что соответствующие распоряжения из Москвы сократили общий срок обучения в ГГПИИЯ с четырех до трех лет[398].

Вместе с тем, студенты, да и преподаватели, не могли сосредоточиться на учебных делах в связи с полосой сельскохозяйственных работ. Две недели в сентябре-октябре 1941 г. более 100 человек-инязовцев участвовали в уборочной.

С 27 октября по 5 января более 300 студентов, а также часть преподавателей, работали на строительстве оборонительного рубежа близ

[396] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
[397] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 12 об.
[398] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

города Горького[399]. В течение более двух очень холодных осенне-зимних месяцев 1941 г. они вырыли вручную около 5 тысяч кубометров земли[400].

Зимой 1941–1942 гг. сотни студентов направлялись по разнарядке на работы (субботники) по очистке трамвайных путей от снега.

В результате второй семестр 1941-1942 уч. г. начался только 1 апреля 1942 г. Тогда свои учебные места заняли лишь 349 студентов[401]. Число обучаемых вновь сократилось, но проблема учебных площадей оставалась прежней. Перед вузом стояла задача нового приема студентов на 1942-1943 уч. г.; квоты (а значит и количественные нормы) приёма никто не сокращал.

Таким образом, директор Шульпин должен был изыскивать новые помещения для учебных занятий, причем, встречая почти везде постоянные отказы, обоснованные ссылками на трудности военного времени. Летом 1942 г. он ходатайствовал перед властями о возврате вузу его прежнего здания на Черном пруду, занятого, как оказалось некими жильцами. Шульпин добился освобождения пяти помещений при острой необходимости для института, как минимум, 16 комнат. Осенью он продолжил поиск площадей и сумел добиться решения градоначальников о передаче инязу 11-и аудиторий из фонда ГПИ имени М. Горького на новый учебный год[402]. Но и это пополнение не решало до конца проблему аудиторного фонда ГГПИИЯ, ибо не уменьшались планы по приёму новых студентов.

---

399 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 2 об., 3, 12 об.
400 Там же.
401 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.
402 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

Общий план приёма первокурсников на 1942-1943 уч. г. составил 270 человек (120 – ФАЯ, 75 – ФФЯ, 75 – ФНЯ)[403]. Это потребовало серьезной и напряженной предварительной работы по профориентации[404].

К тому же новое распоряжение Москвы по возвращению к четырехлетнему обучению[405] внесло дополнительные трудности в организацию образовательного процесса в новом уч. г. Вновь становился актуальным вопрос учебных помещений. В тех условиях Шульпин добивается аренды части помещений Дома партийного просвещения[406].

Тем не менее, инязу пришлось перейти на трехсменное обучение со всеми его трудностями и проблемами, в том числе и хозяйственно-бытового плана. Так как учебные помещения отапливались дровяными печами, студенты в приказном порядке посменно работали на разгрузке дров, а администрация изыскивала средства на их приобретение[407]. Мировая война приближалась к своему апогею, а коллектив вуза был вынужден решать обычные для мирного времени бытовые задачи. Так в январе 1943 г. в помещениях ГПИ, занятых студентами иняза[408], произошла мощная авария отопительной системы,

---

[403] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 4, 7. Следует обратить внимание на приведенные цифры. Казалось бы, в условиях мобилизации всех сил на войну с Германией в оперативных интересах, должно было бы резко вырасти число изучающих немецкий язык. Тем не менее, приоритет отдавался английскому. Среди прочих обстоятельств данный факт указывает на твердую уверенность советского руководства в победе, его расчеты на взаимодействие с мировым сообществом, где ведущее место должны были занимать страны с англоязычным населением.

[404] Весной и летом 1942 гг. почти во всех средних школах города и 22-х школах области прошли собеседования сотрудников иняза с выпускниками. Будущие абитуриенты знакомились с номенклатурой вступительных экзаменов, тогда включавшей в себя русский язык и литературу, историю народов СССР, географию и иностранный язык. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 7. Профориентационная работа будет продолжена и в последующий период. В 1944 г. прием вновь достигнет цифры 300 человек – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 117.

[405] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

[406] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.

[407] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л.2.

[408] В 1943-1944 уч. г. главное здание ГПИ им. Горького на три четверти было занято общежитиями студентов Горьковских индустриального, водного, строительного и Ленинградского кораблестроительного институтов, а также институтом иностранных языков – Зеленцов В. Д. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. –176 с. – С. 81.

потребовавшая новой концентрации убывающих сил и скудеющих ресурсов ГГПИИЯ[409].

В вузе работали и учились вполне конкретные живые люди с их не менее конкретными потребностями и запросами, не исчезнувшими с началом войны. Руководству иняза надо было думать о местах проживания студентов. В 1942-1943 уч. г. в общежитии нуждалось 130 человек, а дирекция располагала лишь 35-ю местами[410].

Продолжал оставаться нерешенным вопрос об организации питания студентов и преподавателей. Своей столовой иняз не располагал; приходилось использовать пищеблок речного техникума[411], где количество посадочных мест было ограничено. Кроме того, студенты целенаправленно использовали столовую института усовершенствования учителей, а преподаватели – столовую областного комитета союза высшей школы[412].

Конечно, большим подспорьем в обеспечении питания студентов и преподавателей было правительственное решение, приравнявшее студенчество и преподавательский состав к нормам снабжения рабочих[413]. К тому же, в 1942 г. при институте было создано подсобное хозяйство (отв. преподаватель А. И. Гергардт). В 1942 г. вуз располагал 6,5 гектарами земли, а с 1943 г. – 13 гектарами. На этом участке своими силами выращивали картофель, просо, гречу, свеклу[414] и т. д., что значительно улучшало питание студентов и преподавателей[415]. Обретение и дальнейшее развитие подсобного

---

[409] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 12 об.
[410] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
[411] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.
[412] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.
[413] Там же.
[414] Так, в 1942 г. в подсобном хозяйстве ГГПИИЯ было использовано под картофель 2,4 га, под просо – 2,8 га – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л.35, остальное под другие сельскохозяйственные культуры. Добавим, что практика использования собственного подсобного хозяйства была сохранена и в послевоенные годы.
[415] В 1943 гг. из подсобного хозяйства поступило 46 ц картофеля, 6 ц проса, 3 ц. свеклы.

хозяйства требовало предварительных затрат и ресурсов, в том числе обеспечения его транспортом[416].

На первый взгляд, изложенное может показаться перечислением набора мелочей, мало связанного с базовыми задачами высшего учебного заведения. Однако, в годы жесточайшей войны и предельного напряжения всех государственных и общественных ресурсов, решение хозяйственно-бытовых проблем становилось более чем трудным делом, а не решение их неминуемо влекло за собой довольно быстрый паралич учебно-образовательного процесса. Таким образом, на плечи руководства института ложилось решение совершенно разноплановых, но жестко переплетенных проблем.

Отметим также, что менялось в сторону увеличения число обучаемых в инязе, что создавало необходимость новых организационных усилий для его руководства. К концу 1942-1943 уч. г. количество студентов составляло 745 человек[417]. В условиях военного лихолетья эта цифра почти не менялась: в 1943-1944 уч. г. в инязе было 668 обучаемых, а в 1944-1945 – 696[418].

Надо признать, что в годы Великой Отечественной войны неизбежно и резко возросла интенсивность труда, как студентов, так и преподавателей. Были отменены отпуска и студенческие каникулы. Помимо учебной, педагогической и научной деятельности, преподаватели постоянно и плотно занимались общественной работой и достаточно часто физическим трудом. Никто не снимал с них ответственность за выполнение учебно-методического процесса; наоборот, требования к нему возрастали. Равно как и требования к учебной дисциплине студентов. Живущие в разных концах города обучаемые добирались в его центр в условиях хронических перебоев в работе транспорта или в условиях его полного отсутствия. Тем не менее, известно, что тогда

---

[416] «...пока институт не будет иметь в своем распоряжении, по крайней мере, пары лошадей или автомашины, нельзя надеяться на хорошие результаты подсобного хозяйства», – подчеркивалось в годовом отчете иняза за 1942/43 учебный год – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 16, 16 об.

[417] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.

[418] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 21.

преподаватели и руководители ГГПИИЯ не сетовали на слабость исполнительской дисциплины своих подопечных[419].

Особую страницу в контексте истории института в годы войны составила разноплановая, но системная работа в деле оказания всесторонней и эффективной помощи фронту (Приложение 8). Решением вышестоящих инстанций П. И. Шульпин (как и все первые лица различных учреждений) стал персональным руководителем этого направления деятельности вверенного ему коллектива. По должности он стал командиром колонны, брошенной на строительство оборонительных сооружений в конце октября 1941 г. Колонна была сформирована достаточно быстро и укомплектована полностью. Её комиссаром была назначена Н. М. Лобода. В суровых осенне-зимних условиях днем и ночью студенты и преподаватели на западной окраине Горьковской области рыли траншеи, противотанковые рвы, создавали завалы и надолбы.

Задание было выполнено целиком и к установленному сроку – 5 января 1942 г. За доблестный труд П. И. Шульпин, Н. М. Лобода, И. С. Комаров были награждены медалями «За оборону Москвы». Группа сотрудников и преподавателей – З. Ф. Теплова[420], А. К. Томлянович, О. П. Сергеева, Т. Г. Лашкина, З. С. Прусова, Е. И. Соколова, а также студенты Е. Кутузова, Г. Мезина, М. Владимирова – благодарностями и почетными грамотами Горьковского областного комитета ВКП(б).

В первые дни войны более 200 человек инязовцев (преподавателей, сотрудников и студентов) добровольно вступили в ряды народного ополчения. С тех пор они постоянно ожидали повесток о призыве на фронт. Но и, будучи в тылу, они, как и все остальные, выполняли обязательные требования

[419] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л.12 об.
[420] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 2. Л. 45.

руководства института. Все преподаватели и сотрудники в первый военный год целиком сдали нормы противовоздушной и химической обороны (ПВХО)[421].

Периодически и планомерно иняз проводил сбор подарков и теплых вещей для бойцов Действующей армии. В 1941-1942 уч. г. из достаточно скудных средств преподавателей, сотрудников и студентов было собрано 1100 подарков и более 400 теплых предметов одежды[422]. Руками сотрудниц и студенток ГГПИИЯ было сшито более 1000 единиц белья, направленного на фронт и в адрес военных госпиталей. В 1942-1943 уч. г. было собрано более 650 единиц теплой одежды, 150 полезных предметов[423] в помощь населению Сталинграда и освобожденных районов, 3000 книг в адрес жителей территорий, пострадавших от оккупации[424].

Регулярно представители коллектива ГГПИИЯ сдавали кровь для раненых солдат и офицеров Действующей армии. Только в 1941 г. В начальный период войны количество доноров в инязе составило более 80 человек. Среди них Е. И. Сингер, Г. В. Милюкова и многие другие. Граждане СССР были воспитаны в духе патриотизма, любви и уважения к собственной Родине. Подавляющее их большинство было уверено в правильности несения высокого долга перед страной и сообществом. Для них естественными и вполне понимаемыми были предложения о помощи фронту во всех требуемых временем формах. Например, постоянное внимание оказывалось пациентам подшефного военного госпиталя[425] (Приложение 9).

---

[421] По существу, разбитым на управляемые группы студентам и преподавателям вменялась в приказном порядке ликвидация возгораний и угроз химического заражения вверенных им объектов. В дни и ночи налетов германских ВВС на Горький дежурившие по графику группы инязовцев тушили пожары на крышах жилых домов, промышленных предприятий и различных учреждений, оказывали первую медицинскую помощь пострадавшим, обязаны были ликвидировать рождающуюся панику среди гражданского населения и т. п.

[422] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л.12 об.

[423] Среди них числились зубные щетки, платки, карандаши и канцелярские принадлежности, наборы конфет и печенья, кисеты, предметы посуды и т.п. Уместно подчеркнуть, что эти, по сути незатейливые и недорогие, ранее считавшиеся «пустяковыми» вещи, предметы и продукты обретали особый смысл и значимость для их отправителей и их получателей.

[424] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 12 об.

[425] Киселев В. П. Так это было на войне. К портрету поколения. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 180 с. – С. 121-122.

Особой человеческой памяти заслуживают факты добровольной сдачи в фонд обороны личных сбережений преподавателей и студентов ГГПИИЯ в годы войны. В 1942 г. И. С. Комаров добровольно внес на строительство танковой колонны «За передовую советскую науку» 20 тысяч рублей. Его инициатива была широко поддержана коллективом вуза: было собрано 45115 рублей наличными и 42 тысячи рублей облигациями[426]. Студенты и преподаватели подписывались на облигации военных займов: только в 1942-1943 уч. г. сумма переведенных государству средств на счет Второго государственного военного займа составила 118 % от месячного фонда заработной платы.

Кроме перечисленного, преподаватели ГГПИИЯ достаточно щедро отдавали свое личное время интересам воюющего государства. Имевшие высокие навыки работы в разных аудиториях они активно участвовали в агитационно-пропагандистской деятельности. Сам директор П. И. Шульпин, его заместитель А. А. Чемоданов, а также многие преподаватели – З. Ф. Теплова, Е. П. Брандис, С. В. Третьякова, Н. Н. Фадеева, М. Ф. Фролов и другие – регулярно выступали с лекциями перед населением, комментируя и объясняя положение на фронтах. Кроме того, распоряжениями свыше им вменялось в обязанность изучение «приказов Главнокомандующего товарища И. В. Сталина» и разъяснение их сути населению[427].

Можно отметить и то, что отдельные преподаватели института, не имевшие высшего специального образования, получали его, как тогда говорили, «без отрыва от производства». Так в 1942 г. окончила факультет французского языка ГГПИИЯ О. Э. Козлова.

Очевидно, что заметно возросли общие нагрузки и на работу директората института. Вуз нуждался в расширении кадрового состава своих руководителей, но реалии дня сужали их численность. С 1943 г. появилась должность заместителя директора ГГПИИЯ по научно-учебной части,

[426] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 12, 12 об.
[427] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л.11.

совмещавшая в себе соответствующие функции. Тогда на неё был назначен А. А. Чемоданов, только что закончивший аспирантуру в ЛГУ[428]. Обязанности заместителя директора по заочному отделению исполняла (с 1942 г.) В. А. Коноплева, преподаватель кафедры немецкого языка.

Иняз структурно включал в себя три факультета в рамках дневной формы обучения и три отделения – на заочном обучении. В 1943 г. ГГПИИЯ пережил серьезную реорганизацию учебных подразделений. Тогда она включила в себя 13 кафедр[429]. Эти изменения были продиктованы растущей необходимостью повышения эффективности учебного процесса. Языковые кафедры разделялись на кафедры языка и кафедры филологии. Тем самым проводилась четкая грань между теоретическими и практическими учебными дисциплинами. Кафедры языка стали заниматься организацией преподавания практики языка и перевода, а кафедры филологии давали знания по грамматике, фонетике, лексикологии и истории языка.

Как директор ГГПИИЯ, П. И. Шульпин настаивал на создании ещё двух отдельных кафедр – русского языка и латинского языка. Известно, что ВКВШ не возражал против этой инициативы директора, опирающейся на мнения ведущих преподавателей иняза, но решение вопроса блокировалось нехваткой лиц должной квалификации, имеющих право заведования планируемыми новыми подразделениями[430]. Латынь, как учебная дисциплина, преподавалась в ГГПИИЯ Г. Е. Изюмовым, но кафедра латинского языка тогда так и не была создана.

1 ноября 1942 г. начало отсчет своей истории другое структурное подразделение ГГПИИЯ. Именно оно стало первым шагом к созданию

---

[428] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 2 об.

[429] А именно: марксизма-ленинизма, педагогики, языкознания, методики, английского языка, английской филологии, немецкого языка, немецкой филологии, французского языка, французской филологии, истории народов СССР, зарубежной литературы, военно-физкультурной подготовки. Лучшими в годы войны считались по итогам соцсоревнования кафедра английской филологии (заведующая – доц. Колдунова) и английского языка (заведующая – старший преподаватель Смирнова).

[430] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 19.

будущего переводческого факультета. Соответствующим решением в тот день было создано двухгодичное переводческое отделение внутри Горьковского иняза[431].

Его появление было обусловлено рядом причин, среди которых доминантным стало осознание советским руководством невозможности ранее обещанного довольно быстрого окончания войны[432]. Практика показывала, что идущая война становилась не только все более кровопролитной, но и долгосрочной. Росла неизбежная потребность военного командования во всех новых кадрах профессиональных военных переводчиков, а не в наскоро переученных учителях иностранных языков.

Однако, появившееся отделение было способным предоставить государству своих первых выпускников – военных переводчиков лишь к 1944 г., а жизненно важные потребности диктовали использовать переводчиков в городе Горьком уже тогда. Решение и этого вопроса, наряду с иными задачами, взяла на себя группа инязовских преподавателей. Уже в 1941-1942 уч. г. 11 профессиональных специалистов Горьковского иняза работали в качестве переводчиков в соответствующих организациях и учреждениях города Горького и Горьковской области[433]. Кроме того, на протяжении 1942-1943 уч. г. группы преподавателей ГГПИИЯ обучали иностранным языкам слушателей в некоторых воинских частях и на отдельных предприятиях[434].

Почти феноменальным стало то обстоятельство, что в годы Великой Отечественной войны коллектив ГГПИИЯ не только не растерял, но стал заметно наращивать свой научный потенциал. Как ни удивительно, одной из причин такого явления стала сама обстановка военного времени. В отчете за 1942-1943 уч. г. директората иняза подчеркивалось: «Научно-

---

[431] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.
[432] Выступая по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин недвусмысленно дал понять, что начавшаяся война с гитлеровской Германией никак не продлится более 12 месяцев.
[433] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л.12 об.
[434] Там же.

исследовательская работа в истекший год связывалась, насколько возможно, с требованиями военного времени и поэтому основное внимание уделялось темам, имеющим оборонное значение»[435]. В годы войны росли квалификационные показатели кадрового состава преподавателей. В ГГПИИЯ трудились уже 6 доцентов[436] (П. И. Шульпин, М. Ф. Фролов, А. В. Кунин[437], О. А. Колдунова, С. В. Третьякова, К. К. Мартенс[438]), из них 3 кандидата наук (П. И. Шульпин, С. В. Третьякова, К. К. Мартенс). Продолжала свое обучение в аспирантуре в I МГГПИИЯ А. С. Ненюкова. Так в августе 1941 г. она как аспирант успешно сдала ряд экзаменов[439].

Однако, объем выполняемых вузом задач требовал ещё большего числа специалистов с учеными степенями и званиями. В этой связи П. И. Шульпин обращался с соответствующими ходатайствами в центр, но Наркомпрос сумел направить в Горький тогда лишь А. В. Фанягину, занявшую должность заведующей кафедры методики[440].

В условиях отсутствия в ГГПИИЯ собственной аспирантуры[441] ряд его ученых занимался повышением своей квалификации вполне самостоятельно.

Подавая пример иным, сам директор иняза успешно трудился над кандидатской диссертацией. В 1942 г. он защитил её, вынеся на обсуждение основные положения, связанные с темой «Столыпинская реформа в Нижегородской губернии»[442]. Приказом по институту от 27 февраля 1943 г.

---

[435] Там же.

[436] Оклад доцента в годы Великой Отечественной войны составлял 800 рублей. При 10-летнем стаже – 900 рублей.

[437] После окончания войны в 1946 году, группу переводчиков на Токийском международном трибунале возглавлял А.В. Кунин, впоследствии выдающийся лингвист, автор трудов по фразеологии английского языка.

[438] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 2 об.

[439] Аспирант II года обучения кафедры английской филологии I МГГПИИЯ А. С. Ненюкова сдала немецкий язык на «отлично», древнеисландский – на «хорошо», введение в германистику – «отлично» и историю английского языка – «отлично». См.: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 12. Л. 28.

[440] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 2 об.

[441] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 14 об., 32.

[442] Защита состоялась в декабре 1942 г. в рамках Ученого Совета МГПИ имени В. И. Ленина под председательством проф. П. И. Попова – Подробнее о нём см. Лубков А. В.,

П. И. Шульпин был утвержден в должности доцента, а с 26 января 1944 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории народов СССР (по совместительству с должностью директора ГГПИИЯ)[443].

Над кандидатскими темами трудились тогда доцент И. С. Комаров, старший преподаватель О. П. Сергутина[444] (кафедра педагогики), А. А. Чемоданов и Н. А. Лавров (кафедра языкознания). Докторские диссертации писали доценты А. В. Кунин и С. В. Третьякова.

Ещё осенью 1941 г., а также весной 1942 г. по распоряжению ряда министерств и ведомств в Горький эвакуируется из Москвы и Ленинграда большая группа специалистов разного профиля, в том числе и в области языкознания. Среди них отметим А. В. Кунина, Е. П. Брандиса, А. И. Смирницкого[445]. Достаточно быстро их уровень и возможности были оценены руководством вуза. Деканами военного времени стали Г. С. Голубовская (1940-1942), А. В. Кунин (1942-1943), И. С. Комаров (1943-1945) (ФАЯ), Е. П. Брандис (ФНЯ) (1943-1944).

Также из Ленинграда эвакуировались преподаватели Миловидова и Ивашкевич. Объединив свои возможности с творческим потенциалом кадровых работников ГГПИИЯ, они сумели значительно повысить научно-академическую продуктивность его работы. Ведущие преподаватели и наиболее талантливые студенты иняза приступили к серьезной, трудной и тогда очень актуальной работе по составлению словарей военной лексики.

Творческая группа под руководством А. В. Кунина, в которую входили преподаватели Эпштейн, Томлянович, Медовщикова и др., успешно выполнила работу над составлением «Англо-русского военного словаря-минимума», издав в 1942-1943 уч. г. 150 его экземпляров[446].

Москвин В. В., Полозов Г. П. Романов Ю. В., Савельев П. Ю. Ректоры МПГУ. 1872 – 2000. Очерки. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – 160 с. – С. 98-101.

[443] Архив НГЛУ.

[444] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 13. Л. 33.

[445] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л.14; Д. 58. Л. 2 об.

[446] По существу, работа была закончена ещё в 1941 г. и тогда А. В. Кунин лично повез её текст, а также текст вновь выполненного «Военно-юридического словаря» в Юридическую

Подчеркнем, что упомянутая работа, по существу, стала не только первой научной публикацией, выполненной на кафедре английской филологии, но и в рамках всего ГГПИИЯ в целом. Затем ученые приступили к подготовке «Большого военного русско-английского словаря» объемом в 80 печатных листов[447].

В 1943 г. группа из пяти преподавателей (старший преподаватель Н. И. Миллер[448], преподаватели Д. Я. Якуб, Н. М. Лобода, Л. С. Штейман, Е. С. Васильева) под общим руководством старшего преподавателя заведующей кафедрой немецкого языка А. В. Шеффер завершила работу по созданию «Немецко-русского словаря военной терминологии» и сборника текстов по соответствующей тематике[449].

Одновременно с научной, значительные новации коснулись учебно-методической деятельности работников ГГПИИЯ. Вникнув в соответствующие распоряжения Москвы, его директорат сумел составить учебный план, адаптированный к задачам военного времени, учитывавший также возможности и рамки трехгодичного обучения. В годовом отчете за 1941-1942 уч. г.[450] П. И. Шульпин подчеркивал: «Особое внимание уделялось овладению студентами разговорной речью и навыками перевода», изучению, среди прочих, таких тем как «Наступательные бои Красной Армии», «Партизаны», «Допрос пленного», «Разговор с английскими летчиками» и др.[451].

академию Красной Армии (Москва). Творческий коллектив А. В. Кунина вполне обоснованно считал свою работу научной, достойной для включения её в годовой отчет ГГПИИЯ в области науки. Однако, Наркомпрос РСФСР посчитал её относящейся лишь к учебной сфере. См.: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л.7. Видимо, в условиях военного времени не оставалось условий для должной квалификации выполняемых научных и методических работ.

[447] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 15.

[448] Нина Ивановна Миллер (1903 – 1985 гг.) окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1939 г. Работала в качестве старшего преподавателя с 1939 по 1959 гг.

[449] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

[450] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.

[451] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 4 об., 5.

Добавим, что учебные планы и программы заочной формы обучения также были рассчитаны на достаточно высокое и эффективное овладение студентами предоставляемых им знаний, навыков и умений без скидки на «заочность» (за исключением педагогической практики). Фактически они овладевали тем же уровнем профессиональной подготовки, что и студенты очной формы обучения[452].

Как на дневной, так и на заочной формах обучения значительно увеличилось количество рабочих часов по практике языка. Учебную программу вновь созданного переводческого отделения (специальность – «военный переводчик») приходилось разрабатывать «с нуля» и довольно быстро запускать в работу. В годовом отчете за 1941-1942 уч. г. П. И. Шульпин особо подчеркивал, что «перевод рассматривался, как самостоятельная дисциплина и был обеспечен наиболее квалифицированными кадрами»[453].

Изложенное ясно указывает на общий и заметный рост учебной нагрузки студентов, в том числе и за счет появления в планах новых дисциплин и благодаря увеличению часов в рамках дисциплин прежних. Вновь введенным в 1942-1943 уч. г. учебным предметом, проводимым на базе военной кафедры, стала радиотелеграфия[454]. Степень значимости, которую придавал П. И. Шульпин именно ей, показал факт создания специального радиокабинета на 40 учебных мест[455] в условиях предельного дефицита в ГГПИИЯ

---

[452] Так, согласно вкладышу к диплому о высшем образовании, полученному Н. Н. Зыковой (студентка заочной формы обучения ГГПИИЯ в 1943 – 1947 гг.), номенклатура изучаемых дисциплин включала в себя тогда: основы марксизма-ленинизма, география Германии, теория русского языка, история Германии, педагогика, история педагогики, психология, введение в языкознание, политэкономия, латинский язык, история языка, литература, история СССР, методика, практика разговорной речи, грамматика практическая, грамматика теоретическая, фонетика теоретическая, лексикология, общий перевод. На государственные экзамены выносились: немецкий язык, основы марксизма-ленинизма, педагогика и методика преподавания иностранного языка – Архив НГЛУ.

[453] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л.15 об.

[454] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л.14 об.

[455] На его базе студенты изучали технику радиосвязи.

аудиторного фонда. Помимо всего прочего, студенты дополнительно занимались военным делом по 2 часа в неделю[456].

Между прочим, перечисленные и другие обстоятельства не только повышали роль военной кафедры как таковой, но и увеличивали её действительную значимость во всем учебном процессе, идущем в рамках ГГПИИЯ.

Параллельно с решением перечисленных проблем П. И. Шульпин выполнял текущие и всегда неизбежные задачи пополнения штата преподавателей. В годы войны ими стали более чем 20 выпускников иняза[457]: преподаватель французского языка Е. П. Лаврова, преподаватель английского языка И. Б. Шейнеман[458] (обе – выпуска 1941 г.), преподаватели английского языка Н. Л. Левина, немецкого языка Г. А. Мешкова и Н. М. Лобода (все трое – выпуска 1942 г.).

По существу, именно в годы Великой Отечественной войны ученые ГГПИИЯ сделали первые шаги в области методологии своих лингвистических изысканий. Конечно, следует признать, что тогда, в достаточно узких доктринальных рамках, они могли позволить себе теоретический поиск лишь в пределах марксистско-ленинской методологии. Начиная с 1942-1943 уч. г. кафедра основ марксизма-ленинизма вместе с кафедрой языкознания организовали и провели несколько научно-теоретических конференций по проблеме изучения марксистской концепции в сфере языкознания[459]. По мнению П. И. Шульпина, они стали «первой за время существования института попыткой овладения преподавательским коллективом марксистской теории избранной ими специальности»[460].

---

[456] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.
[457] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 20.
[458] Ида Борисовна Шейнеман (умерла в январе 1960 г.). Работала в Горьковском инязе с 1941 по 1960 гг. По оценкам коллег – талантливый переводчик. См.: Лингвист. – 1960. – 12 января.
[459] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
[460] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

Директорат института продолжал заботиться о пополнении книжного фонда собственной библиотеки. Хотя библиотека ГГПИИЯ (зав. М. Б. Базаревская[461]) насчитывала в 1942-1943 уч. г. 29200 томов (25% от этого количества – книги на иностранных языках)[462], тем не менее, по мнению руководства, ощущалась острая нехватка учебников[463]. К тому же военные условия проявили и острую нехватку учебных пособий специфического плана[464].

П. И. Шульпин и его сотрудники сумели к весне 1943 г. увеличить библиотечный фонд 267-ю новыми томами[465] и довести общее количество вверенных библиотеке книг до 29500 единиц учета. Это пополнение считалось «первым поступлением иностранной научной литературы за время с 1941 г.». Причем, особо ценным стало приобретение 8 книг, изданных за рубежом по английской грамматике и лексикологии. Кроме того, в библиотеку поступило 40 экземпляров новых изданий на английском языке, 30 – на французском, 30 – на немецком, а также много единиц научной периодики на иностранных языках[466].

Феномен работы ГГПИИЯ, состоял в том, что, несмотря на близость от фронта в 1941 г., бомбардировки города (1941, 1942), вынужденный прием эвакуированных, большие потери в составе преподавателей и студентов – занятия на всех факультетах не прекращались практически все тяжелые четыре года. При этом образовательный процесс сталкивался с непреодолимыми трудностями: в условиях послевоенного времени не хватало самого элементарного – света, тепла, бумаги, тетрадей, учебников.

---

[461] Марьям Баязетовна Базаревская работала учителем, затем библиотекарем НГУ. С 1941 по 1956 гг. бессменный зав. библиотекой ГГПИИЯ. См.: ЦАНО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 206. Л. 190 об.

[462] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л.10.

[463] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 54. Л. 4 об.

[464] Так, например, в 1942-1943 уч. г. выполнение учебных планов по военной подготовке затруднялось из-за того обстоятельства, что «не нашли миномет для его демонстрации на занятиях». См.: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.

[465] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 58. Л. 22.

[466] Там же.

ГГПИИЯ, преодолевая трудности военного времени, сумел за 4 учебных года подготовить и выпустить за свои пределы 209 учителей иностранных языков и переводчиков[467]. Большинство молодых преподавателей были направлены в освобожденные от германской оккупации районы СССР в качестве учителей. Переводчики, в том числе и военные, заняли соответствующие должности в военных и невоенных учреждениях и ведомствах, значительное их число служило в частях Действующей армии.

Необходимо отметить ещё одну весьма важную грань не только многоплановой работы сотрудников ГГПИИЯ в годы войны, но и отличительную черту характера его директора П. И. Шульпина. Как ни удивительно, в предельно сложных условиях в инязовском творческом коллективе оставалось место для внутренней критики и самокритики.

Облеченный высокими полномочиями, П. И. Шульпин вполне допускал и принимал конструктивную критику в свой адрес и умел извлекать из неё позитивные выводы. Более того, он активно поддерживал тех работников, которые умели не только критиковать, но и предлагали конкретные меры по совершенствованию качества собственной деятельности. В начале января 1945 г., проводя промежуточные итоги проделанной работе, директор ГГПИИЯ в рамках развернувшейся на заседании совета института дискуссии подчеркнул: «Если бы мы чаще так остро и резко выступали, то было бы гораздо больше пользы»[468]. Вместе с тем П. И. Шульпин указал и на то, что общий объем различных нагрузок распределен неравномерно на представителей всего коллектива, считая такое положение не только неправильным, но и несправедливым. Как он выразился, лишь 25 сотрудников и преподавателей – «ядро работников» взяли на себя и достойно несли «львиную» долю всевузовской занятости[469].

---

[467] В 1943 г. выпуска не было из-за сокращения студенческого контингента. См.: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д.231. Л. 117.
[468] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 65. Л. 8.
[469] Там же.

Одной из важнейших рабочих задач, стоящих перед Горьковским инязом в военные годы, становилось комплектование первых и старших курсов по тем специальностям, по которым подготовка специалистов была временно прекращена в вузах на западе страны. Стараниями сотрудников иняза в годы военного лихолетья удалось сохранить количество студентов и выполнять план приема первокурсников.

Также планомерно проводилось и посильное обеспечение помощи фронта в тылу за счет дополнительных работ педагогическим и студенческим коллективом вуза, донорством крови, финансовой и материальной помощью.

Военная обстановка, наряду с другими изменениями, повлекла за собой совершенствование учебных программ и содержания дисциплин, а также сокращение сроков обучения с четырех до трех лет с целью адаптации учебных планов и новых специальностей к потребностям страны

Совершенствование пропаганды, ставившееся в задачи учебных заведений, также не находилось в упадке в инязе в годы войны. Важное место в активизации их деятельности по подготовке квалифицированных специалистов, владеющих марксистско-ленинской теорией, стало открытие кафедры марксизма-ленинизма. Кроме этого, преподаватели ГГПИИЯ достаточно щедро отдавали свое личное время интересам воюющего государства. Имевшие высокие навыки работы в разных аудиториях, они активно участвовали в агитационно-пропагандистской деятельности, регулярно выступали с лекциями перед населением, комментируя и объясняя положение на фронтах.

Огромной заслугой коллектива является и повышение активности и уровня научной работы в вузе. Во время войны ВКВШ при СНК СССР требовал от директоров высших учебных заведений организацию «изысканий важных для обороны изобретений и открытий, имеющих огромное значение для Красной Армии, для всей страны»[470].

---

[470] Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа. 1970. – 315 с. – С. 93 – 94.

Почти феноменальным стало то обстоятельство, что в годы Великой Отечественной войны коллектив ГГПИИЯ не только не растерял, но стал заметно наращивать свой научный потенциал. Как ни удивительно, одной из причин такого явления стала сама обстановка военного времени. Ещё осенью 1941 г., а также весной 1942 г. по распоряжению ряда министерств и ведомств в Горький эвакуируется из Москвы и Ленинграда большая группа специалистов разного профиля, в том числе и в области языкознания. Сотрудники иняза принимают активное участие в разработке научно-исследовательских материалов оборонного значения. При этом кадровый состав вуза пополнялся новыми кандидатами наук и доцентами не только за счет эвакуированных кадров, но и благодаря успешным защитам научных работ собственных сотрудников и студентов (Приложение 10).

Подводя итоги параграфа, отметим, что во время Великой Отечественной войны система высшего образования СССР и вузовская интеллигенция внесла весомый вклад в достижение победы советского народа над фашистской Германией. Свою роль сыграла и система подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих иностранными языками. Новые внешнеполитические и внутренние социальные условия ставили перед вузом комплекс задач, выполнение которых регулировалось законодательно системой высшего образования. Задачи требовали как внутренних, так и внешних преобразований, являющихся закономерными и своевременными текущему моменту. ГГПИИЯ, преодолевая трудности военного времени, сумел за военные годы подготовить и выпустить 209 учителей иностранных языков и переводчиков[471]. Большинство выпускников были отправлены работать учителями в освобожденные от германской оккупации районы СССР.

В рассматриваемый период (1941-1945 гг.) все больше внимания власти уделяли преподаванию иностранных языков не только с позиции создания

---

[471] Университет, сближающий культуры мира. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 1917 – 2007. – Н. Новгород, 2007. – 176 с. – С. 14.

концепта и отражения его в правовом поле, но и в конкретике повседневности. Противоречивость времени выражалась в том, что, с одной стороны, происходило ужесточение рабочей дисциплины, с другой, был ослаблен натиск политических репрессий. Задачи военного времени были достойно и в полной мере выполнены профессорско-преподавательским и студенческим коллективом ГГПИИЯ.

2.3. Коллектив ГГПИИЯ в послевоенный период; идеологические кампании и дискуссии (1946-1953)

В разрезе темы диссертационного исследования послевоенное время представляет интерес с точки зрения особенностей образовательной политики государства в условиях идеологического поворот науки к «патриотизму», спровоцировавшего очередные кампании, большинство из которых, по сути дела, были продолжением политики репрессий и преследовали цели уничтожения, морального или физического, инакомыслящей интеллигенции.

В конце 1940-х гг. проходит целая серия мероприятий идеологического свойства, которые должны были, по мнению властей, привести к более правильному балансу сил на интеллектуальном фронте. В первую очередь это предполагало решение первоочередных проблем, с которыми пришлось столкнуться системе образования сразу после войны – нехватка материальных и человеческих ресурсов. Несмотря на развернувшиеся идеологические выпады против интеллигенции, нельзя сказать, что вопрос восстановления вузов, реформации их структуры, развития и укрепления их кадрового потенциала, не стоял на повестке дня партийных чиновников во второй половине 1940-х гг. и противоречил идеологическому направлению работы. Помимо активного финансирования военных программ, были изысканы средства на развитие национального образования и учреждений науки под лозунгом: «Великой стране нужна большая наука!».

Окончание Второй Мировой войны в сентябре 1945 г. положило конец тяготам военного времени, но не избавило советские государство и общество от её последствий, тем более, от проблем, неизбежно последовавших в поствоенный период. В этом смысле ГГПИИЯ в целом не стал исключением. Ещё весной 1945 г. руководство Горьковского иняза рассматривало перспективы дальнейшего развития своего учебного заведения. Судя

по соответствующим источникам, среди ближних срочных приоритетов собственной работы коллектив института рассматривал организацию базовых школ при ГГПИИЯ, совершенствование практики разговорного языка, повышение эффективности НИР студентов, меры борьбы с отсевом обучаемых и др.[472].

Для решения указанных задач были необходимы: наращивание материально-технической базы, развитие научно-исследовательской деятельности, совершенствование подготовки специалистов и научных/педагогических кадров.

Текущей задачей руководства вуза после окончания Великой Отечественной войны продолжал оставаться вопрос приема в вуз новых студентов и поддержания соответствующего конкурса среди абитуриентов. Можно считать, что с этой проблемой институт справлялся: за первые пять послевоенных лет (1946-1950 гг.) в него было принят 2281 человек[473]. Отметим также, что планы приема, если они пересматривались, менялись только в сторону увеличения. Так в конце августа 1949 г. было получено распоряжение ГУВУЗа принять в институт ещё 100 человек дополнительно к плановому показателю в 400 абитуриентов[474].

Общий контингент студентов ГГПИИЯ (на дневной и заочной формах обучения) составлял на 1 сентября 1946 г. 970 человек. Из них на I курсе обучалось 471, на II – 240, на III – 185, на IV – 74 человека[475].

Увеличение приема в языковые вузы можно связывать с вышедшим в 1947 г. Постановлением «Об улучшении изучения иностранных языков в школе», приводящим основные положения книги Л. В. Щербы «Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики». Этот труд расценивался как теоретическая основа обучения

---

[472] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 65. Л. 51, 58, 64, 68 об.
[473] Выпуск за этот же период: 1946 – 1950 гг. выразился цифрой 721 человек – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Л. 117.
[474] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 106. Л. 28.
[475] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 14.

иностранным языкам. А сам иностранный язык начинает рассматриваться как общеобразовательный предмет, изучение которого не только приобщает ученика к иностранной культуре, но и позволяет ему лучше понимать свой родной язык и культуру[476].

Кроме того, в 1948 г. начинается выпуск журнала «Иностранные языки в школе», освещавшего проблемы содержания курсов, методики их преподавания, перспектив и задач дальнейшего развития. Журнал «Иностранные языки в школе» печатал много методических рекомендаций, поддерживал использование активной речевой практики в процессе овладения языками, ставил вопросы о содержании учебников иностранного языка, о роли и месте родного языка в изучении иностранного и др.[477].

На годы директорства П. И. Шульпина пришелся первый серьезный юбилей Горьковского института иностранных языков, 10-летие со дня основания. Подведение итогов работы за десятилетие[478] вылилось в следующие основные цифры: «Институт дал стране 658 специалистов; в 1947-1948 уч. г. количество студентов будет насчитывать 1247 – на стационаре, 442 – на заочном секторе»[479].

На основании реальных фактов успешной деятельности коллектива преподавателей и сотрудников за десять лет существования иняза, дирекция решила «пересмотреть вопрос о разряде, к которому должен быть отнесен наш институт»[480].

В июле 1948 г. Совет министров СССР по ходатайству Горьковского института иностранных языков принял решение «в связи с возросшим его значением и объемом работы отнести ГГПИИЯ к вузам второго разряда».

---

[476]Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. (1917 – 1941 гг.) / Отв. ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин. – М.: Педагогика, 1980. – 456 с.

[477] История педагогики: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. М. Ф. Шабаевой. – М.: Просвещение, 1981. – 367с.

[478] Кроме отражения итогов работы в годовых отчетах Горьковского иняза и других официальных документах, отдельные достижения коллектива института проанализировала стенная газета «Лингвист». В течение 1946-1947 уч. г. вышло семь её номеров.

[479] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 12.

[480] Там же.

Это была очень серьезная веха в контексте общей истории лингвистического вуза. Можно считать, что обретением того нового, весьма высокого статуса Горьковский иняз был обязан большому, упорному и плодотворному труду всего своего коллектива и, не в последнюю очередь, заслугам собственного лидера – директора П. И. Шульпина, ушедшего с поста в 1955 г.

Возвращаясь к вопросам реализации планов по выпуску специалистов, отметим заметный рост контингента обучаемых (количество студентов в 1945-1946 уч. г. составляло 748 человек, а в 1950 – 1573 человека[481]), а размер учебных площадей оставался на прежнем уровне. Таким образом, неотложной и наиболее приоритетной становилась задача обретения собственного учебного корпуса. О степени её остроты П. И. Шульпину постоянно напоминал вид недостроенного, «замороженного» одноэтажного здания на улице Минина. К чести директора, следует отнести решение в 1945 г. вопроса об ассигновании государством 300 тысяч рублей на его достройку[482]. Однако, Горьковский стройтрест не смог тогда приступить к работе в условиях полного отсутствия соответствующих строительных материалов.

Тем не менее, директорат ГГПИИЯ сумел начать ремонт арендуемых им помещений, но ремонтные работы затянулись до декабря 1945 г.

Параллельно с этим делом руководство хозяйственной части прилагало усилия по поиску и закупке дров для отопления учебных аудиторий, изыскивало электрические лампочки, табуретки и тому подобные предметы оборудования[483]. Добавим, что многие годы после войны материальная база института (впрочем, как и массы иных учреждений) оставалась весьма слабой.

Увеличение числа студентов усугубляло и так достаточно напряженную, особенно в сфере квалификационных характеристик руководителей учебных подразделений кадровую ситуацию. Так: из 13 кафедр, по-прежнему входящих

---

[481] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 117.
[482] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
[483] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 73. Л. 3.

в структуру ГГПИИЯ, лишь 5 возглавлялись доцентами. Таким образом, в послевоенные годы проблема нехватки кадров не была решена полностью.

Приказ Наркомпроса от 28 мая 1945 г. об обеспечении кадрами констатирует, что «по многим вузам имеется значительное количество вакантных мест заведующих кафедрами. Слабо используется метод конкурсов на замещение вакантных должностей, не созданы условия для учебной и научной деятельности» [484].

За первые послевоенные годы кадровый состав преподавателей претерпел мало изменений. В 1947-1948 уч. г. штатных преподавателей насчитывалось 106 человек, вместе с совместителями – 124[485]. Коллектив лаборантов включал в себя 26 человек[486]. К 1950 г. количество преподавателей составило 139 человек[487].

В 1945 г. кадровые проблемы иняз пытался решать за счет возвращавшихся в Горький фронтовиков – бывших студентов, а также опираясь на возможности отличившихся выпускников того года.

Место ушедшей преподавательницы военного перевода Штейман занял возвратившийся с фронта В. А. Санжар. Преподавательский корпус пополнили лучшие студенты-выпускники: А. В. Потехин, С. М. Эдид, О. Н. Пономарева, Н. Н. Ждамирова, Э. Н. Винтер, С. Л. Малкина и др.

В ближайшие послевоенные годы преподавателями также становились наиболее способные и талантливые выпускники иняза. Это И. А. Сабурова, Т. М. Радышева, Т. Н. Жданова, М. С. Егорова, Н. К. Козлова, Е. Д. Покровская, К. Н. Писарева, Г. В. Милюкова[488], Н. В. Михина, Л. П. Вагина[489], В. С. Жукова, И. В. Русина, А. И. Литвиненко,

---

[484] Синецкий А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. – М.: Советская наука, 1950. – 234 с.
[485] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 1 об.
[486] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 80. Л. 6.
[487] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 117.
[488] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 3. Л. 27.
[489] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 6. Л. 49.

В. Е. Величкина, З. Ш. Захаревич, Л. О. Коль, А. В. Степанова, Г. Л. Морозова, Э. Н. Плеухина.

Особо следует выделить преподавателей – носителей языка, работавших тогда в вузе. Среди них: М. П. Алферова, А. К. Дельтува- Томлянович, Е. Ф. Гостева, А. О. Зарахович. Большинство из них приехали в СССР в 1920-1930-е гг. ещё детьми, чьи родители были в составе групп специалистов (инженеров, технологов, строителей и пр.), направленных в советскую Россию из-за рубежа. Приходили работать в иняз и выпускники других вузов: А. А. Орлова, Е. И. Михеев, М. Т. Зимина[490], Б. А. Акопян и др.

Несмотря на вхождение новых кадров в педагогический состав вуза, образовательная работа вуза и его научно-исследовательская деятельность продолжала сталкиваться со сложностями.

Руководство страны испытывало беспокойство в связи со сложившейся кадровой ситуацией в вузах. Цель – поддержать вузовских преподавателей и стимулировать их научную деятельность – имел Приказ Наркомпроса от 18 апреля 1945 г. Он содержал требование обеспечить преподавателей условиями для научной деятельности (командировки, межбиблиотечный каталог).

В мае 1945 г. вышел из недр Наркомпроса ещё один приказ, предписывающий руководству вузов страны пополнить и улучшить состав преподавателей через систему разнообразных конкурсов, курсов повышения квалификации, аспирантуру. Для этого студентам, преподавателям, научным сотрудникам и лаборантам гарантировалось освобождение от призыва в Красную Армию.

Мерой по улучшению академической подготовки научно-педагогических кадров стали Постановление ЦК партии «О подготовке научно-педагогических

[490] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 5. Л. 50.

кадров через аспирантуру» (1947) и последовавшее за ним в развитие Постановление 1949 г.[491].

Помимо критики существующей системы научно-исследовательской деятельности (плохая организация учебной и научной работы аспирантов, недостаточная квалификация преподавателей-руководителей аспирантуры, формальное отношение к составлению и утверждению индивидуальных планов работы аспирантов на ведущих кафедрах), постановления предусматривали ряд мер, позволяющих улучшить и ускорить процесс создания научно-исследовательских работ.

Во-первых, регламентировалась работа научных руководителей: запрещалось руководство более чем 5-6 аспирантами одновременно, вводилась ежегодная аттестация аспирантов и обязательная педагогическая практика, предписывалось проводить персональное распределение окончивших аспирантуру ученых.

Второй мерой стал более тщательный отбор диссертационных тем, а также определение организационно-административных условий работы над диссертационными исследованиями. Так, преподаватели вуза должны были прикрепляться на три года к профильной кафедре ведущего университета или пединститута для сдачи кандидатского минимума и дальнейшей защиты без отрыва от педагогической практики, либо проходить обучение в аспирантуре в качестве соискателя в течение одного года, при этом с сохранением заработной платы.

Кроме этого, предполагалось расширить подготовку научных кадров через аспирантуру по особо важным специальностям: философии, логике, политэкономии, истории, русскому языку, новым отраслям науки и т. д.[492].

---

[491] Постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1948 г. №1709 «О подготовке научно-педагогических и научных кадров через аспирантуру» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=680#08648493082081643

[492] Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова.

Перечисленные выше, а также аналогичные меры, зафиксированные в документации, предусматривали налаживание процесса подготовки квалифицированных научных и педагогических кадров в массовом порядке в кратчайшие сроки.

Каким же научно-исследовательским потенциалом обладал ГГПИИЯ для выполнения столь обширных планов?

Согласно годовому отчету о работе института за 1946-1947 уч. г., руководителями подразделений являлись следующие лица: «кафедра марксизма-ленинизма (доц. Шульпин), кафедра истории (доц. Фролов), кафедра литературы (доц. Третьякова), кафедра педагогики (доц. Комаров), кафедра методики (тов. Фанягина), кафедра английской филологии (доц. Колдунова), кафедра английского языка (тов. Смирнова), кафедра французской филологии (тов. Михина), кафедра французского языка (тов. Щелок), кафедра немецкой филологии (тов. Брылина), кафедра немецкого языка (тов. Шеффер), кафедра языкознания (тов. Чемоданов), кафедра военной подготовки (полковник Бенген)»[493].

Причем, из шести работающих в вузе доцентов по-прежнему лишь трое обладали ученой степенью кандидата наук: П. И. Шульпин, С. В. Третьякова, К. К. Мартенс, четвертым стал защитивший диссертацию в 1947-1948 уч. г. историк Фролов[494]. (Вообще, на протяжении того уч. г. преподавателями ГГПИИЯ было защищено две кандидатских диссертации.)

Всеми силами директор П. И. Шульпин пытался в полной мере развернуть НИР среди сотрудников и преподавателей иняза. В этом деле он вновь подавал личный пример, работая над текстом докторской диссертации. Сотрудников он всячески поощрял в их научно-академических изысканиях.

9-е изд., доп и испр. – М, 1983-1990. – 16 т. – В надзаг.: Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 8: 1946-1955. – 1985. – 542 с. – С. 148.

[493] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 14.

[494] Она была защищена в рамках Ученого Совета МГПИ имени Ленина на тему «Ленинско-сталинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 80. Л. 2 об., 4.

Не без его помощи была выполнена диссертация Фролова, а в директорском отчете вузу за 1947-1948 уч. г. была особо подчеркнута «хорошая работа демобилизованного Евграфова, который сдал госэзамены за истфак и два кандидатских экзамена»[495].

Число учебных заведений в городе Горьком и Горьковской области возрастало: если говорить о вузах, то их насчитывалось к 1952 г. 12. Плюс действовало ещё 3 заочных вуза[496]. Все учебные заведения разных уровней требовали преподавателей иностранных языков. Поэтому коллектив иняза постоянно работал над повышением качества подготовки выпускников.

В начале 50-х гг. XX столетия иняз пережил целый ряд успешных защит кандидатских диссертаций. В апреле 1951 г. в МГУ защитила диссертацию на тему «Предлоги и обстоятельственные наречия в древнеанглийском языке» ученица профессора Смирницкого А. С. Ненюкова[497]. Тогда же в апреле 1951 г. в Академии педагогических наук состоялась защита диссертации Н. А. Лаврова на тему «Методика изучения частиц НЕ и НИ в семилетней школе». В июле 1952 г., окончив аспирантуру в МГПИ имени В. П. Потемкина, В. Е. Ярнатовская защитила кандидатскую диссертацию на тему «Категория грамматического рода имен существительных в современном немецком языке». Там же и тогда же защитил диссертацию на тему «Французская трагедия XVII века на втором этапе её развития» И. Л. Финкельштейн.

Тем не менее, среди штатных преподавателей числился лишь один профессор – С. Л. Варжанский, ведший курс географии. Продолжалась практика приглашения специалистов «со стороны». По совместительству в институте работали три профессора – С. М. Василейский[498] (курс

---

[495] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 80. Л. 4.

[496] Берельковский И. В. Советская научно-педагогическая интеллигенция и идеология тоталитаризма в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Борьба с инакомыслием (По материалам Нижегородской губернии – Горьковской области) /Илья Владимирович Берельковский. – М.: МГГУ; Н. Новгород: НГПУ, 2007. – 189 с. – С. 111.

[497] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 12. Л. 48.

[498] ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 42. Л. 97.

психологии), Д. А. Балика[499] (курс педагогики), С. И. Архангельский (курс истории) и три доцента – Н. П. Соколов[500] (история), Жулин (политэкономия), М. В. Оболенский[501] (педагогика)[502]. Позже к работе в ГГПИИЯ были привлечены также доценты З. Е. Либинзон[503], Червяковский (литература), Золотарев, Д. Р. Марканов[504], А. А. Ершов[505] (педагогика) и др.[506].

И все же, общее состояние и уровень НИР в ГГПИИЯ после 1945 г. оставляли желать лучшего. Прекрасно понимая это, директор П. И. Шульпин особо подчеркивал в отчете за 1947-1948 г., что «Москва нам не помогает», а обязанный Минпросом РСФСР содействовать ГГПИИЯ «Московский иняз фактически уклонился от выполнения приказа министра о прикреплении к нему Горьковского института иностранных языков»[507].

Помощь ведущих московских специалистов носила фрагментарный характер и была довольно редкой. Среди профессоров, иногда приезжавших в ГГПИИЯ из столицы для чтения лекций, были Макаев, Гальперин, Желяев[508]. С 1950 г. на факультете английского языка ГГПИИЯ стал работать выпускник МГУ Ф. А. Литвин.

Одновременно с улучшением показателей по приему и выпуску студентов из вуза, усилением НИР, в условиях послевоенного времени перед руководством института ставились и другие задачи.

Решение ЦК ВКП(б) об идеологической работе, разосланное по вузам страны, предусматривало следующие изменения в процессе учебной и воспитательной работы преподавательского персонала, кафедр и деканатов:

---

499 ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 2. Д. 6. Л. 89.
500 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 231. Л. 115.
501 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 231. Л. 113.
502 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.
503 Кто есть кто в Нижегородском государственном педагогическом университете / Под общ. ред. В. А. Глуздова, А. А. Касьяна. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 168 с. – С. 158; Архив НГЛУ.
504 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 231. Л. 113.
505 ЦАНО. Ф. Р- 2595. Оп. 1. Д. 231. Л. 111.
506 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 3.
507 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 80. Л. 6.
508 Там же.

«изменения в уч. плане и программах, в самом подборе материала для учебных занятий, в проведении этих занятий и т.д. в направлении большей заостренности воспитательного воздействия на студентов, повышения идейно-политического уровня, воспитания Советского патриотизма. Борьба с возможными проявлениями низкопоклонства перед упадочной культурой буржуазного запада для факультета иностранных языков является особенно актуальной задачей».

Так «в целях воспитания студентов в духе преданности делу социализма, преданности партии Ленина и Сталина» в учебных программах рекомендовалось использовать текст биографии В. И. Ленина, И. В. Сталина, С. М. Кирова, «Коммунистический манифест», работу Ленина «О государстве», Сталина «Вопросы ленинизма», художественные произведения Н. Островского, М. Шолохова, Д. Фурманова, В. Полякова, а также прогрессивных иностранных писателей, разоблачающих капиталистическое рабство: М. Голда, Д. Лондона, Б. Шоу, Дж. Пристли и др.

Для письменных работ и разговорных практик предлагалось использовать темы: 800-летний юбилей Москвы, 30-я годовщина Октября, выборы в местные Советы, героическое прошлое русского народа, богатство нашей страны, положение трудящихся в капиталистических странах, расовая дискриминация в США и др.

В курсах истории, географии, литературы Англии, США, Франции, Германии рекомендовалось заострять вопросы, связанные с текущей политической жизнью, с борьбой демократического лагеря против империалистических поджигателей войн.

В конце 1940-х гг. проходит целая серия мероприятий идеологического свойства, которые должны были, по мысли властей, привести к более правильному балансу сил на интеллектуальном фронте. Идеологический поворот науки к «патриотизму» спровоцировал очередные кампании, большинство из которых, по сути дела, были продолжением политики репрессий и преследовали цели уничтожения, морального или физического,

инакомыслящей интеллигенции. Профессорская интеллигенция была заменена партийными «выдвиженцами», наука теряла свое лицо, и дореволюционные достижения, научные школы с их методами, сохранившиеся, несмотря на репрессии 1930-х, окончательно были утрачены.

Именно в русле этого процесса протекало усиление идеологической деятельности вузов. И, конечно, вопросы этой работы нельзя было возложить только на плечи студентов из бывших молодых фронтовиков, как бы опытны и сознательны они ни были. Эту задачу, согласно директивам Министерства просвещения РСФСР и Высшего образования по усилению «педагогизации процесса обучения»[509] должен был системно решать весь коллектив. Среди прочего директивы неоднократно нацеливали его на «искоренение недостатков в работе по идейно-политическому воспитанию студентов». От преподавателей требовали всё больше и больше идеологической бдительности и умения реагировать «на происки империализма» в условиях резкого идейного противостояния капитализма и социализма в годы нарастающей «холодной войны».

То, что дирекция института и лидеры его парторганизации[510] не сразу научились приспосабливаться к ситуации, создаваемой «наверху» и порой допускали промахи, ярко показала трагичная история с заместителем П. А. Шульпина по учебной и научной работе – А. А. Чемодановым, случившаяся в начале 1950-х гг.

«Дело Чемоданова» описал В. П. Киселев, бывший не только свидетелем, но и в некоторой степени участником тех событий: поскольку тогда он являлся заместителем секретаря партбюро института (Приложение 11).

---

[509] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 106. Л. 28.

[510] Секретарем партийного бюро института являлась в 1951-1953 гг. Мария Петровна Данкова. Она родилась в 1922 г. Окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1950 г. Работала в Горьковском инязе с 1950 по 1986 г. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры английской филологии. Декан ФАЯ.

Вновь, как и в конце 1930-х гг., в инязе воцарилась атмосфера подозрительности и даже откровенного страха в сознании значительной части преподавателей, сотрудников и студентов.

В связи с вынужденным освобождением А. А. Чемоданова от обязанностей заместителя директора института по учебной и научной работе, в этой должности в ноябре 1950 г. была утверждена Н. Н. Зыкова. Она пробыла на этом посту до августа 1953 г., а затем сдала дела Н. А. Лаврову, намереваясь заняться более основательно научной работой. С 1953 г. помощь П. И. Шульпину в работе по заочному отделению стала осуществлять А. П. Сенаторова.

Как руководитель вуза, П. А. Шульпин, несмотря на резкие кадровые изменения в составе дирекции и растущий объем текущих рабочих задач, не мог позволить себе, как тогда говорили, «потерять бдительность в условиях идеологической борьбы».

Именно под этим углом дирекция должна была оценивать и квалифицировать общее состояние дел в инязе: анализировать «идеологическо-пропагандистские» аспекты преподавательской деятельности и обязательно выносить им соответствующую оценку. Так, в годовом отчете о работе института за 1950-1951 уч. г. особо подчеркивалось, что «отдельные преподаватели недостаточно остро критикуют буржуазных лингвистов и их теории (доцент Колдунова), в лекциях первого семестра у доцента Третьяковой отсутствовала должная связь с современностью»[511].

Подстраховываясь и опасаясь повторения злосчастного «дела Чемоданова», дирекция института ждала от Министерства высшего образования более четких и детальных указаний, касающихся направлений, форм и методов идеологической работы.

В отчете о работе института за 1950-1951 уч. г. отмечалось: «нужно признать, что отсутствие детальных указаний Министерства Высшего

[511] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 132. Л. 49.

образования вносило элементы кустарщины, особенно по применению Павловской физиологии в преподавании педагогических дисциплин»[512].

К тому же, делалось добавление, что преподавательский коллектив института недостаточно органично внедрял в сознание студентов «вопросы Павловской физиологии и связи её с работой учителя с детьми»[513].

В русле логики описываемых здесь событий можно вспомнить ещё ряд эпизодов из контекста тогдашней истории иняза. Например, как упоминалось ранее, в 1953 г. секретарь комитета ВЛКСМ ГГПИИЯ Л. В. Карпинский[514] был исключен из рядов партии за неосторожные оценки в адрес И. В. Сталина. После смерти «вождя всех времен и народов» он был возвращен в институт. 18 марта 1953 г. был арестован студент заочного отделения ГГПИИЯ И. Э. Давыденко, освободиться от заключения он смог только в марте 1955 г.[515].

Воспоминания студентов послевоенных лет позволяют восстановить духовную атмосферу научного и учебного процесса в ГГПИИЯ начала 1950-х гг. (Приложение 12-13). В. К. Романова в своих воспоминаниях о том времени, отмечает, что «в те годы, к сожалению, умение говорить на языке считалось «преклонением перед иностранщиной»[516].

Еще одним характерным, но редким, примером открытого отношения научных кадров к власти может служить другое воспоминание

---

[512]В те годы упомянутая «павловская физиология» как научное направление являлась обязательной для применения во всех педагогических вузах СССР. По мнению советского партийно-идеологического руководства, научные достижения академика И. П. Павлова в области общей физиологии непременно должны были быть использованы для соответствующего и всеобщего воспитания граждан страны в духе массовой преданности правящему режиму.

[513] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 132. Л. 55.

[514] Лен Вячеславович Карпинский (1929 – 1995 гг.) – сын видного деятеля российского революционного движения, публициста В. А. Карпинского. Окончил МГУ имени М. В. Ломоносова. Работал в ГГПИИЯ с 1953 по 1956 г. Преподаватель философии. Ассистент кафедры основ марксизма-ленинизма.

[515] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: Т. 3 / Сост.: А. Н. Голубинова, М. Ю. Гусев и др.; Редкол.: В. И. Жильцов (пред.), А. П. Арефьев и др. – 2003. – 645 с. – С. 276.

[516] Архив музея НГЛУ.

В. К. Романовой: «Василий Иванович Киселев читал лекции по только что вышедшей из печати работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма». Помню, однажды, закончив изложение, он сошел с кафедры, стал перед нами и сказал: «Это я вам прочел лекцию, а сейчас мое мнение: «Никакие экономические проблемы у нас не решены и ещё долго не будут решены»». (Даже теперь мне приходится вспоминать его слова, а тогда это было опасно.) Шли 50-е годы. Начались поиски новых «врагов народа». Надо сказать, что на курсе не нашлось ни одного «стукача» – и Василий Иванович умер через год собственной смертью – был он старенький»[517].

Свою лепту в формирование атмосферы идеологического диктата внесли проверки уровня идейного содержания лекций в вузах со стороны парторганизаций. В одной из докладных записок отдела пропаганды и агитации, науки и вузов обкома партии за 1947-1950 гг. говорилось следующее: «В институте иностранных языков имело место низкопоклонство перед иностранной буржуазной наукой. Преподаватели т. т. Серебрянская, Брылина и Ненюкина[518] в курсе теоретической фонетики больше показывали иностранных ученых, чем русских языковедов. Преподаватель т. Потехин в своих лекциях слабо подчеркивал роль русских ученых в открытии важнейшего явления языка – фонема. Как известно, это открытие разработано исключительно русскими языковедами, академиком Щербой и Богородицким. Лектор тов. Потехин это открытие приписал иностранным ученым»[519].

Состав студенчества конца 1940-х гг. во многом определялся последствиями войны. Как и преподавателей, студентов в послевоенный период не хватало: часть погибла на войне или пострадала во время оккупации, некоторые остались в эвакуации, другие еще не вернулись с фронта. Для части

---

[517] Архив музея НГЛУ.

[518] Речь идет о преподавателе Ненюковой. В документе фамилия искажена.

[519] Берельковский И. В. Советская научно-педагогическая интеллигенция и идеология тоталитаризма в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Борьба с инакомыслием (По материалам Нижегородской губернии – Горьковской области) / Илья Владимирович Берельковский. – М.: МГГУ; Н. Новгород: НГПУ, 2007. – 189 с. – С. 148-149.

студентов учеба в институте была просто недоступной из-за платы за обучение. Во второй половине 40-х гг., в результате войны, заметно меняется соотношение между мужской и женской частью студентов: большинство студентов пединститутов и даже многих университетов составляли женщины. Так, из 55 студентов первых двух курсов педагогических специальностей ГГПИИЯ 1946 г. 45 были женского пола, причем на исторически «мужском» переводческом отделении прием заметно сократился.

Новым явлением в жизни послевоенного студенчества стало его пополнение за счет вернувшихся с полей сражений фронтовиков. Всего в 1946 г. студентами стали 41 тыс. бывших фронтовиков. Студенческая среда заметно повзрослела: фронтовики имели большой жизненный опыт и становились признанными лидерами, но зачастую уступали вчерашним школьникам в знании наук. Безусловно, сказывался длительный перерыв в учебе. Хорошо понимая их тягу к знаниям, науке, преподаватели, среди которых тоже были участники войны, помогали студентам дополнительными занятиями, консультациями. Вечерами в аудиториях и кабинетах вузов допоздна горел свет.

Необходимость содействия в возвращении к мирной жизни молодых людей, вернувшихся с фронта, была не только важным социальным, но и идейно-политическим воспитательным моментом. С одной стороны, многие из явившихся в иняз в послевоенные годы, прошли через фронт и были вполне сложившимися по своему мировоззрению людьми, видевших жизнь капиталистических стран, что создавало необходимость их контроля. С другой стороны, у бывших фронтовиков в основном наблюдалась «правильная» социалистическая мировоззренческая политика, что позволяло руководству вуза решать их силами задачи повышения идейно-политического воспитания учащихся. Именно прошедшие войну студенты составили руководство комсомольской организации ГГПИИЯ, вошли в состав его партийного бюро. На них опирался в решении целого ряда проблем вузовской жизни директор Шульпин. Среди участников войны, поступивших в институт в те годы, были

такие люди как: К. В. Сизов (будущий ректор ГГПИИЯ), В. К. Романова, Виктор Киселев и др.

Обращаясь к вопросам материально-технического обеспечения, стоит отметить, что институт располагал все теми же 32 комнатами в ГПИ, используемые 53 учебными группами. Вуз был вынужден работать в две смены; читальный зал открывал свои двери только в период сессий, причем, в вечернее время – в третью смену. Рабочий персонал всех деканатов, учебной части и заочного отделения был вынужден тесниться в одном помещении, что, естественно, снижало его работоспособность.

При этом сдвиги в решении вопроса аудиторного фонда все же происходили. К началу 1946-1947 уч. г. институт располагал в здании ГПИ 25 аудиториями, 4 кабинетами, библиотекой, читальным и физкультурным залами и 6 помещениями, вмещавшими административный персонал и работников общественных организаций. Кроме того, институт «арендовал помещения в водном, индустриальном (ныне политехнический университет – авт.), сельскохозяйственном институтах, речном училище, Доме учителя, Доме ученых»[520].

Учитывая, что институт выпустил из своих стен в 1947 г. 72 специалиста (6 учебных групп), а в начале следующего уч. г. принял 400 новых студентов (26 учебных групп)[521], становится вполне очевидной нарастающая проблема дефицита площадей иняза. Ситуация почти не изменилась и в следующем 1948-1949 уч. г.

И только в 1949 г., благодаря энергии и ответственности П. И. Шульпина и его ближайших сотрудников, был введен в эксплуатацию собственный учебный корпус ГГПИИЯ. Этот факт следует считать большим успехом дирекции института, ибо не все руководители тогдашних горьковских вузов могли зачислить в свой актив подобные достижения.

---

[520] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.
[521] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 3.

В 1951 г. в Горьковском институте иностранных языков начал работать давно задуманный кабинет звукозаписи, развившийся в лабораторию звукозаписи и кино. Дополнительные помещения требовались также для создаваемых впоследствии новых кафедр.

Введение нового корпуса позволило решить многие накопившиеся проблемы, в том числе предоставление новых площадей для крепнувших и создаваемых вновь подразделений.

Библиотека, насчитывавшая к концу войны около 30 тысяч томов, пополнялась в среднем за год на 3-5 тысяч единиц, иногда более. (Не менее половины книг представляли собой необходимые студентам учебники по иностранным языкам, языкознанию, истории литературы, логике, психологии.) Например, только в 1948-1949 уч. г. увеличение книжного фонда составило 6372 тома и 1323 брошюры[522], что требовало увеличения помещений для библиотеки.

В те годы вузовское руководство ГГПИИЯ всерьез занялось пересмотром вопросов структурной организации имеющихся собственных подразделений. Дело в том, что современные им условия настойчиво требовали более эффективной связи научных, методических и педагогических усилий ученых. Одной из неотложных задач послевоенных вузов становилось решение проблемы продуктивной взаимосвязи науки и преподавательской практики ученых высшей школы. Говоря об этом, П. И. Шульпин полагал целесообразным разукрупнение кафедр и считал нужным «вместо имеющихся на каждом факультете двух кафедр: языка и филологии – предусмотреть кафедры фонетики, грамматики, лексики (I и II курс), лексики (III и IV курс). Таким образом, будет установлена связь между теоретической и практической фонетикой, руководство каждой из этих дисциплин окажется в руках квалифицированного специалиста»[523].

---

[522] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 92.
[523] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 38. Л. 11.

В конце 1940-х гг. меняется и методика ведения семинарских и практических занятий. Традиционная методика подготовки докладов на семинарах чиновниками образования была признана неудовлетворительной, так как снижался общий уровень знаний у студентов пединститутов, которые часто не готовились к занятиям и не усваивали систематически необходимый материал. Чтобы решить эту проблему, власти действовали как всегда поспешно и окончательно: Министерство просвещения дало указание изъять все старые методики ведения семинаров, и преподаватели вынуждены были сами вырабатывать новые. Новые указания по ведению семинарских и практических занятий включали усиление навыков самостоятельной работы путем изучения иноязычных текстов, установление обязательного минимума конспектирования марксистско-ленинской литературы, установление обязательного сопровождения лекций семинарами и коллоквиумами.

Коллоквиумы, как форма учебной работы, т. е. коллективное обсуждение наиболее сложных тем, чтение и сдача монографической литературы, стали обязательным элементом организации учебного процесса на факультетах. Все эти виды занятий позволяли студентам планомерно усваивать учебный материал, а не брать его «штурмом» накануне сессии. Особой формой обучения была научно-исследовательская работа студентов, прививавшая навыки самостоятельной работы с иноязычными текстами и литературой. Новым в педагогических институтах явилось обязательное выполнение студентами выпускного курса дипломной работы с ее последующей защитой в государственной экзаменационной комиссии. Правда, дипломные, как и курсовые, работы выпускники писали в крайне неблагоприятных условиях: в региональных вузах было очень мало специальной научной литературы, что крайне лимитировало выбор тем и возможности для их углубленной разработки.

Одновременно директорату ГГПИИЯ приходилось увязывать важные научные проблемы обучения с реалиями дня, часто препятствующими достижению вырастающих теоретических задач. Проще говоря, значительная

часть контингента студентов изначально не была готова к дальнейшему фундаментальному изучению некоторых языков. В этой связи П. И. Шульпин указывал: «Срок обучения в институте (4 г.) и количество часов, отводимых на иностранный язык по учебному плану, явно недостаточны для вполне успешного овладения языком всеми студентами, особенно когда средняя школа дает нам пополнение, в 90% случаев знающее лишь немецкий язык»[524].

Решение сложных задач по совершенствованию материально-технической базы требовало от руководства иняза, помимо прочего, серьезного внимания и к состоянию здоровья студентов. Была задумана и претворена в жизнь идея создания самостоятельной кафедры физического воспитания и спорта. Такое подразделение было создано в 1948 г.: оно представляло собой небольшой коллектив из четырех человек, развившийся позже в современную кафедру валеологии[525].

Ещё одной трудноразрешимой проблемой послевоенных лет было продовольственное снабжение. «Приметой» первых послевоенных лет стали длинные очереди за хлебом и другими продуктами первой необходимости, а также катастрофическая нехватка одежды и обуви. Актом восстановления норм мирной повседневности формально можно считать отмену карточек в 1947 г. Однако ликвидация нормированного снабжения привела к резкому подъему цен на фоне спада товарного производства, что усилило обнищание народа. Ведь в сравнении с 1940 г. цены выросли в 3,5 раза, а средняя зарплата с 1950 по 1955 гг. увеличилась всего на 12%. Снабжение продуктами было более-менее регулярным только в столицах, и поэтому, возвращаясь из московской командировки, преподаватели, по возможности, везли домой мясо, колбасу, кур.

---

[524] Там же.

[525] Во главе кафедры физического воспитания и спорта встал старший преподаватель Н. Л. Кешишев. С 1952 г. коллектив кафедры возглавил выпускник Горьковского педагогического института Л. Ф. Касаткин (1926 г.р.), защитивший позднее диссертацию (1981 г.) и ставший доктором педагогических наук и профессором ГГПИИЯ (1982 г.).

Объем работы и заработной платы в 1940-1950-е гг., как и во все времена, определял уровень жизни преподавателей. «Как известно, преподаватель, работающий в советском, российском вузе, в отличие от его европейских коллег, вынужден был совмещать учебную работу с научной, а также общественной.

Партийные, профсоюзные и комсомольские собрания, ленинские уроки и зачеты, чтение лекций по линии общества «Знание», поездки в колхозы и совхозы, освоение целины, сбор колосков и веточного корма, работа на стройках, на подшефных предприятиях, на хлебозаводах и овощных базах, уборка городских территорий, участие в культмассовых и спортивных мероприятиях, в избирательных и переписных кампаниях заполняли все дни университетского человека»[526].

В такой ситуации научные успехи делались либо за счет безумной интенсивности труда, либо за счет частной жизни и сведения к минимуму повседневных потребностей.

Заработная плата преподавателей в 1945-1946 уч. г. составляла не очень большую сумму: оклад профессора, заведующего кафедрой, равнялся 2300 руб., профессора кафедры – 2000 руб., доцента – 1400 руб., ассистента – 700 руб. Однако после девальвации денег 1947 г. размеры заработной платы сократились в 10 раз. На питание у преподавателя уходила примерно половина заработка. Хотя по ценам тех лет, в соответствии с размером получаемой зарплаты, профессор мог позволить себе даже дорогие деликатесы, тогда как зарплата университетского ассистента была невысокой и составляла 1050-1700 руб. В пединститутах оклад был значительно ниже.

Разрыв между доходами преподавателей и стипендией студентов в послевоенные годы был колоссальный. В начале 1950-х гг. стипендия составляла 21-45 руб., повышенная – 29-53 руб., а именная (Ленинская или

---

[526] Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Культура повседневности провинциального города. Казань и казанцы XIX-XX вв. / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. – Казань: Изд-во КГУ, 2008. – 252 с. – С. 380.

Сталинская) – 80-90 руб. Между тем, студентам еще приходилось платить за учебу (до 1956 г.) по 50 – 150 руб. в год, а иногородним еще доплачивать 15 руб. за общежитие.[527] Обычным делом было, когда студенты недоедали, питались у знакомых «побогаче». Большинству студентов сводить концы с концами помогали родители. Примерно 40% студентов жили в общежитиях, снимать частную квартиру было дорогим удовольствием. Свой бюджет некоторые пополняли в период летних каникул, работая в стройотрядах, в пионерских лагерях, иногда на производстве.

Во второй половине 1940-х гг., по мере восстановления необходимых для учебы условий, в вузах страны восстанавливается структура труда и отдыха студентов и преподавательского состава, практически сохранившаяся сегодня: 8 часовой рабочий день (для преподавателей – соразмерно нагрузке), ежегодные оплачиваемые отпуска, воскресный выходной. Студентам вернули каникулы: двухнедельные зимой и двухмесячные летом. Как одна из форм обучения для университетов и институтов закрепляется производственная (педагогическая) практика и обязательный выезд на сельхозработы в начале учебного года. Напомним, что в военное время все вузы работали по ненормированному графику: до минимума сокращенные, перенесенные на лето учебные семестры прерывались трудовой повинностью на строительстве укреплений, разгрузке/погрузке вагонов, добровольной работе в госпиталях, мастерских, в совхозах и колхозах.

Подводя в целом итоги послевоенной пятилетки в истории ГГПИИЯ, проходившего в условиях необходимости залечивания ран, нанесенных войной, отметим, что за эти годы был приумножен учебный, методический и научный потенциал иняза. Коллектив ГГПИИЯ успешно выдержал вызовы времени и подготовился в меру своих возможностей к следующему этапу развития системы высшего лингвистического образования в СССР.

---

[527] Вишленкова Е. А. Культура повседневности провинциального города. Казань и казанцы XIX-XX вв. / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. – Казань: Изд-во КГУ, 2008. – 252 с. – С. 295-296.

Подводя итоги второй главы, необходимо отметить, что созданный в 1937 г. ГГПИИЯ в условиях действия командно-административной системы управления советским обществом сумел вписаться в эту систему целиком и полностью. Несмотря на имевшие место быть репрессии в адрес вузовской интеллигенции, коллектив института справлялся со всеми задачами, которые ставились партийно-государственной номенклатурой, управлявшей страной. В годы Великой Отечественной войны преподаватели, студенты и сотрудники вуза показали значимость таких ценностных установок, как коллективизм, любовь к Родине, готовность самоотверженно защищать свое Отечество. Послевоенный период для ГГПИИЯ стал временем восстановления преподавательского и студенческого состава, развития научного и творческого потенциала, усиления материально-технической базы, позволяющей вести преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность. Последние годы сталинского правления характеризовались усилением догматических тенденций в развитии науки и образования, физическим и психическим давлением на ученых, насаждением атмосферы страха в советском обществе, который на долгие годы сковывал какую-либо исследовательскую инициативу. Стремление тоталитарной власти оградить вузовскую интеллигенцию от опасного влияния либерально-демократических идей послевоенного периода привело к резкому ограничению свободы научного творчества, к выхолащиванию научной мысли, что, несомненно, явилось негативным фактором в развитии научно-педагогических кадров. Несмотря на эти негативные тенденции, ГГПИИЯ выполнял все поставленные перед ним задачи по реализации государственной политики в сфере вузовского лингвистического образования.

Глава 3. Формы реакции вузовской интеллигенции на основные элементы государственной политики в области высшего образования (на примере ГГПИИЯ) (1955-1985)

Задача третьей главы данного исследования состоит в анализе рефлексии профессорско-преподавательского состава на государственную политику в области высшего лингвистического образования в последующий 30-летний период истории вуза.

3.1. Условия труда и материально-бытовое положение сотрудников

Реформы Н. С. Хрущева неоднозначно отразились на жизни советской вузовской интеллигенции. С одной стороны, они имели некоторые позитивные результаты не только в политической, социальной и экономической, но и в духовной жизни. Происходила некоторая демократизация общества, осуждение культа личности Сталина, реабилитация политических заключенных, оживление общественных организаций, прорыв в космос и подъем целины, массовое жилищное строительство, курс на мирное сосуществование с Западом и т. п. Все эти положительные черты советской политики положили начало кардинальным переменам в общественном сознании, дали мощный импульс творческой работе научной и художественной интеллигенции.

В то же время прогрессивные изменения, которые принесло хрущевское десятилетие, сочетались с неослабевающим контролем партийного

и государственного аппарата над политической, идеологической и культурной жизнью общества. В ходе «оттепели» режим административно-командной системы был поколеблен, но не сокрушен, поэтому, несмотря на ряд прогрессивных решений в области смягчения государственной идеологии, эпоха Хрущева, в конечном итоге, не принесла в жизнь вузовской интеллигенции значительных перемен. Конец 50-х-начало 60-х стали весьма сложным временем для лингвистической науки и системы высшего образования. Диспропорции в развитии науки, отсутствие эффективного рычага управления научными процессами, невнимание государства к росту исследований в области гуманитарных наук, некомпетентное идеологическое вмешательство властей в научные дискуссии – все эти процессы имели реальное отражение в жизни ГГПИИЯ.

Основополагающим документом, характеризующим сферу образования в тот период, является закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования»[528], принятый Верховным Советом СССР в декабре 1958 г.

Закон ввел ряд положений, ставивших целью высшей школы не только подготовку высококвалифицированных специалистов, но и ориентацию на общественно-полезный труд, доминирование трудовых приоритетов над образовательными и вследствие этого больший упор на вечернее и заочное образование и производственную учебную практику, а в сфере подготовки педагогических кадров перейти на комплектование всех школ учителями с высшим образованием.

С конца 1950-х гг. состояние преподавания иностранных языков в школе, в том числе и высшей школе, стало предметом обсуждения на многочисленных конференциях и совещаниях. Анализ материалов газеты «Лингвист», с 1956 г.

[528] Закон СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm

являвшейся официальным органом партийного бюро, комитета ВЛКСМ, профкома, месткома и дирекции ГГПИИЯ, подтверждает сказанное.

«Лингвист» являлся рупором руководства вуза[529], доносящего информацию до широкого слоя сопричастных к учебному процессу людей. Информационный газетный продукт становился важным элементом патриотического, нравственного и социалистического воспитания студенческого коллектива, а газета выполняла функцию коллективного агитатора, пропагандиста советских ценностей, информационного и организующего центра в условиях отсутствия современных средств оповещения и коммуникации, таких как Интернет и социальные сети.

Например, в газете «Лингвист» №3 от 1961 г.[530] была опубликована статья «За подготовку учителей нового типа», посвященная прошедшему в Москве совещанию активов педагогических вузов РСФСР.

В статье сообщалось следующее: «В центре внимания участников совещания был один основной вопрос: о ходе перестройки работы педагогических институтов в соответствии с законом о перестройке школы и задачи воспитания учителя нового типа… Основной доклад о ходе перестройки и совершенствования системы высшего педагогического образования на основе Закона «Об укреплении связи школы с жизнью» и о дальнейших задачах педагогических институтов сделал начальник ГУВУЗа тов. Орлов А. Г.»[531].

И далее: «В докладе отмечается качественное изменение состава студентов педагогических вузов: 41% из них представляет молодежь, пришедшая на учебу с производства». Отмечается улучшение организации

---

[529] Смена директора произошла в 1955 г. Следующим руководителем ГГПИИЯ после ушедшего в отставку П. И. Шульпина стал П. Г. Каргопольцев, назначенный на этот пост Приказом министра просвещения РСФСР от 20 января 1955 года. С 1961 года в официальных документах статус П. Г. Каргопольцева обозначался как «ректор ГГПИИЯ», а его помощники именовались проректорами – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 7. Л. 1, 37.

[530] Лингвист. – 1961. – №3 (172).

[531] Закон СССР от 24.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm

педагогической практики студентов, активизация их участия в общественно полезном труде. Лейтмотивом совещания стал сформулированный министром просвещения РСФСР Е. И. Афанасенко тезис, определяющий работу педагогических вузов: «Вся деятельность педагогического вузов должна быть подчинена одной задаче – подготовке учителя эпохи коммунизма».

Естественно, все научные работы, которые писались в те времена, даже на сугубо лингвистические темы, носили на себе печать идеологической парадигмы, царящей в том советском социалистическом обществе. Например, тема диссертации директора иняза П. Г. Каргопольцева, защищенная им в 1955 г. в объединенном совете исторического и экономического факультетов Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова – «Борьба КПСС за воспитание советского народа в духе интернационализма, интернациональной сплоченности лагеря демократизма и социализма»[532].

В середине 1950-х гг. в структуре института появились в духе времени ещё два новых подразделения, а именно: кафедра экономики (1954) и кафедра философии (1955). Появление этих самостоятельных кафедральных единиц было связано с усилением в обществе идеологической направленности обучения студентов в духе еще большей активизации граждан для решения задач социалистического и коммунистического строительства.

Задача качества подготовки лингвистов оставалась в инязе приоритетной, несмотря на декларацию усиления роли марксизма-ленинизма в жизни общества. Назревал вопрос качественного изменения методики преподавания[533]. В воспоминаниях преподавателя ГГПИИЯ В. К. Романовой есть следующий фрагмент, посвящённый качеству преподавания в вузе: «Уже после смерти Сталина, в 1954 г., преподаватель кафедры языкознания Борис Андреевич Бенедиктов сказал: «За пять лет трудно разучить языку, если ты его знаешь. А вот научить?».

---

[532] Архив Музея НГЛУ.
[533] Архив музея НГЛУ.

Фестиваль молодежи и студентов в Москве 1957 г., собравший 34 тыс. человек из 131 страны[534] и ставший одним из символов «открытия железного занавеса» в СССР, также подтолкнул руководство страны к размышлениям о слабых возможностях общения советских людей с иностранцами в силу недостаточного знания иностранных языков.

Ряд документов, изданных в конце 1950-х гг., ставил своей целью улучшение функционирования системы высшего лингвистического образования в СССР. Среди них: Постановление Совмина СССР «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений»[535]; Приказ Минвуза СССР «О введении нагрудных академических знаков для окончивших советские высшие учебные заведения»[536] и др.

Начало 1960-х гг. показало, что рецептивные цели иноязычного лингвистического образования пришли в противоречие с потребностями общества в практическом овладении языком. В 1961 г. выходит Постановление правительства «Об улучшении преподавания иностранных языков», в котором говорилось о необходимости устранения недостатков в преподавании иностранных языков и коренного улучшения в их изучении[537].

В нем Совет Министров СССР отмечал, что в условиях значительного расширения международных связей СССР знание иностранных языков специалистами различных отраслей науки, техники и культуры и широкими кругами трудящихся страны приобретает особо важное значение.

---

[534] Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 5. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – 640 с. – С. 451.

[535] Постановление Совмина СССР от 2 июля 1959 №720 «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru

[536] Приказ Минвуза СССР от 8 апреля 1961 №123 «О введении нагрудных академических знаков для окончивших советские высшие учебные заведения». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //lawru.info›dok/1961/04/08/n1192288.htm

[537] Постановление Совмина СССР от 27 мая 1961 №468 «Об улучшении изучения иностранных языков». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5690.htm

Государство требовало от иняза повышения внимания к сельскому учителю. Закреплялась практика шефства кафедр и факультетов над конкретными школами (главным образом сельскими). К концу 1970-х гг. был накоплен опыт работы в указанном направлении. Решением Совета института от 29 августа 1979 г., каждая кафедра института закреплялась за одной из сельских школ. Контроль и координацию этой работы осуществляли проректор, возглавляющий Совет института по связи со школой, а также советы по связи со школой, функционирующие при деканах факультетов[538].

Ведущим методом изучения иностранных языков был признан сознательно-практический, основы и особенности которого изложил психолог Б. В. Беляев[539]:

1) решающим фактором иноязычного лингвистического образования признается иноязычная практика (бесперевoдная и продуктивная);

2) практической деятельности должно предшествовать сообщение необходимых языковых сведений.

Согласно постановлению, по учебному плану значительно увеличивалось количество часов на изучение иностранных языков, что требовало соответственного увеличения числа преподавателей. Кроме того, потребность в них возросла с введением обязательного восьмилетнего образования, открытием школ-интернатов, расширением сети вечерних школ рабочей и сельской молодежи, поэтому кадровая проблема еще более усложнилась, а вузы региона были не готовы удовлетворить потребности кафедр, факультетов и школ в специалистах-лингвистах.

ГГПИИЯ с конца 1950-х гг. начал качественные преобразования в области методики преподавания: новая методика именовалась комплексной.

---

[538] Положение о работе преподавателей ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова в базовых сельских школах Горьковской области. – Горький: ГГПИИЯ, 1979. – С. 2.

[539] Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2004. – 416с. – С.324.

С 1956 до середины 1960-х гг. перестройка заключалась в том, что все аспекты языка на I и II курсах были объединены в руках одного преподавателя. Стали широко применять технические средства обучения, всемерно стимулируя речевую активность студентов. Ряд лекционных курсов стали читать на иностранных языках.

В тот период применялись разнообразные формы повышения квалификации преподавателей иностранных языков: научные консультации специалистов из языковых вузов Москвы и Ленинграда, обучение преподавателей всех факультетов на 10-месячных курсах повышения квалификации при I МГГПИИЯ им. М. Тореза, обучение преподавателей факультета немецкого языка на 2-месячных курсах в ГДР, консультации специалистов-германистов из ГДР с преподавателями и студентами факультета немецкого языка, годичные стажировки аспирантов факультета немецкого языка в вузы ГДР и др.[540].

В 1963 г. Министерство просвещения сделало ГГПИИЯ головным вузом, научным центром по методике преподавания иностранных языков. При институте был создан Проблемный совет по развитию устной речи, который стал координировать разработку методических проблем в вузах РСФСР[541]. К тому времени Горьковский иняз стал заметной составляющей системы лингвистического образования в СССР. В систему входили, кроме московских вузов, Пятигорский институт иностранных языков (основан в 1939 г.), Алма-Атинский (1940), Иркутский, Киевский, Минский, Ташкентский, Тбилисский (все в 1948), Ереванский институт русского и иностранных языков (1949), Горловский (1949)[542].

В характеристике П. Г. Каргопольцева от 10 декабря 1963 г., подписанной проректором института А. И. Домашневым, секретарем партбюро

---

[540] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 29.
[541] Там же. – С. 30.
[542] Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 10. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – 592 с. – С. 289.

Е. И. Альтовым и председателем месткома М. Б. Хиловой, отмечалось: «За время работы П. Г. Каргопольцева в институте в должности ректора институт занял одно из ведущих положений в системе пединститутов и факультетов иностранного языка Российской федерации. Профессорско-преподавательский коллектив института рационализировал содержание учебного процесса, внес серьезные улучшения в организацию и методику преподавания иностранных языков, обеспечивающие практическое владение иностранной речью выпускниками при достаточном уровне образования по всем разделам подготовки учителя. В институте открыто отделение преподавателей испанского языка и по подготовке переводчиков, успешно осуществляется обучение студентов военно-учетной специальности и работа курсов переподготовки преподавателей факультетов иностранного языка. При институте была открыта и работает аспирантура. Активно участвуя в организационной и научно-методической работе, коллектив преподавателей института значительно вырос в теоретическом и методическом отношении. Многие преподаватели плодотворно вели научно-исследовательскую работу, на основе чего был защищен ряд кандидатских диссертаций и издано более 20 сборников Ученых записок института с публикациями статей преподавателей. В институте улучшена материальная база: построено здание общежития, заканчивается пристрой к учебному корпусу, заложен жилой дом для преподавателей и сотрудников, создана лаборатория технических средств обучения, основательно пополнено оборудование и мебель института»[543].

Можно добавить к приведенной характеристике, что в те времена, когда Каргопольцев был «первым лицом ГГПИИЯ» впервые в институте стала выходить многотиражная газета «Лингвист» (1956 г.), введен в строй спортивно-оздоровительный лагерь «Лингвист» (1960 г.), ГГПИИЯ было присвоено имя Н. А. Добролюбова (1961 г.), введена подготовка переводчиков

[543] Архив Музея НГЛУ.

(1962 г.). На базе отделения по подготовке переводчиков в 1964 г. начнет работать четвертый по счету факультет иняза – переводческий.

Газета «Лингвист» отражала на своих страницах, как успехи, так и недостатки в работе иняза. «Слабым местом» в деятельности ГГПИИЯ было заочное отделение. Оценки, полученные студентами заочного отделения на зимней сессии 1960 г. требовали, как отмечала газета, усиления «внимания и помощи заочникам». Придавались гласности данные о том, что на заочном отделении обучается 253 человека, при этом на сессию прибыло 196 человек: «полностью выполнили учебный план сессии 85 человек или 43% прибывших на сессию. В том числе на факультете немецкого языка явилось 139 человек, а учебный план выполнили 63. На факультете французского явилось 57 человек, а учебный план выполнили 22»[544].

Основная причина таких низких показателей, по мнению руководства вуза, заключалась в том, что кафедры немецкой и английской филологии, кафедры английского языка «слабо контролировали и мало помогали заочникам в период между сессиями». Предписывалось «повысить требовательность к заочникам, начиная с приемных экзаменов и продолжая рецензированием контрольных заданий, переводными экзаменами и т. д.»[545].

Что касается положительных моментов в работе вуза, то в отчете за 1960-1961 уч. г., опубликованном в газете «Лингвист», отмечалось, что «в коллективе института имеются научные работники, успешно руководящие кафедрами, факультетами, плодотворно развивающие отдельные научные вопросы. Имеются кафедры, хорошо укомплектованные преподавателями, имеющими ученые степени (кафедра истории КПСС, педагогики, психологии) … Только за 1960 г. присвоено звание доцента 7 кандидатам наук, 3 кандидата представлены к званию доцента. Систематически публикуются научные труды ученых ГГПИИЯ»[546]. Пример членам коллектива показывал директор

[544] Лингвист. – 1961. – №2 (171).
[545] Там же.
[546] Лингвист. – 1961. – №2 (171).

П. Г. Каргопольцев. Выполняя большой объем работы, положенный ему по должности, Павел Георгиевич и сам продолжал заниматься учебной и научной деятельностью. В марте 1961 г. он был утвержден в ученом звании доцента по кафедре истории КПСС[547], публиковался в «Ученых записках ГГПИИЯ» (1959, 1960, 1961 гг.), «Вестнике высшей школы», разрабатывал тему «Развитие и сближение наций в процессе строительства коммунизма». Как глава иняза, П. Г. Каргопольцев побывал в заграничных командировках в ФРГ (1959 г.), Югославии (1960-1961 гг.), ГДР (1961-1962 гг.).

Особенностью периода «оттепели» в вузах стали многочисленные воспитательные учебные и внеучебные мероприятия.

Как правило, информация в газете «Лингвист» подавалась в агитационно-пропагандистском стиле: «Творчески овладевать теорией марксизма-ленинизма»[548], «Меньше либерализма – больше пользы»[549], «Полученные знания в партийные дела»[550], «По зову Родины»[551]. Даже отчеты о студенческой педагогической практике сопровождаются комментариями о выполнении долга перед Родиной[552]. Материалы же, повествующие о результатах помощи студентов подшефным колхозам дополнялись отзывами колхозников: «Кабы не вы, милые, трудно пришлось бы колхозу»[553].

Те студенты, которые не осознавали важность выполнения долга перед Родиной, подвергались критике. В одном из материалов, посвященных помощи колхозу во время уборки урожая, автор не преминул упомянуть и осудить поведение некоторых студенток, «вечно находящих повод поворчать: то мало мяса дали в обед, то никак не справится с участком»[554].

---

[547] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 7. Л. 39.
[548] Лингвист. – 1960. – №25 (155) сентябрь. – С.1.
[549] Лингвист. – 1961. – №9 (178) март. – С.1.
[550] Лингвист. – 1961. – №18 (187) май. – С.1.
[551] Лингвист. – 1961. – №16 (185) май. – С.1.
[552] Больше помогать сельским школам // Лингвист. – 1961. – №10 (179) март. – С.1.
[553] Две недели в подшефном колхозе // Лингвист. – 1960. – №27 (157) октябрь. – С.2.
[554] Там же.

Итогом трудовых практик неизменно становится «глубокое моральное удовлетворение: пусть было трудно, пусть кое-что недоделали, но свое задание мы с честью выполнили» [555] или «уставшая, но счастливая улыбка на лицах всех: целина – настоящая трудовая закалка»[556].

Интерес диссертанта привлек материал, опубликованный в номере газеты, посвящённой 41-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и XXI съезду КПСС. Представители факультета французского языка взяли на себя социалистические обязательства: представить развернутые планы двух диссертаций аспирантов факультета, завершить и сдать к печати сборники статей и учебники, силами студентов 1 курса собрать Сормовскому детскому дому библиотеку, а силами 4 курса – «помочь детдому в пошиве и ремонте одежды для воспитанников»[557].

Примечательно, что в следующем номере факультеты немецкого и английского языка, решив не отставать от социалистической «гонки», выдвинули ряд своих обязательств. На факультете немецкого языка, к январю 1959 г. преподаватели взяли обязательство сдать в печать статью «Сравнение фонетической системы английского языка с немецкой», а к 1 декабря 1958 г. представить к печати сборник «Ученых записок» факультета. На факультете английского языка преподаватели высказали обещание разработать основные методические принципы синхронного перевода, а общественные организации обязались подготовить и прочитать на английском языке ряд докладов, посвященных XXI съезду КПСС[558].

Важной представляется реакция руководства вуза на публикации материалов. Так в №28 от 1960 г. говорилось, что после публикации в №25 от 4 октября 1960 г. статьи «А дело страдает…», в которой был «подвергнут критике инженер по технадзору т. Перминов В. П. за недостойное

---

[555] Там же.
[556] Софронов А. Трудовая закалка // Лингвист. 1958. №31-32 (84-85) ноябрь. – С.3.
[557] В честь XXI съезда КПСС // Лингвист. – 1958. – №29 (82). – С. 1.
[558] В честь XXI съезда КПСС // Лингвист. – 1958. – №31-32 (84-85). – С. 1.

поведение в быту и плохое руководство строительством общежития»[559], приказом и. о. директора института инженер был уволен с работы.

Аналогичная статья была опубликована и в №3 (172) от 1961 г., в которой описывалась инспекция институтского буфета и выдвигалась просьба к директору столовой тов. Кузнецовой А. А. «освободить тов. Корсунскую А. Ф. от работы в буфете за неряшливость и хамство»[560]. Информации об административных мерах по отношению к тов. А. Ф. Корсунской в последующих номерах «Лингвиста» нами обнаружено не было.

Еще одним примером контроля за моральным и трудовым обликом студенчества является материал под названием «Из милиции пришло письмо»[561], сообщающий о задержании сотрудниками милиции Советского района двух студентов ГГПИИЯ.

В рубрике «Строки сатиры», кроме шуток и анекдотов, часто появлялись материалы, посвященные критике хозяйственной безалаберности сотрудников иняза. В номере №27 от 1960 г. этому вопросу посвящено два материала. В первом обращается внимание на то, что на факультете английского языка висит стенгазета, выпущенная в прошлом году. А во втором приводятся показания часов, висящих в коридорах иняза на 10 часов утра московского времени («11:10, 12:15, 11:00, 11:05»), а также задается «вопрос-загадка»: «сколько времени нужно хозяйственникам, чтобы часы не врали и шли в ногу со временем?»[562].

Особенности студенчества – преимущественно молодых людей – оптимистичный настрой и жажда приключений, идеалистические представления о жизни влекли его на освоение целины и участие в гигантских стройках, отправляли на работу в отдаленные северные края, побуждали к чтению «запретной» западной литературы и обсуждению картин

---

[559] Нам отвечают // Лингвист. – 1960. – №29 (159). – С. 2.
[560] Решительно улучшить работу буфета // Лингвист. – 1961. – №3 (172). – С. 2.
[561] Лингвист. – 1961. – №11 (180). – С. 2.
[562] Строки сатиры // Лингвист. – 1960. – №27 (157). – С. 2.

«буржуазных» художников или прослушиванию композиций зарождавшихся в Европе рок-групп. Культура «стиляжничества», очень ярко выделявшаяся на фоне унифицированной темной одежды, стала одной из первых форм протеста против повсеместно принятых и одобренных «в верхах» советских стандартов. Однако в зарубежные поездки отправлялись те студенты, которые оценивались руководством вуза как идейно выдержанные.

24 января 1964 г. П. Г. Каргопольцев получил благодарность от Министерства просвещения РСФСР за многолетнюю добросовестную работу в ГГПИИЯ в должности (ди)ректора, продлившуюся до сентября 1964 г., когда должность занял А. И. Домашнев. Приказом Министерства просвещения РСФСР от 24 января 1964 г. доцент А. И. Домашнев был назначен ректором ГГПИИЯ, взамен ушедшего по собственному желанию П. Г. Каргопольцева[563].

Опыт, накопленный с середины 1950-х до середины 1960-х гг., постоянно совершенствовался впоследствии. Преподаватели иностранных языков иняза строго следовали указаниям специального Проблемного совета, созданного совместным решением МВ и ССО СССР и Министерства просвещения РСФСР при ГГПИИЯ, в который вошли специалисты из Москвы, Ленинграда, Горького, Иркутска, Воронежа и других городов. Этот Совет составлял и уточнял тематику научных исследований, создавал координационные планы научной деятельности[564]. Продолжалась практика внедрения комплексного обучения иностранным языкам.

В 1970-х гг. особое внимание во взаимодействии власти и вузовской интеллигенции коллектив иняза уделял реализации Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 июля 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской школы»[565].

---

[563] Архив Музея НГЛУ.

[564] Профессионально-педагогическая подготовка студентов ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, распределение выпускников и организация их стажировки (Информационная справка). – Горький: ГГПИИЯ, 1983. – С.10.

[565] Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 июля 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской школы» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

На практике реализовывались отбор и подготовка из числа интересующихся изучением иностранных языков, наиболее достойных в учебе и увлекающихся работой с детьми учащихся старших классов и работающей сельской молодежи для поступления в ГГПИИЯ. Реализовывались развивающие и воспитывающие функции учебного процесса и внеучебных мероприятий.

В заключение параграфа отметим следующее. В период «разоблачения культа Сталина» положение образования и науки несколько изменилось. Притупилась острота противостояния интеллигенции и власти, идеологический каток не был уничтожен, но был, как бы, приостановлен. Для вузовских преподавателей, в том числе, Горьковского иняза, «оттепель» стала временем относительного затишья, когда творить и работать стало чуть свободнее.

Новое поколение по-своему меняло и приспосабливало под себя, свои чувства и настроение, характер и привычки, полученное воспитание, советские ценности и ритуалы, находя в них свои прелести и достоинства. По свидетельствам современников, студенчество периода «оттепели» с энтузиазмом участвовало в городских, республиканских, союзных мероприятиях. Студенческие отряды отправлялись осваивать целину, работали в стройотрядах, на субботниках, дежурили на избирательных участках.

Однако, «оттепель» отнюдь не означала, что труд преподавателей и студентов стал менее объемным и упрощенным – напротив. Партия и государство наметили на ближайшее будущее грандиозную, но вряд ли выполнимую задачу построения коммунизма, «рая на Земле».

Такая стратегия диктовала коллективу иняза необходимость новых тактических действий: следование Моральному кодексу строителя коммунизма, особое внимание к воспитательной работе.

---

http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16710&dst=100001#08985593964189182

Условия труда коллектива ГГПИИЯ в период и после стали осложняться более высоким уровнем требований государства в вопросе повышения качества подготовки выпускников. Повышение требований к преподавателям особенно ощущалось в связи с поставленной государством задачей – обеспечение сельских школ высококвалифицированными учителями иностранных языков. В связи с этим приходилось постоянно расширять и совершенствовать формы и методы работы по повышению квалификации школьных учителей.

Задача повышения качества в деле обучения и воспитания студентов требовала от коллектива направления усилий на существенную перестройку методики преподавания иностранных языков, на поиск более совершенных механизмов воспитания.

3.2. Возможности развития межвузовских и международных связей ГГПИИЯ с учетом особенностей реализации государственной политики

Государственная политика по совершенствованию системы высшего лингвистического образования включала в себя поддержку межвузовских связей, что в рамках диссертационного исследования выливается в изучение проблемы влияния перемен в стиле поведения политической элиты страны на академическую интеллигенцию лингвистического вуза.

Возрастающее внимание руководства страны к расширению международного влияния, и как следствие этого увеличения доли международной коммуникации членов советского общества, ставило новые задачи перед советской вузовской интеллигенцией и с научно-методологической точки зрения, и с идеологической точки зрения, и с точки зрения подготовки преподавательских кадров для среднешкольного звена.

Упомянутый ранее Проблемный совет при ГГПИИЯ за период с 1965 по 1982 гг. провел шесть межвузовских научно-теоретических конференций, посвященных методике обучения устной речи на иностранных языках и лингвистическому описанию разговорной речи, с публикацией соответствующих материалов[566]. Эта работа также способствовала дальнейшему усовершенствованию методики преподавания.

Особенно тесными были связи Горьковского иняза с аналогичными вузами страны. В 1972 г., кроме основанного в 1937 г. ГГПИИЯ, в СССР имелось 11 педагогических институтов иностранных языков: Московский им. Мориса Тореза (осн. в 1930), Пятигорский (1939), Алма-Атинский (1940), Иркутский, Киевский, Минский, Ташкентский, Тбилисский (все в 1948),

---

[566] Профессионально-педагогическая подготовка студентов ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, распределение выпускников и организация их стажировки (Информационная справка). – Горький: ГГПИИЯ, 1983. – С.8.

Ереванский институт рус. и иностр. языков им. В.Брюсова (1949), Горловский (1949).

Возродившийся в 1950-е гг. международный интерес к языку эсперанто, также внес большой вклад в налаживание письменной коммуникации с представителями иностранных государств. В ГГПИИЯ возобновил работу кружок эсперантистов, развернувших широкую переписку с увлекающимися этим языком в Болгарии, Чехословакии, Франции, Вьетнаме, Венгрии, Польше, Бельгии и др. Отчеты о таком взаимодействии также публиковались в вузовских стенгазетах, представлялись на партсобраниях[567].

Уже в начале 1957 г. пути расширения границ международной коммуникации советского гражданина начали прорабатываться на институциональном уровне. VI сессия Верховного Совета СССР рассмотрела на своем заседании вопросы развития международных культурных связей. Министр культуры Н. А. Михайлов выступил с докладом «Сохранять и развивать культурные связи между СССР и всеми государствами мира»[568]. В феврале 1958 г. Всесоюзное общество культурной связи было преобразовано в «Союз Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами»[569]. В этом же году были созданы общества дружбы с Финляндией, Италией, Великобританией, Грецией, Францией, Швецией, Японией и многими другими странами. Названные события являются яркими маркерами эпохи, обуславливающими выросшее число делегаций деятелей культуры,

[567] Лингвист. – 1958. – 31 марта. – № 11.

[568] Бородай А. Д. Демократизация культурной жизни в советском обществе под воздействием «хрущевской оттепели» // Вестник университета (Государственный университет управления), 2012. – С. 252-256.

[569] Самсонова И. С. Место Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) в жизни города в период с 1965 по 1985 гг. (на примере г. Тольятти Куйбышевской области) // Молодежный научный вестник, 2017. – №4 (16). – С. 33-38

литературы, искусства, науки, выезжающих на международные встречи, конкурсы, выставки и фестивали[570] [571].

Иллюстрацией расширения международных связей служит и Фестиваль молодежи и студентов, прошедший в Москве в 1957 г. и собравший 34 тыс. человек из 131 страны. Фестиваль стал одним из символов «открытия железного занавеса» в СССР. Необходимость проведения фестиваля, подготовки мероприятий, волонтеров, образовательных и развлекательных программ для гостей из других стран также подтолкнул руководство страны к размышлениям о слабых возможностях общения советских людей с иностранцами в силу недостаточного знания иностранных языков

В 1961 г. вышло Постановление «Об улучшении преподавания иностранных языков», в котором говорилось о необходимости устранения недостатков в преподавании иностранных языков и коренного улучшения их изучении[572].

В нем Совет Министров СССР отмечал, что в условиях значительного расширения международных связей СССР знание иностранных языков специалистами различных отраслей науки, техники и культуры и широкими кругами трудящихся страны приобретает особо важное значение.

Большую пользу преподавателям и студентам ГГПИИЯ приносили приезды приглашенных в ГГПИИЯ из других вузов высококвалифицированных специалистов. С 1968 по 1970 гг. в институте работал по совместительству профессор ГГУ Б. Н. Головин. В 1978 г. цикл лекций по проблемам «Квазилингвистика Хомского» и «Структурно-вероятностный анализ» был прочитан доктором филологических наук, профессором Н. Д. Андреевым

---

[570] Зеверт Д. Новые материалы к изучению подготовки и проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. // Вестник архивиста, 2018. – №2. – С. 550-563.

[571] Можаева Л. А. Всемирные фестивали молодежи и студентов как фактор общественной дипломатии в борьбе за укрепление мира. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2015. – №13. – С. 145-159.

[572] Постановление Совмина СССР от 27 мая 1961 №468 «Об улучшении изучения иностранных языков». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5690.htm

(Институт языкознания Ленинградского отделения АН СССР). В том же году доктором филологических наук, профессором ЛГУ им. А. А. Жданова Л. В. Зиндер на занятиях в ГГПИИЯ были рассмотрены актуальные проблемы грамматики современного немецкого языка, а А. И. Домашнев, тогда доктор филологических наук, профессор Института языкознания ЛО АН СССР, прочитал авторский курс лекций по социолингвистике[573].

В 1979 г., в инязе работали такие крупные специалисты как: С. Ф. Шатилов, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики ЛПИ им. А. И. Герцена и И. Л. Бим, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка МГПИ им. В. И. Ленина. Ими были прочитаны спецкурсы по педагогической тематике[574]. Кроме того, 20-часовой цикл лекций по теме «Актуальные проблемы современной лингвистики» предложил коллективу ГГПИИЯ доктор филологических наук, профессор МГГПИИЯ им. М. Тореза Г. В. Колшанский[575].

Процесс разрастания сети зарубежных научных и творческих контактов ГГПИИЯ происходил постепенно и не без сложностей, но горьковские лингвисты всё чаще и эффективнее взаимодействовали на различном уровне со своими иностранными коллегами. В 1950-е гг. институт сумел наладить обмен опытом с вузами ГДР (в городах Эрфурт, Дрезден, Грайфсвальд, Лейпциг), а также с университетскими кафедрами иностранных языков Чехословакии и Венгрии[576]. Следует отметить, что международное межвузовское сотрудничество шло не только на прикладном, но и на научно-методическом уровне. Так, в одном из своих писем в адрес румынских коллег в Бухаресте директор ГГПИИЯ П. Г. Каргопольцев подчеркивал: «Наш институт уже давно отошел от так называемого формально-грамматического метода в изучении иностранного языка и встал на путь практического овладения изучаемым

[573] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 141.
[574] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 73.
[575] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 70.
[576] ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 458. Л. 2.

языком (устно и письменно) как орудием, как средством общения. Высылаю Вам сборник “В помощь учителю иностранного языка”, о котором Вы говорите в письме»[577].

Летом 1956 г. профессор Лейпцигского филологического института (ГДР) доктор Кёглер направил в ГГПИИЯ просьбу об ознакомлении немецких ученых с опытом организации работы инязовской лаборатории звукозаписи. Выполняя пожелания немецкого коллеги, П. Г. Каргопольцев выслал соответствующие материалы в ГДР.

С аналогичными просьбами в адрес директората ГГПИИЯ обращались ученые других университетов ГДР, а также Чехословакии и Великобритании. Получил развитие процесс прямого обмена результатами научных исследований ученых ГГПИИЯ со своими иностранными коллегами. Так, в 1956 г. зародились связи с английскими специалистами, когда Институт Тэйлора в Оксфордском университете взаимообразно направил в Горький сборники трудов британских лингвистов[578].

Конечно, немаловажную роль в описываемом процессе сыграли личные контакты горьковских и иностранных лингвистов.

В длительной заграничной командировке (более двух с половиной лет с 1954 по 1956 гг.) находился доцент Н. А. Лавров. Распоряжением Министерства просвещения РСФСР он был направлен в качестве советника в Бухарестский педагогический институт русского языка имени А. М. Горького. Свою основную работу в Румынии он совмещал с преподаванием теории и практики русского языка, получив в итоге блестящие характеристики от своих бухарестских коллег.

В этой связи ректор упомянутого румынского вуза Н. Паску отмечал: «за такой короткий срок Николай Александрович Лавров коренным образом перестроил работу кафедры методики преподавания русского языка, оказал нам большую помощь в реорганизации педагогической практики студентов,

[577] ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
[578] Лингвист. – 1956. – № 4. 28 сентября.

в улучшении программ по курсу методики преподавания русского языка, практического курса русского языка и др.»[579].

Говоря о рабочих качествах Н. А. Лаврова, как преподавателя, проректор Бухарестского педагогического института Григориу подчеркивал его «терпение, доброжелательность, желание помочь, редкий такт, эрудицию, долголетний педагогический опыт и исключительное умение разбираться в сложных вопросах и находить практические решения». В итоге своей деятельности в Румынии доцент Лавров был награжден почетным знаком «ARLUS», свидетельствующим о его заслугах на научно-методическом поприще[580].

Учитывая опыт и возможности Н. А. Лаврова, спустя два года Министерство просвещения РСФСР вновь направляет его за рубеж. В сентябре 1958 г. в качестве специалиста в области русского языка и методики он выбывает в Китай для работы в Пекинском институте иностранных языков. Там он трудился до конца марта 1960 г.[581]. Работа в КНР оказалась для него очень плодотворной[582]: при непосредственном участии доцента ГГПИИЯ Н. А. Лаврова были подготовлены и изданы учебники русского языка для студентов китайских вузов[583].

На прошедшем в 1959 г. в ГДР лингвистическом семинаре В. Е. Ярнатовская возглавляла группу из 30 советских специалистов-

---

[579] Архив НГЛУ.
[580] Там же.
[581] Отметим в этой связи небольшую, но свидетельствующую о внутренней культуре Н. А. Лаврова деталь. Находясь в конце 1958 года в Пекине, он направил в адрес ГГПИИЯ поздравительную телеграмму по случаю Нового 1959 года. – Лингвист. – 1959. – № 4. 16 февраля.
[582] Директор Пекинского института иностранных языков Чжан Си - Чоу 16 июля 1960 г. в связи с отъездом Н. А. Лаврова на родину отмечал: «Вы подготовили около 40 молодых преподавателей для факультета русского языка. Вы следили за их ростом с таким вниманием и любовью, с какой садовник ухаживает за молодыми всходами...» – Архив музея НГЛУ.
[583] Лингвист. – 1959. – № 4. 16 февраля.

языковедов. В ту группу, кроме неё, входили преподаватель ГГПИИЯ Г. А. Мешкова и учитель горьковской средней школы № 1 В. Курманина[584].

В 1959 г. ведущие преподаватели ГГПИИЯ выбывают в Великобританию. Так, в конце августа в составе делегации Министерства просвещения РСФСР декан ФАЯ Л. Х. Ишо и зав. кафедрой английской филологии К. В. Сизов изучали систему и организацию преподавания филологических дисциплин в рамках английской высшей школы[585]. Тогда же зав. кафедрой французской филологии Л. М. Скрелина[586] с аналогичными задачами была командирована во Францию[587]. Также в 1959 г. свою профессиональную квалификацию на базе вузов ГДР повышала Н. Н. Зыкова в ходе четырехмесячной стажировки[588]. Также в ГДР, но несколько позже, группа инязовских преподавателей (А. В. Фанягина[589], А. С. Исаева, И. В. Русина, Л. Ф. Корнилова[590], Р. Н. Степанова и др.) успешно прошла двухмесячное повышение языковой квалификации[591].

---

[584] Лингвист. – 1959. – № 35. 15 декабря. Отметим, что первой школой в Горьковской области с преподаванием ряда предметов на немецком языке станет именно средняя школа № 1 г. Горького (директор В. А. Союзов) – ЦАНО. Библ. 37 С. П-41. По залам Нижегородского областного музея развития народного образования.

[585] Лингвист. – 1959. – № 21. 1 сентября.

[586] Луиза Михайловна Скрелина (1930 г.р.) – выпускница ФФЯ ГГПИИЯ (1952), получившая диплом с отличием. Окончила аспирантуру в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Защитила диссертацию на тему «Из истории указательных местоимений французского языка (на материале памятников IX-XVII вв.». Кандидат филологических наук (1956 г.). Старший преподаватель кафедры французской филологии Горьковского иняза (1956 г.). Зав. кафедрой французской филологии ГГПИИЯ (1956 г.). Доцент (1960 г.). В 1963 г. избрана по конкурсу в Минский педагогический институт. Доктор филологических наук. Зав. кафедрой французской филологии ЛГПИ им. А. И. Герцена. – ЦАНО. Ф. 2595, Оп. 1а, Д. 15. Л. 31.

[587] Там же.

[588] Архив НГЛУ.

[589] В 1966 г. А. В. Фанягиной была присуждена золотая медаль им. И. Г. Гердера – Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 96.

[590] Лидия Федоровна Корнилова, будучи студенткой-заочницей ГГПИИЯ, с 1945 по 1952 гг. служила в качестве переводчика структур МГБ СССР в Германии (Берлин). Закончила ГГПИИЯ в 1949 г. С 1952 г. по 1956 г. на преподавательской работе в Горьковском инязе сначала в должности ассистента, затем заведующей кафедрой немецкого языка.

[591] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 29.

В 1961 г. иняз посетили ученые из ГДР (преподаватели педагогических институтов в Дрездене и Эрфурте). Добавим, что после того визита была начата плодотворная научная переписка сотрудников и студентов ГГПИИЯ со своими коллегами в ГДР[592]. Открылась практика прямых консультаций специалистами-германистами ГДР преподавателей и сотрудников ФНЯ. В рамках соглашения о сотрудничестве в Горьком работали профессор Ротт, доценты Цахарис, Зоммерфельд, Тиле, Фрай.

В. Е. Ярнатовская в 1963 г. вновь руководила делегацией из ста преподавателей русского языка из СССР на очередном совместном семинаре лингвистов-русистов в ГДР. Тогда же Н. Н. Зыкова преподавала русский язык в высших учебных заведениях ГДР.

Со второй половины 1950-х гг. и учащиеся ГГПИИЯ также начинали втягиваться в различные сферы международного сотрудничества студентов. Так, летом 1957 г. студенты ФНЯ Л. Михайлов и Д. Козина как наиболее способные, были направлены на практику в ГДР, где проходили обучение, а также работали в детских лагерях[593].

Год спустя студенты ФАЯ Н. Дубинкина[594] и Г. Торопов знакомились с уровнем и качеством обучения в Великобритании[595]. А осенью 1959 г. студенты ГГПИИЯ участвовали в приеме группы английских студентов, направленных по обмену в СССР. По сути, это был первый пример визита в Горький студентов из Великобритании. Во второй половине 1959 г. также в порядке обмена студентки ФФЯ Л. Кораблева, Д. Митрохина, Л. Торопова вместе с группой студентов разных советских вузов направляются в Сорбонну (Париж, Франция)[596].

---

[592] Лингвист. – 1961. – № 16.
[593] Лингвист. – 1957. – № 35. 16 декабря.; Лингвист. – 1958. – №21. 23 июня.
[594] Надежда Николаевна Дубинкина (Макиевская) (1935 г.р.) окончила ГГПИИЯ в 1958 г. и тогда же была зачислена в его штат. Старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики английского языка.
[595] Лингвист. – 1958. – № 17. 19 мая.
[596] Лингвист. – 1960. – № 1. 12 января.

В 1959-60 уч. г. (осенью) в ГГПИИЯ появилась новая студенческая структура – Клуб интернациональной дружбы (КИД)[597], надолго ставшая ещё одним очагом распространения знаний об истории, культурной, социальной жизни и нормах обучения в ряде зарубежных стран[598]. Достаточно быстро его ряды пополнились многочисленными желающими начать рабочие связи за рубежом.

В 1960 г. в составе советской делегации (20 человек) студенты М. Репкина и М. Чирков выехали в Англию для ознакомления с жизнью и бытом учащихся британских вузов[599].

Десятки студентов переводческого факультета прошли в течение года языковую практику в странах Азии, Африки и Латинской Америки, вместе с советскими специалистами работая на строительстве Асуанской плотины в Египте, металлургических комбинатов в Иране, Индии, Сирии, Пакистане, трудились в составе геолого-разведывательных партий в Алжире, Мавритании, Ираке[600].

В июле 1962 г. секретарь комсомольской организации Э. Калинина представляла иняз на VIII международном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки[601].

Зарубежные связи ГГПИИЯ очень серьезно укрепились и получили развитие в рассматриваемый период. Эти контакты были не только прочными, обширными, но и разноплановыми. Впервые в истории института сам ректор вышел на очень высокий международный уровень. В феврале-марте 1971 г. он был членом делегации ЦК профсоюзных работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, приглашенных в США Национальной Ассоциацией образования для ознакомления с её деятельностью.

---

[597] Климец И. «...Горький, КИД» / Ленинская смена. – 1971. – 17 ноября.
[598] Лингвист. – 1959. – № 32. 24 ноября.
[599] Лингвист. – 1960. – № 21. 1 июля.
[600] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 98.
[601] Воспоминания Э. Калининой
/ Архив Музея НГЛУ

С 1973 г., являясь представителем Министерства просвещения СССР в комиссии ЮНЕСКО (Объединенный комитет экспертов МОТ), К. В. Сизов командировался (в 1974, 1975, 1976, 1979, 1981 и 1982 гг.) в Швейцарию и Францию для участия в работе международных конференций по народному образованию, будучи членом комиссии по образованию на Женевских международных конференциях. В 1985 г. К. В. Сизов возглавил делегацию работников высшей школы, направленных в творческую командировку в Китайскую Народную Республику. Ректор К. В. Сизов, безусловно, был полезен ЮНЕСКО, так как «Рабочее международное бюро просвещения» (как структурная единица этой организации) ставило своей целью сбор и распространение информации о новациях в области образования, а также занималось классификацией стандартов образования. И потому также К. В. Сизов находился в постоянной деловой переписке с функционерами ЮНЕСКО и получал от них высокие оценки своей собственной деятельности на международном поприще.

Преподаватели иняза стали постоянно включаться в состав делегаций Минпроса РСФСР, командируемых за рубеж. Часть преподавателей иняза внесла заметную лепту в дело изучения русского языка гражданами иных государств. Немецкие учителя русского языка получили ощутимую помощь со стороны советских преподавателей в ходе их работы на курсах повышения квалификации в ГДР.

Значительный вклад в развитие международных связей ГГПИИЯ вносил самый молодой и динамично развивавшийся переводческий факультет. Многие его выпускники окончили дополнительно курсы переводчиков ООН при МГГПИИЯ им. М. Тореза и работали в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, а также в отделениях этой организации в Европе и Африке. Некоторые отбирались для службы в структурах СА за границей[602][603].

---

[602] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 25 и др.

[603] Переводческий факультет НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 1962-2012. – Н. Новгород: ООО «Риц» «Курьер-медиа», 2012. – 96 с.

Уверенно расширяет объем своих зарубежных связей и коллектив факультета французского языка (далее – ФФЯ), в мае 1960 г. подавший заявление о приеме его в «Общество СССР-Франция» на правах коллективного члена[604]. Благодаря общим усилиям, в которых особая роль принадлежала преподавателю ФФЯ Г. В. Ратинскому, в том же 1960 г. факультет вошел в состав упомянутого общества[605]. Вскоре был реализован целый блок запланированных рабочих мероприятий, а более 50 человек (студентов, сотрудников и преподавателей) завязали активную деловую переписку с французами[606].

В структуре ГГПИИЯ (в составе ПФ) продолжали работать двухгодичные курсы для специалистов (курсы экспертов), возникшие ещё в 1960 г. Они вели качественное обучение европейским языкам специалистов с высшим образованием, направляемым за рубеж. (Ко второй половине 1980-х гг. через эту структуру прошло и было сертифицировано около 430 человек.[607]) Некоторому развитию профессиональных навыков и умений преподавателей и студентов способствовало и то, что в условиях широкого развития международного туризма в 1970-1980-е гг. у членов коллектива ГГПИИЯ появились дополнительные возможности выезда за границу, хотя бы и ненадолго.

Все формы работы, все механизмы взаимодействий внутри коллектива ГГПИИЯ и вне его – были направлены, в конечном итоге, на то, чтобы выпустить из стен иняза достойных работников-профессионалов. В условиях жесткого государственного контроля, присущего тем временам, ректорат всегда держал в поле зрения не только план приёма, но количественные и качественные показатели выпуска. Ежегодно после сдачи выпускных

---

[604] Лингвист. – 1960. – № 18.
[605] Лингвист. – 1960. – № 29. 26 октября.
[606] Гусевская М.Л. Русский француз: Глеб Васильевич Ратинский. Очерк. – Н. Новгород: без изд., 2017. Б/стр.
[607] Там же... – С. 70.

государственных экзаменов[608] создавалась комиссия по проведению распределения молодых специалистов с участием представителя Министерства просвещения РСФСР[609]. Выпускники ПФ (переводчики-референты) на первых порах не распределялись Минпросом РСФСР. Поскольку значительная их часть отбиралась ГУК МО и призывалась в армию, остальные самостоятельно трудоустраивались переводчиками вне армейских структур[610]. Что касается получивших распределение, то вопрос их явки на место назначения брался под контроль ректоратом иняза. В течение сентября велась работа по выявлению «уклонившихся» и выяснению конкретных жизненных обстоятельств каждого из них[611]. В случае, если уклонение от обязанностей молодого специалиста было сознательным, писались письма в прокуратуру соответствующего содержания[612].

Активная международная коммуникация студентов и преподавателей Нижегородского иняза, хоть и происходящая на фоне «открытия» железного занавеса, происходила на фоне интенсификации идеологической работы со студентами и преподавателями, а также усилением значения марксистского похода в науке.

Ещё одну сторону межкультурной коммуникации студентов и преподавателей иняза с внешним миром можно проследить в рамках обновления списков литературы, подлежащей изучению, как на школьном, так и на институтском уровне[613].

---

[608] В состав комиссии по приему государственных экзаменов (ГЭК) назначались наиболее опытные преподаватели, ведущие соответствующие дисциплины – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 32; Д. 2241. Л. 135-238; 186; Д. 2100. Л. 36; Д. 2099. Л. 20. В 1984-1985 уч. г. в качестве выпускных сдавались: научный коммунизм, педагогика, методика преподавания иностранных языков, основной иностранный язык и второй иностранный язык – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2388. Л. 30.

[609] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 233 и др.

[610] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 35.

[611] Например, в 1979 г. на местах, указанных Министерством, не приступили к работе 3 человека – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 1, в 1982 г. – 6 человек – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2099. Л. 49.

[612] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 69.

[613] Литература в школе. 1957. № 6. С. 3–7.

Список литературы в инязе в 1950-х гг. описан в воспоминаниях студентки ГГПИИЯ В.К. Романовой: «О расовой дискриминации читали те книги, которые нам рекомендовали в качестве домашнего чтения: «Хижину дяди Тома», «Приключения Тома Сойера и Геккельбери Финна», «Да сгинет день». О собственниках, их жадности и эгоизме – «Сагу о Форсайтах», о страданиях простых людей из-за американского империализма в романе «Сестра Кэрри». Читали мы на английском языке. Переводили отрывки на русский язык, а пересказ прочитанного давали на русском языке»[614].

Вероятно, идеологическую работу руководства иняза можно оценить как эффективную. В памяти оставались уголовные дела 1930-х гг. над студентами и преподавателями ГГПИИЯ, возбужденные по подозрениям в связях с иностранцами, но громкие процессы, случавшиеся в годы правления И. В. Сталина, не повторялись[615].

После громких скандалов, происходивших в инязе в 1951-1952 гг. (здесь имеется ввиду выговоры отдельным преподавателям иняза за недостаточно острую критику буржуазных лингвистов и их теорий, отсутствие связи с современностью в лекциях[616], а также увольнение за неосторожные оценки в адрес И. В. Сталина и «дела Чемоданова», уволенного за отсутствие публичной реакции на статью И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания») в период оттепели и в последующее десятилетие, несмотря на заграничные поездки и контакты с иностранцами, среди студентов и преподавателей не было выявлено ни диссидентов, ни невозвращенцев.

Некоторая разрядка атмосферы тоталитарности имела место в период «оттепели». Именно тогда начались первые, по сути, шаги к установлению

---

[614] Архив НГЛУ

[615] Таким было, например, дело студентки IV курса Екатерины Михайловны Меркульевой, арестованной спецорганами вместе с целой группой работников «Интуриста» в том числе за контакты председателя общества В.А. Курда с Геббельсом в ходе рабочих поездок в Германию, где он якобы получал указания о проведении фашистской работы [26]

[616] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 132. Л. 49.

международных контактов коллектива иняза несмотря на то, что город Горький был «закрытым» городом.

Начало 1960-х гг. показало, что рецептивные цели иноязычного лингвистического образования пришли в противоречие с потребностями общества в практическом овладении языком.

Международный студенческий обмен, зарубежные экскурсионные поездки студентов и преподавателей, стажировки в иностранных вузах, участие в международных конференциях, включение в международную НИР в составе интернациональных команд ученых, а также интенсивное развитие образовательных программ «русский язык как иностранный» может быть названо характерными чертами хрущевской «оттепели» в рамках либерализации и демократизации внутриполитической жизни страны, относительным ослаблением цензуры, большей открытостью внешнему миру и свободой творческой деятельности.

Данные характерные черты этого периода истории СССР указываются в целом ряде исследований, посвященных оттепели[617] и помимо прочего, с одной стороны, способствовали повышению качества научной работы

---

[617] Агаджанян Л. Л. «Оттепель» в истории отечественной культуры: конъюнктурное и непреходящее / Л. Л. Агаджанян // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – М., 2015, – №4. – С. 85-89. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=24214755

Бородай А. Д. Демократизация культурной жизни в советском обществе под воздействием «хрущевской оттепели» / А. Д. Бородай // Вестник университета (Государственный университет управления) – М, 2012. – С. 252-256. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=18386536

Егоров А. Н. Общественно-политическая ситуация «оттепели» (1953-1964 гг.) в восприятии современников – преподавателей и студентов Казанского государственного университета: автореф. дис. … к. ист. наук: 07.00.02 / Алексей Николаевич Егоров. – Казань, 2010. – 211 с.

Мулюков Ш. М. Хрущевская «оттепель» как попытка власти либерализовать общество в рамках традиционной политической системы / Ш. М. Мулюков // Социальная аполитика и социология. – М., 2009. – №1. – С. 255-259.

Сизов С. Г. Высшее образование и наука в Омске в годы «оттепели» (март 1953 – 1964 гг.) / С. Г. Сизов // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII-XX вв.) – Охтень, 2009. – с. 150-164.

Телюк К. Р., Балакин В. С. «Оттепель» в экономической науке СССР в 1950-е годы: политическая воля или внутренняя эволюция? / К. Р. Телюк, В. С. Балакин // Политический вектор-L. Комплексные проблемы современной политики. – Челябинск, 2015. – № 1. – С. 61-68.

советского ученого, заложили основу для дальнейшей интеграции отечественных научных школ в международную плоскость, а, с другой, позволили интенсифицировать процесс «открытия «железного занавеса»» и ознакомление иностранных граждан с русским языком и русской культурой в самом широком смысле.

3.3. Качественные и количественные изменения в сфере деятельности вуза и её материально-технического обеспечения в предперестроечный период

В предперестроечные годы партия продолжает прочно занимать место ведущей и организующей силы в советском обществе. Составной, отличительной чертой её деятельности становится политика, направленная на создание в стране атмосферы стабильности и уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне граждан СССР. В значительной степени сложившаяся ситуация отвечала устремлениям руководства КПСС и государства: в далёкое прошлое ушли времена партийных чисток, массовых репрессий, внезапных инициатив по авральному освоению окраин страны, значительно улучшилось материальное благосостояние людей. Бывшие молодые фронтовики, ныне оказавшиеся в руководящих звеньях разного уровня, вполне осознавали сложившееся положение, которое им представлялось не только приемлемым, но и весьма позитивным.

Оценивая суть и взаимосвязь рассматриваемых событий, уместно признать, что складывающееся положение в значительной мере одобрялось и поддерживалось большей частью тогдашнего советского сообщества. И в этом смысле коллектив ГГПИИЯ не был и не мог быть исключением. Большинство работников и преподавателей института во главе со своим руководством искренно и активно участвовали в реализации общих задач, намеченных центром.

С середины 1960-х гг. государственная политика в области работы с вузовской интеллигенцией всё больше опиралась на реальность бытия: за время существования системы высшего лингвистического образования был накоплен значительный опыт. Важной формой выработки решений стали семинары ректоров по проблемам высшего образования. В этих семинарах

активное участие принимал новый ректор ГГПИИЯ (с 1968 г.) К. В. Сизов. За плечами выпускника переводческого факультета К. В. Сизова имелась серьезная практика руководящего работника, последовательно прошедшего все ступени ответственных должностей внутри родного ему вуза. Опыт ГГПИИЯ, все более обогащаемый по мере развития и усиления потенциала коллектива института, служил основой обсуждения проблем развития советской школы на семинарах ректоров по проблемам высшего образования, периодически проходивших в Москве.

Приоритетными направлениями деятельности ректората ГГПИИЯ стало решение, в полном соответствии с указаниями центра, следующих принципиальных задач: совершенствование комплексной организации учебного материала в области иностранных языков; создание новых учебных площадей; усиление роли и значимости методического совета института в процессе качественного повышения обучения студентов, разработка и внедрение новых методик преподавания[618].

В центре внимания рабочего коллектива института становился вопрос повышения качества базовой подготовки молодого специалиста, вполне способного работать в системе среднего образования и в учреждениях народного хозяйства СССР. Сообразно тому времени таковые задачи проистекали из генеральных установок ЦК КПСС и соответствующих решений съездов партии[619]. А потому комплексные планы развития ГГПИИЯ (как и остальных вузов страны) строились с учетом и на основе документов и материалов съездов КПСС и пленумов ее ЦК. Значительное влияние на формирование общих установок в развитии Горьковского иняза во второй половине 1970-х гг. оказали выводы XXV съезда КПСС по развитию высшей школы страны.

---

[618] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 13.

[619] Например, Постановление Совмина СССР от 27 мая 1961 г. «Об улучшении изучения иностранных языков» / Электронный ресурс. – [Режим доступа]: www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5690.htm

Партия прочно занимала место ведущей и организующей силы в советском обществе и составной, отличительной чертой её деятельности становилась политика по созданию в стране атмосферы стабильности и уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне граждан СССР. В значительной степени сложившаяся ситуация вполне отвечала устремлениям руководства КПСС и государства: в далёкое прошлое ушли времена партийных чисток, массовых репрессий, внезапных инициатив по авральному освоению окраин страны, значительно улучшилось материальное благосостояние людей. Бывшие молодые фронтовики, ныне оказавшиеся в руководящих звеньях разного уровня, вполне осознавали сложившееся положение, которое им представлялось не только приемлемым, но и весьма позитивным.

Конституция 1977 г. не только закрепила руководящую роль КПСС в жизни общества, но и впервые обратила внимание на значимость интеллигенции, утверждая, что «социальную основу СССР составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции»[620]. Таким образом, признавалась роль и значимость вузовской интеллигенции в стране Советов.

В условиях усиления общей централизованности и управляемости «сверху» почти всеми сторонами производственной деятельности в стране становилась очень актуальной задача выработки параметров, согласно которым строились бы планы деятельности учреждений и соответствующих им отчетов. Иным словами: не последняя роль стала отводиться грамотно оформленному делопроизводству. Уместно подчеркнуть, что в тех условиях ректорат института и его руководитель сумели очень удачно разрешить означенную задачу. Уже в 1970-е гг. в ГГПИИЯ была предельно четко отработана и введена в практику система должного оформления документации как текущей, так и итоговой[621].

---

[620] Конституция СССР от 7 октября 1977 г.. Глава 3. Ст. 19. / Электронный ресурс. – [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3009#07269657134356381

[621] Предметно судить об этом позволяет анализ подборки годовых отчетов ректората ГГПИИЯ. Добавим, что лично К. В. Сизов сумел безупречно наладить делопроизводство в

В конце 1960-х гг. структура ГГПИИЯ выглядела следующим образом:

I. В составе ФАЯ:

1) кафедра английского языка (сформирована в 1937);

английской филологии (1943);

лексикологии и стилистики английского языка (1967)

В составе ФНЯ: 4) немецкого языка (1937);

немецкой филологии (1945);

лексикологии и стилистики немецкого языка (1967)

В составе ФФЯ: 7) французского языка (1937);

французской филологии (1945);

В составе ПФ: 9) английского языка и перевода (1964);

французского языка и перевода (1967);

теории практики перевода (1967)

Общеинститутские: 12) истории КПСС (1954);

философии и научного коммунизма (1955);

политэкономии (1954);

методики (1937);

педагогики (1938);

второго иностранного языка (1957);

русского языка (1939);

физического воспитания и спорта (1948);

военная (по сути, она берет начало с сентября 1940 г. как кафедра допризывной подготовки).

1970-1980-е гг. потребовали некоторых, некардинальных перемен в вышеприведенной структуре ГГПИИЯ. В 1973 г. была образована в составе ПФ кафедра немецкого языка и перевода. Тогда же кафедра второго иностранного языка была преобразована в две самостоятельные единицы – кафедру романо-германских языков и кафедру немецкого языка второй

рамках руководимого им вуза, в том числе и за счет реализации им лично разработанных рекомендаций по данному вопросу. ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 225-226.

специальности. В 1979 г. образуется кафедра литературы стран изучаемого языка (зарубежной литературы).

В 1985 г. была создана кафедра информатики и вычислительной техники. В задачу коллектива кафедры вменялось внедрение возможностей ЭВМ в учебный процесс. В условиях широко разворачивающейся НТР, в частности компьютеризации различных отраслей народного хозяйства, применение электронных технологий в обучении становилось неотложной задачей практически всех вузов страны, а их коллективы сами должны были определить возможности и назначение компьютеров в общем потоке преподавательской и научной деятельности и вмонтировать их в общую схему своих учреждений. При ней сумели повысить квалификацию и овладеть возможностями электронных технологий в учебном процессе более 500 преподавателей не только из ГГПИИЯ, но и из ряда других педагогических вузов РСФСР.

Объем задач, стоящий перед 24-мя кафедрами, обеспечивали работники, распределенные (в структурно-организационном плане) на 239 ставок. Динамика количественного развития кадровой политики в ГГПИИЯ за десятилетие (1976-1987 гг.) выглядела следующим образом. В 1976-1977 уч. г. в институте имелось 285 рабочих преподавательских ставок; в 1976-1977 уч. г. – 278,5; в 1977-1978 – 286; в 1979-1980 – от 251, 5 до 284; 1980-1981 – 252; 1981-1982 – 252; 1982-1983 – 249; 1983-1984 – 249; 1984-1985 – от 247,5 до 271; 1986-1987 – 239[622]. Даже предварительный анализ приведенных статистических показателей позволяет сделать некоторые промежуточные обобщения.

---

[622] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 7; Л. 16;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1557. Л. 9.
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 2;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1691а. Л. 15;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1962. Л. 106;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2099. Л. 72;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2100. Л. 84;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2241. Л. 112;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2248. Л. 1;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2388. Л. 6, 7;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 109-123.

Очевидно, что начиная с 1977-1978 уч. г. количество преподавательских ставок в вузе почти неуклонно и стабильно сокращалось. Не исключено, что данная хронологическая точка не была случайной: именно со второй половины 1970-х гг. вполне обозначилась и стала обретать выражение тенденция к общему снижению темпов экономического роста по стране в целом. Причем, нельзя сказать, что ГГПИИЯ с того времени стал испытывать трудности недофинансирования. (Напротив, объем средств, отпускаемых Москвой в адрес института, продолжал расти[623].) Это означало, что начиналось, пусть малозаметное, но все же повышение объема нагрузки на преподавателей. Тенденция получила свое дальнейшее развитие на протяжении 1980-х гг. и достигла апогея в «перестроечные времена», когда общее количество ставок достигло своего минимума. Таким образом, к концу 1980-х гг. загруженность профессорско-преподавательских кадров становилась максимальной при сохранении в целом оплаты их труда.

Открывшаяся полоса общего недофинансирования вузов на фоне появившейся инфляции становилась одной из причин начавшегося оттока профессиональных кадров из высшей школы. Их творческий труд возрастал в объеме при общем и явном сокращении размеров заработной платы. Таким образом, «сверху» (через совокупность решений и действий государственных властей) и «снизу» (через осознание работниками неадекватности собственных возможностей и потребностей) были стимулированы не только процесс сокращения ставок как таковой, но и более грозное явление: падение престижа вузовского преподавателя и снижение интереса к вузу, как объекту приложения своих сил и замыслов.

Некоторые (тогда не принципиальные) негативные тенденции имели место и в научно-исследовательской работе коллектива института. Но в настоящем контексте следует отметить целый ряд явно позитивных

---

[623] Согласно официальным документам, если в 1975 г. фонд заработной платы преподавателей составлял 691,3 тыс. руб., то в 1980 г. он вырос до 742,2 тыс. руб. – План развития ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова на 1981-1985 гг. – Горький, 1981. – С. 45.

моментов. В условиях развивающейся НИР института самое серьезное внимание руководство ГГПИИЯ уделяло не только регулированию научного поиска и научного роста своих ученых, но и качественному анализу и обобщению опыта всей этой деятельности. В результате на рубеже 1970-1980-х гг. увидел свет целый ряд аналитических работ по организации НИР в системе ГГПИИЯ[624].

Говоря о научно-издательской деятельности в ГГПИИЯ в целом, необходимо подчеркнуть, что она испытывала ряд трудностей, причем, не только творческого и академического характера, но и чисто технического порядка. Возможности печатать собственные научные и методические работы ученые института приобрели ещё в середине 1960-х гг. (Ещё в 1966 г. в вузе был учрежден редакционно-издательский отдел с задачей организации выпуска «Ученых записок»; тогда же появился собственный ротапринт, печатавший малообъемные материалы учебных пособий.) Однако, во второй половине 1970-х гг. прежние технические возможности не устраивали руководство института, равно как и существующие ограничения в области издательской деятельности.

Начиная с 1976-1977 уч. г. ректорат ГГПИИЯ стал обращаться в Министерство с просьбой о решении вопроса (через Госкомиздат) о возвращении институту права собственной издательской деятельности, подчеркивая, что в создавшихся условиях ему неудобно и нецелесообразно издавать свои собственные материалы на базе ГПИ им. М. Горького[625].

В сентябре 1977 г. институт добился разрешения на возобновление ранее приостановленного права на работу множительной техники[626], а в 1979 г.

---

[624] Среди них см.: Положение о НИР в ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова / Сост. доц. А. Т. Кукушкина и доц. О. В. Петрова. – Горький, 1979. – 30 с.
Комплексная система приобщения студентов к НИР / Сост. доц. А. Т. Кукушкина, проф. Ю. М. Скребнев, доц. О. В. Петрова, доц. М. С. Ретунская. – Горький, 1980. – 30 с.
Школа педагогического мастерства. – Горький, 1981. – 80 с.
[625] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 113, 277.
[626] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 5.

направил в Министерство просьбу о возможности замены печатающей машины «Ромайор-312» на «Ромайор-313»[627].

Идя «по восходящей», ректорат ГГПИИЯ поставил перед Министерством в 1979-1980 уч. г. вопрос о возвращении институту права издательской деятельности в полном объеме[628]. А вскоре был учрежден Редакционно-издательский Совет под руководством проректора А. Т. Кукушкиной. Между прочим, в номенклатуру его задач, помимо прочего, тогда входило ещё и так называемое политическое редактирование учебно-методической литературы[629]. При уяснении целей и задач этого подразделения не следует забывать нюансов идейно-политической обстановки в стране в целом, когда особое внимание уделялось недопущению в печатном виде всякого рода «идеологических» передержек[630].

И потому в сложившихся условиях ряд ведущих ученых ГГПИИЯ был вынужден публиковать свои подготовленные к печати материалы через иные типографии и издательства. Так, например, в 1972 г. доцент кафедры английской филологии И. Л. Финкельштейн завершил работу над докторской диссертацией, посвященной творчеству Э. Хемингуэя, однако, был вынужден подыскивать издательство вне города Горького. Высокий академический уровень и глубокое знание предмета собственных научных изысканий позволили И. Л. Финкельштейну публиковаться в столичных издательствах[631].

---

[627] Добавим, что, внимательно следя за соблюдением требований КЗОТа, ректорат издал в 1979 г. специальный приказ, предписывающий сотрудникам участка офсетной печати, как работающим во вредных условиях, выдавать бесплатно и ежедневно по 0,5 л молока – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 12.

[628] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1691а. Л. 83.

[629] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 35.

[630] Под таковыми понимались иллюстрирование в позитивном ключе условий и норм разных сторон жизни в капиталистических странах Запада, положительное высказывание об их внешней и внутренней политике, чрезмерное увлечение достижениями буржуазного сообщества в области науки, техники, культурной жизни и т.д.

[631] В 1974 г. он опубликовал ряд авторских статей в престижном издании Большой Советской Энциклопедии, посвященных творчеству Ж. Т. Расина (Т. 21) и Э. Хемингуэя (Т. 28), подборку статей на страницах Краткой Литературной Энциклопедии, а также монографию.

Говоря о квалификационном росте преподавателей ГГПИИЯ, заметим, что в 1976-1977 уч. г. количество дипломированных специалистов составило цифру 97 (36,6% к общему числу преподавателей без учета коллектива военной кафедры)[632].

Таким образом, в конце 1970-х гг. 105 преподавателей института (40,5 %) имели дипломы кандидатов и докторов наук. Вместе с тем, в инязе наметилась и получила воплощение негативная тенденция к некоторому сокращению числа специалистов высшей квалификации.

Если в 1981 г. в вузе работало 9 заведующих кафедрами-профессоров, то к 1987 г. эта цифра сократилась на треть – 6 профессоров, возглавлявших кафедры[633]. Современники тех времен единогласно утверждают, что вопрос о наличии в ГГПИИЯ работников высшей квалификации (докторов наук и профессоров) становился не только ключевым на заседаниях Совета института, но и постоянным вопросом партийных собраний института.

Если вести речь о намеченных в 1981 г. перспективах по численному росту кандидатов наук, то есть достаточные основания считать, что и они оказались в большинстве случаев нереализованными. Предполагалась работа над 30 кандидатскими диссертациями[634]. Но в 1984 г. лишь 9 человек сумели обрести ученые степени кандидатов наук – выпускники целевых аспирантур при ГГПИИЯ, МГГПИИЯ им. М. Тореза, МГПИ им. В. И. Ленина, ЛГУ им. А. А. Жданова[635].

Нет необходимости говорить о целой цепи взаимосвязанных обстоятельств, затруднявших тогда профессиональный рост и возможности повышения квалификации преподавателей ГГПИИЯ, как, впрочем,

---

[632] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 16.
[633] Согласно документам, в ГГПИИЯ в 1981 г. имелось 9 зав. кафедрами, профессоров, в 1982 – 8, в 1983 – 7, 1984 – 8, в 1987 – 6. Подсчитано нами по: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1962. Л. 106;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2099. Л.72; Л. 2100. Л. 84;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2241. Л. 90;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 109.
[634] План развития ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова на 1981-1985 гг. – Горький, 1981. – 25 с.
[635] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2388. Л. 11.

и сотрудников большинства других вузов страны. Более позитивная ситуация образовалась в процессе развития корпуса доцентов. В 1980-е гг. их общее количество неуклонно росло. Так, в 1981 г. в вузе имелось 78 доцентов (на 252 человека преподавателей), в 1982 – 81 (на 252), в 1983 – 81 (на 249), в 1984 – 81 (на 245), в 1987 – 92 (на 239)[636]. На 1 сентября 1980 г. наличествовало и, вместе с тем, планировалось нижеследующее соотношение должностных категорий преподавателей (см. таблицу №1).

Таблица №1. Соотношение потребности и фактического наличия должностных категорий преподавателей в штате иняза.

	Оптимальная потребность		Фактическое наличие	
профессоров	26	10 %	7	2,7 %
доцентов	65	25 %	79	30,7 %
ст. преподавателей	78	30 %	83	32,3 %
ассистентов	91	35 %	88	34,3 %

Рассмотрение показателей данной таблицы в сопоставлении с реальностями ГГПИИЯ 1980-х гг. позволяет считать допустимыми следующие положения. Искомая цифра в 26 профессоров – сотрудников института так и не была достигнута. Вуз хронически испытывал недостаток в сотрудниках высшей квалификации. Также вполне заметно не хватало молодых преподавателей на должности ассистентов. Постепенно институт мог впредь испытывать дефицит начинающих работников, что вполне естественно грозило отсутствием выросших опытных кадров в обозримом будущем. Количественный состав доцентов понемногу возрастал, достигнув самого значительного превышения планов, что, по существу, не содержало в себе значительных негативных признаков.

---

[636] Подсчитано нами по: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1962. Л. 106;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1982. Л. 72;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2100. Л. 84;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2241. Л. 90;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 123.

Не лучшая ситуация складывалась в соотношении числа старших преподавателей с общим числом профессорско-преподавательского состава. Старших преподавателей (преимущественно неостепененных) изначально наличествовало более того, чем предполагалось ректорскими планами. А их статус и должностные обязанности в известной степени препятствовали дальнейшему росту их квалификации. Обобщая размышления над приведенной таблицей, отметим в целом, что проблема профессионального и квалификационного роста сотрудников ГГПИИЯ приобретала в 1980-е гг. не только затяжной характер, но и становилась для него одной из самых острых и актуальных.

Вполне обнадеживающей выглядела ситуация со среднестатистическими возрастными показателями. В 1984-1985 уч. г. средний возраст преподавателей и сотрудников ГГПИИЯ отражался в таких цифрах: преподавателей – 43 года, деканов – 42, заведующих кафедрами – 50, докторов наук и профессоров – 58[637]. По существу это означало, что большинство преподавателей обладало должным стажем и опытом; деканы находились в расцвете физических и творческих сил; заведующие кафедрами имели не только значительные навыки педагогической и организационной работы, но и серьезный жизненный опыт, в том числе и опыт управления интеллектуальным коллективом, а группа профессоров в целом была ещё далека от возраста, который обычно именуют почтенным.

В этом смысле ситуация была неплохой, но постоянно нуждающейся в дальнейшем позитивном развитии кадровой политики, прежде всего (и опять-таки) в дальнейшем росте квалификации сотрудников вуза.

В складывающихся обстоятельствах руководство института пыталось искать и находило новые формы работы с обучаемыми на самых ранних этапах, в том числе в период довузовской подготовки. Иными словами: на рубеже 1960-1970-х гг. ректорат активизировал поиск и обнаружение наиболее способных

[637] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2388. Л. 7.

к вузовской учебе абитуриентов. При этом иняз старался дифференцированно подходить к отбору городских, сельских и иногородних кандидатов на обладание студенческим билетом. Работники ГГПИИЯ искали и находили среди массы сельских школьников тех юношей и девушек, кто изначально в своей тяге к знаниям не испытывал дискомфорта от перспективы возвращения на село.

В условиях некоторой, но вполне известной, степени отставания объема и качества знаний сельских школьников от городских от инязовских преподавателей требовалась дополнительная и целенаправленная работа с будущими своими студентами. И потому в первой половине 1970-х гг. институт активно развернул заблаговременную подготовку своих будущих абитуриентов из деревни. В годовом отчете о работе ГГПИИЯ за 1972/73 учебный год ректор К. В. Сизов отмечал, что «с каждым годом в институте возрастает количество сельской молодежи: V курс – 30 человек, IV курс – 73 человека, III курс – 113 человек, II курс – 116 человек, I курс – 126 человек»[638]. В 1974 г. ректорат заявил, что «планирует принять в 1975 г. не менее 60-62 % выпускников сельских школ»[639] от общего числа первокурсников.

В 1975 г. более 50 сельских школ Горьковской области, объединенные в структуре восьми консультационных пунктов, стали объектами кропотливой и хлопотной работы преподавателей ГГПИИЯ[640]. Помимо прочих задач, ректорат концентрировался на «усилении контроля за качеством подготовки учителей для сельской школы»[641].

Такая практика стала приносить свои плоды. Из 173 выпускников ГГПИИЯ 1977 г. (из числа городских и сельских жителей) 153 (83,98 %) были направлены на работу в сельские школы, прежде всего, в школы Горьковской

---

[638] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1121. Л. 55.
[639] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1229. Л. 3.
[640] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 36. 107.
[641] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 231. Л. 2.

области[642]. Реализуя постоянную программу приёма в институт уроженцев и жителей деревни, его руководство довело число выпускников сельских школ среди студентов иняза в 1977-1978 уч. г. до почти 50%[643].

Другим новшеством, внедренным в 1973-1974 уч. г. в учебный план ГГПИИЯ, стало обязательное прохождение педагогической практики студентов V курса в сельских школах[644]. Трудности проведения педпрактики были самого разного характера. Например, в 1979-1980 уч. г. приходилось вести работу по преподаванию английского языка в 5, 6-х классах сельских школ в условиях, когда учащиеся повсеместно переходили на новые учебники под редакцией А. П. Старкова, а их обеспеченность была явно недостаточной[645].

Работники ГГПИИЯ копили позитивный опыт деятельности в сфере подбора будущих студентов из сельской местности, что было замечено и оценено. Трижды, в 1975, 1979, 1983 гг. ГГПИИЯ экспонировал результаты своих достижений в упомянутой области в рамках ВДНХ СССР (павильон «Народное образование») по тематике, заявленной как «Совершенствование профессионально-педагогической направленности в обучении иностранному языку»[646].

В 1984 г. министр высшего и среднего специального образования СССР Елютин (тогда же заместитель председателя комитета ВДНХ СССР) своим приказом отметил и наградил группу ведущих инязовских преподавателей за достижения в области работы с учащимися и выпускниками сельских школ. Тогда результаты означенного проекта были отмечены серебряной и двумя бронзовыми медалями, дипломом II степени, денежной премией и 28-ю свидетельствами участников выставки[647].

---

642 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 67.
643 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 5.
644 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 6.
645 Для примера: в Краснобаковском районе Горьковской области на весь район существовала только одна книга для учителя, работающего в 5-6-ых классах по учебнику А. П. Старкова. ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1691а. Л. 39.
646 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 66; Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 75.
647 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2241. Л. 167.

В целом работа с потенциальными абитуриентами и будущими студентами проходила с учетом их категорий, определенных ректоратом в количестве четырёх: «выпускники сельских школ», «спецнабор»[648], «выпускники подготовительного отделения», «выпускники городских школ».

В этой связи в 1971 г. в ГГПИИЯ было открыто подготовительное отделение (ПО) с планом ежегодного приёма до 100 человек[649] из числа молодых производственников с городских заводов и фабрик, и сельских работников, проявивших себя в сфере трудовой деятельности, а также демобилизованных из рядов СА. (В обыденной лексике эта вновь образованная структура получила повсеместно название «рабфак», а её обучаемые нередко сами себя называли «рабфаковцами».)

С самого начала на пути развития ПО вырастала масса трудностей и проблем: изначально низкий конкурс претендентов, невысокая успеваемость его слушателей, увеличение отсева среди них[650].

В результате в 1979-1980 уч. г. было принято решение о снижении плана приёма на подготовительное отделение[651]. Однако, спускаемые «сверху» планы продолжали содержать в себе высокие цифры по приёму в вузы рабочей молодежи, и ГГПИИЯ был вынужден с этим считаться.

Не меньшее внимание ректорат уделял работе комиссии по организации и проведению очередного приёма на заочное отделение института. Это направление организационной деятельности коллектива ГГПИИЯ постоянно было хлопотным и трудоёмким. В ряде случаев туда зачислялись достаточно слабые абитуриенты, что создавало известные проблемы в будущем.

---

[648] Его контингент довольно скрупулезно и тщательно формировался из демобилизованных из рядов СА, склонных к обучению языкам людей; молодых членов и кандидатов в члены КПСС; лиц, персонально получивших рекомендации высоких инстанций (министерств, ведомств, ГК и РК КПСС и т.п.).
[649] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 118.
[650] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 112.
[651] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1691а. Л. 83.

В 1979-1980 уч. г. ректорат был вынужден признавать заметно низкую успеваемость среди студентов заочного отделения – 55,6 %[652]. Ища пути выхода из столь негативных обстоятельств, работники ГГПИИЯ приступили к поиску лиц, владеющих некоторыми навыками и опытом преподавания иностранных языков в сельских школах, но не имеющих соответствующих документов, подтверждающих их право на педагогическую деятельность[653].

В начале 1970-х г. Министерство просвещения РСФСР определило как приоритетный вопрос о профессионально-педагогической направленности (ППН) подготовки студентов педвузов. При Министерстве была специально учреждена ученая комиссия по иностранным языкам, в задачу которой вменялись разработка пакета комплексных материалов для более эффективного обучения будущих преподавателей иностранного языка и их внедрение в учебный процесс педвузов страны. (Рабочую группу по созданию комплексной квалификационной характеристики учителя иностранных языков возглавил профессор ЛГПИ С. Ф. Шатилов.[654])

Естественно, что эта творческая деятельность не замыкалась на узком круге столичных специалистов. Оперативно включаясь в эту работу, ректорат ГГПИИЯ в 1971 г. учреждает на базе кафедры методики соответствующую научную лабораторию. Достаточно быстро эта лаборатория, опираясь на опыт и потенциал преподавателей иняза, развернула свою деятельность и вскоре она начала приносить свои плоды. По заявленной проблеме в рамках ГГПИИЯ прошла Всероссийская научная конференция, Всероссийский научно-методический семинар, издано 8 сборников научных трудов[655], а также ряд методических разработок и указаний[656].

---

[652] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 16.
[653] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 67.
[654] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 4.
[655] Среди них см.: Совершенствование профессионально-педагогической направленности обучения иностранному языку в языковом вузе. Вып. 2. /Отв. ред. К. И. Саломатов. – Горький, 1977; а также: ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1357. Л. 4.
[656] Например, «Требования к уровню профессионально-педагогических умений студентов-выпускников педагогического вуза».

Тем самым основы формирования индивидуального методического кредо креативного учителя закладывались еще в советский период, тогда, когда продумывалась Профессиограмма[657] учителя многоязычия. Этот документ был разработан С. Ф. Шатиловым, К. И. Саламатовым и Е. С. Рабунским. Отметим, что двое последних трудились в ГГПИИЯ.

На базе вновь созданной другой научно-исследовательской лаборатории разрабатывалась тема «Индивидуальный подход к школьникам в учебно-воспитательном процессе»[658]. Лаборатория стала зачинателем научных исследований данного направления в России, выступила инициатором открытия первой в СССР специальной школы-интерната для детей с задержкой психического развития и добилась её появления в 1974 г.

В 1978 г. группа ведущих преподавателей Горьковского иняза неоднократно выезжала в столицу для продолжения творческой работы в Ученой комиссии по иностранным языкам при Минпросе РСФСР[659].

В 1976 г. в рамках все той же проблемы усиления профессиональной подготовки будущих учителей были внесены заметные новации в общую структуру деятельности ПФ. Перед его коллективом ставилась дополнительная задача подготовки кадров, способных к учительской деятельности, к преподаванию двух иностранных языков[660]. Деканат и авторитетные преподаватели факультета разработали новые учебные планы, включившие в себя дисциплины психолого-педагогического цикла, переданные для рассмотрения в Минвуз СССР и утвержденные им в марте 1977 г. С 1976-1977 уч. г. для студентов ПФ стала обязательной педагогическая практика, прошедшая с 5 сентября по 16 ноября[661]. Ею были охвачены 50 студентов IV курса, стажировавшихся в школах города и области. Анализ их деятельности

---

[657] Профессиограмма учителя иностранного языка [Текст] / сост. проф. С. Ф. Шатилов, доц. К.И. Саламатов, Е.С. Рабунский. – М.: б.изд., 1977. – 27 с.
[658] Всего в ГГПИИЯ было создано пять научных лабораторий.
[659] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 136.
[660] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 4.
[661] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 46.

выявил «недостаточную психологическую готовность студентов к работе в школе и недостаток знаний по предметам педагогического цикла»[662]. Тем не менее, руководство вуза считало, что означенная задача в целом реализована и «вопрос педагогизации ПФ решен»[663].

Развивая общую работу по усилению выработки и закрепления педагогических навыков и умений студентов, ректорат внедряет на ФФЯ курс английского языка в качестве второй специальности[664].

В связи с изложенным Горьковскому инязу требовались дополнительные кадры квалифицированных («остепененных») специалистов по методике преподавания иностранных языков. Но своим Советом по защитам кандидатских диссертаций ГГПИИЯ в то время не располагал. От завершения кандидатской диссертации соискателем до её защиты в советах других вузов страны проходило обычно 3 года[665], что никак не могло устраивать руководство института, так как квалифицированные работники нужны были как можно скорее.

Объясняя эту потребность в письме заместителю начальника ГУВУЗА Минпроса РСФСР, ректор К. В. Сизов в 1979 г. писал: «Современная методика преподавания иностранных языков далеко отошла от рецептурности былых методик. Она вплотную придвинулась к лингвистической психологии и психолингвистике. Вузовские преподаватели должны быть сами творцами новой методики»[666].

Поясняя, что ГГПИИЯ ежегодно проделывал большую работу по повышению квалификации 150 методистов педвузов РСФСР,

---

[662] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 47.
[663] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 111.
[664] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 67. Такое решение было вполне оправдано: в деревнях и селах Горьковской области тогда имелось очень малое число школ, где преподавался французский язык, и учителей такого профиля там было очень мало. К тому же конкретные цифры постоянно указывали на то обстоятельство, что конкурс на ФФЯ был минимальным. Естественно, вполне уместным становилось решение об обязательности качественного преподавания английского языка для студентов ФФЯ.
[665] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 53.
[666] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 49.

преподавателей иностранных языков старших курсов педагогических институтов, учителей средних школ[667], К. В. Сизов настаивал на том, что и сами преподаватели иняза должны были постоянно поддерживать свой квалификационный уровень. Для этого Горьковский иняз просил разрешения Министерства на право своим преподавателям участвовать в конкурсе на поступление в целевую аспирантуру по специальности «Методика преподавания иностранных языков в центральных вузах страны». Речь шла об аспирантуре МГПИ им. В. И. Ленина, МГПИ им. А. И. Герцена, НИИ АПН СССР и др.

Кроме усилий методического характера, направленных, в конечном итоге, на то, чтобы выпустить из стен института качественно подготовленных дипломированных учителей и переводчиков, руководство ГГПИИЯ должное внимание уделяло научно-исследовательской работе членов профессорско-преподавательского коллектива. Ректорат отладил руководство планированием и координацией комплексных и коллективных тем НИР института, а также соответствующих разделов кафедральных планов.

Со второй половины 1960-х до второй половины 1980-х гг. в институте сложился ряд научных школ: изучение специфики живой обиходной речи, экспериментальное изучение и описание реализации звукового состава и интонации речи, семантика и функционирование грамматических единиц, лексическая семантика и проблемы номинации в романо-германских языках и др.

Характеризуя первое из указанных научных направлений, подчеркнем, что в лингвистическом академическом знании актуальность изучения специфики живой речи, значительно отличающейся от книжной, была осознана в полной мере именно в 1960-е гг. Одним из основателей нового направления в лингвистике, под названием «коллоквиалистика», стал Юрий Максимович Скребнев.

---

[667] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1690. Л. 52.

Труды Ю. М. Скребнева, а им написано более 100 научных работ, получили широкую известность в России и за рубежом. Среди них отметим монографии «Введение в коллоквиалистику», «Стилистика английского языка», «Очерк теории стилистики». Многие из его работ были переведены на европейские языки и получили самые высокие оценки в рецензиях зарубежных лингвистов. Школа Ю. М. Скребнева получила всемирное признание. Более 50 кандидатов и докторов наук-лингвистов было выращено Ю. М. Скребневым. Большинство их исследований было посвящено синтаксису, лексике, фразеологии английской разговорной речи.

Второе направление научной деятельности, ставшее характерным для иняза того периода, не менее примечательно и интересно: это экспериментальная фонетика. Разработку той темы НИР возглавил Р. Р. Каспранский. В 1968 г. он основал экспериментальную лабораторию акустики речи (ЭЛАР), в рамках которой проводились исследования сегментных и супрасегментных средств немецкого, английского и французского языков. На первых порах работа лаборатории велась в тесном сотрудничестве с Институтом языкознания АН СССР, Киевским институтом иностранных языков, Московским лингвистическим университетом. Действительным подтверждением мировой научной значимости и известности школы Р. Р. Каспранского служат факты его собственных выступлений на международных конгрессах и конференциях. В 1974 г. он был приглашен в Англию для выступления с докладом на VIII Всемирном конгрессе по фонетическим знаниям (город Лидс), а в 1979-м зав. кафедрой немецкой филологии, доцент Каспранский – рекомендован делегатом на IX международный конгресс фонетистов в Данию (Копенгаген)[668].

Следующее названное нами научное направление – «Семантика и функционирование грамматических единиц» стало оформляться в ГГПИИЯ ещё в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в трудах инязовских учеников

[668] Архив НГЛУ; ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 123.

авторитетных ленинградских лингвистов: профессоров Б. А. Ильиша, М. А. Бородина и др. Но в самостоятельную научную школу оно выделилось в 1974 году, что связано с именем и деятельностью В. Е. Щетинкина.

Следующее направление научно-исследовательской работы – «Лексическая семантика и проблемы номинации в романо-германских языках» – складывалось в институте с конца 1950-х гг., сформировавшись в середине 1980-х гг. в отдельную школу (руководитель – В. С. Вашунин).

К 1970 г. при пяти кафедрах (из имевшихся в институте двадцати) была открыта аспирантура по двум специальностям: германские (английский, немецкий) и романские языки, а также методика преподавания иностранных языков.

В данном контексте будет уместным и справедливым упоминание о том, что далеко не всегда аспиранты защищали свои диссертации в срок. Так в 1976 г. аспирантуру заканчивали 7 человек, но из них только один – Г. П. Рябов (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ю. М. Скребнев) досрочно завершил кандидатскую диссертацию и успешно защитил её в период пребывания в аспирантуре. Двое из аспирантов того выпуска завершили работы и были рекомендованы к защите, а четверо не были рекомендованы из-за неудовлетворительного качества работ[669].

В 1984-1985 уч. г. прошли успешные защиты 15 кандидатских диссертаций аспирантов Горьковского иняза[670]. Защитившие диссертации аспиранты-целевики распределялись на работу специальной комиссией, ежегодно формируемой в Горьковском инязе[671].

В конце 1970-х гг. защиты диссертаций аспирантов и соискателей ГГПИИЯ проходили в МГГПИИЯ им. М. Тореза, МГПИ им. В. И. Ленина,

[669] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 19.
[670] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15.
[671] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2099. Л. 19.

МОПИ им. Н. К. Крупской, ЛГПИ им. А. И. Герцена, Минском госпединституте иностранных языков[672].

Имея стратегию выявления студентов, тяготеющих к академическому поиску, с перспективой их дальнейшего привлечения в аспирантуру ГГПИИЯ, ректорат стал уделять еще большее внимание организации научной работы студентов. Действовало студенческое научное общество (СНО). Проводилась ежегодная олимпиада под девизом «Студент и научно-технический прогресс»[673]. Обычно, Горьковский иняз брал на себя организацию и проведение не только олимпиады внутривузовской, но и областной[674], а также регионального (Волго-Вятский регион) и республиканского туров Всесоюзной олимпиады. К организации и проведению олимпиад разных уровней привлекались преподаватели, знающие специфику такой работы и имеющие соответствующий опыт[675]. Кроме того, на базе ГГПИИЯ ежегодно проводилась научная студенческая конференция, приуроченная к дню рождения В. И. Ленина, насчитывавшая до 50 секций разных научных направлений и объединявшая более тысячи молодых исследователей.

Ректорат ГГПИИЯ постоянно увязывал вопросы учебной и научной работы с решением задач по воспитанию студентов. В 1974 г. на межвузовской конференции, проходившей в городе Горьком, впервые обобщался опыт работы 36-и педвузов РСФСР по реализации комплексного подхода к организации учебно-воспитательного процесса на факультетах и в институтах[676].

---

[672] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 100.
[673] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2099. Л. 9;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2241. Л. 64;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2100. Л. 30;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1357. Л. 8;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1962. Л. 26 и др.
[674] В сентябре 1978 г. в областном туре олимпиады участвовали студенты 11-ти вузов Горьковской области – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1557. Л. 6.
[675] Например, в 1976-1977 уч. г. к руководству проведением олимпиады были привлечены 35 преподавателей Горьковского иняза – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 5.
[676] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 7.

Кроме того, ещё в 1969 г. был образован факультет повышения квалификации (ФПК), в цели работы которого вменялась системная работа по увеличению навыков и умений преподавателей иностранных языков, а также некоторая их подготовка к началу или развитию научного поиска. Ежегодно на ФПК проходили переподготовку (в два потока) до 100 человек[677].

Заметим также, что 6 января 1977 г. коллегия Минвуза утвердила «План творческих связей вузов, где нет докторов наук, профессоров, с центральными высшими учебными заведениями». В соответствии с этим планом коллектив ГГПИИЯ оказывал шефскую помощь Барнаульскому государственному педагогическому институту[678]. Тесные связи для оказания взаимной научно-методической помощи и помощи школе продолжали существовать у ГГПИИЯ с ближним соседом – ГГПИ им. Горького, а также с дальними соседями – Мордовским ГПИ и Марийским ГПИ[679].

Некоторую помощь иным вузам оказывала и функция их контроля со стороны Горьковского иняза. Например, по указанию Минпроса РСФСР в 1978 г. представители ГГПИИЯ проверяли работу коллектива Иркутского государственного педагогического института иностранных языков имени Хо Ши Мина[680]. В результате той аналитической работы были сформированы и предложены конкретные рекомендации в адрес коллектива ИГПИИЯ.

В начале 1970-х гг. ректор К. В. Сизов определил основные направления деятельности института по укреплению его материально-технической базы. Главными организационно-хозяйственными задачами были названы: «Подготовка к строительству III (учебного) корпуса, начало и интенсивное ведение строительства общежития на 537 мест»[681], расположенного, как говорили тогда, «в двух шагах от института».

---

[677] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 75.
[678] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 211.
[679] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 20.
[680] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1455. Л. 121.
[681] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1050. Л. 27.

Повышая степень эффективности обучения студентов и реализуя Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества специалистов» от 12 июля 1979 г.[682], а также соответствующий Приказ Министерства высшего и среднего образования, своим распоряжением от 9 декабря 1981 г. ректорат учреждает в ГГПИИЯ еще одно новое подразделение – лабораторию учебного телевидения (ЛУТ)[683].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. стала ярко проявляться негативная тенденция равнодушия и безразличия многих студентов к тем материальным ценностям, которыми располагал Горьковский иняз: студенты не берегли имущество в учебных корпусах, не экономили электроэнергию, ломали мебель, вырывали страницы из библиотечных книг и т. п. С трудом накапливаемая годами материально-техническая база слабела из-за тех, ради кого она годами создавалась. В таких обстоятельствах ректорат, партбюро института, профком в общем стремлении погашения этой негативной тенденции, проводили группу взаимосвязанных мероприятий.

Например, в 1981 г. руководством был поставлен вопрос «О мерах по упорядочению процесса вселения и выселения студентов из общежитий и повышения их ответственности за сохранение жилого фонда и имущества». Было решено ввести договорные отношения (так называемый «Договор о принятии комнат на социалистическую сохранность»), согласно которым студент обязывался возмещать причиненный им материальный ущерб[684]. Однако, эта инициатива оказалась мало результативной – видимо, при том уровне сознания значительной части граждан, в том числе молодых, требовались более жесткие меры.

---

[682] Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1979 года «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества специалистов» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01001193893

[683] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1962. Л. 194.

[684] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1962. Л. 111.

Особое место в общей структуре обучения в ГГПИИЯ всегда занимала военная кафедра. В 1970-80-е гг. её роль и значение вырастали в условиях гонки вооружений и достаточно неспокойных обстоятельств международной жизни. Коллектив военной кафедры успешно решал группу комплексных задач, вмененных в её обязанности и связанных не только с обучением будущих военных переводчиков, но также с вопросами общевойсковой подготовки, привития воинских навыков и умений и должного патриотического воспитания будущих солдат и офицеров. Значимость этого учебного подразделения была связана ещё и с тем обстоятельством, что, в отличие от довоенных времен, военная кафедра ГГПИИЯ была выпускающей, и дисциплины, преподаваемые её сотрудниками, были одними из профилирующих.

Министерство обороны СССР уделяло самое пристальное внимание её работе.

Достаточно сказать, что в 1979-1980 уч. г. председателем экзаменационной комиссии по военной подготовке в ГГПИИЯ являлся начальник цикла военной кафедры МГИМО полковник Э. Н. Муратов[685].

Анализ подборки ректорских приказов за 1980-е гг. показывает, что в дальнейшем председателями экзаменационной комиссии становились старшие офицеры в звании полковника, занимавшие очень высокие и не менее ответственные должности в общей структуре Министерства обороны СССР[686].) Отчеты о ходе и результатах выпускных экзаменов данной кафедры направлялись в адрес Командующего войсками Ордена В. И. Ленина Московского военного округа[687].

Объем и значимость возложенных на военную кафедру задач диктовали численность её личного состава. По существу, военная кафедра ГГПИИЯ была самой большой по количеству штатных единиц. На ней насчитывалось

[685] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 72.
[686] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 175.
[687] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 73.

17 человек: три полковника, шесть подполковников, шесть майоров и два капитана[688].

Среди сложившихся норм 1970-х и 1980-х гг. было и донорское движение, достаточно распространенное и в коллективе Горьковского иняза. Обычно в середине декабря ректоратом объявлялись Дни донора, а деканы факультетов регулировали явку студентов на станцию переливания крови. Так, например, 14 и 15 декабря 1987 г., согласно разнарядке ректора ФАЯ должен был представить для этой процедуры 180 человек, ФНЯ – 80 человек, ПФ – 80 человек, ФФЯ – 80 человек и ПО – 30[689]. Аналогичные распоряжения можно обнаружить в приказах ректората за 1970-е и 1980-е гг.[690].

Продолжала развиваться практика сельскохозяйственных работ студентов в сентябре на полях Горьковской области. В послевоенный период почти нормой стала нехватка рабочих рук в деревне, особенно во время уборочных работ. Выполняя распоряжения областных властей, ректорат определял факультетские квоты, а также кандидатуры руководителей уборочных отрядов из числа сотрудников и преподавателей института. Ежегодно сотни студентов и преподавателей иняза выезжали на осенние сельхозработы, как тогда говорили, «на картошку». В 1970-е гг. институт был обязан направлять в деревню более 1000 работников. Например, в 1976 г. в деревню уехали 1066 человек[691]. В 1980-е гг. обычно около 700 студентов и сотрудников направлялись «на картошку»[692]. Так, например, в 1987 г. для обеспечения сбора урожая ректорат распорядился выделить из состава ФАЯ – 350 человек, ФФЯ – 120 человек, ФНЯ – 110 человек и ПФ – 80 человек[693].

---

[688] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1688. Л. 94.
[689] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 41.
[690] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2099. Л. 176;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2100. Л.173;
ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2241. Л. 28 и др.
[691] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 81.
[692] Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 112.
[693] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 2665. Л. 151.

Другой формой применения рабочих возможностей студентов стало развернувшееся в 1960-1980-х гг. так называемое стройотрядовское движение[694]. В естественном стремлении к материальному самообеспечению, не лишенном известной доли романтики, студенты ГГПИИЯ (до 600 человек) выезжали на объекты и в учреждения за сотни и тысячи километров от Горького[695]. Так, например, в 1977 г. в институте было сформировано 15 студенческих отрядов, в том числе, 8 для строительных работ, 4 – для иных видов трудовой деятельности, а 3 – для работы в детских учреждениях[696].

Говоря о проявлениях студенческой активности в 19701980-е гг., нельзя не упомянуть о Всесоюзном общественном объединении – ВЛКСМ[697]. Подавляющее большинство молодежи того времени было объединено под его знаменами. Считалось, что только гражданski предельно незрелые юноши и девушки могут быть вне рядов комсомола. Таковых среди студентов ГГПИИЯ быть не могло. Следует признать, что комсомол сыграл значительную роль в процессе гражданского воспитания большинства советской молодежи. В ее среду внедрялся дух коллективизма, ответственности, дисциплины, чувства долга и иные позитивные настроения. Во второй половине 1980-х гг. комсомольская организация ГГПИИЯ насчитывала около 2000 членов ВЛКСМ[698].

Как и ранее, руководство вуза уделяло серьезное внимание подготовке и проведению празднования памятных дат. Например, примерно за год до 40-летия Победы в Великой Отечественной войне на заседании партийного бюро

---

694 Участники студенческих стройотрядов (ССО) занимались отнюдь не только строительным делом, столь востребованным в тот период. Стройотрядовцы работали проводниками на железных дорогах, в торговых организациях, убирали урожай фруктов и т. д.

695 Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с. – С. 112.

696 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 81.

697 Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи.

698 ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1363. Л. 81.

института был утвержден план мероприятий, охвативших все подразделения вуза[699].

По состоянию на 1 апреля 1983 г. на четырех факультетах дневного отделения обучалось 1760 студентов. На заочном отделении по английскому и немецкому языкам обучалось 600 человек. Работало подготовительное отделение, подготовительные курсы, университет педагогической культуры, научное общество учащихся. Общий контингент обучающихся в инязе составлял 3000 человек. В структуре института действовало 12 факультетских и 11 межфакультетских кафедр, на которых трудились 272 штатных преподавателя[700].

Заключая материалы третьей главы, отметим следующее. В 1957 г. институт перешел на пятилетний курс обучения. Совершенствовалась структура института (в частности, сформирован новый переводческий факультет), росла его материально-техническая база. Заработала аспирантура по германским языкам. Периодически, с 1955 г., выходили в свет «Ученые записки ГГПИИЯ». Коллектив работал над совершенствованием методики преподавания. Выпуски студентов после введения новой методики показали, что коллектив иняза добросовестно выполнял стратегию развития высшего образования и повышения его качества, намеченную партийно-государственной номенклатурой.

Отметим наиболее заметные достижения вуза со второй половины 1960-х по вторую половину 1980-х гг. по реализации государственной политики совершенствования системы высшего лингвистического образования. Среди них:

---

[699] План мероприятий ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова по подготовке и проведению празднования 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. – Горький: ГГПИИЯ, 1984. – 13 с.

[700] Профессионально-педагогическая подготовка студентов ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, распределение выпускников и организация их стажировки (Информационная справка). – Горький: ГГПИИЯ, 1983. – С. 3-4.

- построение эффективной схемы управления институтом с наполнением её наиболее подходящими и способными руководящими работниками разных уровней;
- совершенствование комплексной организации учебного процесса, включившего в себя разработку и внедрение новых методик преподавания и, как результат – заметное повышение базовой подготовки молодых специалистов;
- своевременное создание четырех новых кафедр, органично вписавшихся в общую структуру ГГПИИЯ;
- заметное повышение уровня и качества НИР, в том числе: создание собственных научных школ, рост квалификации преподавателей, приведший в итоге к тому, что почти половину профпреподсостава представляли кандидаты и доктора наук, а также заметное оживление издательской деятельности;
- построение в целом удачной системы рабочих отношений сельскими школами – поставщиками будущих учителей, готовых и способных к работе в деревне;
- открытие ПО и ФПК и кропотливая работа по их развитию;
- создание в период 1971-1980 гг. нескольких лабораторий, эффективно работавших над проблемами повышения качества обучения студентов и развития научного поиска среди преподавателей;
- качественное и эффективное развитие международных связей в различных сферах творческой работы коллектива института и обретение им заслуженной известности за рубежом в научной и методической областях;
- открытие собственной аспирантуры;
- значительный рост потенциала вновь созданного ПФ;
- возведение 9-этажного общежития № 2;
- введение в эксплуатацию нового учебного корпуса № 3;
- выведение ГГПИИЯ на уровень одного из самых авторитетных вузов в общей структуре Минпроса РСФСР.

Но общая обстановка в стране в условиях, развернувшихся с 1985 г. взаимопереплетенных событий, получивших название «перестройка» усложнилась. Государственная и общественная жизнь СССР вступила в полосу затяжного кризиса. Его промежуточным этапом стал распад СССР в 1991 г.

Открывшаяся полоса общего недофинансирования вузов на фоне появившейся инфляции становилась одной из причин начавшегося оттока профессиональных кадров из высшей школы. Их творческий труд возрастал в объеме при общем и явном сокращении размеров заработной платы. Таким образом, «сверху» (через совокупность решений и действий государственных властей) и «снизу» (через осознание работниками неадекватности собственных возможностей и потребностей) были стимулированы многие негативные явления и тенденции. Среди них снижение жизненного уровня, резкое недофинансирование работы учреждений и на этой почве уход из них многих ведущих сотрудников, прогрессирующая инфляция, некоторое падение статуса ученого высшей школы и престижа высшего образования, а также уровня дисциплины в самих вузах и масса т.п.

Заключение

Диссертант исследовал процесс реализации государственной политики по отношению к вузовской интеллигенции в период главенства командно-административной системы на примере истории Горьковского государственного педагогического института иностранных языков как крупного отечественного центра высшего лингвистического образования**.**

В первой главе настоящего исследования на примере ГГПИИЯ было показано, что благодаря государственной политике советской власти Нижегородские курсы иностранных языков под руководством М. М. Ландау получили поддержку власти. Преподаватели курсов, имевшие, как правило, дореволюционное образование, влились в ряды формирующейся советской интеллигенции. Вслед за Москвой Нижний Новгород дал возможность через действующие курсы приобщиться к изучению иностранных языков всем желающим. Создавалось, в том числе усилиями преподавателей курсов Ландау, идеологическое пространство в духе марксизма-ленинизма, которое все более укреплялось по мере укрепления государства СССР.

И хотя за период 1917-1939 гг. руководство большевистской партии так и не выработало четкую программу реорганизации старой школы и функционирования новой, а принятые законодательные документы зачастую были противоречивыми и непоследовательными, общая тенденция на совершенствование образовательного поля страны привела к тому, что четырехгодичные курсы иностранных языков были рассмотрены властью как база для формирования в 1937 г. нового института – ГГПИИЯ. Протоструктура института зародилась в 1917 г., а через 20 лет смогла послужить основой вуза. Доказав, что качество и условия обучения на курсах оказались выше и эффективнее других, они стали не только ресурсом для создания первых кадров педагогического состава по специальности

«иностранные языки», но и местом концентрации советской вузовской интеллигенции.

Во второй главе был проведен хронологический анализ взаимодействий власти и вновь образованного института иностранных языков. Новый институт оказался способным вписаться в ту систему, которая являлась по сути своей командно-административной. Несмотря на потери в преподавательском коллективе, произошедшие в ходе сталинских репрессий, те задачи, которые ставила власть перед институтом, были полностью выполнены. В годы Великой Отечественной войны коллектив ГГПИИЯ показал себя достойной частью советского общества, оказавшегося способным разбить и уничтожить нацизм. Последствия войны пришлось ликвидировать в послевоенный период. Это было время восстановления преподавательского и студенческого состава, развития научного и творческого потенциала коллектива, усиления материально-технической базы, позволяющей вести преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность.

В третьей главе был представлен сюжет рефлексии вузовской интеллигенции на основные элементы государственной политики в области высшего лингвистического образования за 30-летний период (1955-1985 гг.). Основная задача, поставленная центральным руководством страны, перед вузовскими коллективами, заключалась в том, чтобы постоянно и неуклонно совершенствовать качество образования. ГГПИИЯ выполнял это указание и в условиях жесткого командования, адаптировался к требованиям власти достаточно гибко в разных сферах жизнедеятельности вуза. Речь идет о совершенствовании структуры, которая продумывалась «снизу», о привлечении новых кадров (инициатива выбора также принадлежала вузу), о поиске новых методик в преподавании языков (этим занимались сами преподаватели). С помощью государства решались вопросы совершенствования материальной базы института. Благодаря изменившимся условиям в жизни страны в целом стали развиваться международные связи ГГПИИЯ.

Эволюция Нижегородского-Горьковского иняза с 1917 по 1985 гг., не только включается в общий социокультурный контекст времени, но и является ярким выражением процесса реализации государственной политики по отношению к вузовской интеллигенции. За указанный период иняз прошел несколько ясно выраженных этапов:

- частные курсы иностранных языков под руководством М. М. Ландау (1917-1922 гг.);
- государственные курсы под руководством М. М. Ландау (1923-1935 гг.);
- подготовка к созданию педагогического института иностранных языков на базе курсов (1935-1937 гг.);
- развитие вновь созданного Горьковского государственного педагогического института иностранных языков (1937-1985), позволившее образовательной структуре в 1994 г. стать университетом.

Всего за 45-летний период (1937-1982 гг.) иняз выпустил свыше 12 тысяч молодых специалистов. За время своего существования коллектив ГГПИИЯ постоянно совершенствовал качество подготовки преподавательских кадров для средней и высшей школы, а также переводчиков-референтов.

Во взаимодействиях власти и коллектива института заметна постоянная поддержка (в целом, исключая отдельные репрессии) со стороны центра, продуманные «сверху» команды, наличие некоторой автономии в жизни вуза, сохранение на микроуровне общей связки: партия – комсомол – трудовой коллектив, необходимой для сохранения политической системы советского общества.

Из советского опыта развития вузовской интеллигенции, изученного диссертантом на материалах ГГПИИЯ, можно извлечь некоторые, весьма заметные, плюсы. А именно:

- постоянное внимание к государственным вузам со стороны политической элиты (соответственно тем условиям, в которых жило общество);

- энтузиазм преподавателей, сотрудников и студентов в решении задач укрепления своего вуза;
- некая жертвенность (особенно в годы войны), выдвигающая на первое место общественные задачи, а не потребности личного характера;
- продуманная внутренняя политика жизни вуза директоратами и ректоратами под контролем государства.

Но был явный минус, выраженный идеологическим и политическим давлением со стороны государства и партии на вузовских работников.

В связи с этим в современных условиях необходимо продолжить изучение истории вузовской интеллигенции в России: зарождения, специфики, накопленного потенциала, выявление основных закономерностей развития системы высшего образования не только на примере функционирования ГГПИИЯ, но и на исторических материалах деятельности других учебных заведений. Данный подход требует, кроме расширения источниковой базы, использования междисциплинарного подхода в освещении истории взаимодействия власти и интеллигенции, в частности, сути командно-административной системы, внутри которой существовали и вели свою деятельность советские вузы.

.

Список литературы

1. Источники

1.1. Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Декрет СНК РСФСР от 12 ноября 1917 г. «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_79.htm.

2. Декрет СНК РСФСР от 1 января 1918 года «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18415#0787 1151301323965.

3. Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 года «О правилах приема в высшие учебные заведения» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_334.htm.

4. Декрет СНК РСФСР от 19 ноября 1920 г. «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР». Директивы ЦК коммунистам – работникам системы Наркомпроса». Февраль 1921 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istmat.info/node/42824.

5. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_868.htm.

6. Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 года «О высших учебных заведениях РСФСР» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1072.htm.

7. Декрет СНК РСФСР от 21 ноября 1925 г. «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2744.htm.

8. Декрет СНК РСФСР от 10 ноября 1931 г. «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1350.htm.

9. Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/.

10. Закон СССР от 24 декабря 1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm.

11. Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/

12. Конституция СССР от 7 октября 1977 года. / Электронный ресурс. – [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3009#0726965 7134356381.

13. Оперативный приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск, 1996. – С. 766 – 780.

14. Оперативный приказ НКВД СССР от 11 августа 1937 г. № 00485 «Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» // Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937 – 1941 гг. Т. 1: 1937 г. – М.: (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: Германский исторический институт в Москве, 2010. Т. 1. – 742 с. – С. 99-115, 178-179.

15. Постановление Наркомпроса РСФСР от 11 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_79.htm.

16. Постановление Наркомпроса РСФСР от 23 февраля 1918 г. «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного Комиссариата по Просвещению» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_79.htm.

17. Постановление Наркомпроса РСФСР от 31 мая 1918 г. «О введении обязательного совместного обучения» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_294.htm.

18. Постановление Наркомпроса РСФСР от 10 ноября 1918 г. «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/ doc_ussr/ussr_390.htm.

19. Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 сентября 1930 г. «О материальном обеспечении учащихся высших учебных заведений, техникумов и рабфаков и о порядке направления на работу лиц, окончивших высшие учебные заведения и техникумы» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17460#010056189234294244.

20. Постановление СНК РСФСР от 13 октября 1930 г. «О прекращении контрактации учащихся высших учебных заведений и техникумов» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3679.htm.

21. Постановление СНК РСФСР от 18 ноября 1930 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17460#010056189234294244.

22. Постановление ЦИК и СНК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_ 3953.htm.

23. Постановление СНК СССР от 10 февраля 1933 г. №181 «О порядке стипендиального обеспечения учащихся вузов, втузов, техникумов и рабфаков» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3860.htm.

24. Постановление ЦИК СССР №62, СНК СССР от 27 марта 1933 г. №503 «Об улучшении жилищных условий научных работников» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/ doc_ussr/ussr_4022.htm.

25. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 сентября 1933 г. «Об улучшении использования молодых специалистов» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3953.htm.

26. Постановление СНК СССР от 13 января 1934 г. №78 «О подготовке научных и научно-педагогических работников» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3953.htm.

27. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4080.htm.

28. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru /doc_ussr/ussr_4080.htm.

29. Постановление СНК СССР от 16 сентября 1936 г. «О заочной аспирантуре». Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917 – 1973. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с. – С. 486-489.

30. Постановление СНК СССР от 20 марта 1937 № 464 «Об ученых степенях и званиях» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sssr.regnews.org/doc/mw/2p.htm.

31. Постановление СНК СССР от 11 ноября 1937 г. «О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4127.htm.

32. Постановление СНК СССР от 31 марта 1939 г. «Об утверждении Положения об аспирантуре при высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах» //Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / Под ред. Л. И. Карпова, В. А. Северцева. – М.: Сов. наука, 1957. – 656 с.

33. Постановление СНК СССР от 26 октября 1940 г. «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР, и об изменении порядка назначения стипендий». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://музейреформ.рф/node/13838.

34. Постановление Совмин СССР от 22 мая 1948 г. №1709 «О подготовке научно-педагогических и научных кадров через аспирантуру» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=680#08648493082081643.

35. Постановление Совмина СССР от 2 июля 1959 г. №720 «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru.

36. Приказ Минвуза СССР от 8 апреля 1961 №123. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //lawru.info›dok/1961/04/08/n1192288.htm.

37. Постановление Совмина СССР от 27 мая 1961 г. № 468 «Об улучшении изучения иностранных языков». / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5690.htm.

38. Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 июля 1973 г. «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской школы» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lawru.info/dok/1973/07/02/n1188435.htm.

39. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1979 года «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества специалистов» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01001193893.

40. Указ Президиум Верховного совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов» / Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15404.htm.

1.2. Делопроизводственная документация

1.2.1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО)

41. ЦАНО. Библ. 37 С. П-41. По залам Нижегородского областного музея развития народного образования. Оп. 1. Д. 1.

42. ЦАНО. Ф. 56 р. Нижегородский губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских (красноармейских) депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 91.

43. ЦАНО. Ф. Р-120. 01.02.1918 – 14.01.1929 Отдел народного образования исполнительного комитета Нижегородского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Нижний Новгород. 1918 – 1929 гг. Оп. 1. Д. 7, Д. 31. Оп. 2. Д. 70, Д. 74, Д. 100, Д. 115, Д. 117, Д. 126, Д. 217, Д. 290. Оп. 3, Д. 1, Д. 69, Д. 83. Оп. 4. Д. 45, Д. 73, Д. 100, Д. 113, Д. 114, Д. 120, Д. 150. Оп. 5. Д. 56, Д. 803, Д. 844. Оп. 6. Д. 79, Д. 274, Д. 275, Д. 409, Д. 558. Оп. 7. Д. 256, Д. 405. Оп. 8. Д. 14, Д. 15, Д. 24, Д. 31, Д. 35, Д. 189, Д. 194, Д. 199, Д. 206, Д. 214, Д. 215, Д. 235, Д. 309, Д. 384. Оп. 9. Д. 57, Д. 153, Д. 231, Д. 232, Д.

235, Д. 236. Оп. 11. Д. 1, Д. 55, Д. 200. Оп. 12. Д. 185, Д. 204, Д. 206, Д. 287. Оп. 15. Д. 32, Д. 36, Д. 99.

44. ЦАНО. Ф. Р-353. 1891 – 1978 Батюк-Урусова Екатерина Федосеевна, преподаватель истории, старый большевик. 1910-1978 гг. Оп. 1. Д. 38.

45. ЦАНО. Ф. Р-377. 1917 – Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского Министерства образования РФ. 1917 – 2002 гг. Оп. 1. Д. 99, Д. 107, Д. 110, Д. 113, Д. 120, Д. 129, Д. 131, Д. 156, Д. 165, Д. 176, Д. 177, Д. 184, Д. 192, Д. 206, Д. 207, Д. 209, Д. 224, Д. 232, Д. 233, Д. 236, Д. 241, Д. 249, Д. 264, Д. 270, Д. 294, Д. 299, Д. 313, Д. 316, Д. 318, Д. 329, Д. 330, Д. 331, Д. 332, Д. 333, Д. 334, Д. 339, Д. 506, Д. 508, Д. 510, Д. 537, Д. 539, Д. 541, Д. 547, Д. 595, Д. 1127, Д. 1136, Д. 1137, Д. 1144, Д. 1145, Д. 1155, Д. 1160, Д. 1164, Д. 1165, Д. 1168, Д. 1193, Д. 1215 а, Д. 1216. Оп. 2. Д. 23, Д. 1411. Оп. 8 а. Д. 132, Д. 181, Д. 208, Д. 281, Д. 297, Д. 1411. Оп. 10. Д. 16.

46. ЦАНО. Ф. 752 Г. Нижегородский губернский отдел профсоюза работников просвещения Губ. Прос. 1917 – 1929 гг. Оп. 1. Д. 631.

47. ЦАНО. Ф. Р-1099. 07(20).12.1917 – 06.02.1922 Нижегородская губернская чрезвычайная комиссия (НижгубЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем ВЧК при Совете Народных Комиссаров РСФСР. 1918 – 1923 гг. Оп. 1. Д. 2, Д. 3, Д. 9, Д. 92, Д. 93, Д. 94. Оп. 2. Д. 1, Д. 2, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д. 11, Д. 12, Д. 14, Д. 15, Д. 16, Д. 17, Д. 18.

48. ЦАНО. Ф. Р-1327. Елкина-Симанская Лидия Анатольевна (1912 г.р.) – ботаник, бывшая узница ГУЛАГа. 1927 – 1993 гг. Оп. 1. Д. 1, Д. 2., Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8.

49. ЦАНО. Ф. Р-1457. 15.07.1929 – 05.12.1936 Горьковское краевое управление по делам литературы и издательства «Крайлит Главлита». 1927 – 1941 гг. Оп. 2. Д. 1, Д. 2., Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д. 11, Д. 12, Д. 14, Д. 15, Д. 16, Д. 17, Д. 18, Д. 19, Д. 20.

50. ЦАНО. Ф. Р-1678. 19.02.1918 – 01.1923 Нижегородский губернский революционный трибунал, г. Нижний Новгород. 1918 – 1923 гг. Оп. 1. Д. 52, Д. 53, Д. 54. Оп. 6. Д. 45. Оп. 11. Д. 1, Д. 2, Д. 3.

51. ЦАНО. Ф. 2209. Управление КГБ. Оп. 3. Д. 5483.

52. ЦАНО. Ф. Р-2345. 1915 – 1992 Хазанов Михаил Абрамович, журналист и краевед. 1868 – 1992 гг. Оп. 1. Д. 4.

53. ЦАНО. Ф. Р-2464. Горьковский политехнический институт им. А. А. Жданова. Оп 1. Д. 1.

54. ЦАНО. Ф. 2523. Совет союза фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии. 1917-1917 гг. Оп. 1. Д. 1.

55. ЦАНО. Ф. 2535. Лысковское общество вспоможения бедным (с. Лысково, Макарьевского уезда Нижегородской губернии). 1885 – 1897 гг. Оп. 1. Д. 1.

56. ЦАНО. Ф. Р-2593. 30.12.1899 – 2010 Открытое акционерное общество «Горьковский металлургический завод». 1924 – 2006 гг. Оп. 1. Д. 1.

57. ЦАНО. Ф. Р-2595. 13.10.1937 – Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 1934 – 2000 гг. Оп. 1. Д. 1, Д. 3, Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д. 12, Д. 13, Д. 31, Д. 35, Д. 38, Д. 40, Д. 41, Д. 43, Д. 44, Д. 54, Д. 58, Д. 61, Д. 65, Д. 73, Д. 74, Д. 80, Д. 92, Д. 106, Д. 115, Д. 116, Д. 117, Д. 118, Д. 132, Д. 231, Д. 243, Д. 286, Д. 287, Д. 288, Д. 294, Д. 330, Д. 370, Д. 398, Д. 401, Д. 428, Д. 429, Д. 431, Д. 458, Д. 461, Д. 465, Д. 505, Д. 510, Д. 535, Д. 564, Д. 565, Д. 571, Д. 572, Д. 576, Д. 635, Д. 636, Д. 638, Д. 640, Д. 680, Д. 745, Д. 754, Д. 818, Д. 819, Д. 820, Д. 826, Д. 875, Д. 879 а, Д. 883, Д. 989, Д. 1039 а, Д. 1050, Д. 1115 а, Д. 1121, Д. 1126, Д. 1127, Д. 1166, Д. 1167, Д. 1170, Д. 1227, Д. 1228, Д. 1228 а, Д. 1229, Д. 1288, Д. 1289, Д. 1290, Д. 1290 а, Д. 1290 б, Д. 1293, Д. 1295, Д. 1302, Д. 1357, Д. 1363, Д. 1363а, Д. 1376, Д. 1377, Д. 1455, Д. 1534, Д. 1535, Д. 1557, Д. 1564, Д. 1665, Д. 1667, Д. 1688, Д. 1690, Д. 1691, Д. 1691а, Д. 1788, Д. 1790, Д. 1932, Д. 1933, Д. 1934, Д. 1962, Д. 1982, Д. 2068, Д. 2069, Д. 2070, Д. 2099, Д. 2100, Д. 2198, Д. 2199, Д. 2200, Д. 2204, Д. 2213, Д. 2241, Д. 2248, Д. 2348, Д. 2388, Д. 2483, Д. 2484, Д. 2655, Д. 2748, Д. 2749, Д. 2750, Д. 2753, Д. 2774, Д. 2775, Д. 2776, Д. 2777, Д. 2779, Д. 2780, Д. 2783, Д. 2852, Д. 2853, Д. 2854, Д. 2881, Д. 2884, Д. 2885, Д. 2886, Д. 2887, Д. 2889, Д. 2893, Д. 2896, Д. 2981. Оп. 1 а. Д. 1, Д. 2, Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8, Д. 9, Д. 10. Д. 11, Д. 12, Д. 13, Д. 14, Д. 15, Д. 16, Д. 17, Д. 18, Д. 19. Оп. 2. Д. 1, Д. 2, Д.

3, Д. 4, Д. 10 а, Д. 11, Д. 12, Д. 15 а, Д. 17, Д. 20, Д. 27, Д. 33, Д. 34, Д. 38, Д. 96, Д. 106. Оп. 3. Д. 1, Д. 2.

58. ЦАНО. Ф. Р-2626. 07.10.1932 – 05.12.1936 Горьковский краевой Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет, г. Горький. 1929 – 1936 гг. Оп. 2. Д. 503.

59. ЦАНО. Ф. Р-2734. 1917 – Нижегородский государственный педагогический университет (НГПУ) 1918 – 2000 гг. Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д. 11, Д. 11а, Д. 18, Д. 21, Д. 24, Д. 25, Д. 27, Д. 31, Д. 38, Д. 40, Д. 41, Д. 42, Д. 54, Д. 71, Д. 73, Д. 87, Д. 88, Д. 92, Д. 106, Д. 117, Д. 124, Д. 132. Оп. 2. Д. 6, Д. 29, Д. 42, Д. 56, Д. 91, Д. 119, Д. 120, Д. 121, Д. 122, Д. 124, Д. 163, Д. 193, Д. 197. Оп. 3. Д. 1, Д. 41.

60. ЦАНО. Ф. Р-2896. 29.04.1917 – 07.1918 Провинциальный отдел Нижегородского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, г. Нижний Новгород. 1917 – 1918 гг. Оп. 1. Д. 7, Д. 13.

61. ЦАНО. Ф. Р-3007. Сормовский педагогический институт. Оп. 1. Д. 1.

62. ЦАНО. Ф. Р-3086 Г. Нижегородские краевые и территориальные организации профсоюза работников просвещения. (1929 – 1936). Оп. 2. Д. 70.

63. ЦАНО. Ф. Р-5898. 1918 – 1923 Военный следователь военного революционного трибунала при реввоенсовете Волжской военной флотилии, г. Нижний Новгород. 1918 – 1919 гг. Оп. 1. Д. 1.

1.2.2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).

64. ГОПАНО. Ф. 752 Г. Нижегородский губернский отдел профсоюза работников просвещения Губ. Прос. (1917 – 1929 гг.). Оп. 1. Д. 631.

65. ГОПАНО. Ф. Р-3086 Г. Нижегородские краевые и территориальные организации профсоюза работников просвещения. (1929 – 1936). Оп. 2. Д. 70.

1.2.2. Архив Музея НГЛУ

(без деления на фонды и единицы хранения)

1.2.3. Архив НГЛУ

(без деления на фонды и единицы хранения)

1.3. Опубликованные делопроизводственные документы

66. Ардашев, Г. Итоги переписи неграмотных и малограмотных в Нижегородском крае. – Н. Новгород: без изд., 1930. – 81 с.

67. Архив НИПЦ «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial.

68. Будущее интеллигенции. Диспут в Политехническом музее // Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923-1925 гг. – Новосибирск: Наука, 1993. – 226 с.

69. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Раскулачивание и гонение на Православную церковь пополняли лагеря ГУЛАГа) / Под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт/М. – М: МОПЧ, 1999. – 456 с.

70. Десять лет Советской власти в Нижегородской губернии: 1917 – 1927. / Сост. Ф. Ф. Шульц. Под ред. О. Л. Рывкина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского губернского исполнительного комитета, 1927. – 222 с.

71. Доклад В. И. Храмова на Нижегородском губернском съезде комиссаров по народному образованию 1-6 июля 1918 года. – Н. Новгород: Тип. «Красное знамя», 1918. – 20 с.

72. Доклады Нижегородской губернской земской управы Губернскому земскому собранию 53-й очередной сессии (1917 г.) по отделу народного образования. – Н. Новгород: Тип. Губ. правл., 1917. – 135 с.

73. Достижения советской власти за 40 лет в цифрах / ред. Э. С. Софиев – М.: Государственное статистическое изд-во, 1957. –370 с.

74. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) обкомам, крайкомам, горкомам, райкомам партии «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского

контрреволюционного блока от 29 июля 1936 г.» // Известия ЦК КПСС. – 1988. – № 6. – С. 102.

75. История открытия и отчет за весенний семестр 1916 года. Год первый. Нижегородский городской народный университет. – Н. Новгород: Тип. губ. правл., 1916. – 63 с.

76. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Июнь 1941-1945 гг. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1970. – 494 с.

77. Культурное строительство в Нижегородской губернии (1917 – 1927 гг.): документы и материалы. / Сост. В.В. Колябин, Т.И. Бибанов. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, – 1988.

78. Материалы V губернского съезда по рабочему образованию Нижегородской губернии за 1926 год. – Н. Новгород: Изд-во Ниж. Губпрофобра, 1926. – 55 с.

79. Назвать поименно: свидетельствуют жертвы и очевидцы сталинского террора / Сост. М. А. Хазанов; под общ. ред. В. В. Ниякого. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. – 160 с.

80. Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917 – 1973. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974. – 560 с.

81. Общество и власть. Российская провинция: 1917-1980-е годы (по материалам нижегородских архивов). В 3-х т. Т. 1. Общество и власть. Российская провинция: 1917 – середина 30-х гг. / Редкол. т.: А. А. Кулаков, Ж.-П. Депретто (отв. ред.) и др.; Сост.: А. А. Кулаков, Л. П. Колодникова, В. В. Смирнов. – ИРИ РАН – М.; Н. Новгород; Париж: ИРИ РАН, 2002. – 635 с.

1.4. Базы данных

82. База данных Красноярского общества «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/.

83. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10621.htm.

84. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. / Сост.: Мовшович М. И., под ред.: Ходжаев А. М. – М.: Советская наука, 1948. – 616 с.

85. Декреты Советской власти: сб. док. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. – М.: Политиздат, 1957-1997. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957. – 640 с.

86. Декреты Советской власти: сб. док. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. – М.: Политиздат, 1957-1997. – Т. 2: 17 марта 1917 г. – 10 июля 1918 г. – М., 1959. – 699 с.

87. Декреты Советской власти: сб. док. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР: [многотомное изд.]. – М.: Политиздат, 1957-1997. – Т. 4.: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. 1968. – 731 с.

88. Жертвы политического террора в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index.htm.

89. Забвению не подлежит: Неизвестные страницы нижегородской истории (1918-1984) Кн. 2. / Сост. Л. П. Гордеева, В. А. Казаков, В. В. Смирнов. – Н. Новгород: Волго-вятское кн. изд-во, 1994. – 557 с.

90. Забвению не подлежит. О репрессиях 30-х – начала 50-х гг. в Нижегородской области. Кн. 1. / Сост. А. П. Арефьев, В. А. Казаков, В. В. Смирнов – Н. Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1993. – 368 с.

91. Книга памяти Владимирской области / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://nasa-istoria.blagorussia.ru/istoriceskie-dokumenty/kniga-pamati-vladimirskoj-oblasti-bol-i-pamat.

92. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М.

Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов, В. В. Смирнов и др. – 1998. – 542 с.

93. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 2 / Сост.: А. Н. Голубинова, М. Ю. Гусев и др.; Редкол.: В. И. Жильцов (пред.), А. П. Арефьев и др. – 2001. – 756 с.

94. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: Т. 3 / Сост.: А. Н. Голубинова, М. Ю. Гусев и др.; Редкол.: В. И. Жильцов (пред.), А. П. Арефьев и др. – 2003. – 645 с.

95. Книга памяти жертв политических репрессий Пермской области. Часть 3 (в пяти томах) Том 1 (А-Г). Том 2 (Д-К). Том 3 (Л-О). Том 4 (П-С). Том 5 (Т-Я) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.permgaspi.ru/index.php?page=kniga-pamyati-zhertv-politicheskih-repressij-permskoj-oblasti-tom-1-a-g.

96. Книга памяти жертв политических репрессий: Российская Федерация. Ульяновская область. – Ульяновск, 1996. – 1023 с.

97. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). 7-е изд. – М.: Госполитиздат, 1953-1960. – Ч. 1. – 832 с.; Ч. 2. – 676 с.; Ч. 3. – 692 с.; Ч. 4. – 640 с.

98. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1983-1990.

В 16 т. – В надзаг: Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. Т. 2: 1917-1922. –1983. – 606 с.

99. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М, 1983-1990. – 16 т. – В надзаг.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 8: 1946-1955. – 1985. – 542 с.

100. Ленинградский мартиролог 1937 – 1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 2.: Октябрь 1937 года. – СПб.: РНБ, 1996. – 575 с.

101. Ленинградский мартиролог 1937 – 1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 6.: 1937 год. – СПб. РНБ, 2007. – 734 с.

102. Ленинградский мартиролог 1937 – 1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 8.: Январь – февраль 1938 года. – СПб. РНБ, 2008. – 699 с.

103. Ленинградский мартиролог 1937 – 1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 12.: 1937-1938. – СПБ. РНБ, 2012. – 799 с.

104. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. – М.: МФД, 2004. – 736 с.

105. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. (Губернские итоги). Т.1-89. – СПб.: 1903-1905. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.shpl.ru/nodes/12632.

106. Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой, А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

107. Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: 9-ти т. Т. 7 / ред. кол.: О. М. Удовина (предс.). – Симферополь: АнтиквА, 2012. — 327 с.

108. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. – 222 с.

1.5. Источники личного происхождения

109. Воспоминания В. К. Романовой / Архив Музея НГЛУ.

110. Воспоминания В. П. Киселева / Архив Музея НГЛУ.

111. Воспоминания Э. Калининой / Архив Музея НГЛУ.

112. Гусевская М.Л. Русский француз: Глеб Васильевич Ратинский. Очерк. – Н. Новгород: без изд., 2017. Б/стр.

113. Рукопись «Воспоминания Н. Н. Ландау» / Архив Музея НГЛУ.

1.6. Периодическая печать

114. Волгарь. – 1917.

115. Горьковская коммуна. – 1937.

116. Горьковская правда. – 1977.

117. Горьковская правда. – 1978.

118. Горьковский рабочий. – 1938.

119. Горьковский рабочий. – 1959.

120. Горьковский рабочий. – 1960.

121. Горьковский рабочий. – 1963.

122. Горьковский рабочий. – 1967.

123. Горьковский рабочий. – 1977.

124. Известия ВЦИК. – М., – 1918.

125. Известия ЦИК. – 1919.

126. Издание ЦК СЭСР. – Москва, 1930. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miresperanto.com/historio/modenov_1930.htm.

127. Коммуна. – 1948.

128. Красное знамя. – 1917.
129. Ленинская смена. – 1963.
130. Ленинская смена. – 1964.
131. Ленинская смена. – 1971.
132. Ленинская смена. – 1974.
133. Лингвист. – 1956.
134. Лингвист. – 1957.
135. Лингвист. – 1958.
136. Лингвист. – 1959.
137. Лингвист. – 1960.
138. Лингвист. – 1961.
139. Литература в школа. – 1957.
140. Народное просвещение. – 1918.
141. Нижегородская Коммуна. – 1918.
142. Нижегородская Коммуна. – 1919.
143. Нижегородская Коммуна. – 1920.
144. Нижегородский листок. – 1917.
145. Правда. – 1929.
146. Рабоче-крестьянский нижегородский листок. – 1918.
147. Рабочий нижегородский листок. – 1918.
148. Учительская газета. – 1967.

2. Литература

2.1. Отечественная литература

149. Антошин, В. Н. КПСС в борьбе за создание советской народной интеллигенции. – М.: Знание, 1957. – 210 с.

150. Архангельский, С. И. Нижегородский край. Часть третья. Общество / Под ред. С. И. Архангельского, А. Г. Балахонова, И. Г. Калигина, Н. М. Романова, Ю. И. Рюриковой. – Н. Новгород: издание «Школа и жизнь», 1926. – 206 с.

151. Бармин, И. П. Из опыта работы КПСС и Советского государства по созданию кадров советской интеллигенции. М.: изд-во Московского ун-та, – 1965. – 75 с.

152. Бейлин, А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин. Под ред. и с предисл. И. А. Краваля. – М.: Союзоргучет, 1935. – 419 с.

153. Беляков, Л. П. Лагерная система и политические репрессии (1918-1953) / Л. П. Беляков // Репрессированные геологи. Гл. ред. В. П. Орлов. – СПб.: ВСЕГЕИ, 1999. – 452 с.

154. Берельковский, И. В. Советская научно-педагогическая интеллигенция и идеология тоталитаризма в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Борьба с инакомыслием (По материалам Нижегородской губернии – Горьковской области) / И. В. Берельковский. – М.: МГГУ; Н. Новгород: НГПУ, 2007. – 189 с.

155. Бибанов, (без инициалов). Высшая школа страны Советов. Горький: Изд-во общества «Знание», 1978. – 21 с.

156. Бутягин, А. С. Университетское образование в СССР / А. С. Бутягин, Ю. А. Салтанов. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 296 с.

157. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка (1909) – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 235 с.

158. Виноградова, Т. П. Нижегородская интеллигенция. Вокруг Н. А. Добролюбова. / Т. П. Виноградова – Н. Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1992. – 320 с.

159. Вишленкова, Е. А. Культура повседневности провинциального города. Казань и казанцы XIX-XX вв. / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. – Казань: Изд-во КГУ, 2008. – 252 с.

160. ВКВШ. Четверть века высшей школы СССР. / Под. ред. С. В. Кафтанова. – М.: Советская наука, 1945. – 120 с.

161. Власов, М. Г. Рождение советской интеллигенции. – М.: Политиздат, 1968. – 88 с.

162. Вознесенский, Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Образцовая тип., 1948. – 192 с.

163. Галкин, К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров СССР / К. Т. Галкин. – М.: Советская наука, 1958. – 176 с.

164. Герцен, А. И. Собрание сочинений в 30 томах // А. И. Герцен; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва: Наука, 1954-1965. Т.19. [текст и текстол. примеч. подгот. В. Г. Березина; коммент. сост. В. Г. Березиной и С. Д. Лищинер]. – 1960. – 569 с.

165. Главацкий, М. Е. Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 105 с.

166. Глинский, А. Назревшие вопросы (К Всесоюзному совещанию высших учебных заведений). – М.: Газ. «За пищевую индустрию», 1933. – 4 с.

167. Горьковский институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с.

168. Горьковский педагогический институт иностранных языков им. Н. А. Добролюбова. Библиографический указатель печатных работ профессорско-преподавательского состава ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова. – Горький, 1984. – 178 с.

169. Горьковский педагогический институт иностранных языков: страницы истории (1937-1987). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 120 с.

170. Гурьев, И. Развитие социалистической культуры в Горьковской области. – Горький: ОГИЗ, 1946. – 52 с.

171. Дейкова, Л. А. (Черненькова) Эволюция преподавания иностранных языков в России конца XIX – начала XX вв. // Актуальные проблемы образования в России и за рубежом: лингвистический, методический, педагогический аспекты: Материалы международной научно-практической заочной конференции. М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Ульяновский гос. пед. ун-т им. И. Н. Ульянова». Редкол.: Л. А. Иванова, Т. А. Полуянова. – Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т, 2013. – 178 с.

172. Денисенко, Ф. Роль интеллигенции. – Одесса: изд. Л. Нитче, 1884. – 37 с.

173. Дунаевская, И. М. От Ленинграда до Кенигсберга: Дневник военной переводчицы (1942-1945). – М.: РОС-СПЭН, 2010. – 428 с.

174. Егоров, С. Ф. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России / С. Ф. Егоров – М.: Просвещение, 1986. – 432 с.

175. Елютин, В. П. Высшая школа страны социализма / В. П. Елютин – М.: Соцэкгиз, 1959. – 100 с.

176. Желтов, А. К. Народное образование в Горьковской области за 30 лет (1917-1947) / А. К. Желтов. – Горький: ОГИЗ, 1948. – 104 с.

177. Зеленцов, В. Д. Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк / В. Д. Зеленцов, К. Г. Селезнев, Ю. В. Русов. Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. Кн. изд-во, 1961. –176 с.

178. Зиновьев, А. А. Идеология партии будущего. – М.: Алгоритм, 2003. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.conflictmanagement.ru›sovetskaya-ideologiya

179. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли. Т.1. - СПб.: Революционная мысль, 1907. – 183 с.

180. Иванов, А. Е. Высшая школа России в конце XIX- начале XX века. – М.: Академия наук СССР, 1991. – 392 с.

181. Иванов, И. О. О развитии социалистической культуры и задачах вузов ЦЧО. / И. О. Иванов. – Воронеж: Партиздат, 1933. – 32 с.

182. Иванова, Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917-1927 гг.). – М.: Наука, 1980. – 392 с.

183. История педагогики: Учебное пособие для студентов педагогических институтов / Под ред. М. Ф. Шабаевой – М.: Просвещение, 1981. – 367 с.

184. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителя / Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова; науч. ред. В. В. Шелохаев. – М.: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 2002. – 504 с.

185. Каблиц, И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. – СПб.: изд. Н. А. Лебедев, 1886. – 305 с.

186. Казарин, В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х -середина 60-х гг. XX в.). – Иркутск: изд. Ирк. ун-та, 1998. – 294 с.

187. Капица, П. Л. Письма о науке. 1930-1980. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 399 с.

188. Каспранский, Р. Р. Юрий Максимович Скребнев // Г. П. Рябов, Р. Р. Каспранский / Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: ГГПИИЯ, 1982. – С. 3-5.

189. Кеплер, Б. А. Пролетарская революция и советская интеллигенции / Б. А. Келлер. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 47 с.

190. Киселев, В. П. Так это было на войне. К портрету поколения. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 180 с.

191. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 435 с.

192. Комплексная система приобщения студентов к НИР / Сост. доц. А. Т. Кукушкина, проф. Ю. М. Скребнев, доц. О. В. Петрова, доц. М. С. Ретунская. – Горький, 1980. – 30 с.

193. Красильников, С. А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке: (Дискус. заметки) // Интеллигенция России

в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 19981998. – 80 с.

194. Красная книга ВЧК (в 2-х тт). / под науч. ред. А. С. Велидова. Книга 1. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 541 с.

195. Круглянский, М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Высшая школа. 1970. – 315 с.

196. Крупская, Н. К. Ленинские установки в области культуры. Сборник статей. / Н. К. Крупская; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М.: Парт. изд-во, 1934. – 257 с.

197. Крупская, Н. К. О коммунистическом воспитании. Избранные статьи и речи. – М.: Мол. Гвардия, 1956. – 424 с.

198. Крупская, Н. К. О культурно-просветительной работе. Избранные статьи и речи. – М.: Сов. Россия, 1969. – 245 с.

199. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения. Том 7: Основы политико-просветительной работы / Под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. Подгот. текста и примеч. А. Г. Кравченко и Л. С. Фрид. – М.: Изд-во АПН, 1959. – 751 с.

200. Кто есть кто в Нижегородском государственном педагогическом университете / Под общ. ред. В. А. Глуздова, А. А. Касьяна. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 168 с.

201. Культурное строительство Горьковской области. 1917-1957. Сб. ст. под ред. С. А. Орлова. – Горький: Горьк. кн. изд-во, 1957. – 326 с.

202. Курбакова, Е. В. История казанской и нижегородской прессы 1811-1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. / Е. В. Курбакова. – Н. Новгород: НГЛУ, 2008. – 375 с.

203. Курбакова, Е. В. История нижегородской прессы. Научно-популярное издание / Е. В. Курбакова. – Н. Новгород: изд-во НГЛУ, 2008. – 168 с.

204. Ленин, В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. – Полн. собр. соч., т. 26.– М.: Госполитиздат, 1958-1965. – 619 с.

205. Ленин, В. И. Письмо Свердлову и Троцкому от 1 октября 1918 года // Полн. собр. соч. Т. 50. М.: Политиздат, 1970. – С. 185.

206. Ленин, В. И. Речь .... // Ленин В. И. ПСС. Изд-е 5-е. – Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – С. 511.

207. Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 8. – 666 с. – С. 309.

208. Ленин, В. И., КПСС о развитии науки. / В. И. Ленин. – М., Политиздат, 1981. – 800 с.

209. Леонтьев, А. А. Основные линии развития методики преподавания иностранных языков в СССР (40-80-е гг.) // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. А. А. Леонтьев – М.: Русский язык, 1991. – 356 с.

210. Лозинский, Е. И. Что же, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). 1907 г. – М.: УРСС, 2003. – 259 с.

211. Лубков, А. В. Ректоры МПГУ. 1872 – 2000. Очерки. / В. В. Москвин, Г. П. Полозов, Ю. П. Романов, П. Ю. Савельев – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2000. – 160 с.

212. Лугинин, А. А. По ленинским местам города Горького. 1893. 1894. 1900. Издание 2–е, переработанное и дополненное / А. А. Лугинин. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1985. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://istmat.info/node/29878

213. Луначарский, А. В. Ленин и просвещение. – М.: Работник просвещения, 1924. – 24 с.

214. Луначарский, А. В. О народном образовании. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 559 с.

215. Любовиков, М. 1917-1920. Хроника революционных событий в Горьковском крае / М. Любовиков, И. Нечаев, М. Шнипров. Под ред. А. Преображенского. – Горький: Партиздат, 1932. – 342 с.

216. Медведев, А. В. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895-1923). Монография. / А. В. Медведев, А. А. Слепченков. – Н. Новгород: Изд-во. ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2012. –256 с.

217. Медынский, Е. Н. История русской педагогики: С древнейших времен до Великой пролетарской революции. Пособие для аспирантов и преподавателей истории в педвузах и педтехникумах / Е. Н. Медынский. – М: Гос.учеб.-пед.изд-во, 1936. – 470 с.

218. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. Милов – М.: РОССПЭН, 1998. – 79 с.

219. Милов, Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства. //Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 78-89.

220. Милюков, П. Н. Очерки из истории русской интеллигенции. – СПб.: Знание, 1903. – 308 с.

221. Набатов, Г. В. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Сост. Г. В. Набатов. – В 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – 261 с.

222. Набатов, Г. В. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Сост. Г. В. Набатов. – в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т. 2. – 366 с.

223. Научные кадры СССР: динамика и структура / ред. проф. В. Ж. Келле, проф. С. А. Кугеля. – М.: Мысль, 1991. – 283 с.

224. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова 95 лет. Традиции, инновации, успешное будущее. – Н. Новгород: Изд-во ГОУ ВПО НГЛУ, 2012. – 102 с.

225. НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 100 лет на службе Отечеству. Страницы истории. 1917-2017. – Н. Новгород: Радонеж, 2017. – 88 с.

226. Немцы в истории и культуре Нижегородского края. – Н Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 146 с.

227. Нижегородский Учительский институт осуществил первый выпуск / Под ред. А. Д. Саблина. – Горький: Горьк. кн. изд-во, 1961. – 16 с.

228. Нижегородскому государственному техническому университету 80 лет. Краткий исторический очерк. – Н. Новгород: НГТУ, 1997. – 240 с.

229. Об интеллигенции: Сб. статей (из газет и журналов). – Чкалов: Чкал. обл. изд., 1939. – 76 с.

230. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Часть 1. 1891-1918 / В. Фадеев, П. Шульпин, А. Парусов. – Горький: Кн. изд., 1961. – 504 с.

231. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) /Под ред. Ф. Г. Паначина, М. Н. Колмаковой, З. И. Равкин. – М.: Педагогика, 1988. – 272 с.

232. Очерки по истории Октябрьской революции в Нижегородской губернии. / – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского истпартотдела губкома ВКП(б), 1927. – 124 с.

233. Паначин, Ф. П. Педагогическое образование в СССР: важнейшие этапы и современное состояние: монография / Ф. П. Паначин. – М.: Педагогика, 1975. – 224 с.

234. Педагогическое обозрение. Из истории светского образования в Нижегородской области. Спец. вып. – Н Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, – 1996. – № 2. – 200 с.

235. Переводческий факультет НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 1962-2012. – Н. Новгород: ООО «Риц» «Курьер-медиа», 2012. – 96 с.

236. Пешехонов, А. В. К вопросу об интеллигенции. – СПб. Рус. богатство, 1906. – 104 с.

237. Писаренко, И. С. Законодательное регулирование развития советской высшей школы в годы Великой Отечественной войны / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jeducation.ru/5_2003/99.html

238. План мероприятий ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова по подготовке и проведению празднования 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. – Горький: ГГПИИЯ, 1984. – 13 с.

239. План развития ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова на 1981-1985 гг. – Горький, 1981. – 25 с.

240. Плотников, М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии / М. А. Плотников – Н. Новгород: Типография Нижегородского Губернского правления, 1894. – 208 с.

241. Политические репрессии в Нижегородской области: (1917-1953) / А. Беляков, О. Дёгтева, О. Сенюткина, С. Смирнов; сост. и отв. ред. С. А. Смирнов. – Н. Новгород: РИГ «Отчина»1, 2016. – 293 с.

242. Политические репрессии на Нижегородской земле [Электронный ресурс] / МКУК ЦГБ им. В. И. Ленина; сост. Т. В. Кучерова, Н. П. Шахмайкина. – Н. Новгород, 2012. – 1 электронный опт. Диск (CD-ROM).

243. Положение о НИР в ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова / Сост. доц. А. Т. Кукушкина и доц. О. В. Петрова. – Горький, 1979. – 30 с.

244. Положение о работе преподавателей ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова в базовых сельских школах Горьковской области. – Горький: ГГПИИЯ, 1979. – С.2.

245. Потресов, А. Н. (Старовер) Этюды о русской интеллигенции. – СПб.: изд. О. Н. Попова, 1906. – 314 с.

246. Проблемы интерлингвистики. – М.: Наука, 1976. – 60 с.

247. Профессиограмма учителя иностранного языка [Текст] / сост. проф. С. Ф. Шатилов, доц. К. И. Саламатов, Е. С. Рабунский. – М.: б.изд., 1977. – 27 с.

248. Профессионально-педагогическая подготовка студентов ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, распределение выпускников и организация их стажировки (Информационная справка). – Горький: ГГПИИЯ, 1983. – С.10.

249. Ректоры МГПУ. 1872 – 2000. Очерки. – М.: Магистр-Пресс, 2000. – 160 с.

250. Ректоры московского государственного педагогического университета. 1872-2000. Очерки. – М.: Изд. Дом Магистр-Пресс, 2000. – 160 с.

251. Руткевич, М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1977. – 96 с.

252. Сафразьян, Н. Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921-1927). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. – 158 с.

253. Сенюткина, О. Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей) / О. Н. Сенюткина, Ю. Н. Гусева; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2013. – 232 с.

254. Сергеев, И. В. Основы эсперанто. – М., 1961 – 50 с.

255. Сизов, С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946-1964 гг. (На материалах Зап. Сибири): В 2 ч. – Омск: СибАДИ, ч. 1. 2001. – 223 с.

256. Синецкий, А. Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. – М.: Советская наука, 1950. – 234 с.

257. Слепенкова, Е. А. Становление и развитие педагогической научно-исследовательской работы деятельности будущего учителя отечественной школы в XX в.: Монография. / Е. А. Слепенкова. – Н. Новгород: из-во. НГПУ, 2008. – 248 с.

258. Совершенствование профессионально-педагогической направленности в преподавании иностранных языков на факультетах (в институтах) иностранных языков. Тезисы докладов всероссийского координационного совещания 23-25 мая 1978 г. / Ред. колл. К. И. Саломатов (отв. ред.). – Горький: ГГПИИЯ, 1978. Ч.1. – 151 с.; Ч.2. – 188 с.

259. Советская интеллигенция (История формирования и роста 1917-1965). – М.: Мысль, 1967. – 432 с.

260. Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. (1917-1975). – М.: Политиздат, 1977. – 317 с.

261. Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Книга вторая. / сост. В. А. Казаков, В. П. Фадеев, – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1977. – 334 с.

262. Сталин, И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11. – М.: Госполитиздат, 1945. – 611 с.

263. Сталин, И. В. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сборник статей / Под ред. акад. В. В. Виноградова,

Б. А. Серебренникова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, Т. 1. Ч. 1. – 1951-1952. – 432 с.

264. Требования к уровню профессионально-педагогических умений студентов-выпускников педагогического вуза. – Горький: ГППИЯ, 1977, – б.стр.

265. Трусь, А. И. Некоторые итоги деятельности Коммунистической партии по развитию высшей и средней специальной школы в период строительства социализма // Партийное руководство высшей школой СССР: межвуз. сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1982. – 160 с.

266. Уваров, С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. / С. С. Уваров. – СПб.: тип. Ф. Дехслера, 1813. – 135 с.

267. Университет, рожденный Октябрем. 1918-1978. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. – 192 с.

268. Университет, сближающий культуры мира. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 1917-2007. – Н. Новгород, 2007. – 176 с.

269. Федюкин, С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. – М.: Наука, 1972. – 471 с.

270. Федюкин, С. А. Партия и интеллигенция. – М.: Политиздат, 1983. – 237 с.

271. Филичева, Н. И. Николай Сергеевич Чемоданов /Проблемы общего и германского языкознания. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. – 184 с.

272. Фирсова, А. М. История преподавания иностранных языков в России XIX-начала XX веков: Монография / А. М. Фирсова. – Н. Новгород: ННГАСУ ГХИ, 2008. – 148 с.

273. Фортунатов, В. В. Интеллигенция помощник рабочего класса в построении социализма в СССР. / В. В. Фортунатов, Р. В. Шестакова. – Л.: ЛГПИ, 1984. – 135 с.

274. Хаустов, В. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе 1937-1938 / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/haustov/0/

275. Хохлов, А. Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета: Монография / А. Ф. Хохлов. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 377 с.

276. Череванин, Н. Движение интеллигенции (до эпохи «доверия» кн. Святополк-Мирского) // Общественное движение в России в начале XX в. Т.1. – СПб., 1909. – С. 259-260.

277. Чуткерашвили, Е. В. Развитие высшего образования в СССР. / Е. В. Чуткерашвили. – М.: Высшая школа, 1961. – 238 с.

278. Школа педагогического мастерства. – Горький, 1981. – 80 с.

279. Школа учителей. Очерк истории Горьковского государственного педагогического института. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1986. – 184 с.

280. Шноль, С. Э. Герои и злодеи российской науки. – М.: КРОН-пресс, 1997. – 463 с.

281. Шульпин, П. И. Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками (1900-1917) / П. И. Шульпин. – Горький: Волго-Вятское книж. Изд-во, 1968. – 227 с.

282. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов / А. Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2004. – 416 с.

283. Энгельс, Ф. Принципы коммунизма. / Маркс К. Коммунистический манифест. – 3-е изд., доп. – Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 388 с.

284. Яковец, Ю. В. История цивилизаций. / Ю. В. Яковец. 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. – 350 с.

285. Ярославский, Е. О роли интеллигенции в СССР. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1939. – 40 с.

2.2. Иностранная литература

286. Baker D, Wiseman A. The Worldwide Transformation of Higher Education. International perspectives on education and society (Volume 9). – Emerald Group Publishing, 2008. – 347 p.

287. Education in the U.S.S.R., current status of higher education, 1980. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.worldcat.org/title/education-in-the-ussr-current-status-of-higher-education/oclc/7281244

288. Grenoble L. A. Language Policy in the Soviet Union / Language Policy (Volume 3). Springer Science & Business Media, 2006. / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://books.google.kz/books/about/Language_Policy_in_the_Soviet_Union.html?hl=ru&id=Nn3xDTiL0PQC

289. Kasevich V., Kleiner Y., Sériot P. History of Linguistics 2011: Selected Papers from the 12th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XII) / Studies in the History of the Language Sciences (Volume 123). – John Benjamins Publishing Company, 2014. – 221 p.

290. Moos E. Higher education in the Soviet Union. / National Council of American-Soviet Friendship, 1956. – 32 p.

291. Shimoniak W. Communist Education: Its History, Philosophy, and Politics. / Rand McNally, 1969. – 506 p.

292. Witt N. Education and Professional Employment in the U.S.S.R. NSF (Series) (Volume 61, Ediction 40) United States. National Science Foundation. NSF (Volume 61, Edition 40). National Science Foundation (U.S.), National Research Council (U.S.). Office of Scientific Personnel. National Academies, 1961. – 865 p.

293. Zepper J., Brickman W. Russian and Soviet Education 1731 – 1989: A Multilingual Annotated Bibliography. – Routledge, 2014. – 560 p.

2.3. Научные статьи

294. Абросимова, Л. В. Работа ЦАНО по выявлению и обработке документов, служащих основанием для канонизации мучеников-жертв политических

репрессий в Горьковской области в 1930-40-х гг. XX в. / Л. В. Абросимова // Сборник статей научно-практической конференции «Российские архивы сегодня: взгляд извне и изнутри». 3-4 сентября. – Саратов, 2003. – 416 с.

295. Агаджанян, Л. Л. «Оттепель» в истории отечественной культуры: конъюнктурное и непреходящее / Л. Л. Агаджанян // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – №4. – С. 85-89.

296. Алентьев, А. А. Против низкопоклонства перед Западом в преподавании и научной работе в вузах // Вестн. высш. шк. – 1949. – № 1.

297. Артамонова, Н. Я. Источники изучения проблемы интеллигенции Восточной Сибири (1917 г. середина XX в.) / Н. Я. Артамонова // Гуманитарные науки. Сборник статей. – 2010. –№ 10. – С. 22-31.

298. Бородай, А. Д. Демократизация культурной жизни в советском обществе под воздействием «хрущевской оттепели» / А. Д. Бородай // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – №4. – С. 252-256.

299. Ведель, Г. Е. Развитие сознательно-практического метода и становление факультета РГФ / Г. Е. Ведель // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 1. – 17 с.

300. Ведель, Г. Е. Соображения об истории отечественной методики обучения языкам / Г. Е. Ведель // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 65-84.

301. Вицинский, Г. Из записок деда / Г. Вицинский // Дворянский альманах. – 2002. – №4. – С. 89-96.

302. Геращенко, Б. С. Всемерно улучшать подготовку научных кадров / Б. С. Геращенко // Вестн. высш. шк. – 1956. – № 10. – С. 7-11.

303. Горст, А. С. Педагог высшей школы воспитатель студенческой молодежи. / А. С. Горст // Вестн. высш. шк. – 1946. – № 11-12. – 64 с.

304. Гришина, Н. В. Историки «старой школы»: проблема вживания в советскую действительность / Н. В. Гришина // Сборник статей «Историк

в меняющемся пространстве российской культуры». – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – С. 51-58.

305. Емельянов, Б. В. Кампания борьбы с космополитизмом 1948 г. в оценке З. А. Каменского / Б. В. Емельянов // Сборник материалов науч. конф. «Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв. и реализация путей общественного развития». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 129 с.

306. Еремеева, А. Н. Провинциальный учёный в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед Западом / А. Н. Еремеева // Сборник материалов науч. конф. «Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв. и реализация путей общественного развития». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 129 с.

307. Загрекова, Л. В. Деятельность кафедры педагогики Горьковского педагогического института в годы Великой Отечественной войны / Л. В. Загрекова, Л. В. Кильянова // Вестник Нижегородского образования. – 2015. – №1. – С. 168 – 173.

308. Зеверт, Д. Новые материалы к изучению подготовки и проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. / Д. Зеверт // Вестник архивиста. – 2018. – №2. – С. 550-563.

309. Изгоев, А. С. Интеллигенция как социальная группа. / А. С. Изгоев // Образование. – 1904. – №1. – С.72-94.

310. Иовчук, М. Т. Недостатки и меры улучшения научной деятельности и преподавания общественных наук / М. Т. Иовчук // Вестник высшей школы. – 1947. – №3. – С. 10-24.

311. Кабакова, Н. В. Повседневность экстремального времени: условия труда преподавателей СибАДИ в начальный период Великой Отечественной войны (1941 год) / Н. В. Кабакова // Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, новации: материалы Международной научно-практической конференции. – Омск: СибАДИ, 2016. – С. 1131-1136.

312. Казанин, И. Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (окт. 1917-1919 г.) / И. Е. Казанин // Изв. высш. учеб. заведений. Сер. «Правоведение». – 2000. – № 5. – С. 198-214.

313. Камерова, Н. В. Особенности взаимоотношений советской власти и буржуазных историков в РСФСР – СССР в 1920 – 1930-е гг. / Н. В. Камерова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 91–95.

314. Кафтанов, С. В. Задачи высшей школы / С. В. Кафтанов // Вестник высшей школы. – 1946. – № 11-12. – С. 1-10.

315. Кирнозе, З. И. Воспоминания / З. М. Кирнозе // Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. – 1999. – №2. – С. 187-188.

316. Кирсанова, Н. Я. Идеологические кампании 1947-1953 годов в системе высшего образования Мордовии: статья / Н. Я. Кирсанова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 177-182.

317. Лапко, А. Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток / А. Ф. Лапко // Успехи математических наук. – 1972. – № 6 (168). – С. 5-23.

318. Малыгина, О. А. Научная деятельность И. В. Сталина как один из методов формирования стереотипов вузовской интеллигенции г. Молотова / О. А. Малыгина, И. С. Капцугович // Вестник НАСА. – 2011. – №1 (7). – С. 48-54.

319. Материалы всероссийской научной конференции «Первая русская революция в Поволжье: вопросы истории, историографии и источниковедения». 21 октября 2005 г. – 2006. – №1 (5). – 170 с.

320. Можаева, Л. А. Всемирные фестивали молодежи и студентов как фактор общественной дипломатии в борьбе за укрепление мира. / Л. А. Можаева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2015. – №13. – С. 145-159.

321. Мулюков, Ш. М. Хрущевская «оттепель» как попытка власти либерализовать общество в рамках традиционной политической системы / Ш. М. Мулюков // Социальная аполитика и социология. – 2009. – №1. – С. 255-259.

322. Нижегородский краевед / Сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. – Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. – №3. – 256 с.

323. Орлов, С. Б. Интеллигенция как мифологический феномен / С. Б. Орлова // Социологические исследования. – 2001. – № 11. – С. 57

324. Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР (К 70-летию голода 1932-1933 годов) / гл. ред. С. А. Кропачев. // Материалы II региональной научной конференции. – Краснодар: Эконивест, 2006. – 249 с.

325. Самсонова, И. С. Место Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) в жизни города в период с 1965 по 1985 гг. (на примере г. Тольятти Куйбышевской области) / И. С. Самсонова // Молодежный научный вестник. – 2017. – №4 (16). – С. 33-38

326. Сапожникова, О. С. В. Е. Ярнатовская – филолог, учитель, человек / О. С. Сапожникова // Личность в науке: женщины-ученые Нижнего Новгорода. –1999. – №2. – С. 172-186.

327. Сахаров, А. Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы / А. Н. Сахаров // История и историки: историографический ежегодник. 2002 / отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: Наука, 2002. – 223 с.

328. Селезнев, Ф. А. А. И. Микоян и М. А. Тер-Егиазарян во главе Нижегородской губернии (1920-1923) // Нижегородский краевед: сб. научных статей. / Сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. – Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. – №3. – 256 с.

329. Сенюткина, О. Н. Богатые жители Нижнего Новгорода – объект внимания молодой советской власти (весна 1918 г.) / О. Н. Сенюткина // Нижегородский краевед. Сб. научных статей. / Сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. – Н. Новгород:

Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, – 2017. – №3. – С.50-58.

330. Сенюткина, О. Н. Единовременный налог на богатых (проявление репрессивной политики рождающихся органов советской власти в Нижегородской губернии весной 1918 г.) / О. Н. Сенюткина, М. Ю. Царев. – 2004. – № 13. – С. 52-57.

331. Сенюткина, О. Н. Насилие как атрибут установления диктатуры пролетариата (на материалах Нижегородской губернии) / О. Н. Сенюткина // Власть и общество. Уроки истории. К 100-летию революции в России. – М.: ГУ тип. МГПУ, 2017. – 388 с. – С. 159-166.

332. Сенюткина, О. Н. Нижегородский лингвистический университет: начало истории. 1917-1922 / О. Н. Сенюткина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 15. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. – С. 229-243.

333. Сенюткина, О. Н. Нижегородский лингвистический университет: начало истории. 1917-1922 / О. Н. Сенюткина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2011. – № 15. – С.229–243.

334. Сизов, С. Г. Высшее образование и наука в Омске в годы «оттепели» (март 1953 – 1964 гг.) / С. Г. Сизов // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII-XX вв.) – Охтень, 2009. – С. 150-164.

335. Сизов, С. Г. Идеологические кампании 1947-1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири / С. Г. Сизов // Вопросы истории. – 2004. – №7. – С. 95-103.

336. Слепенкова, Е. А. Системы научно-исследовательской работы студентов в Нижегородском (Горьковском) педагогическом институте в Советский период / Е. А. Слепенкова / Вестник Нижегородского образования. – 2011. – №2. – С. 142-148.

337. Смирнов, В. Е. Политические партии Нижегородской губернии в период Октябрьской революции 1917 года и утверждения советской власти. / В. Е. Смирнов. // 10 корпус. –2017. – №3. – С. 50-57.

338. Стоюхина, Н. Ю. Деятельность нижегородских психологов в 1920–1930 гг. / Н. Ю. Стоюхина / Вестник Нижегородского образования. – 2013. – №2. – С. 206-212.

339. Стоюхина, Н. Ю. Психологическое образование в Нижнем Новгороде в начале XX в. / Н. Ю. Стоюхина / Вестник Нижегородского образования. – 2013. – №3. – С. 232-238.

340. Телюк, К. Р. «Оттепель» в экономической науке СССР в 1950-е годы: политическая воля или внутренняя эволюция? / К. Р. Телюк, В. С. Балакин // Политический вектор-L. Комплексные проблемы современной политики. – 2015. – № 1. – С. 61-68.

341. Хаминов, Д. В. Историческое образование и историческая наука в Сибири под давлением идеологических кампаний послевоенного сталинизма / Д. В. Хаминов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 4. – С. 236-237.

342. Худолей, К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране) // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2017. – №2. – С. 145-166.

343. Шайпак, Л. А. Печатная пропаганда и агитация кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в армейских структурах в годы Первой мировой войны (на материалах Среднего Поволжья) / Л. А. Шайпак //Поволжский педагогический поиск. – 2012. – №2. – С. 64-72.

344. Шардин, Д. И. Большевистскую партийность – в основу преподавания общественных наук//Вестник высшей школы. – 1949. – № 3. – С. 11-15.

345. Юрлова, Н. А. Ученый, педагог и организатор иноязычного лингвистического образования. К 60-летию со дня рождения А. Н. Шамова /

Н. А. Юрлова // Вестник Нижегородского образования. – 2012. – №3. – С. 207-210.

2.4. Энциклопедии и справочники

346. Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 5. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. – 640 с.

347. Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 10. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – 592 с.

348. Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона / Сост. и науч. ред. В. В. Ниякий. – Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 2000. – 635 с.

2.5. Диссертации и авторефераты

349. Алехина, Л. С. Высшая школа в период трансформации российского общества во второй половине 80-х – 90-е годы XX века: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Любовь Сергеевна Алехина. – Иркутск, 2002. – 236 с.

350. Анайкина, Л. И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР, 1922 – 1991 гг.: дисс. … д. и. н.: 07.00.02 / Лидия Ивановна Анайкина. – М., 2002. – 326 с.

351. Ахнина, С. Н. Развитие лингвистического образования в высшей школе Восточной Сибири (начало 20 -х – середина 80-х гг. XX в.).: автореф. дис. ... к. ист. наук: 07.00.02 / Светлана Николаевна Ахнина. – Иркутск, 2003. – 24 с.

352. Базарова, Г. Д. Формирование и развитие научной интеллигенции Бурятии (19221985 гг.): автореф. дисс. … канд. и. н. 07.00.02 / Галина Дашиевна Базарова – Улан-Удэ, 1998. – 21 с.

353. Белоножкин, А. С. Реформирование системы высшего образования в СССР (1985 – 1991 гг.): дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Александр Сергеевич Белоножкин. – М., 2006. – 190 с.

354. Быстрова, Н. В. Становление и развитие школьной системы образования в Нижегородской губернии в 1917 – 1930 гг.: автореф. дисс. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Наталья Васильевна Быстрова – Н. Новгород, 2001. – 23 с.

355. Веселов, Г. П. Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): автореф. дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Георгий Петрович Веселов. – М., 1966. – 17 с.

356. Волкова, Т. А. Развитие высшего образования в восточных районах Республики Татарстан в 1990-е гг.: автореф. дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Тамара Анатольевна Волкова – Казань. 2002. – 25 с.

357. Воробьева, Ю. С. История развития общественного высшего образования в России, 1900-1917 гг.: автореф. дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Юлия Семеновна Воробьева – М., 1995. – 34 с.

358. Дейкова, Л. А. Становление и развитие иноязычного лингвистического образования в вузах России: историко-теоретический аспект: … дисс. к. пед. н.: 3.00.01 / Людмила Александровна Дейкова – Ульяновск, 2011. – 26 с.

359. Дружкин, А. В. Аграрный университетский комплекс в системе высшего профессионального образования России: автореф. дисс. ... д. пед. н.: 13.00.08 / Александр Васильевич Дружкин. – Тольятти, 2002. – 44 с.

360. Егоров, А. Н. Общественно-политическая ситуация «оттепели» (1953-1964 гг.) в восприятии современников – преподавателей и студентов Казанского государственного университета: автореф. дис. … к. ист. наук: 07.00.02 / Алексей Николаевич Егоров. – Казань, 2010. – 211 с.

361. Ерегина, Н. Т. Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.: дисс. ... д. и. н.: 67.00.02 / Наталья Тимофеевна Ерегина – Санкт-Петербург. 2010. – 650 с.

362. Зверева, И. А. Организационно-педагогические основы регионализации высшего профессионального образования (на примере Нижегородской области): автореф. дисс. ... к. и. н.: 13.00.01 / Ирина Альбертовна Зверева. – Н. Новгород, 2003. – 26 с.

363. Казанцева, Г. А. Становление и развитие инженерно-педагогического образования в Нижегородской области: дисс. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Галина Алексеевна Казанцева. – Н. Новгород, 2007. – 182 с.

364. Казарин, В. Н. Педагогическая и научная интеллигенция Восточной Сибири: формирование, облик, деятельность. Вторая половина 40-х середина 60-х гг. XX в.: автореф. дис. канд. и. наук. / Виктор Николаевич Казарин – Иркутск, 1998. – 22 с.

365. Калашников, Е. В. Деятельность партийно-государственных органов Архангельской области в сфере народного образования накануне и в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Евгений Владимирович Калашников. – Архангельск, 2000. – 201 с.

366. Кожевина, М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование: 1918 – 1991 гг.: автореф. дисс. ... д. юр. н.: 12.00.01 / Марина Анатольевна Кожевина. – М., 2005. – 54 с.

367. Кононенко, В. М. Развитие высшего образования на Юге России: 20 – 90-е гг. XX века: автореф. дисс. ... д. и. н: 07.00.02 / Виктор Михайлович Кононенко. – Ставрополь, 2006. – 46 с.

368. Королева, Н. А. Опыт КПСС в перевоспитании старой и подготовке новой интеллигенции (1921-1925): автореф. дисс. … к. и. н.: 07.00.02 / Н. А. Королева. – Владимир, 1968. – 18 с.

369. Круглянский, М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. … к. и. н.: 07.00.02. / Михаил Романович Круглянский. – М., 1970. – 21 с.

370. Лебедева, Е. В. Развитие науки в Поволжье в 1917 – первой половине 1920-х гг.: на материалах Казанского, Саратовского, Самарского университетов: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Екатерина Васильевна Лебедева. – Самара, 2002. – 270 с.

371. Лякутина, Ю. П. История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири: 1918-1991гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Юлия Павловна Лякутина. – Иркутск, 2002. – 250 с.

372. Макарция, Г. В. Теория и практика управления системой коммунистического воспитания будущих специалистов в советской высшей

школе развитого социалистического общества: дисс. ... д. философ. н.: 09.00.02 / Геннадий Валерианович Макарция. – Тбилиси. 2002. – 417 с.

373. Малхасян, Н. В. Государственное руководство системой народного образования в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Надежда Вадимовна Малхасян. – Кострома, 2011. – 215 с.

374. Михеенков, Е. Г. Вузовская интеллигенция города Томска в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 -конец 1919 гг.): дис. ... канд. и. наук. / Егор Геннадьевич Михеенков – Томск, 2004. – 17 с.

375. Николаев, А. В. История становления и развития физической подготовки в военно-учебных заведениях России во второй половине XIX-начале XX в: автореф. дис. ... к. и. н.: 07.00.02 / Александр Валентинович Николаев. – Москва. 2002. – 184 с.

376. Никшикова, Л. Ю. Историко-педагогические основы преподавания иностранных языков в России XIX − начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Лана Юрьевна Никишикова – Н. Новгород, 2007. – 217 с.

377. Осяева, О. Н. Система образования в Мордовии и ее роль в социокультурной жизни региона: 1941 – 1955 гг.: дисс. ... к. и. н: 07.00.02 / Ольга Николаевна Осяева. – Саранск, 2007. – 201 с.

378. Платова, Е. Э. Динамика образа жизни студенчества России (1917-¬1927 гг.): дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Екатерина Эдуардовна Платова. – СПб, 2001. – 688 с.

379. Ровный, Б. И. Особенности разработки и реализации политики Советского государства в сфере образования в годы Великой Отечественной войны: 1941 – 1945 гг.: дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Борис Игоревич Ровный. – М., 2004. – 359 с.

380. Симановский, С. В. Развитие высшего педагогического образования в Нижегородском Поволжье в 30-е гг. XX века: дисс. ... к. пед. н.: 13.00.01 / Станислав Вилленович Симановский – Н. Новгород, 2003. – 149 с.

381. Ушмаева, К. А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России (20–90-е гг. XX века): дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Ксения Алексеевна Ушмаева. – Пятигорск. 2011. – 562 с.

382. Фирсова, А. М. Культурно-исторические проблемы лингвообразования в России: дисс. ... д. пед. наук: 13.00.01 / Анна Михайловна Фирсова. – Н. Новгород, 2009. – 315 с.

383. Хаминов, Д. В. Историческая наука и образование в Томском университете (конец XIX в. – 1991 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / Дмитрий Викторович Хаминов. – Томск. 2010. – 30 с.

384. Хоменко, Е. В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве: октябрь 1917 – конец 1920-х гг.: дисс. ... к. юр. н: 12.00.01. / Елена Викторовна Хоменко. – Н. Новгород, 2006. – 256 с.

385. Чернова, М. Н. История Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, 1933 – 1960 гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Марина Николаевна Чернова. – Москва. 2003. – 333 с.

386. Чистова, А. В. МГПИ имени В.И. Ленина в системе высшего педагогического образования СССР в 60 – 70-е гг. XX века.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02 / Анна Владимировна Чистова. – М., 2002. – 202 с.

387. Шатохин, И. Т. Провинциальная интеллигенция России в конце XIX начале XX вв. (По материалам Курской губернии.): автореф. дис. канд. ист. наук.: 07.00.02 / Иван Тихонович Шатохин. – М., 1999. – 16 с.

388. Широков, Г. А. Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Геннадий Афанасьевич Широков – Самара, 2002. – 485 с.

389. Шушарина, О. П. Государственная политика в сфере высшего образования в 1953 – 2003 гг.: тенденции, проблемы, противоречия: на материалах Российской Федерации: дисс. ... д. и. н.: 07.00.02 / Ольга Петровна Шушарина. – М., 2002 – 449 с.

2.6. Электронные ресурсы

390. Иркутский педагогический институт. – Иркутск,1996. – С. 6. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/pedagogicheskiy_institut_irkutskogo_gosudarstvennogo_universiteta

391. История Военного университета министерства обороны РФ. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа //http://vumo.ru/our/59-voennyj-institut.html

392. Открытое письмо академиков РАН с критикой директора ФСБ за слова о чекистах и «перегибах» в годы репрессий / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://zona.media/news/2017/12/22/pismo-akademikov, свободный.

393. Подвиг народа / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://podvignaroda.ru

394. Сайт МГЛУ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.linguanet.ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/

395. Сайт НГЛУ им. Н. А. Добролюбова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lunn.ru/sveden/history

396. Фонд Александра Н. Яковлева (Мемориал-аспект. – № 2–3. – Октябрь 1993 г.) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009101

2.7. Периодическая печать

397. Аргументы и факты. – 1993.

398. Биржа плюс карьера. – 1996.

399. Биржа плюс карьера. – 1997.

400. Биржа плюс карьера. – 1998.

401. Биржа плюс карьера. – 2000.

402. Биржа. – 1995.

403. Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992.

404. Город и горожане. – 1994.
405. Город и горожане. – 1997.
406. Город и горожане. – 1998.
407. Город и горожане. – 1999.
408. Город и горожане. – 2002.
409. Горьковский рабочий. – 1988.
410. Губерния. – 1993.
411. Дело. – 1994.
412. Известия ЦК КПСС. – 1988.
413. Курьер. – 1989.
414. Ленинская смена. – 1992.
415. Лингвист. – 2001.
416. Лингвист. – 2008.
417. Лингвист. – 2009.
418. Лингвист. – 2011.
419. Лингвист. – 2012.
420. Лингвист. – 2013.
421. Лингвист. – 2014.
422. Неделя. – 1990.
423. Нижегородская правда. – 1994.
424. Нижегородская правда. – 1995.
425. Нижегородская правда. – 1997.
426. Нижегородская правда. – 1998.
427. Нижегородская правда. – 1999.
428. Нижегородская правда. – 2001.
429. Нижегородская правда. – 2002.
430. Нижегородская ярмарка. – 1994.
431. Нижегородские новости. – 1994.
432. Нижегородские новости. – 1995.
433. Нижегородские новости. – 1996.

434. Нижегородские новости. – 1997.
435. Нижегородские новости. – 1998.
436. Нижегородский журнал. – 1997,
437. Нижегородский рабочий. – 1991.
438. Нижегородский рабочий. – 1994.
439. Нижегородский рабочий. – 1995.
440. Нижегородский рабочий. – 1997.
441. Педагогическое обозрение. – 1996.
442. Педагогическое обозрение. – 1997.
443. Педагогическое обозрение. – 2001.
444. Перекресток России. – 1994.
445. Преображение. – 1999.
446. Учительская газета. – 1993.
447. Филологические науки. – 1994.
448. Частная собственность. – 1993.

Приложения

Приложение 1. Фрагмент из: Кирюшин П. Международная рабочая связь на эсперанто. 1930 г. [701]

Трогательно – и досадно

Трогательно... на наших заводах встречают приезжих иностранцев – рабочих. Удивительно выразительно разговаривают их глаза и руки. Язык при этом пользуется днем отдыха и разве завистливо облизывает губы. Да, это трогательно, но, знаете ли, это и досадно. В украинской глуши пришлось наблюдать, как группа трактористов, крестьянских парней, вместе с мастерами – рабочими усиленно втолковывали немцу-монтеру, что асбестовая прокладка в моторе пропускает воду и нельзя ли провертеть еще одну дырку. Они показывали все это на пальцах, комментировали ломанными русскими словами, – авось так немец лучше поймет, и наконец, в бессильном отчаянии матерились. И только это последнее, кажется, дошло до хладнокровного немца. Тут уже ничего не было трогательного – «Одна досада»[702]. Не правда ли – это обычная картина, которую ежедневно и ежечасно можно наблюдать решительно везде, как в центрах, так и на окраинах. Отошла у нас в прошлое пропаганда животного национализма, не слыхать у нас «жида», «немца-проклятого», «француза-бурбона» и тому подобных прозвищ (имя им – легион), которыми в изобилии окрестили каждую национальность, понятие международной спайки и рабочей солидарности становятся известными каждому, самому отсталому

[701] Издание ЦК СЭСР. – Москва, 1930. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miresperanto.com/historio/modenov_1930.htm

[702] Заславский Д. Командный холмик. – Правда. – 1929. – № 265

рабочему и крестьянину – и, в результате всего этого лишь умножаются сцены, подобные вышеприведенной, либо трогательные и досадные, либо досадные просто. А между тем международные связи рабочих в особенности связи советских стран с заграничными день ото дня крепнут и растут. Из случайных и разрозненных они становятся постоянными, регулярными, из связей, выражающихся лишь в передаче приветствий друг другу по тому или иному поводу, они переходят в более серьезные, передающие друг другу свой политический и хозяйственный опыт. И вот создается впечатление, что некий молодой гигант вырастает и крепнет, но мешают ему расти и развиваться его старые и узкие детские одежды. До каких же это пор некоторые культурного характера преграды будут стеснять быстро развивающееся движение? – Долго ли мы будем немы и бессловесны перед нашим братом по классу – заграничным рабочим? – До каких это пор общепонятным языком будет лишь российский выразительный мат? **Командный холмик – в руки рабочему!** Наш рабочий хочет быть связан с заграницей. Он хочет понимать заграницу, хочет, в то же время, чтобы заграница его понимала. Одним словом – «командный холмик культуры» должен быть им завоеван, и не после, не в течение последующих десятилетий, а именно теперь, ибо время не ждет. Совершенно нетерпимым становится такое положение, когда важнейшее дело международной связи рабочих пока находится почти исключительно в руках далеко не рабочей части интеллигенции. Рабочий класс хочет непосредственно, без всяких переводчиков и посредников, говорить со своим братом по классу из-за границы, и надо сделать все возможное, чтобы это его желание удовлетворить. Надо – не правда ли? – позаботиться о том, чтобы знание иностранных языков проникало все более и более в широкие рабочие (и даже крестьянские) массы, чтобы этим делом занялись наши клубы, комсомольские и партийные ячейки, чтобы в широких размерах издавалась необходимая вспомогательная литература. Кто будет против этого? – Никто, кроме, возможно, некоторых чудаков. Но: Наши пропагандисты лозунга – «Иностранные языки в массы», обыкновенно не доходят до этого «но». Все, как будто, ясно, все понятно и

проверено и возражающих нет. – А мы все-таки попробуем идти дальше. Но... получаемые результаты и в самой малой доле не покрывают ни сделанных усилий, ни понесенных затрат. По-прежнему иностранные языки знают лишь редкие интеллигентные одиночки; – из рабочих по-прежнему по-иностранному разговаривают лишь те, кто жил лет десяток в Америке, или побывал в плену. О тех рабочих, которые научились в наших клубных кружках, что-то не слышно. Мало слышно, впрочем, и о самих кружках. Эти кружки, как правило, распадаются на втором месяце своего существования или влачат жалкое существование, потеряв 90% своего прежнего состава. А как далеко заходят в своих познаниях эти кружковцы. Очень редко они идут дальше вызубривания грамматических правил и чтения маленьких рассказиков в хрестоматии. Живою иностранною речью они не владеют, даже обыкновенной, заграничной газеты они читать не могут и уж во всяком случае непосредственной связи с заграницей они не ведут. Где те сотни тысяч комсомольцев, которые изучали немецкий язык по «Комсомольской Правде»? Овладели ли они этим языком, ведут ли они на нем переписку с заграницей, разговаривают ли с приезжающими делегатами-немцами или, так же, как и другие, при этом: молчат? Овладеют ли в этом году новые сотни – или, по крайней мере – десятки тысяч читателей той же «Комсомольской Правды» английским языком? Где те предполагаемые миллионы, которые изучали иностранные языки по радио? Изучили ли они их? Читатель, по-видимому, встречал таких людей, которые изучали иностранные языки в рабочих кружках, или по радио, или по «Комсомольской Правде». Но он едва ли встречал тех из них, которые бы этими языками владели настолько, чтобы иметь возможность в них разговаривать, писать, читать, помогать в своем рабочем коллективе без посредства наемных переводчиков налаживать международную связь. Возможно, что такие люди и имеются, но их так мало, что редко их встречаешь. Во всяком случае отдельными талантливыми исключениями дела массовой международной связи не создашь. Одиночки-ласточки еще не делают весны. Так в чем же дело? Неужели мы так тупы, что не в состоянии изучить иностранных языков,

неужели у рабочей молодежи нет необходимой для этого усидчивости и энергии? Едва ли. В своей массе рабочие не менее, а пожалуй, даже и более талантливы, чем буржуазия, а энергии у них хоть отбавляй. Дело не в способности рабочих, а в самих языках. А пока... Пока, несмотря на усиленную пропаганду языков и затрачиваемые средства мы лишь улыбаемся в присутствии иностранных делегатов-рабочих, усиленно трясем им руки и хлопаем сокрушительно по плечам. Наш язык при этом по-прежнему молчит. А между тем, рабочие должны овладеть делом международной связи! При изучении иностранных языков происходит то же самое, что при подъеме на горы. Кажется, и далеко уже прошел по намеченному пути, и больше уже открылись перед тобой горизонты, но впереди высятся все новые и новые вершины, которых надо достичь. Самой высокой вершины почти никогда не достигаешь. Так и тут. Предположим, что мы, против всяких ожиданий, изучили один иностранный язык достаточно хорошо, чтобы на нем переписываться и даже разговаривать. Но после этого надо приступить к изучению уже другого, третьего языка, и так далее – до бесконечности. Потому что нельзя думать, что наши рабочие хотят сноситься только с одной Германией или только сводной Англией. Их, наоборот, интересуют все страны, в которых живут и борются наши братья рабочие и в каждую из них хотелось бы послать письмо, из каждой из них хотелось бы видеть делегата и поговорить с ним. Завтра может вспыхнуть революционный взрыв в Китае, послезавтра в Италии и Индии – и наши планы в отношении ближайших путей международной связи изменятся, одновременно с этим будет вполне законным желание изучать уже другие иностранные языки. Формально говоря, каждый народ, как бы он не был мал и некультурен, имеет одинаковое право на связь с нами. Мы должны отвыкать от привитого нам буржуазией исключительного уважения только к языкам высококультурных западных наций. Когда мы читаем в газетах сообщение о том, что белорусские комсомольцы, в порядке соревнования с комсомольцами Киева, предложили 25-ти товарищам из своей среды изучить немецкий язык, мы расцениваем этот шаг, как взятую на себя комсомольцами

задачу усвоить одно из средств для овладения иностранной техникой и культурой; но было бы странно, если бы комсомольцы начали изучать только немецкий язык для развития международной рабочей связи. Неужели белорусские комсомольцы, подобно читателям допетровской Руси, дальше немца иностранца не видели? Тов. Бухарин где-то говорил об исключительных познаниях Ленина и упомянул, между прочим, что «последний знал все языки». Между тем, всем известно (из личной анкеты Ленина, заполненной им для Замоскворецкого райкома партии), что Ленин знал лишь языки – немецкий, французский, английский и, отчасти, итальянский. Для т. Бухарина выходит, что «все языки» ограничиваются лишь перечисленной группой так же, как для французского аристократа «весь свет» заключается в его кругу сотоварищей – аристократов. А нам хотелось бы свои международные связи распространить несколько шире, связаться и со шведом, с поляком, с испанцем, болгарином, греком, индусом, негром и полинезийцем, со всеми теми, кто по праву входит в великую семью рабочего человечества; всем им передать наши братские приветы, от всех их услышать те же слова привета и сочувствия. Долгая и тяжкая работа – изучение иностранных языков и массе рабочей недоступная. А связаться с заграницей надо. Этому делу легко и быстро помогает связь на самом легком и общедоступном языке – эсперанто.

Приложение 2. Список преподавателей иностранных языков в г. Нижнем Новгороде – Горьком (1917-1937)

	ФИО	**Язык**	**Место работы**
Преподаватели курсов М. М. Ландау			
1	Бубнова Н. А.	Англ., фр.	С 1931 г. на курсах М. М. Ландау
2	Генке А. А.	Фр.	Выпускница курсов М. М. Ландау. С 1931 г. на курсах М. М. Ландау
3	Герман А. А.	Нем.	Работал на курсах М. М. Ландау. На 1930 г. в НГУ. В 1930 г. переведен в машиностроительный институт.
4	Гиленков Г. Г.	Англ.	С 1925 г. на курсах М. М. Ландау. С 1925 г. в НГУ. В 1930 г. переведен в химико-технологический институт. В 1933 г. начал читать курсы: «методика преподавания английского языка», «художественный перевод», «фонетика английского языка», «история английской литературы».
5	Колдунова О. А.	Англ.	Выпускница Женевского университета. Выпускница курсов М. М. Ландау. С 1930 г. на курсах М. М. Ландау Вошла в число первых доцентов советской системы образования.
6	Корнеева Л. А.	Нем.	С 1928 г. – преподаватель нем. языка в средней школе. С 1933 г. курсы М. М. Ландау, по совместительству – преподаватель ГГУ
7	Кремер А. А.	Нем.	С 1925 г. в НГУ. По совместительству на курсах М. М. Ландау. В 1930 г. переведен в машиностроительный институт.
8	Ландау М. М.	Нем., фр., англ.	С 1917 г. курсы М. М. Ландау. С 1925 г. в НГУ. В 1930 г. переведен в машиностроительный институт.

9	Ланц Ф.И.	Нем.	С 1928 г. на курсах М. М. Ландау.
10	Лебедева В. Н.	Нем., фр., англ.	Выпускница Сорбонны, Франция. Выпускница курсов М. М. Ландау. С 1913 г. преподавала в Сормовском реальном училище. С 1935 г. на курсах М. М. Ландау. С 1937 г. в ГГПИИЯ.
11	Лебедева М. Я	Нем., фр., англ.	Выпускница курсов М. М. Ландау. С 1930 г. на курсах М. М. Ландау.
12	Лукьянова М. И.	Фр.	Выпускница Сорбонны, Франция. До революции в нижегородских средних школах.
13	Миловидова Л. В.	Нем.	С 1912 г. курсы нем. и фр. в нижегородских гимназиях. С 1923 г. на курсах М. М. Ландау.
14	Михайлова М. С.	Фр.	С 1931 г. работала на курсах М. М. Ландау. С 1930 г. работала в педагогическом институте. С 1937 г. в ГГПИИЯ
15	Остроумова О. А.	Англ.	С 1934 г. на курсах М. М. Ландау.
16	Световидова Ц. Г.	Нем.	Работала на курсах М. М. Ландау. С 1920-х г. в НГУ. В 1930 г. переведена в сельскохоз. институт.
17	Шарпье Э. К.	Фр.	Обучалась в Швейцарии. Преподавала на курсах М. М. Ландау с 1918 г. С 1925 г. в НГУ.
18	Энгельс А. В.	Нем., фр.	Немецкий язык в гимназиях с начала XX в. Французский язык – в советской школе I и II ступеней. Работала на курсах М. М. Ландау. На 1930 г. в НГУ. В 1930 г. переведена в машиностроительный институт.
19	Ярошевская Э. В.	Нем.	С 1908 г. в Нижегородском Мариинском институте. С 1928 г. на курсах М. М. Ландау.
Преподаватели НПИ			
1	Аллендорф А. А.	Нем.	С 1908 г. преподавала в средних учебных заведениях. С 1922 г. в НИНО-НПИ.
2	Вагнер Р. Е.	Нем.	С 1918 г. в НПИ, по совместительству в НГУ.
3	Коротких Н. А.	Нем.	С 1910 г. в кадетском корпусе и Духовной семинарии. С 1919 г. в НИНО.
4	Тьерри Э. Р.	Англ.	С 1918 г. в НПИ.

5	Хай Э. Г.	Нем.	До революции в НПИ.
6	Шапошникова Л. Э.	Фр.	С 1901 г. в первой мужской гимназии. С 1918 г. в НПИ. С 1919 г. в НГУ. В 1930 г. переведена в педагогический институт.
7	Шейнина И.	Нем.	С 1918 г. в НПИ.
8	Эзер О.Л.	Нем.	Обучался в Германии.
9	Эйнгорн Л. О.		Работал в НИНО-НПИ.
Преподаватели НГУ			
1	Архангельская А. Б.	Нем.	Окончила Варшавские курсы иностранных языков. На 1930 г. в НГУ. В 1930 г. переведена в педагогический институт.
2	Баулин С. А.	Нем.	На 1930 г. в НГУ. В 1930 г. переведен в инженерно-строительный институт.
3	Романова З. А.		С 1925 г. в НГУ.
4	Федорова А. А.	Нем.	На 1930 г. в НГУ. В 1930 г. переведена в химико-технологический институт.
5	Шульц Г. Э.	Нем.	С 1925 г. в НГУ
6	Якобсен А. А.	Нем.	С 1919 г. в НГУ

Комментарий диссертанта: таблица показывает, что большинство преподавателей иностранных языков Нижнего Новгорода-Горького начали свою педагогическую карьеру с М. М. Ландау (либо, окончив курсы М. М. Ландау, либо поступив на работу на курсы под его руководством). Часть преподавателей, как и сам М. М. Ландау, совмещали работу на курсах с работой в других учебных заведениях.

Приложение 3. Приказ № 2 по ГГПИИЯ. Объявление административных должностей и окладов их содержания. 1937 г.

«§ 1. Объявляю штаты и ставки заработной платы административно-управленческому персоналу Института, утвержденные с 1 сентября сего г. Наркомпросом РСФСР.

Должность	**Кол-во.**	**Зарплата в руб. в месяц**
Директор	1	800
Зам. директора по учебной части	1	700
Пом. директора по хоз. части	1	500
Деканы факультетов	2	300
Секретари факультетов	2	225
Управ. делами	1	250
Машинистка	1	200
Старший бухгалтер	1	500
Бухгалтер	1	350
Счетовод-инкассатор	1	250
Мл. обслуживающий персонал	2	110

§ 2. Назначить с 1 сентября сего г. временно исполняющим обязанности Зам. Директора по Учебной части т. Припорова П. А.».

Приложение 4. Приказ по ГГПИИЯ № 8 от 7 февраля 1938 г. «О преобразовании кафедр иностранных языков в кафедры английской, немецкой, французской филологии»

Назначить в штат профессорско-преподавательского персонала ГГПИИЯ следующих лиц.

По кафедре английской филологии

- Колдунову Ольгу Александровну – доцентом кафедры английского языка с окладом 600 рублей в месяц, включая сюда и оклад за заведование кафедрой.
- Михайлову Марию Сергеевну – преподавателем[703] английского языка с окладом 600 рублей.
- Казанского Сергея Николаевича – преподавателем английского языка с окладом 500 рублей.
- Перлин Белу Абрамовну – преподавателем английского языка с окладом 500 рублей.
- Брой Иосифа Михайловича – старшим лаборантом с окладом 450 рублей.

По кафедре немецкой филологии[704]

- Лебедеву Рашель Осиповну – преподавателем немецкого языка с окладом 500 рублей.
- Цареградскую Веру Юрьевну – преподавателем немецкого языка с окладом 500 рублей.
- Миловидову Лидию Васильевну – преподавателем немецкого языка по совместительству на 1/2 ставки с окладом 300 рублей.

---

[703] Должности старших преподавателей будут введены в вузах позже: в 1939 г. по указанию Наркомпроса (ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Л. 116).

[704] Тогда вакантная должность заведующего той кафедрой позже (с 1 февраля 1938 г.) была занята Эльзой Фридриховной Райснер – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

- Корнееву Лидию Альфредовну – преподавателем немецкого языка по совместительству на 1/2 ставки с окладом 300 рублей.
- Радзишевскую Елизавету Эдуардовну[705] – преподавателем немецкого языка по совместительству на 1/2 ставки с окладом 300 рублей.

По кафедре французской филологии

- Щелок-Зайцевскую Евгению Александровну – преподавателем французского языка с окладом 500 рублей.
- Козлову Ольгу Эрастовну – преподавателем французского языка и литературы на ½ ставки с окладом 300 рублей.
- Лебедеву Веру Николаевну – преподавателем французского языка на 3/4 ставки с окладом 375 рублей.
- Леруа Марию Ивановну – преподавателем французского языка по совместительству на 1/2 ставки с окладом 250 рублей.

По кафедре социально-экономических наук

- Вершинина Василия Александровича – преподавателем политэкономии и ленинизма на 2/3 ставки с окладом 400 рублей.

По кафедре языкознания и русского языка

- Лаврова Николая Александровича – преподавателем современного русского языка по совместительству на 1/2 ставки с окладом 300 рублей и с доплатой за заведование кафедрой 120 рублей»[706].

Комментарий диссертанта: приведенный список лиц тогда составлял основной штат преподавательского состава.

---

[705] Испытывая недостаток в кадрах, А. И. Березин был вынужден временно восстановить её на работе во изменение собственного приказа и все же уволить с 1 сентября на основании все того же указания Наркомпроса от 3.I. 38. – ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 70.
[706] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

Приложение 5. Новый учебный план для факультетов английского, французского, немецкого языков институтов иностранных языков. 1938 г.[707]

Перечень дисциплин и количество часов, обеспечивающих их преподавание.

Предмет	**Кол-во часов**
Современный иностранный язык	2020
Консультации (на группу)	326
Основы марксизма-ленинизма	220
Педагогика	204
Второй иностранный язык	197
Политическая экономия	160
Физкультура	160
Военная подготовка	140
Литература страны	138
Всеобщая литература	138
Русская и советская литература XIX-XX вв.	136
История языка	133
Диамат и истмат	129
Всеобщая история	128
Аналитическое чтение	108
Русский язык	88
История СССР	86
Введение в языкознание	84
Методика	72
Психология	60
Школьная гигиена	33

[707] Введен решением Наркомпроса от 26 мая 1938 г.

Приложение 6. Число студентов, успешно сдавших весеннюю сессию 1940 г. и переведенных на следующий курс

Курс	**ФАЯ**	**ФФЯ**	**ФНЯ**	**Всего**
II	56	30	21	107
III	40	31	25	96
IV	9	15	15	39

С условием сдачи задолженности на следующие курсы всех факультетов переводилось ещё 73 человека.

Приложение 7. Преподаватели и студенты Горьковских высших учебных заведений, арестованные в горы сталинских репрессий по материалам онлайн-ресурсов[708] [709]

Аренс Георгий Петрович (1902 г.р.) – уроженец г. Рига, латыш, б. член ВКП(б), начальник отдела Радиотелефонного завода и преподаватель Машиностроительного института в г. Горький, перед арестом аспирант Лен. физико-технического института (ЛФТИ). Проживал: г. Ленинград, Яшумов пер., д. 22, кв. 39. Арестован 11 декабря 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 17 января 1938 г. Приговорен по ст. ст. 58-6-9 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 22 января 1938 г.

Банов Алексей Васильевич (27.03.1901) – малоросс: Воронежская губ., русский, из служащих, образование: высшее, б/п, зав. кафедрой физики в Горьковском педагогическом институте, профессор. Проживал: г. Горький, ул. Университетская, д.5, кв.31. Арестован 10.04.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956.[710]

Бочаров Ефрем Михайлович (25.01.1903) – малоросс: Санкт-Петербург, русский, образование: высшее, член ВКП(б), преподаватель в Горьковском педагогическом институте. Проживал: г. Горький, ул. Лядова, д.14, кв.3. Арестован 20.02.1936. Обвинение: в к.-р. террористической

---

[708] Жертвы политического террора в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index.htm

[709] Списки жертв политических репрессий в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.memo.ru

[710] Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[711].

Веселовский Сергей Александрович (1907 г.р.) – уроженец с. Воскресенское Воскресенского р-на Горьковской обл., русский, из семьи священника, беспартийный, преподаватель школы им. М. Горького. Проживал: п. Правдинск Балахнинского р-на Горьковского края, дом Коммуны, кв. 88. Арестован 31 марта 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Вольпе Анна Николаевна (1903 г.р.) – уроженка г. Ленинград, еврейка, член ВКП(б) в 1919-1936 гг., преподаватель, слушательница Горьковского института марксизма-ленинизма. Проживала: г. Горький. Арестована 10 апреля 1936 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 12 ноября 1936 г. осуждена по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 8 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. Приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна в Карельской АССР (Сандармох) 2 ноября 1937 г.

Воробьева Евгения Васильевна (1896 г.р.) – уроженка с. Путятино Сапожковского у. Рязанской губ., русская, б. член ВКП(б), преподаватель-экономист. Проживала: г. Горький, ул. Дзержинского, д. 24, кв. 13. Военной коллегией Верховного суда СССР 11 ноября 1936 г. осуждена на 8 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

---

[711] Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Галочкин Николай Иванович (1910 г.р.) – уроженец с. Новые Березники Дальнеконстантиновского р-на Горьковского края, русский, из крестьян, беспартийный, студент 4-го курса Пединститута. Проживал: г. Горький, Сормово, ул. Пугачева, д. 1, кв. 2. Арестован 25 февраля 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Гиленков Георгий Георгиевич (1899 г.р.) – малоросс: г. Вильно, белорус, беспартийный, преподаватель английского языка Индустриального института. Проживал: г. Горький, Славянская пл., д. 5, кв. 3. Арестован 11.09.1937. Обвинение: по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговор: Тройкой УНКВД Горьковской обл., 04.01.1938 – ВМН. Расстрелян 02.04.1938, г. Горький[712].

Гирс Михаил Георгиевич (1903 г.р.) – малоросс: г. Ленинград, русский, из дворян, беспартийный, учился в аспирантуре Института востоковедения (г. Ленинград), декан факультета языка и литературы Пединститута. Проживал: г. Горький, Университетская ул., д. 5, кв. 16. Арестован 11.04.1936. Обвинение: по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький, 19.09.1936 – 10 лет лишения свободы. Отбывал наказание в Соловках. Приговор: Особой тройкой УНКВД ЛО, 10.10.1937 – ВМН. Расстрелян 04.11.1937, в Карелии (Сандармох)[713].

Гитман Илья Рафаилович (1938 г.р.) – малоросс: г. Горький, еврей, студент Горьковского института инженеров водного транспорта. Проживал: г. Горький, Краснофлотская, 67, кв. 14. Арестован 05.01.1957. Обвинение: 58-10

---

[712] Ленинградский мартиролог 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 12.: 1937–1938. – СПБ. РНБ, 2012. – 799 с.
[713] Ленинградский мартиролог 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 6.: 1937 год. – СПб. РНБ, 2007. – 734 с.

ч.2, 58-11 // ар. как "участник антисов. группы". Приговор: Горьковский облсуд, 07.06.1957 – к 3 г. ИТЛ.[714]

Голованов Борис Иванович (1913 г.р.) – уроженец с. Большое Мурашкино Большемурашкинского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, студент Сормовского филиала Горьковского пединститута. Проживал: г. Горький, Сормово, ул. Пугачева, д. 1, кв. 6 (8). Арестован 19 марта 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Головин Леонид Васильевич (1901 г.р.) – уроженец с. Спас-Талица Оричевского р-на Кировского края, русский, из крестьян, беспартийный, зав. сектором подготовки учителей Крайоно (по др. данным преподаватель Пединститута). Проживал: г. Горький, ул. Дзержинского, д. 24в, кв. 24. Арестован 23 апреля 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 сентября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Грибовский Борис Валерьянович (1887 г.р.) – уроженец г. Ленинград, русский, из семьи чиновника, окончил университет и педагогические курсы, преподаватель математики. Судим в 1922 г. за "распространение ложных слухов". Осужден в 1929 г. по ст. 58-10 УК РСФСР на 3 года концлагеря. Отбывал наказание в Соловках. В 1937 г. протоиерей Успенской церкви. Проживал: г. Муром, ул. Лакина, д. 75. Арестован 22 октября 1937 г. как "участник контрреволюционной церковной диверсионно-террористической организации". Тройкой УНКВД Горьковской области 17 декабря 1937 г.

---

[714] НИПЦ «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial

Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Горький 26 декабря 1937 г.

Дойников Аркадий Александрович (1893 г.р.) – уроженец с. Гнилицы Горьковского края, русский, член ВКП(б) в 1927-1936 гг., образование высшее, доцент кафедры педагогики Сормовского филиала Горьковского пединститута. Проживал: г. Горький, ул. Ульянова, д. 10, кв. 1. Арестован 4 апреля 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Друзин Василий Макарович (1888 г.р.) – малоросс: с. Ашап, Ординский р-н, Пермская обл., русский, образование: начальное, спец. Военрук индустриального института г. Н. Новгород. Проживал: г. Горький. Арестован 08.07.1938. Приговор: УНКВД по Горьковской области, 15.05.1939 – дело прекращено за недоказанностью состава преступления[715].

Дубинский Леонид Михайлович (21.02.1906) – малоросс: Мозырь, русский, из рабочих, образование: высшее, б/п, студент Горьковского государственного университета. Проживал: г. Горький, ул. Звездинка, д.11, кв.1. Арестован 04.12.1936. Обвинение: в к.-р. организационной деятельности и совершении терактов. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.09.1937 – ВМН. Расстрелян 02.09.1937, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 19.07.1957[716].

---

[715] Книга памяти жертв политических репрессий Пермской области. Часть 3 (в пяти томах) Том 1 (А-Г). Том 2 (Д-К). Том 3 (Л-О). Том 4 (П-С). Том 5 (Т-Я) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.permgaspi.ru/index.php?page=kniga-pamyati-zhertv-politicheskih-repressij-permskoj-oblasti-tom-1-a-g

[716] Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Жильцов Владимир Иванович (28.06.1946) – малоросс: Рязанская обл., Сасовский р-н, с. Пителино, русский, образование: Н/высшее, студент 5 курса историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Проживал: Горький. Арестован 06.06.1969. Обвинение: ст.70 ч.1 УК РСФСР, 72 УК РСФСР. Приговор: Горьковским облсудом, 24.04.1970 – 4 г. Срок отбывал в Дубравлаге[717].

Заикин Вениамин Васильевич (1913 г.р.) – уроженец с. Княгинино Большемурашкинского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, студент Сормовского филиала Горьковского пединститута. Проживал: г. Горький, Сормово, ул. Пугачева, барак № 1. Арестован 8 мая 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Кантор Александр Харитонович (24.12.1899) – малоросс: Одесса, еврей, образование: высшее, член ВКП(б), доцент в Горьковском педагогическом институте. Проживал: г. Горький, ул. Дзержинского, д.15, кв.23. Арестован 22.02.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956.[718]

Карасев Сергей Семенович (1887 г.р.) уроженец с. Кирилловка Арзамасского р-на (по др. данным д. Черная Маза Лысковского р-на) Горьковского края, русский, из крестьян, беспартийный, преподаватель

---

[717] НИПЦ «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial

[718] Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Педтехникума. Проживал: г. Лысково, пер. 1 Мая, д. 19. Арестован 19 марта 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г. (Его дочь Раиса расстреляна там же 2 ноября 1937 г.)

Карасева Раиса Сергеевна (1912 г.р.) уроженка д. Черная Маза Лысковского р-на Горьковского края, русская, беспартийная, преподаватель химии и биологии Лысковской средней школы. Проживала: г. Лысково, пер. 1 Мая, д. 19. Арестована 8 марта 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда в г. Горький 20 ноября 1936 г. осуждена по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. Приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна в Карельской АССР (Сандармох) 2 ноября 1937 г. (Ее отец С. С. Карасев расстрелян там же 4 ноября 1937 г.; ее муж Т. Ф. Агапов расстрелян в г. Горький 18 ноября 1936 г.)

Корешков Яков Андрианович (1882 г.р.) – уроженец с. Андреевское Александровского у. Владимирской губ., русский, член ВКП(б) в 1927-1936 гг., учитель средней школы. Проживал: г. Лысково Горьковского края, ул. Урицкого, д. 42. Арестован 25 июня 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Косолапов Иван Иванович (1915 г.р.) – уроженец г. Ардатов Нижегородской губ., русский, беспартийный, студент 4-го курса биофака Сормовского филиала Горьковского пединститута. Проживал: г. Горький, Сормово, ул. Пугачева, д. 1, кв. 9. Арестован 25 февраля 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936

г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 2 ноября 1937 г.

Лазарев Кузьма Иванович (1912 г.р.) – уроженец с. Ковакса Арзамасского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, преподаватель ж.-д. средней школы на ст. Магдагачи Амурской обл. Арестован 16 ноября 1935 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Лактионов Анатолий Викторович (28.02.1911) – малоросс: Марийская АССР, Горномарийский р-н, с.Кумья, русский, б/п, студент Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, Нагорный пер., д.1/24, кв.16. Арестован 26.02.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[719].

Лапшин Николай Ильич (1911 г.р.) – уроженец д. Ефремово Муромского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, педагог-историк, студент 4-го курса Пединститута. Проживал: г. Горький, Нагорный пер., д. 1/24, кв. 36. Арестован 22 февраля 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 8 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой

[719] Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Львович Рафаил Владимирович (1878 г.р.) – малоросс: г. Луганск, еврей, профессор, консультант Центральной радиолаборатории. Проживал: г. Ленинград, Подрезова ул., д. 12, кв. 4. Выслан из Ленинграда на 5 лет. В 1937 г. декан Индустриального института. Проживал: г. Горький. Арестован 18.09.1937. Обвинение: ст. ст. 58-6-8-11 УК РСФСР. Приговор: Выездной сессией Военной Коллегиии Верховного суда СССР в г. Горький, 30.01.1938 – ВМН. Расстрелян 30.01.1938, г. Горький[720].

Масленников Иван Алексеевич (08.09.1905) – малоросс: Вятская губ., русский, образование: высшее, б/п, и. о. доцента Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, ул. Полевая, д. 22. Арестован 10.04.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[721].

Маякин Петр Иванович (1891 г.р.) – уроженец с. Силинский Майдан Шатковского р-на Горьковского края, русский, из крестьян, беспартийный, окончил Горьковский пединститут, учитель биологии, директор средней школы. Проживал: с. Ляхи Горьковского края, в доме школы. Арестован 23 апреля 1935 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

---

[720] Ленинградский мартиролог 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 8.: Январь – февраль 1938 года. – СПб. РНБ, 2008. – 699 с.

[721] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Миронычев Николай Иосифович (1914 г.р.) – уроженец с. Семеть Кстовского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, директор Семетской школы в 1933-1935 гг., преподаватель неполной средней школы в с. Мореновка Кстовского р-на, где и проживал. Арестован 19 мая 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 8 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Мурзин Александр Иванович (1887 г.р.) – уроженец и житель с. Макарьево Лысковского р-на Горьковского края, русский, из рабочих, беспартийный, окончил Московский учительский институт и артиллерийское училище, учитель, преподаватель неполной средней школы. В прошлом судим по ст. ст. 109, 111 УК РСФСР на 1 год принуд. работ. Арестован 3 июня 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Неврли-Янсон Поляна Корнильевна (урожденная Пелагея Лысоченко) (1896 г.р.) – уроженка д. Кульбаково Донской обл., украинка, член ВКП(б) в 1920-1928 гг., б. зав военным столом табачной фабрики "Ява", преподаватель истории школы № 24. Проживала: г. Москва, Кадашевская наб., д. 36, кв. 63. Арестована 8 октября 1935 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 10 ноября 1936 г. осуждена по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г. (Ее муж К. Я. Янсон, нач. штампо-инструментального хозяйства прессового цеха ГАЗа, расстрелян в г. Горький 16 октября 1936 г.)

Нелидов Иван Юрьевич (04.08.1905) – малоросс: Тульская губ., русский, образование: высшее, б/п, доцент Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, ул. Веры Фигнер, д.2, кв.28. Арестован 10.04.1936. Обвинение: в к.р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[722].

Нилендер Николай Евгеньевич (12.11.1903) – малоросс: Таганрог, русский, из служащих, образование: высшее, б/п, декан естественного факультета в Горьковском педагогическом институте. Проживал: г. Горький, Сормовский р-н, дом специалистов, кв.44. Арестован 10.04.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[723].

Ольберг Валентин Павлович (1907 г.р.) – малоросс: Швейцария, Цюрих, гражданин Республики Гондурас, немец, из интеллигенции, образование: высшее, б/п (бывший член КП Германии). Преподаватель истории в Горьковском педагогическом институте. Проживал: г. Горький, ул. Ульянова, д.1. |Арестован 05.05.1936. Обвинение: в участии в к.-р. террористической организации. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 24.08.1936 – ВМН. Расстрелян 25.08.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: Пленум Верховного Суда СССР, 13.07.1988[724].

---

[722] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

[723] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

[724] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Орнатский Петр Матвеевич (1891 г.р.) – малоросс: г. Череповец, русский. Преподаватель бухгалтерских курсов. Проживал: г. Горький. Арестован 22.01.1933. Обвинение: 58-10. Приговор: 5 мес.[725]

Петухов Александр Михайлович (1888 г.р.) – уроженец и житель с. Макарьево Лысковского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, преподаватель неполной средней школы. Арестован 10 мая 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 19 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Распевакин Сергей Петрович (20.09.1900) – малоросс: Московская губ., русский, образование: высшее, член ВКП(б). Преподаватель Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, ул. Советская, д.1, кв.15. Арестован 03.04.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956.[726]

Садомовский Ян Абраамович (1938 г.р.) – малоросс: Горький, русский, студент Института инженеров водного транспорта. Проживал: Горький. Арестован 27.03.1957. Обвинение: 58-10 ч.1, 58-11. Приговор: судеб. коллегией по угол. делам Горьковской обл., 04.06.1957 – к 1 г. ИТЛ. С зачетом рабочих дней осв. 17.01.1958[727].

---

[725] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов, В. В. Смирнов и др. – 1998. – 542 с.

[726] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

[727] НИПЦ «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial

Семенец Георгий Васильевич (1916 г.р.) – уроженец д. Семенцово Бешенковичской вол. Лепельского у. Витебской губ., белорус, беспартийный, преподаватель биологии и химии неполной средней школы в п. Красные Баки Горьковского края, где и проживал. Арестован 8 октября 1935 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 21 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 8 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Синицина Зинаида Сергеевна (1907 г.р.) – малоросс: г. Горький, русская, образование: высшее, беспартийная, математик, б. преподаватель Канавинской школы им. Тимирязева, ассистент кафедры Индустриального института. Проживала: г. Горький, ул. Свердлова, д. 10, кв. 24. Арестована 05.03.1936. Содержалась в Бутырской тюрьме. Обвинение: по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: Военной коллегией Верховного суда СССР, 12.11.1936 – 8 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Приговор: Особой тройкой УНКВД ЛО, 10.10.1937 – ВМН. Расстреляна 04.11.1937, в Карелии (Сандармох)[728].

Смыслов Вячеслав Серафимович (1937 г.р.) – малоросс: Горький, русский. Горьковский институт инженеров водного транспорта – студент. Проживал: Горький. Арестован 27.03.1957. Обвинение: 58-10, 58-11. Приговор: Горьковский облсуд, 07.06.1957 – к 1 г. ИТЛ. С учетом зачетов раб. дней осв. 26.01.1958[729].

Снегирев Константин Митрофанович (1913 г.р.) – уроженец с. Троицкое Западной обл., русский, беспартийный, студент Уральского индустриального техникума (г. Свердловск). В декабре 1935 г. находился

---

[728] Ленинградский мартиролог 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 6.: 1937 год. – СПб. РНБ, 2007. – 734 с.
[729] НИПЦ «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial

под следствием в Арзамасской тюрьме, где "устроил дебош, требуя ускорения дела". Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 21 ноября 1936 г. Осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Соколов Анатолий Сергеевич (08.09.1895) – малоросс: Ярославская губ., с. Покровское-Раменье, русский, сын священника, образование: высшее, член ВКП(б), доцент кафедры истории СССР Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, ул. Университетская, д.5, кв.16. Арестован 22.02.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[730].

Солоницина Валентина Васильевна (1913 г.р.) – малоросс: с. Алтыгашево Шурминского р-на Кировского края, русская, из крестьян, беспартийная, студентка 4-го курса Сормовского филиала Пединститута. Проживал: г. Горький, Сормово, ул. Пугачева, д. 1, кв. 17 (общежитие Пединститута). Арестована 25.02.1936. Обвинение: по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР, 21.11.1936 – 8 лет тюрьмы[731].

Сосенский Адольф Яковлевич (1913 г.р.) – малоросс: Германия, местечка Вернсгаусен, еврей, преподаватель английского языка Горьк.

---

[730] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

[731] Ленинградский мартиролог 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 6.: 1937 год. – СПб. РНБ, 2007. – 734 с.

института иностранных языков. Проживал: г. Горький. Арестован 23.06.1938. Обвинение: 58-6. Приговор: тройка – ВМН. Расстрелян 10.10.1938[732].

Сыров Иван Александрович (1927 г.р.) – малоросс: д. Семеновка Гороховецкого р-на. Студент института. Проживал: г. Горький. Арестован 10.01.1946. Приговор: 7 лет лишения свободы.[733]

Толкачева Людмила Александровна (1908 г.р.) – уроженка д. Крутая Павловского р-на Горьковского края, русская, беспартийная, преподаватель биологии и химии неполной средней школы. Проживала: с. Паново Шатковского р-на Горьковского края. Арестована 18 октября 1935 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936 г. осуждена по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. Приговорена к высшей мере наказания. Расстреляна в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Фадеев Константин Петрович (19.09.1900) – малоросс: Нижегородская губ., с. Чернуха, русский, из крестьян, образование: высшее, член ВКП(б), зав. кабинетом истории Горьковского института повышения квалификации кадров народного образования. Проживал: г. Горький, ул. Заломова, д.18, кв.9. Арестован 13.04.1936. Обвинение: в террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 04.11.1936 – ВМН. Расстрелян 04.11.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 01.09.1956[734].

---

[732] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов, В. В. Смирнов и др. – 1998. – 542 с.

[733] Книга памяти Владимирской области / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://nasa-istoria.blagorussia.ru/istoriceskie-dokumenty/kniga-pamati-vladimirskoj-oblasti-bol-i-pamat

[734] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Федотов Иван Кузьмич (27.12.1900) – малоросс: Санкт-Петербургская губ., русский, образование: незаконченное высшее, член ВКП(б), ректор Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, ул. Веры Фигнер, д.2, кв.24. Арестован 10.01.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[735].

Фролова Зоя Михайловна (1913 г. р.) – малоросс: с. Курмыш Горьковского края, русская, б. канд. в члены ВКП(б), студентка 3-го курса Сормовского филиала Горьковского пединститута. Проживала: г. Горький, Сормово, ул. Пугачева, д. 1, кв. 17 (общежитие). Арестована 17.10.1935. Обвинение: по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР. Приговор: Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький, 21.11.1936 – 8 лет тюрьмы. Отбывала наказание в Соловках. Приговор: Особой тройкой УНКВД ЛО, 09.10.1937 – ВМН. Расстреляна 02.11.1937, в Карелии (Сандармох)[736].

Фуртичев Яков Абрамович (1899 г. р.) – малоросс: Тульская губ., русский, образование: высшее, член ВКП(б), зав. кафедрой философии Горьковского педагогического института. Проживал: г. Горький, ул. Дзержинского, д.24, кв.13. Арестован 15.01.1936. Обвинение: в к.-р. террористической деятельности. Приговор: Военная коллегия Верховного суда СССР, 02.10.1936 – ВМН. Расстрелян 03.10.1936, Москва, место захоронения – Донское кладбище. Реабилитация: ВК ВС СССР, 06.06.1956[737].

---

[735] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

[736] Ленинградский мартиролог 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий / Редкол.: А. Я. Разумов (отв. ред.) и др. – Т. 6.: 1937 год. – СПб. РНБ, 2007. – 734 с.

[737] Расстрельные списки: Москва, 1937-1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок: Г. Н. Селезнева, Л. С. Еремина, под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского, Послесл. А. Б. Рогинского. – М.: О-во «Мемориал»; Звенья, 2005. – 596 с.

Хохлов-Антипьев Василий Александрович (1900 г. р.) – малоросс: Кировская обл., д. Халтурино, образование: высшее, член ВКП(б). Преподаватель. Проживал: Нижегородская губ., город Горький. Приговор: ОСО НКВД СССР, 19.06.1937 – 8 лет ИТЛ, поражение в правах-5. Реабилитация: Облсуд Архангельской обл. 12.11.1955.[738]

Черемухин Федор Андреевич (1894 г.р.) – уроженец с. Большие Кемары Перевозского р-на Горьковского края, русский, беспартийный, преподаватель Педтехникума. Проживал: г. Лысково, ул. Урицкого, д. 14. Арестован 10 мая 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 2 ноября 1937 г.

Шавандин Александр Григорьевич (1913 г.р.) – уроженец д. Новая Спасского р-на Горьковского края, русский, б. член ВКП(б), студент 4-го курса Сормовского филиала Горьковского пединститута. Проживал: г. Горький, Нагорный пер., д. 1/24. Арестован 22 февраля 1936 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горький 20 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 2 ноября 1937 г.

Шишкин Александр Иванович (1905 г.р.) – малоросс: Горьковская обл., русский, из рабочих, образование: среднее, член ВКП(б) с 1925 г. Студент Академии художеств. Проживал: г. Горький. Арестован УГБ НКВД Крыма 30.12.1937. Обвинение: ст. 58-1 УК РСФСР: подготовка диверсионного акта в 1

[738] База данных Красноярского общества «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.memorial.krsk.ru/

Военной школе пилотов. Приговор: НКВД Крыма, 13.02.1938 – из-под стражи освобожден за недоказанностью обвинения. [739]

Шляпников Юрий Александрович (1926 г.р.) – малоросс: г. Москва, русский, образование: Горьковский университет, б/п, студент. Проживал: г. Горький, общежитие университета. Арестован 15.06.1948. Обвинение: 58-10 ч. 1. Приговор: ОСО при МГБ СССР, 11.09.1948. Реабилитация: Судебная Коллегия по уголовным делам ВС СССР, 19.05.1956 – за отсутствием состава преступления[740].

Штирц Готфрид Александрович (1912 г.р.) – малоросс: Карагандинская обл., Тельманский р-н, Долинское., немец, образование: незаконченное высшее военное, курсант, Горьковское военно-политическое училище. Проживал: Горьковская обл. Горький. Арестован УНКВД по Горьковской обл. 15.06.1938. Обвинение: 58-6 УК РСФСР. Приговор: 03.11.1938 – 10 лет ИТЛ. Реабилитация: ВТ Московского ВО., 13.10.1955 – за отсутствием состава преступления[741].

---

[739] Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: 9-ти т. Т. 7 / ред. кол.: О. М. Удовина (предс.). – Симферополь: АнтиквА, 2012. — 327 с.

[740] НИПЦ «Мемориал» / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/NIPC_Memorial

[741] Списки жертв политических репрессий в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.memo.ru

Приложение 8. Преподаватели, сотрудники и студенты Горьковских высших учебных заведений, ушедшие на фронт Великой Отечественной войны[742]

№	ФИО	Должность в инязе	Военный путь
1.	**Алексеев Николай Алексеевич**		Год рождения:1920. Звание – рядовой. В РККА с 8.10.1940. Место призыва: Горьковский ГВК, Горьковская обл., г. Горький. Место службы: 760 иптап ЛенФ. Награжден медалью «За отвагу». Описание подвига: «Награжден за то, что он в боях с немецкими захватчиками при форсировании р. Нара 11.2.1944 г. проявил мужество и отвагу. Будучи заряжающим в составе оружейного расчета, под сильным артиллерийским, минометным и ружейно-автоматным огнем противника работал четко и уверенно, своим мужественным поведением в бою мобилизовал остальных членов орудийного расчета на успешное выполнение боевой задачи. Орудие, где работал т. Алексеев, в этом бою уничтожило автоматическую пушку, два пулемета и разрушило два ДЗОТа противника»

[742] Здесь и далее цит. по наградным листам / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://podvignaroda.ru

2.	**Беляев Юрий Дмитриевич**	Сантехник	Год рождения: 1921. Звание: ст. лейтенант. В РККА с 10.1942 года. Место призыва: Ворошиловский РВК, г. Горький. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. Описание подвига: «В боях на Земландском полуострове в апреле месяце 1945 г. обеспечил четкую работу роты связи, правильное распределение связистов по подразделениям полка, безотказную работу средств связи и обученных кадров связистов, чем содействовал управлению боем и выполнению боевых задач. Лично находился на КП и НП полка и следил за исправностью аппаратуры связи и ее бесперебойной работой».
3.	**Большухин Александр Александрович**	Кафедра философии	Год рождения: 1922. Звание: лейтенант. В РККА с 1940 года. Место призыва: Горьковский ГВК, Горьковская обл., г. Горький. Награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За оборону Москвы». Описание подвига: «В бою за г. Клин 23.11.1941 показал себя бесстрашным бойцом Красной Армии. Его взвод, ведя огонь по танкам противника, уничтожил 10 танков и до взвода пехоты противника. 1.12.1941 г. тов. Большухин вел огонь по огневым точкам противника непосредственно сам и уничтожил две огневые точки противника. В этом бою товарищ Большухин был ранен, но не оставил орудия до конца боя».
4.	**Бормотов Федор Михайлович**	Кафедра история КПСС	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
5.	**Вайнерман Илья Моисеевич**	Проректор по административной работе	Год рождения: 1922. Звание: лейтенант администр. службы. В РККА с 06.1941 года. Место призыва: Коростенский РВК, Украинская ССР. Награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны II степени.

			Описание подвига: «Завделопроизводством строевой части полка лейтенант интенданской службы Вайнерман И. М. в бою 9 июля 1943 года под дер. Кривцой в момент, когда наблюдательный пункт командира полка подвергался артиллерийскому обстрелу, в следствии чего связь командира полка с командующим дивизионом была прервана, а приказания командирам дивизионов об открытии огня по наступающему противнику надо было передать немедленно, он, находясь на пункте командира полка, по собственной инициативе доставил приказание командира полка командирам дивизионов, в результате чего огонь по наступающему противнику был открыт своевременно. Способствовал обеспечению выполнения боевой задачи».
6.	**Вдовиченко Павел Савельевич**	Проректор	Год рождения: 1924. Место рождения: Туркменская ССР, Марыйская обл., Хата-Базарский р-н, п. Моргуново. После окончания в 1944 г. Ашхабадского военно-пехотного училища был направлен на 2-й Украинский фронт. В должности командира стрелкового взвода принимал участие в освобождении Чехословакии. После войны 40 лет проработал в инязе. Последние 20 лет занимал должность проректора. Награжден орденом Отечественной войны II степени.
7.	**Вицинский Георгий Владимирович**	Заведующий лаборатории телевидения	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
8. 5	**Владимирский Николай Павлович**	Кафедра физкультуры	Год рождения: 1915. Звание: гв. капитан интенд. Службы. В РККА с 07.1941 года. Место призыва: Свердловский РВК, Горьковская обл., г. Горький, Свердловский р-н. Место службы: 186 гв. ап 84 гв. сд 36 гв. ск 11 гв. Награжден орденом Красной звезды.

			Описание подвига: «Тов. Владимирский в должности начальника ОВС в полку со дня его формирования 1.9.1941 года, за время пребывания в полку показал себя работоспособным и заботливым в обеспечении личного состава обмундированием, обувью и своевременной сменой белья, а полк – обозным вещевым имуществом, тем самым способствовал успешному выполнению боевых приказов командования. В июньско-июльских наступательных боях 1944 года во время боевых действий тов. Владимирский выполнил специальные задания командования полка, как то по эвакуации раненых, например, 15.7.1944 года с переправы реки Неман в период бомбёжки противником тов. Владимирский проявил исключительную заботу по эвакуации раненых бойцов и офицеров в медсанбат и госпиталь не только своего полка, но и пехотных полков, тем самым спас многим жизнь, рядовому, сержантскому и офицерскому составу».
9.	**Владимирский Николай Павлович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
10.	**Волкова Тамара Андреевна**		Награждена орденом Отечественной войны II степени.
11.	**Воронцов Борис Иванович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
12.	**Григорьев Николай Алексеевич**		Год рождения: 1923. Звание: мл. лейтенант. В РККА с 1940 года. Место призыва: Дзержинский РВК. Награжден орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны III степени, орденом Красного Знамени.

			Описание подвига: «Летчик сержант Григорьев отлично владеет техникой пилотирование самолета ПЕ-2. Выполняя боевые задания по разгрому немецких оккупантов в отечественной войне, произвел пять успешных боевых вылетов и участвовал в четырех воздушных боях с истребителями противника. Выполняя боевое задание 5 июля 1943 – бомбометание скопления живой силы и техники противника в районе Белкорода – пункт Казацкое, при взлете открылся высотный кран правого мотора и несмотря на неисправность мотора и сильную тряску, тов. Григорьев отлично выполнил боевое задание и посадил самолет на своем аэродроме. 16 июля 1943 года., выполняя боевое задание – бомбометание живой силы и техники противника в районе Белгород пункт Озеровский, над целью самолет тов. Григорьева был атакован четырьмя истребителями противника. У ведущего отказали в стрельбе пулеметы, но экипаж товарища Григорьева проявил хладнокровие, мужественно защищал ведущего звено и свой самолет. В результате воздушного боя экипажем был сбит один истребитель противника МЕ-109. С сильно повреждённой машиной, имеющей до 20 пробоин от огня ИА и ЗА противника, с поврежденным рулем глубины отлично держался в строю, привел самолет на свой аэродром, благополучно произведя посадку». «Летчик-пикировщик младший лейтенант Григорьев свой боевой опыт стал накапливать в период ожесточенных июльских боев в районе гор. Белгорода, когда цель прикрывалась мощным огнем ЗА в залпе 150-160 разрывов и группами до 50 истребителей пр-ка. Совершив 13 успешным боевых вылетов за освобождение гор. Белгорода и проявив при этом образцовое выполнение боевых заданий летчик товарищ Григорьев был награжден Правительственной наградой орденом «Красная звезда». В

			июльских и августовских боях за освобождения гор. Белгорода и гор. Харькова товарищ Григорьев произвел 25 успешных боевых вылетов, 8 раз бомбил с пикирования в том числе один раз скопление танков на площади гор. Харькова. Девятка в состав которой входил и самолет товарища Григорьева уничтожила: склад с боеприпасами, два с горючим, до 40 автомашин с грузом и живой силой противника. Шесть раз участвовал отважный летчик товарищ Григорьев в воздушном бою против истребителей противника и всегда проявлял хладнокровие, мужество и умелое отражение атак противника. Экипаж товарища Григорьева в воздушных боях сбил истребитель противника ФВ-190. 7.8.1943 года при выполнении боевого задания с пикирования населенный пункт Бродок группа, в состав которой входил и самолет товарища Григорьева, задание выполнил отлично. После нанесения удара группа, не успела произвести посадки на своем аэродроме, как была получена телефонограмма от наземного командования «Благодарим за успешное бомбометание, Бродок взят нашими войсками». 22.8.1943 года девятка, в составе которой участвовал товарищ Григорьев с пикирования разрушила мост через р. Мжа, на ж. д. Мерефа-Новводолага, прикрываемый мощным огнем ЗА противника в залпе 150-150 разрывов. В результате отличного бомбометания прервано ж. д. движение…». «Гв. Мл. лейтенант Григорьев Н.А. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и за 29 успешных боевых вылетов награжден орденами…». «29 апреля 1944 года, выполняя боевое задания в составе девятки, бомбометание по скоплению живой силы и техники противника на переднем крае обороны в районе ВАЛТУРУ-ЯССЫ, группа наших самолетов в момент бомбардирования была атакована

			до 50 самолетами противника Ю-87. Был навязан неравный воздушный бой, в котором гв мл. лейтенант Григорьев Н. А., отлично управляя и маневрируя своим звеном, проявил образцы ведения воздушного боя, в результате, которого звеном сбито два Ю-87, экипажем мл. лейтенанта Григорьева сбит один Ю-87. Звено без потерь произвело посадку на своем аэродроме.
13.	**Демидов Владимир Алексеевич**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
14.	**Евграфов Федор Григорьевич**	Медицинский кабинет	Год рождения 1902. Звание: капитан. В РККА с 11.1941 года. Место призыва: Свердловский РВК, г. Горький. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды. Описание подвига: «Капитан Евграфов Федор Григорьевич, член ВКП (б) с 3-1926, работает заместителем редактора газеты «Фрунзенец», 319 гв. Двинской дивизии со дня организации. Политически грамотный, он показал себя умелым организатором материала для газеты на темы партийной жизни подразделений. Тов. Евграфов инициативен, любит свое дело, живет им. При форсировании в Латвии реки Айвиэкта – 11 авг. с.г. тов. Евграфов вместе с наступающими ротами под обстрелом врага проник на тот берег и добыл ценный материал о героях формирования. Описываемые им кр-ц Гусев, сержант Осягин, лейтенант Мойзый представлены к званию Героя Советского Союза. Благодаря стараниям тов. Евграфова газета в каждом номере печатает материал о партийной жизни. Хороший отзыв в подразделении получили 5 статей об опыте парт. работы партизанской рот ст. серж. Дадаева, на которых учатся партизаны, статьи

			о партработе в наступлении, о восполнении..., учат наших воинов воевать по-новому, по-сталински».
15.	**Зыков Алексей Федорович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
16.	**Зыкова Наталья Николаевна**	Факультет немецкого языка	Год рождения: 1924. Место рождения: Московская обл., Звенигородский р-н, д. Хлюпино. Награждена орденом Отечественной войны II степени.
17.	**Иванов Валентин Григорьевич**	Военная кафедра	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
18.	**Ильченко Владимир Иванович**	Военная кафедра	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
19.	**Ишо Леонид Хамисович**	Факультет английского языка	Год рождения: 1921. Звание: гв. политрук. В РККА с 1940 года. Место призыва: Шамхорский РВК, Азербайджанская ССР. Награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной звезды. Описание подвига: «Гв. капитан ИШО Леонид Хамисович участвовал в боях за г. Белгород, Харьков, Полтаву, Кременчуг и правобережье Днепра в качестве старшего инструктора 7-го отделения Политотдела 53 армии. Большую часть времени тов. Ишо проводит непосредственно в частях и подразделениях, выполняя болевые задания по расположению войск противника. 1-го августа во время передачи через МГУ в 28 ГЕСД был убит один и тяжело ранен другой член экипажа, а сама машина повреждена. Тов. ИШО немедленно принял энергичные меры к эвакуации машин из-под огня, чем спас, несмотря на личную ему грозившую опасность раненного и ценную боевую технику. В 11б ХСД, 252 КХСД и 214 КСД тов. ИШО лично неоднократно проводил на немецком

			языке войскам противника передачи через окопные звуковещательные станции из расположения стрелковых рот, подвергаясь при этом не раз ожесточенному минометному и ружейно-пулеметному обстрелу. Тов. ИШО был одним из первых инструкторов Политотдела в армии, переправившихся на правый берег Днепра. 13 октября он давал в 299 ХСД в районе деревне Чикаловка первую на правом берегу передачу через ОЗС. Несмотря на минометный огонь и разрывы непосредственной близости от него тов. ИШО хладнокровно давал передачу до конца». «Тов. Ишо, работая старшим инструктором среди войск и населения противника политотдела 28 гвардейской стрелковой дивизии, во время наступательных боев частей дивизий на укрепленный район противника Бяково находясь в 42-ом, ныне 92-ом гвардейском стрелковом полку за выбытием из строя комиссара батальона принял на себя руководство батальоном. Своим личным примером поднял бойцов на штурм укрепленного рубежа противника в районе Бяково нанеся врагу значительный урон в живой силе и технике. Задача батальона была выполнена. 9 апреля 1942 года в момент отступления 116 стрелковой бригады в районе ц. Борисово тов. ИШО получил от командования дивизиона задачу принять руководство одного из стрелковых батальонов бригады который отступая открыл фланг частям 180 ныне 28 гвардейской стрелковой дивизии. Тов. ИШО организовал оборону, чем приостановил продвижение численно превосходящих сил противника нанеся ему большие потери особенно в живой силе. Тов. Ишо вполне заслуживает правительственной награды». «Капитан тов. ИШО Леонид Хамисович, как старший инструктор отделения по работе среди войск и населения противника, показывал себя исполнительным,

			дисциплинированным и бесстрашным офицером. В период боевых действий 38 СД, 240 СД, 42 ГСД в районе р. Тисса тов. ИШО выезжал в части и организовывал там работу по устному вещанию для войск противника и обратную засылку военнопленных. В результате чего были случаи перехода солдат противника на нашу сторону. Тов. ИШО проводил большую работу по изучению настроений войск противника с последующим использованием этих материалов для работы среди противника. Кроме этого, выполняя задания начальника Политотдела армии по проверке и оказанию помощи политорганам по организации политработы и мобилизации личного состава на выполнение боевых приказов командования.
20.	**Калентьева Валентина Антоновна**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
21.	**Каретников Р.С.**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
22.	**Касаткин Леонид Федорович**	Кафедра физкультуры	Год рождения: 1926. Звание: ефрейтор. В РККА с 1943 года. Место призыва: Куйбышевский РВК, г. Горький. Награжден орденом «Славы III степени», орденом Отечественной войны I степени. Описание подвига: «Батарея поставленную задачу выполнила успешно
23.	**Каспранский Равиль Рухулбаянович**	Факультет немецкого языка	Год рождения: 1926. Звание: мл. сержант. В РККА с 1944 года. Место призыва: Горьковский ОВК, Горьковская обл. Награжден медалью «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Описание подвига: «Тов. КАСПРАНСКИЙ участвуя в боях против фашистских захватчиков умело держал радиосвязь между экипажами в воздухе и наземными

			радиостанциями. Участвовал в 2-х воздушных боях, при которых умело отражал атаки истребителей противника».
24.	**Киселев Виталий Павлович**	Кафедра история КПСС	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
25. 7	**Коротыгин Александр Васильевич**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
26.	**Крайнова Евгения Александровна**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
27.	**Кузнецов Николай Алексеевич**	Слесарь	Год рождения: 1924. Звание: гв. Ефрейтор. В РККА с 02.10.1942 года. Место призыва: Кстовский РВК, Горьковская обл., Кстовский р-н. Награжден медалью «За отвагу». Описание подвига: «Тов. Кузнецов действовал храбро, проявлял сообразительность как воин. Разведчик 18 января во время глубокой разведки в тыл врага в составе отделения встретил группу немцев, подпустив их на близкое расстояние, забросали их гранатами, в этой схватке т. Кузнецов лично застрелил четыре немецких солдат. 19 января т. Кузнецов из снайперской винтовки уничтожил 7 немцев, пробравшихся в наше расположение. Достоин правительственной награды.
28.	**Могучев Владимир Александрович**	Кафедра история КПСС	Год рождения: 1922. Звание: лейтенант. В РККА с 11.1940 года. Место призыва: Ветлужский РВК, Горьковская обл., Ветлужский р-н. Награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом Отечественной войны I степени.

			Описание подвига: «Во время боя командовал батареей. Выкатил свои орудия на близкое расстояние от противника, вывел из строя один ДОТ и разбил 4 ДЗОТА с гарнизонами. Отбил одно орудие у японцев».
29.	**Осипенко Яков Григорьевич**	Отдел научных кадров	Год рождения: 1921. Звание: капитан. В РККА с 1940 года. Место призыва: Дубровский РВК, Орловская обл. Награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом Отечественной войны I степени, орденом Александра Невского, орденом Красной Звезды. Описание подвига: «Командир взвода лейтенант Осипенко безотлучно находясь в подчиненными за короткий срок обучил расчёты мастерству владения зениткой, 37 мм. пушкой и стрелять из них. При отражении налета 28 бомбардировщиков на танки нашего соединения 6 июля без орудия Осипенко непрерывно вел огонь. Два ю-87 были подбиты и удиравшие сбросили свой груз и ушли назад. Остальные поднялись на высоту 2,5 км и с короткого пике бросили бомбы. Два ю-87 затем зашли со стороны солнца и пикировали на орудие. Длинные очереди зажгли один ю-87, упал 1,5 км севернее. 12 июля 1943 г. Осипенко прикрывал переправу отходящих войск.»
30.	**Пазович Михаил Иванович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
31.	**Покровская Галина Александровна**		Дата рождения: 03.01.1922. Место рождения: Горьковская обл., г. Горький. Награждена орденом Отечественной войны II степени.
32.	**Пресвятский Николай Николаевич**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.

33.	**Пронин Иван Андреевич**		Год рождения: 1911. Звание: гв. сержант. В РККА с 1941 года. Место призыва: Дзержинский ГВК, Горьковская обл., г. Дзержинск. Описание подвига: «Командуя оружием, гв. ст. Сержант Пронин И. А. в бою 23 августа 1943 года огнем из своего орудия подавил огонь 3 и уничтожил 2 пулемета противника с прислугой. Подавил огонь 3-х противотанковых орудий противника. При отражении вражеской контратаки рассеял и частично уничтожил до 50 гитлеровцев. По выбытию из строя командира взвода, принял командование и продолжал руководить боем.»
34.	**Рабунский Евгений Самойлович**	Кафедра педагогики	Год рождения: 1924. Звание: лейтенант. В РККА с 1942 года. Место призыва: Кзыл-Ординский ГВК, Казахская ССР. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и орденом Красной звезды. Описание подвига: «Лейтенант РАБУНСКИЙ в боях по ликвидации группировки противника юго-западнее Кенингсберга, умело используя огонь орудия своего взвода, уничтожил живой силы и техники врага, неоднократно способствовал успешному продвижению стрелковых подразделений. Во время отражения вражеской контратаки в районе Блациау 19-го марта 1944 года под ураганным огнем артиллерии и минометов противника выдвинул свои оружия на открытую огневую позицию и прямой наводкой открыл прицельный огонь по контратакующей пехоте врага, разбив при этом два станковых пулемета противника, уничтожил до 20 гитлеровских солдат и подавил огонь минометной батареи, обеспечив тем самым успешное отражение вражеской контратаки. Часто рискую своей жизнью, под шквальным пулеметным огнем выдвигался в боевые порядки стрелковых подразделений, разведывал огневые точки врача и после

			уничтожал их огнем орудий своего взвода, обеспечивая успех продвижения стрелковых подразделений. За умелое использование огня своих оружий на уничтожение живой силы и техники врага, личную храбрость, мужество о отвагу достоин награждения.» «В боях при блокировании и взятии города Севастополь с 15-го апреля 1944 года по 12 мая 1944 года, когда полк поддерживал наступление пехоты 1001 Стрелкового полка 279 Стрелковой Краснознаменной Лисичанской дивизии умело руководил огнем орудий прямой наводкой своего взвода, смело и решительно сопровождал пехоту огнем, обеспечивал ей продвижение. Отбил контратаку немцев, уничтожив и рассеяв при этом до взвода вражеских солдат и офицеров, разрушил один наблюдательный пункт, семь ДЗОТов и три блиндажа. Уничтожил восемь пулеметных точек и два 7 мм. орудия. За умелое руководство взводом в боях при блокировании и взятии города Севастополя, проявленные при этом личный героизм, инициативу, мужество и отвагу.»
35.	**Романова Виктория Константиновна**	Кафедра история КПСС	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
36.	**Рябов Павел Петрович**	Начальник военной кафедры	Год рождения: 1907. Звание: гв. красноармеец. В РККА с 1941 года. Место призыва: Арзамасский РВК, Горьковская обл., Арзамасский р-н. Награжден медалью «За боевые заслуги». Описание подвига: «За время участия на ... -м (Прим. автора – неразборчиво) и 1-м Украинских фронтах с 8.6.1944 г. По настоящее время обслужил СЕМЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ успешных боевых вылетов на штурмовку и бомбардировку техники и живой силы противника, при этом восстановил 3 пушки ВЯ, 4 пулемета ШКАС, 6 пулеметов УБТ, 1 пушку ОКБ-16, поврежденных в боях с немецкими

			захватчиками. Самолет и боевому вылету готовит быстро и качественно, не было случаев не выхода м/части на болевое задание по его вине. 25.4.1944 г. самолет, на котором работал тов. Рябов, прилетел с боевого задания с поврежденной пушкой ВЯ, тов. Рябов в течение нескольких минут заменил пушку и самолет был годом к следующему боевому вылету.»
37.	**Самойлов Алексей Георгиевич**	Кафедра история КПСС	Год рождения 1919 г.р. Звание: красноармеец. В РККА с 1941 года. Место призыва: Горьковский ОВК, Горьковская обл. Награжден орденом Отечественной войны III степени, орденом Красной звёзды. Описание подвига: «Товарищ Самойлов участвовал в боях за Социалистическую Родину показал себя смелым и решительным воином. Неоднократно участвуя в боях в составе развед. групп, товарищ Самойлов за период с мая месяца 1943 года по март 1944 года снял и обезвредил 200 мин противника, чем самым обеспечил развед. группы в выполнении поставленной задачи. 13-го октября 1943 года, участвуя в боях в составе развед. группы, захватил пленного. В этом бою лично уничтожил 2-х солдат противника. 27-го марта 1944 года при захвате контрольного пленного с обороны противника, командир отделения был ранен, товарищ Самойлов принял на себя командование отделением и захватил пленного. В этом бою товарищ Самойлов уничтожил 2-х солдат противника. За смелость и отвагу проявленные в бою – достоин правительственной награды...» «Товарищ САМОЙЛОВ за бои на Карельском фронте приказом 27 стрелковой дивизии № 011 от 7.4.1944 года награжден орденом «СЛАВЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ». Участвуя в боях за город Гдыня с 23 по 28 марта 1945 года. находясь в боевых порядках

			стрелковых подразделений, по собственному желанию корректировал огнем нашей артиллерии. По его указаниям в бою за военный городок огнем наших орудий уничтожено 4 огневых точки противника, 2 противотанковые пушки и рассеяно более взвода вражеских автоматчиков. В разгаре боя оказал первую помощь и вынес с поля боя 3-х раненных красноармейцев.»
38.	**Самойлов Олег Михайлович**	Военная кафедра	Год рождения: 1918. Звание: капитан медслужбы. В РККА с 1941 года Место призыва: Горьковский ОВК, Горьковская обл. Награжден орденом Отечественной войны II степени. Описание подвига: «Тов. САМОЙЛОВ в период боевых операций показал себя хорошим врачом организатором, смелым и инициативным. На всем протяжении боевых операций сумел организовать отлично лечебно-эвакуационное обслуживание бригады. Из пропущенных бригадой около 1500 раненных, всем оказывал помощь в первые минуты после ранения, а эвакуация проводилась в первые часы. В результате хорошо налаженной работы сотням тяжело раненным спасена жизнь. Под сильной бомбёжкой тов. САМОЙЛОВ сам лично руководил выносом и вывозом раненных из поля боя. МСВ тов. САМОЙЛОВА работал хорошо, в пункте лечения раненных вылечено и возвращено в строй около 300 человек. За личную эвакуацию с поля боя, за отлично поставленную лечебно-эвакуационную работу в бригаде тов. САМОЙЛОВ достоин награждения Правительственной наградой...»
39.	**Санжар Владимир Александрович**	Факультет английского языка	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.

40. 6	**Сенаторова Александра Павловна**	Кафедра второго иностранного языка	Год рождения 1922. Звание: лейтенант администр. службы. В РККА с 1942 года. Место призыва: Горьковский ГВК, г. Горький. Награждена медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды. Описание подвига: «Ст. лейтенант СЕНАТОРОВА во время пребывания в дивизионе проявила себя отличным старшим переводчиком-разведчиком. За период с 1942 по 1945 год т. Сенаторовой детально разработаны и вскрыты особенность работы танковым р/сетей противника на Брянском фронте: 8, 4, 11, 12, 14, 17, 9, 18, 20, 2, 19 ТД. Указанные разработки помогли дивизиону тщательно следить за продвижением этих частей противника и своевременно их обнаружить на участках фронта, а также их приход и уход с фронта. В последующих операциях на 2-м ПБФ и Ленинградском фронтах ей было установлено приход на фронт 14 ТД и уход с фронта 4 ТД, а также подтверждено действие на участке фронта: 290, 205, 87, 121, 126 ПД, 21 АПД, 593 ПД и ряда других ПД и дивизионов штурмовых орудий РГК. Кроме того, т. Сенаторова, не считаясь со своим временем и силами ведет слежку по бл. авиаразведке противника и переводу трофейных документов и на всех участках работы вполне справляется и выполняет своевременно и высококачественно. Благодаря большой инициативе, трудолюбию и знанию спец. техник вскрыла метод р/связи применяемой самолетами бл. авиации, что дало возможность командования своевременно установить, где противник ведет разведку, ширину и глубину таковой, какие данные дает самолет разведчик своим штабам. По разработке и перехвату данных о действии самолетов бл. авиаразведке были установлены стыки между дивизиями, корпусами и армиями.»

			«Тов. Сенаторова за время пребывания своего в дивизионе проявила себя отличным переводчиком-разведчиком. Благодаря ее инициативе были детально разработаны и вскрыты особенности работы танковых р/сетей противника 17, 9, 18, 20, 2 и 9 ТД. Указанные разработки помогли дивизионы тщательно следить за продвижением этих частей противника и своевременно их обнаружить на нашем участке, а также их приход и уход с нашего фронта. Работая в маневренной группе тов. Сенаторова в сложных условиях в непосредственной близости к противнику вскрыла ряд ценных р/сетей /перехват, раскодировка/, на основании которых удалось установить и своевременно информировать командования о действиях и намерениях противника, а также было установлено и подтверждено действие .... (прим. автора – неразборчиво) 226, 9.2 дивизионов штурмовых орудий, дислокацию и участки отдельных частей и соединений, их перемещения и перегруппировки. Кроме того, т. Сенаторова, не считаясь со своим временем и силами, ведет слежку по ближней авиаразведке противника и переводу трофейных документов на всех участках работы вполне справляется и выполняет работу качественно и своевременно. Опыт работы по разработке кодов и шифров р/сетей противника передает своим подчиненным переводчикам и тем самым способствует быстрейшему вскрытию всех хитростей и замыслов противника. Политически грамотна, предана делу партии Ленина Сталина.»
41.	**Сериков Василий Васильевич**		Год рождения: 1912. Звание: ст. сержант. В РККА с 1941 года. Место призыва: Хабаровский РВК, Хабаровский край, Хабаровский р-н. Награжден медалью «За боевые заслуги».

			Описание подвига: «Ст. сержант Сериков работая зам. Командира связи отдает все свои силы и знания выполняя поставленные задачи на протяжении всех боевых действий, сумев обеспечить бесперебойной связью в боях.»
42.	**Скребнев Юрий Максимович**	Факультет английского языка	Год рождения: 1920. Место рождения: Тюменская обл., г. Ишим. Награжден орденом Отечественной войны II степени.
43.	**Снегирева Татьяна Александровна**	Факультет английского языка	Год рождения: 1915. Звание: капитан администр. Службы. В РККА с 1935 года. Место призыва: Днепропетровский ГВК, Украинская ССР. Награждена орденом Отечественной войны I степени. Описание подвига: «Капитан а/с т. Снегирева Т.А. за время работы в 7-м отделе Политуправления Забфронта показала себя как исключительно добросовестный работник. Хорошо знает японский и английский языки, проделала большую работу по подготовке кадров переводчиков для Забфронта. Во время советско-японской войны проделала большую работу по написанию листовок для войск и населения противника. По заданию командования т. Снигирева была направлена с представителями нашего фронта в г. Мукден в качестве переводчика при переговорах с японским командованием о капитуляции.»
44.	**Соколова Людмила Ивановна**	Переводческий факультет	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
45.	**Соломатов Константин Иванович**	Кафедра методики	Год рождения: 1907. Звание: сержант. В РККА с 27.03.1942 года Место призыва: Красновишерский РВК, Молотовская обл., Красновишерский р-н. Награжден орденом Отечественной войны III степени.

			Описание подвига: «Бывший командир отделения 112-го Гвардейского Краснознаменного пушечно-артиллерийского полка Резерва Главного Командования сержант Соломатов Константин Иванович участвовал на фронтах Отечественной войны с 27.4.1942 г. по 3.8.1943 г. 3.8.1943 при наступлении на гор. Белгород сержант Соломатов К.И. был тяжело ранен осколком мины с отрывом стопы левой ноги. В настоящее время Соломатов К.И. инвалид 3-й группы.»
46.	**Сутырин Борис Николаевич**	Военная кафедра	Год рождения 1917. Звание: гв. техник-лейтенант. В РККА с 1936 года Место призыва: г. Горький. Награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом Красной звезды. Описание подвига: «За время отечественной войны проявил себя как самоотверженный боец и защитник социалистической родины. Работая на материальной части т. Сутырин одновременно являлся руководителем звена. Его самолет имеет 300 вылетов без единого происшествия.» «Участник Великой Отечественной войны с первых дней. Участник обороны Севастополя и Кавказа. Лично обеспечил 430 боевых вылетов без происшествий. Сменил 24 мотора, отремонтировал 6 самолетов. Звено под его руководством обеспечило 1751 боевой вылет без происшествий, сменило 30 моторов. В работе инициативный и решительный. Работал, не считаясь ни с какими трудностями. Награжден орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» 29 апреля 1943 г. после чего, за время освобождения КРЫМА и очищения от фашистских захватчиков КОНСТАНЦА, лично обеспечил 63 боевых вылета, под его руководством звеном обеспечено 704 боевых вылета без происшествий. Заменено 19 моторов. За порученное дело болеет. Прилагал

			все усилия к быстрейшему вводу в строй материальной части, поврежденной в боях. Работает днем и ночью, не считаясь с личным отдыхом. За умелое обеспечение боевой работы полка достоин Правительственной награды.
47.	**Фадеев Анастасий Яковлевич**	Проректор по строительству	Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
48.	**Филиппова Зинаида Михайловна**		Год рождения 1922. Место рождения: Московская обл., г. Москва. Награждена орденом Отечественной войны II степени и медалью «За оборону Ленинграда».
49.	**Финкельштейн И. Л.**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
50.	**Чвокин Владимир Маркович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
51.	**Чернышев Юрий Михайлович**		Год рождения: 1925. Место рождения: Горьковская обл., г. Балахна. Награжден орденом Отечественной войны II степени.
52.	**Шарин Василий Александрович**		Год рождения: 1924. Место рождения: Горьковская обл., Починковский р-н, с. Починки. Награжден орденом Отечественной войны II степени.
53.	**Шевелев Василий Леонтьевич**		Год рождения 1909. Звание: ефрейтор. В РККА с 09.05.1942 года. Место призыва: Ленинский РВК, Казахская ССР. Награжден орденом Красной Звезды. Описание подвига: «Ефрейтор Шевелев в боях на подступах к гор. Велиж Смоленской области 31.5.43 г., действуя в группе ст. сержанта Лихаченко, проявил исключительную отвагу. Во время контратаки при-ка тов. Шевелев по собственной инициативе выбросился на встречу вражеским автоматчика и искусно маскируясь подпустил их на

			расстояние 30-40 метров и огнем автомата в упор расстреливал бросившихся в панику фашистов. В этом бою тов. Шевелев уничтожил до 10 фашистов.»
54.	**Шиман Юрий Борисович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
55.	**Шкунов Юрий Петрович**		Данные о наградах и военном пути отсутствуют.
56.	**Ярощук Иван Семенович**	Военная кафедра	Год рождения: 1919. Звание: капитан. В РККА с 10.1939 года. Место призыва: Херсонский ГВК, Украинская ССР. Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и орденом Красного Знамени. Описание подвига: «Во время подготовки к прорыву с 22 дек. по 14 янв. в результате упорной и самоотверженной работы т. Ярощука И.С., был разведан весь передний край и ближайшая глубина обороны пр-ка в полосе шириной 3 км. и глубиной до 8 км. В полосе прорыва разведано 137 целей и 22 арт. мин. Батареи. Для разведки было организовано 44 НП с привлечением всех родов войск. Тов. Ярощук, пренебрегая опасностью, лично вел разведку непосредственно с передовых траншей, а в отдельных случаях выдвигался к прот-ку на 40-60 и. 16.1.1945 преследую с группой разведчиков противника ворвался на южную окраину ст. Гонсоцин, захватил двух пленных и узнав, что ст. обороняют 70 немцев предупредил наш подходящий батальон и совместной атакой станция была захвачена.17 янв. вышел с группой вперед боевых порядков дивизии на разведку оборонительного рубежа прот-ка по зап. берегу р. Лыдыня. У дер. Кшиже захватил двух разведчиков-мотоциклистов и предупредил командование о готовящейся контратаке, которая последовала через

			40 мин. силой до 90 немцев при поддержке 10 шт. ор. Контратака была успешно отбита, уничтожено 3 штурм. орудия, до 40 немцев. 19 января посадив разведку на самоходные орудия, ворвался с ней в гор. Бежунь и захватил мост, подготовленный пр-ком к взрыву. Силы разведки были рассчитаны так, что впереди боевых порядков работы работало 5-6 разведпартий. Кроме штатных разведподразделений, разведку вели все батальоны специальными, заранее обученными разведке группами. За первые два дня боев на подступах к гор. Элибтнг разведкой установлен рубеж обороны, состав и силы гарнизона. Особенно большое внимание уделено разведке фланга в направлении Ленцен-Талькемитт, причем установлено, что на этом участке оборонялись 1 и 23 зап. батальоны немцев в составе 800-900 солдат и 3 шт. ор. Всего разведкой захвачено 182 пленных. Командование всегда имело достаточно данных и полное представление о противнике перед фронтом дивизии и на флангах. Во многих случаях разведка велась на удалении до 60 км.» «Тов. Ярощук И.С. работая Начальником разведывательного отделения дивизии, своей внимательной работой сумел подготовить разведывательные подразделения для выполнения боевых задач, которые в боевой обстановке полностью обеспечивали разведывательными данными о противнике. Большинство боевых задач, особенно ночных поисков т. Ярощук готовил и проводил лично сам. В результате умелой подготовки и руководство со стороны т. Ярощук разведывательными подразделениями дивизии за период болевых действий с 25.11.42 г. по 1.2.43 г. в р-не Великие Луки, Новосокольники, Глазыри захвачено пленных 37 немцев, уничтожено 244 гитлеровца,

			захвачено и уничтожено 33 пулемета, 7 раций, 4 автомашины, 6 автоматов, 13 винтовок, разгромлено 3 штаба, взорвано 3 ж. д. моста. Разведподразделений потери незначительные. В бою т. Ярощук показал себя смелым, решительным командиром. 3.12.42 г. в самый критический момент т. Ярощук была поставлена задача силами разведроты, сводной рты химзащиты и зенитной батареей усилить маленький гарнизон Гороватка / 11 км. сев. Вост. Новосокольники/ и удержать последнюю до выхода на данный район 3/1261 сп, Противник силою двух батальонов пехоты при поддержке 7 танков трижды атаковал Гороватка, но все атаки были отбыты, в которых потеряно 4 танка и по 200 солдат и офицеров. Предан делу партии Ленина-Сталина.» «Молодой, растущий, смелый, решительный, любящий свое дело, волевой командир. На протяжении всего периода разведывательной работы в дивизионе майор Ярощук показал себя тактически грамотным, энергичным, инициативным, бесстрашным, волевым командиром и хорошим воспитателем своих подчиненных, которых воспитал – бесстрашных воинов-разведчиков. За период ведения наступательных боевых действий дивизии с 10.11 по 1.12.43 г. было захвачено 48 пленных солдат и офицеров, пулеметов – 11, орудий ПТО – 1, автомашин – 1, раций – 1, автоматов – 10, винтовок – 45, уничтожено более 300 солдат и офицеров, пулеметов – 14, орудий ПТС – 2. Благодаря умелого руководства командования майора Ярощук, разведывательная работа в дивизии поставлена на отлично, всегда командование дивизии имеет данные о противнике, что дало возможность правильно оценить обстановку и принять здравые решения и выполнить блестяще боевую операцию. При этом был нанесен большой удар немецко-фашистским войскам в живой силе и технике. Майор Ярощук сумел

			организовать разведку частей и дивизии так, что все планы и замыслы врага были своевременно разгаданы и командование всегда было осведомлено о противнике.

Приложение 9. Из воспоминаний студентки, впоследствии преподавателя иняза В. В. Никитиной о работе в госпитале во время Великой Отечественной войны

Многие учебные заведения нашего города были заняты под госпитали. Один из них размещался в здании университета на улице Свердлова (теперь ул. Б. Покровская – авт.) (ныне там находится физический факультет ННГУ). Осенью 1944 г. и зимой 1945 г. мы, студенты института иностранных языков, посещали этот госпиталь. Пришли мы однажды к раненым с концертом. После концерта ко мне подошел один раненый лет сорока и спросил: «Дочка, ты не напишешь письмецо моей семье? Видишь, у меня правая рука вышла из строя, сам писать не могу...» Приходила я ещё и ещё, и каждый раз писала под его диктовку письма его жене, всей его семье, которой, оказывается, и не было вовсе. Ребята по палате сказали мне, что всю его семью уничтожили немцы. А он не верил этому и всё посылал и посылал письма. Адреса не помню, помню только, что Смоленская область.

Приложение 10. Сотрудники Нижегородского иняза. Краткие биографические сведения

Агаф Иосиф Аронович (1908 г.р.) – окончил Центральный институт физической культуры им. Сталина (1928-1931 гг.). Преподавал физкультуру.

Акопян Баграт Агаджанович родился в г. Тавризе (Иран) в 1895 г., где и получил образование в Американской Высшей школе. Гражданин Ирана. В 1924 г. приехал в СССР и принял советское гражданство. Получил образование в Московском институте новых языков. Решением Особого совещания НКВД СССР был репрессирован и направлен в 1935 г. на Беломор-Балтийский комбинат. С 1950 по 1953 г. преподавал в ГГПИИЯ английский язык.

Аллендорф Анна Александровна (1886 г.р.) – с 1908 г. преподавала в средних учебных заведениях Нижнего Новгорода. С 1922 по 1930 гг. – преподаватель немецкого языка НПИ и НГУ (старший ассистент).

Анисимов Дмитрий Александрович (1894-1954 гг.) – окончил педагогический факультет ГГУ (1926-1930 гг.). Преподавал на курсах иностранных языков при ГПИ. Кандидат исторических наук (1952 г.). Проработал в должности директора курсов около пяти месяцев в 1935 г. За этот период он издал ряд приказов, связанных с текущей работой курсов – об экзаменах, защите дипломов, окончании занятий, выпуске студентов[743]. 15 сентября 1937 г. назначен деканом факультета немецкого языка в ГГПИИЯ; с 10 января 1938 г. он – зав. кабинетом социально-экономических наук в ГГПИИЯ; 13 февраля 1938 г. старшего препаратор; 1 августа 1938 г. уволен и ГГПИИЯ приказом по институту[744].

---

[743] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 3 об., 5, 5 об.
[744] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 11, 59.

Архангельская Анна Богумиловна родилась в семье преподавателей, окончила Варшавские курсы иностранных языков, член профсоюза работников просвещения с 1919 г.

Архангельская Анна Михайловна (Жукова) (1911-1998 гг.) – обучалась на курсах иностранных языков при ГПИ с 1931 по 1935 гг. Работала в ГГПИИЯ с 1937 по 1976 гг., то есть в течение 46 лет. Зам. директора по научной работе (январь – сентябрь 1956). Кандидат филологических наук (1960). Доцент кафедры английской филологии.

Архангельский Сергей Иванович (1882-1958 гг.) – видный советский историк, член-корреспондент, профессор. Вел курс истории в Нижегородской гимназии, затем в педагогическом институте и Горьковском университете. Медиевист. Специалист по истории Англии. Краевед.

Архипов Федор Иванович (1904-1969 гг.) – окончил Институт Красной профессуры (1935-1938 гг.), преподаватель новой истории; работал в ГГПИИЯ с 1938 по 1941 г., затем воевал на фронтах Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Был награжден медалью «За отвагу». После Победы более 20 лет трудился в Горьковском инязе (1946-1964 гг.). Кандидат исторических наук (1948 г.), доцент (1948 г.). Зав. кафедрой всеобщей истории ГГПИИЯ (1947). Ушел на пенсию с должности старшего библиотекаря (1964 г.).

Базаревская Марьям Баязетовна – работала учителем, затем библиотекарем НГУ. С 1941 по 1956 гг. бессменный зав. библиотекой ГГПИИЯ.

Балика Дмитрий Андреевич, профессор НПИ.

Батюк-Урусова Екатерина Федосеевна (1895 г.р.) – родилась в деревне Гремячево Тульской губернии. Будучи преподавателем русского языка ГИИВТа и преподавателем на курсах иностранных языков при ГПИ (с 1936 г.[745]), была арестована в 1937 г. и приговорена Особым совещанием при НКВД СССР 16 января 1938 г. к восьми годам исправительно-трудовых

[745] ЦАНО. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 38.

работ как «член семьи изменника родины»[746]. Её муж – начальник отдела шоссейных дорог УНКВД Горьковской области И.И. Батюк-Урусов и его заместитель В.Д. Рукавишников были осуждены и расстреляны как участники «антисоветской террористической организации», якобы существовавшей в отделе шоссейных дорог. Однако, в дальнейшем срок заключения был сокращен до пяти лет. Освобождена 29 ноября 1942 г.[747].

Бубнова Нина Александровна (1888-1970 гг.) – прошла в 1899-1905 гг. полный курс Нижегородского Мариинского института. После получения специального лингвистического образования начала работать в ГГПИИЯ, ведя курс методики обучения иностранному языку. Отметим, что она владела английским, французским и немецким. Её документ[748] об обучении на курсах иностранных языков с 1928 по 1931 гг. служит подтверждением того, что они в конце 20-х – начале 30-х являлись 3-годичными.

Бормотова Лидия Петровна (1892-1974 гг.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1940 г.[749]. В течение многих лет трудилась в Горьковском инязе. Декан ФФЯ.

Брандис Евгений Павлович (1916 г.р.) – окончил ЛГУ в 1939 г., специалист по литературе стран Запада. Работал в ГГПИИЯ в 1943-1944 гг. на должности старшего преподавателя (читал курс лекций по всеобщей литературе). Кандидат филологических наук, доцент. Декан ФНЯ (в 1943-1944 уч. г.).

Брылина Александра Васильевна (1904 г.р.) – по мужу Припорова: в 1948 г. она вышла замуж за преподавателя иняза Припорова П. А. Окончила в 1937 г. Горьковские четырехгодичные курсы иностранных языков.

Вагина Лидия Петровна (с 1955 г. – по мужу Иванова) (1923 г.р.) – студентка ГГПИИЯ с 1942 по 1945 и с 1946 по 1947 г. Обучение в инязе

---

[746] Жертвы политического террора в СССР / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lists.memo.ru/index.htm

[747] Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области / Комис. по восстановлению прав реабилитир. жертв полит. репрессий при администрации Нижегор. обл.; Гос. арх. Нижегор. обл.; Редкол.: С. М. Шимоволос (пред.) и др. – Н. Новгород: 1998 – Т. 1 / Сост.: М. Ю. Гусев, В. И. Жильцов, В. В. Смирнов и др. – 1998. – 542 с. – С. 79.

[748] Архив музея НГЛУ.

[749] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д.35. Л. 69 об.

вынуждена была прервать из-за назначения на работу переводчиком в систему МГБ. После возвращения из командировки в Германию досдала экзамены, получила диплом с отличием и стала работать преподавателем немецкого языка в ГГПИИЯ до своего ухода в Армавирский государственный пединститут на должность зав. кафедрой в 1964 г. Кандидат педагогических наук (1955 г.), доцент кафедры педагогики (1960 г.).

Вагнер Роман Егорович работал в НПИ преподавателем немецкого языка по совместительству. Основная его работа была в НГУ. В списках преподавателей НГУ за 1926-1930 гг. он не значится.

Варжанский Сергей Львович (1888-1950 гг.) – окончил Киевский коммерческий институт (1909-1914 гг.) и Киевский университет имени Св. Владимира (1910-1913 гг.). Работал в ГГПИИЯ с 1943 по 1950 г. Профессор географии.

Василейский Серафим Михайлович (ум. в 1961 г.) – окончил в 1914 г. истфак ЛГУ. Занимал должность профессора, зав. кафедрой ГПИ с 1927 по 1958 г. Автор фундаментальных исследований по психологии технического изобретательства. Написал монографию «Лекционное преподавание в высшей школе», изданную в Горьком в 1959 г. Владел английским, польским, французским и немецким языками

Величкина Валентина Евгеньевна – окончила ФАЯ ГГПИИЯ с отличием в 1946 г. Была оставлена в институте преподавателем английского языка.

Вершинин Василий Александрович (1905 г.р.) – уроженец с. Воротынец Нижегородской губернии был направлен в 1937 г. в ГГПИИЯ с партийной работы, с должности заведующего отделом культ-просветработы Сведловского РК ВКП(б) г. Горького. Преподаватель иняза.

Винтер Эсфирь Натановна (1900 г.р.) – окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1945 г. Однако, уже с 1943 г. преподавала немецкий язык. Работала в институте до 1956 г.

Вицинский Георгий Владимирович (1925-2002 гг.) – окончил ГГПИИЯ по специальности «учитель английского языка». Семнадцать лет работал в Латвийском университете и пять лет в Рижском университете инженеров гражданской авиации. С 1975 г. зав. лабораторией Горьковского иняза. Автор монографии и тридцати научных публикаций. Основатель и Предводитель возрожденного в условиях «перестройки» Нижегородского губернского дворянского собрания, гл. редактор журнала «Дворянский альманах». Почетный член Российского исторического общества, член Совета Российского дворянства, член Императорского Православного Палестинского общества. Работал в Горьковском инязе с 1952 по 1957 и с 1975 г. как заведующий лабораторией учебного телевидения[750].

Волкова Тамара Андреевна – поступила в Горьковский иняз в 1940 г. Была среди ушедших в 1942 г. на фронт студентов. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации восстановилась как студентка иняза и окончила его в 1948 г. Работала в институте с 1948 по 1979 г.

Генке Антонина Августовна (1906-1987 гг.) – окончила, кроме курсов иностранных языков, ГГПИИЯ (ФФЯ) в 1947 г. экстерном. Старший преподаватель кафедры французского языка ГГПИИЯ (1940-1961 гг.). Зав. кафедрой методики Горьковского иняза. И. О. декана ФФЯ с 25 апреля 1949 г. С 1944 по 1950 гг. секретарь партбюро института.

Гергардт Анна Ивановна (1907 г.р.) – обучалась на курсах иностранных языков ГПИ с 1934 по 1937 г., затем – в ГГПИИЯ с 1937 по 1939 г. Получила квалификацию преподавателя немецкого языка средней и высшей школы. Декан ФНЯ (1.10.1939-12.11.1940). Работала в ГГПИИЯ до 1947 г. С 27 августа 1939 г. по 3 августа 1940 г. руководила 10-месячными курсами иностранных языков; зам. директора ГГПИИЯ.

Голубовская Галина Семеновна (1912 г.р.) – обучалась на курсах иностранных языков под руководством М. М. Ландау (отделение английского

[750] Вицинский, Г. Из записок деда // Дворянский альманах. Вып. 4. Нижний Новгород: Изд-во НИЭР, 2002. – С. 89-96.

языка) с 1930 по 1934 г., окончила ГГПИИЯ в 1938 г. С 1939 по 1940 г. зав. кафедрой английского языка в пед. институте им. Горького. Работала преподавателем ПФ Горьковского иняза с 1939 по 1967 гг. Старший преподаватель ГГПИИЯ с 1941 г. до ухода на пенсию в 1967 г. Декан ФАЯ (1940-1942 гг.).

Гостева Екатерина Франковна (1919-1987 гг.) – родилась в городе Фарель, штат Пенсильвания, США. Хорватка по происхождению. В 1929 г. приехала в Нижний Новгород вместе с родителями, сочувствовавшими СССР. В 1945 г. окончила ФАЯ ГГПИИЯ и сразу же была зачислена в его штат, проработав старшим преподавателем кафедры лексикологии и стилистики английского языка до 1971 г.

Далматов Иван Петрович (1905 г.р.) – с 1935 по 1940 гг. преподавал философию в Горьковском пединституте. С 1942 г. на партийной работе. Прошел путь от лектора Горьковского ОК ВКП(б) до работника аппарата ЦК ВКП(б). С января 1947 г. зам. пред. Совета министров РСФСР. С 1952 г. в МГПИ (1960-1963 гг. – его директор)[751].

Данкова Мария Петровна (1922 г.р.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1950 г. Секретарь партийного бюро института (1951-1953). Работала в Горьковском инязе с 1950 по 1986 г. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры английской филологии. Декан ФАЯ.

Дельтува-Томлянович Анна Карловна (1915-2000 гг.) – родилась в городе Галлап, штат Нью-Мексико, США. Хорватка по происхождению. Окончила ФАЯ МПИИЯ. С 1941 по 1970 г. работала в должности старшего преподавателя кафедры лексикологии и стилистики английского языка ГГПИИЯ.

Дзедзиевская Мальвина Викентьевна (1890-1938 гг.) – Преподаватель французского языка, репрессирована, расстреляна 20 марта 1938 г.

---

[751] Ректоры МГПУ. 1872 – 2000. Очерки. М.: Изд. Дом Магистр-Пресс, 2000. 160 с. – С. 120-122.

Евграфов Федор Григорьевич (1902-1990 гг.) – заочно окончил Горьковский пединститут. Работал в ГГПИИЯ с 1939 по 1941 г. Фронтовик. Орденоносец. После войны вернулся в иняз. Активно занимался научным поиском в области отечественной истории. Защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Заведовал кафедрой истории КПСС в ГМИ. С 1977 по 1985 г. профессор истории Горьковского госуниверситета

Егорова Мария Сергеевна (1910-2001 гг.) – окончила в 1942 г. ФАЯ ГГПИИЯ. С 1945 по 1965 г. была его преподавателем и старшим преподавателем кафедры зарубежной литературы и кафедры второго языка.

Елеонская Ольга Федоровна (1883 г.р.) – окончила Нижегородский женский институт в 1900 г. и Петербургские курсы иностранных языков в 1910 г. Учитель французского языка советской школы I ступени (1922 г.). Работала в ГГПИИЯ с 1939 по 1953 г. преподавателем французского языка.

Ершов Анатолий Александрович – кандидат педагогических наук, доцент ГПИ в 1926-1955 гг.

Ждамирова Нина Николаевна (1920 г.р.) – окончила ГГПИИЯ (ФФЯ) в 1945 г., работала в инязе с 1945 по 1970. Преподаватель и старший преподаватель французского языка.

Жданова Татьяна Николаевна (1917-1986 гг.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1944 г. С 1948 по 1972 г. работала в ГГПИИЯ в должностях ассистента и старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии.

Жукова Валентина Сергеевна (1919 г.р.) – выпускница ФАЯ ГГПИИЯ 1948 г. С 1948 по 1985 г. работала старшим преподавателем кафедры английского языка и перевода.

Зарахович Анна Оскаровна (1897 г.р.) – родилась в Германии (Обермонд-Зоннебергс, Тюрингия). Окончила женскую среднюю школу в Германии в 1913 г. и коммерческое училище в Германии в 1917 г. Преподавала немецкий язык в ГГПИИЯ с 1940 по 1949 гг. Окончила заочное отделение ФНЯ ГГПИИЯ в 1949 г.

Захаревич Злата Шапшелевна (Зинаида Александровна) (1928 г.р.) – окончила ГГПИИЯ в 1950 г. (ФНЯ). С 1950 по 1984 г. работала в Горьковском инязе ассистентом кафедры немецкой филологии, ассистентом и старшим преподавателем кафедры немецкого языка второй специальности.

Зимина Матрёна Терентьевна (1905-1999 гг.) – окончила Горьковский институт марксизма-ленинизма (1932-1937 гг.). Кандидат экономических наук (1947 г.), доцент (1948 г.). Зав. отделом пропаганды и агитации ОК ВКП(б) (1948-1950 гг.). Секретарь ГК ВКП(б) (1950-1952 гг.). Работала в ГГПИИЯ с 1952 (по путевке Горьковского ОК ВКП(б)) по 1961 г. в должности зав. кафедрой политической экономии. В 1961 г. ушла на пенсию.

Зыкова Наталия Николаевна (1922 г.р.) – в условиях начавшейся войны с 1 сентября 1941 г. начала работать в лагере военнопленных НКВД (на территории Мордовии) сначала зав. клубом лагеря, затем с 1943 г. переводчиком с немецкого языка оперативно-чекистского отделения. Одновременно с 1944 г. заочно обучалась в Горьковском инязе. Демобилизовалась 9 сентября 1946 г. по Указу об отпуске студентов-военнослужащих на учебу. Выпускница 1947 г. Н.Н. Зыкова была зачислена в штат преподавателем немецкого языка. Зав. кафедрой методики с 1949 г. Зам. директора по учебной и научной работе (1950-1953 гг.).

Изюмов Г. Е. работал в институте с 1942 по 1956 гг. в должности старшего преподавателя кафедры языкознания. Преподаватель латинского языка.

Иосифов Константин Васильевич (1912 г.р.) – окончил в 1937 г. МПИИЯ. Будучи преподавателем английского языка и литературы в Горьковском инязе, исполнял обязанности декана ФАЯ.

Казанский Сергей Николаевич (1910 г.р.) – работал воспитателем детского дома, затем учился на курсах под руководством М. М. Ландау Будучи слушателем курсов третьего г. обучения в мае 1935 г. направляется в Самару в качестве переводчика отделения Интуриста. Вернувшись

в Горький, защитил дипломную работу и был зачислен в штат преподавателей курсов иностранных языков при ГПИ преподавателем английского языка

Каргопольцев Павел Георгиевич (28.06.1912) – в деревне Лысови Макарьевского района Нижегородской губернии (ныне Халтуринский сельсовет Котельничского района Кировской области) в семье крестьянина-середняка. В 1914 г. отец Павла был мобилизован в царскую армию, а в 1916 г. погиб на фронте. Мать растила сына одна. «С 8-9 лет, – как писал П. Г. Каргопольцев в своей автобиографии, – я уже начал принимать участие в трудовой жизни, в сельском хозяйстве»[752]. В 1925 г. он окончил четыре класса сельской школы и до 1933 г. не имел возможности продолжить свое образование. Лишь в 1933 году поступил на «вечерний рабфак» при Горьковском педагогическом институте, одновременно работая в разных организациях города Горького счетоводом. После окончания рабфака в 1936 г. поступил на исторический факультет пединститута. В мае 1939 г. студент ГПИ П. Г. Каргопольцев вступил в ряды ВКП(б). Это во многом предопределило его дальнейшую жизнь, так как в 1939 г. он попал в число тех четырех тысяч коммунистов, которые были направлены по распоряжению ЦК партии на политработу в армию. Тем не менее, учеба в институте не была брошена. В 1940 г., находясь на службе в армии, Каргопольцев окончил ГПИ имени Горького по специальности «история», получил квалификацию «преподаватель истории» и звание «учитель средней школы» и развернул активную деятельность как партработник в армии. Участник Великой Отечественной войны: секретарь партбюро артиллерийского полка, инструктор по оргпартработе политотдела стрелковой дивизии, инструктор политуправления Карельского фронта, начальник политотдела артиллерийской бригады прорыва, участник боев в составе Карельского и I Белорусского фронтов. Первое его пребывание за границей, а именно на территории Польши и Германии, связано со службой в рядах Действующей Армии. После демобилизации в 1946 г. работал инструктором Горьковского

[752] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 7. Л. 2.

горкома партии (1946-1948 гг.), первым секретарем Свердловского (Ныне Нижегородский район г. Нижнего Новгорода) райкома партии (1950-1952 гг.), оставаясь по должности членом горкома партии. Длительное время Каргопольцев был депутатом райсовета (1950-1964 гг.) и горсовета (1950-1962 гг.). С 1948 г. начал преподавать основы марксизма-ленинизма в родном Горьковском педагогическом институте (1948-1950 и 1952-1955 гг.). Работая в ГПИ, П. Г. Каргопольцев окончил годичную аспирантуру и подготовил к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Передав должность директора иняза своему преемнику А.И. Домашневу, П. Г. Каргопольцев в сентябре 1964 г. по собственному желанию перешел на работу в Горьковский пединститут имени Горького в должности доцента кафедры истории КПСС. А когда в ГПИ организовалась новая кафедра – кафедра научного коммунизма – он стал её заведующим. Работая в ГПИ имени Горького, Каргопольцев имел деловые контакты с ГГПИИЯ. Так в 1966 г. он выполнял обязанности председателя ГЭК в инязе. Заслуги П. Г. Каргопольцева отмечены многими государственными наградами: орденами «Красного Знамени», «Трудового Красного Знамени», «Красной Звезды»; медалями «За освобождение Заполярья», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «50 лет Вооруженных сил», «За доблестный труд» (в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина), «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», значками «Отличник народного просвещения» (награда Министерства просвещения РСФСР), «Отличник просвещения СССР». Умер П. Г. Каргопольцев в 1976 г.

Карпинский Лен Вячеславович (1929-1995 гг.) – сын видного деятеля российского революционного движения, публициста В. А. Карпинского. Окончил МГУ имени М. В. Ломоносова. Работал в ГГПИИЯ с 1953 по 1956 г. Преподаватель философии. Ассистент кафедры основ марксизма-ленинизма.

Касаткин Леонид Федорович (1926 г.р.) – выпускник Горьковского педагогического института. Зав. кафедрой. Доктор педагогических наук (1981 г.), профессор ГГПИИЯ (1982 г.).

Киселев Виктор Павлович – участник Великой Отечественной войны. Боевой путь завершил в Праге. Окончил ФНЯ ГГПИИЯ в 1950 г. Работал в Горьковском инязе в 1950-1951 гг. Доктор философских наук, профессор.

Козлова Нина Константиновна – окончила ГПИ имени Горького в 1942 г. и в 1948 г – ФАЯ ГГПИИЯ. В ГГПИИЯ работала с 1948 по 1976 г. в качестве старшего преподавателя лексикологии и стилистики английского языка и зав. кафедрой английской филологии.

Козлова Ольга Эрастовна (1893 г.р.) – окончила в 1911 г. Нижегородский женский институт, в 1913 г. – Петербургские специальные педагогические курсы (французское отделение). Работала в Горьковском институте иностранных языков с 1937 по 1956 г. Старший преподаватель французского языка и французской филологии, зав. кафедрой французской филологии.

Колдунова Ольга Александровна (1895-1981 гг.) – родилась в семье учителя в селе Студенец Павловского (бывшего Горбатовского) уезда Нижегородской губернии. В 1913 г. окончила 8 классов Нижегородской II женской гимназии с золотой медалью. Прослушала два семестра занятий филологического факультета Женевского университета (Seminaire du Francais Moderne) (1913-1914 гг.). Не смогла завершить образование за границей из-за начавшейся Первой Мировой войны Осенью 1915 г. поступила сразу на II курс педагогических курсов новых языков Бобрищевой-Пушкиной в Петрограде, а в 1917 г. окончила эти курсы, которые назывались тогда уже иначе: Высшие педагогические курсы иностранных языков (по французскому отделению) В дальнейшем проявила высокие педагогические навыки: в 1917 (октябрь) – 1918 (декабрь) гг. работала школьным учителем в городе Мышкине Ярославской губернии в течение года и трех месяцев, затем переехала в родной город и стала работать учителем в Сормовской школе (1918-1923 гг.)

и одновременно в Сормовском отделении НГУ. Ещё в 1928-1929 гг. О. А. Колдунова повысила квалификацию, окончив в Ленинграде курсы Фонетической школы новых языков при НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ЛГУ) по английскому отделению, руководимые академиком Щербой Л.В. – ведущим специалистом в области общего языкознания, русистики, романистики, славистики, лексикографии, педагогики. Её удостоверение об окончании курсов датировано 19 июня 1929 г. Кроме Щербы, её учителями были проф. Державин и проф. Боянус. В течение 4-х месяцев (1929–1930) преподавала английский язык на курсах для рабочих, командируемых в Америку, размещавшихся в Канавино, в течение 7 месяцев 1930 г. работала в вечернем рабочем университете, на курсах английского языка для мастеров Автостроя при Крайоно (1.09.29-1.01.30), в электротехникуме, сельскохозяйственном институте. Аттестат, подтверждающий звание доцента, был выдан Колдуновой О.А. решением ВАК Министерства высшего образования СССР лишь в 1948 г.[753]. До ухода на пенсию в 1956 г. О. А. Колдунова работала в ГГПИИЯ.

Коль Лея Оскаровна окончила ФФЯ ГГПИИЯ в 1950 г. С 1956 г. работала в институте иностранных языков г. Горького. Кандидат филологических наук. Доцент. Зав. кафедрой французского языка и перевода.

Комаров Иван Степанович (1898-1978 гг.) – окончил в 1923 г. Ивановский педагогический институт, затем Высшие научно-педагогические курсы при II МГУ по педагогическому отделению (1925 г.). Преподаватель педтехникума и средних школ в Нижнем Новгороде (1925-1927 гг.). Методист ГПИ (с 1927 г.). Преподаватель курсов иностранных языков под руководством М. М. Ландау (с 1929 г.). Доцент кафедры педагогики ГПИ (с 1933 г.). Зав. кафедрой педагогики ГГПИИЯ (с 1939 г.). В Горьковском инязе на постоянной основе работал с 1939 по 1960 и с 1966 по 1968 гг. Декан ФАЯ.

Коноплева Вера Алексеевна (1888-1982 гг.) – в 1913 г. окончила Санкт-Петербургские Высшие женские курсы (историко-филологическое

[753] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 8. Л. 63.

отделение). С 1923 по 1926 г. обучалась на курсах иностранных языков (немецкое отделение) под руководством М. М. Ландау Она окончила также ГГПИИЯ в 1942 г., а рабочий стаж работы в ГГПИИЯ имела с 1942 г. Старший преподаватель. Заместитель директора по заочному отделению (с апреля 1942 г.). Коноплёва В.А. работала в Горьковском инязе до 1957 г. до ухода на пенсию.

Корнеева Лидия Альфредовна окончила в 1914 г. Берлинский лицей, в 1928 г. Харьковские курсы иностранных языков. С 1928 г. – преподаватель немецкого языка в средней школе. Работала на курсах под руководством М. М. Ландау. С 1933 г. по совместительству – преподаватель ГГУ.

Коротких Николай Александрович (1882 г.р.) – родился в семье, где гувернеры с детства обучали его иностранным языкам – немецкому и французскому. В 1900 г. окончил Нижегородское реальное училище. Участник Русско-японской войны (защитник Порт-Артура, имел 4 ранения). В 1910 г. завершил обучение на Военно-педагогических курсах и курсах иностранных языков. Преподавал немецкий язык в Кадетском корпусе и Духовной семинарии. С 1919 г. делопроизводитель в Нижегородском пединституте. На должность преподавателя немецкого языка НИНО был избран единогласно.

Кремер Арверд Арнольдович (1885 г.р.) – окончил Московское Высшее техническое училище в 1913 г. и сразу же начал научно-преподавательскую деятельность. С 1925 г. в НГУ сверх штата как преподаватель немецкого языка.

Кунин Александр Владимирович (1909-1996 гг.) – родился в Москве в интеллигентной семье. Его отец обладал высшим языковедческим образованием, закончив лингвистическое отделение II МГУ. Там же учился сам Кунин А. В. (1929-1932 гг.), одновременно работая техническим переводчиком в одном из московских учреждений. После окончания II МГУ был направлен в I МПИИЯ. Работал преподавателем английского языка, с 1934 г. на должности доцента. В 1938 г. успешно защитил кандидатскую

диссертацию с присвоением ученой степени кандидата филологических наук. Осенью 1941 г. эвакуирован с группой московских специалистов в город Горький, зачислен в штат ГГПИИЯ со 2 октября 1941 г. Здесь проработал до 1945 г. Декан ФАЯ до 1943 г. После окончания войны возвратился в Москву, защитил докторскую диссертацию, работал в МГГПИИЯ им. М. Тореза в должности профессора.

Лавров Николай Александрович (1899 г.р.) – в годы Первой мировой войны окончил учительскую школу и двухгодичные учительские курсы. С 1917 г. работал учителем начальной школы в родном селе Гридино (ныне Перевозский район Нижегородской области). Высшее образование получил в Нижегородском госуниверситете (литературно-лингвистическое отделение) в 1925-1930 гг. Работал в Сормовском пединституте в те годы, когда А. И. Березинзаведовал там отделением языка и литературы. Именно Березин, зная Лаврова как трудолюбивого преподавателя, пригласил его в 1935 г. на курсы иностранных языков, которыми начал руководить, а затем и в формирующийся Горьковский иняз. В институте Лавров Н. А. сразу зарекомендовал себя как талантливый преподаватель, активно занимающийся научной работой. В ГГПИИЯ более 40 лет. Зав.кафедрой языкознания. Зав. кафедрой русского языка. Зам. директора ГГПИИЯ по научной работе (1953-1954 гг.; 1956-1958 гг.). Кандидат педагогических наук (с 1950 г.). Профессор (с 1966 г.).

Лаврова Елена Петровна окончила французский факультет ГГПИИЯ в 1941 гг. и была принята в его штат в должности преподавателя кафедры французского языка. Достаточно быстро прошла путь до заведующей той кафедры. Оставалась в этой должности почти 20 лет (1943-1961 гг.).

Ланц Фридрих Иванович (1896 г.р.) – владея немецким языком, преподавал его с 1912 г., не имея специального образования. Кроме работы на курсах под руководством М. М. Ландау, с 1930 г. преподавал немецкий язык в ГИСИ и ГГУ. После увольнения из ГГПИИЯ (причина – высшее образование (II Московский институт иностранных языков) было незакончено) он перешел

на преподавательскую работу в среднюю военно-морскую спецшколу. В 1941 г. приговорен Особым совещанием к 10 годам ИТЛ. В 1951 г. приговорен Особым совещанием к ссылке на поселение в Красноярский край. Освобожден в сентябре 1955 г.

Лашкина Таисия Герасимовна (в замужестве Зубкова) (1916 г.р.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1940 г. Более 30 лет (1940-1972 гг.) трудилась в Горьковском инязе, будучи старшим преподавателем и зав. кафедрой английского языка.

Лебедева Вера Николаевна (1891 г.р.) – окончила в 1910 г. Нижегородский женский институт и дополнительно педагогические курсы в Сорбонне (1910-1912 гг.). В 1912 г. давала частные уроки французского языка в Париже. С 1913 г. преподавала французский язык в Сормовском реальном училище, затем в средних школах № 1 и № 9. С 1928 по 1930 гг. обучалась на курсах Ландау. Кроме французского, владела немецким и английским языками. Работала с 15 сентября 1935 г. на курсах иностранных языков при ГПИ, затем в ГГПИИЯ до ухода на пенсию в сентябре 1938 г.

Лебедева Матильда Яковлевна – с 1930 г. работала преподавателем на курсах иностранных языков и по совместительству с 1931 по 1935 гг. преподавателем немецкого языка Нижегородского (Горьковского) строительного института

Лебедева Рашель Осиповна (Иосифовна) (1896 г.р.) – училась в 1913-1914 гг. в школах Берлина, Парижа и Лондона. Окончила в 1935 г. 4-х годичные курсы иностранных языков при ГПИ по немецкому отделению, получив квалификацию «переводчик и преподаватель немецкого языка в средней школе». С 1934 по 1937 гг. преподавала на этих же курсах. С 1937 г. работала в ГПИ, обучаясь заочно в Московском педагогическом институте иностранных языков (факультет немецкого языка) до 1939 г.

Левина Нися Львовна (1916-1985 гг.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1942 г. Работала в должности старшего преподавателя кафедры английского языка. В 1947 г. 2 декабря была назначена деканом ФАЯ. Оставалась

руководителем факультета английского языка до 4 марта 1949 г. В 1961 г. ушла на пенсию по инвалидности.

Леруа Мария Ивановна (1878 г.р.) – родилась в г. Маж (Франция). Окончила гимназию в Париже. В ГГПИИЯ работала преподавателем французского языка, руководителем кружков разговорной практики, лаборантом кафедры факультета французского языка.

Либинзон Залман Хаимович (1918 г.р.) – работал в ГПИ с 1946 по 1992 г. В 1950-51 гг. по совместительству работал в ГГПИИЯ. Кандидат филологических наук, доцент. Доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы ГПИ.

Литвин Феликс Абрамович (1927 г.р.) – преподаватель английского языка и литературы. Работал в ГГПИИЯ с 1950 по 1951 г. Доктор филологических наук, профессор.

Литвиненко Анна Ивановна (1926 г.р.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1948 г. С 1949 г. работала в Горьковском инязе. Заведующая кафедрой лексикологии и стилистики английского языка. Канд. филологических наук (с 1964 г.). Доцент.

Лобода Наталья Михайловна (1901 г.р.) – окончила 4-х-годичные курсы иностранных языков при ГПИ (немецкое отделение) в 1934 г., получив квалификацию «учитель немецкого языка и переводчик». С 1939 по 1942 г. училась на немецком факультете ГГПИИЯ, с 1938 – заочно в I МИИЯ. Преподавала немецкий язык в ГГПИИЯ с 1941 по 1943 г. (старший преподаватель). Зам. директора ГГПИИЯ по заочному отделению (17.05.-23.09.1941 гг.). Являлась секретарем партийного бюро института в 1943 г. После незначительного перерыва возобновила работу в вузе (1946-1958 гг.). Зав. кафедрой немецкого языка ГГПИИЯ. Декан ФНЯ с 1947 по 1954 гг. В 1958 г. ушла на пенсию.

Малкина Сарра Львовна окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1945 г. Работала в Горьковском инязе с 1945 по 1978 г. в должности старшего преподавателя кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка.

Малков Михаил Яковлевич (1903 г.р.) – работал в ГГПИИЯ с 1939 по 1943 гг. и с 1946 по 1965 гг. Возглавлял административно-хозяйственную структуру ГГПИИЯ.

Марканов Домитиан Родионович – кандидат педагогических наук, доцент ГПИ в 1938-1953 гг.

Медовщикова София Николаевна (1911-1957 гг.) – со временем стала преподавателем курсов иностранных языков и одним из ведущих преподавателей будущего иняза. В некрологе[754] отмечалось, что многие преподаватели ФАЯ ГГПИИЯ являлись её учениками.

Мешкова Галина Александровна (1914-1997 гг.) – работала в Горьковском инязе с 1942 по 1971 год в должности старшего преподавателя кафедры немецкого языка.

Миллер Нина Ивановна (1903-1985 гг.) – окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1939 г. Работала в качестве старшего преподавателя с 1939 по 1959 гг.

Миловидова Лидия Васильевна окончила в 1910 г. Нижегородский Мариинский институт, в 1912 г. – двухгодичные педагогические классы в Петербурге, в 1917 г. – педагогические курсы Петроградского учебного округа, получив квалификацию преподавателя французского языка. С 1912 г. преподавала французский и немецкий язык в гимназиях и средних школах. С 1923 г. работала на курсах под руководством М. М. Ландау

Милюкова Галина Васильевна (1920 г.р.) – окончила ФФЯ ГГПИИЯ в 1946 г. С 1947 г. работала в инязе. Зав. кафедрой французской филологии. Декан факультета французского языка (с 1959 г.)

Михайлова Мария Сергеевна (1905-1996 гг.) – окончила в 1930 г. Фонетическую школу новых языков при Ленинградском госуниверситете. Во время обучения преподавала английский язык в военно-морских школах Ленинграда. С 1931 г. работала в Сормовском пединституте и сельскохозяйственном институте, а также на курсах М. М. Ландау. В 1937 г. окончила заочно Московский педагогический институт иностранных языков

[754] Лингвист. – 1957. – 17 мая

(английский факультет), в дальнейшем (с 1937 г.) штатный преподаватель Горьковского иняза

Михеев Евгений Иосифович (1926-1990 гг.) – окончил Горьковский пединститут имени Горького в 1950 г. Кандидат философских наук. Старший преподаватель, доцент. Работал в Горьковском инязе с 1953 по 1955 гг. и с 1958 по 1986 гг.

Михина Галина Васильевна (1913 г.р.) – окончила факультет французского языка МПИИЯ. С 1938 по 1949 г. преподавала французский язык в ГГПИИЯ.

Михина Нина Васильевна окончила ФФЯ ГГПИИЯ в 1947 г. Работала в инязе с 1947 по 1974 гг. Преподаватель французского языка, зав. кафедрой французского языка.

Михлин Ефим Ильич (1912 г.р.) – окончил в 1937 г. Ленинградский государственный университет, в ГГПИИЯ с января 1940 г. по июль 1941 г. Старший преподаватель, зав. кафедрой русского языка и литературы, и. о. декана ФФЯ (1940 – июнь 1941).

Морозова Галина Леонидовна (1931 г.р.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1953 г. Работала в Горьковском инязе с 1953 г. Доцент кафедры английского языка (с 1979 г.).

Ненюкова Анна Степановна (1904-1995 гг.) – из купеческой семьи, дочь потомственного почетного гражданина Нижнего Новгорода, основателя и председателя Нижегородского Общества птицеводства и пчеловодства. Окончила Мариинскую женскую гимназию (затем школу № 25 II ступени) в 1922 г. Поступила на курсы иностранных языков при ГПИ в 1935 г., с 1937 г. – студентка института иностранных языков города Горького, в 1939 г. она окончила ГГПИИЯ с отличием. Председателем ГЭК 1939 г. являлся проф. Н. С. Чемоданов. Ненюкова А. С. была оставлена на преподавательской работе в родном институте. Ученица проф. Смирницкого А. В. Кандидат филологических наук (1952 г.). Тема защищенной в МГУ диссертации

«Предлоги и обстоятельственные наречия в древнеанглийском языке». Доцент по кафедре английской филологии ГГПИИЯ (1957 г.). С 1959 г. на пенсии.

Нечаев Иван Лаврентьевич пришел на работу в ГГПИИЯ вуз из педагогического института города Горького. Специалист по истории государственного права.

Никитина Валентина Васильевна окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1948 г. Работала в инязе с 1955 по 1985 г. старшим преподавателем кафедры второго иностранного языка, преподавателем кафедры методики.

Новикова Юлия Петровна (1908 г.р.) – по окончании курсов занялась школьной практикой преподавания иностранного языка. Её заметные успехи на этом поприще вскоре были очень высоко оценены. Уже 26 апреля 1939 г. Наркомпросом РСФСР ей было присвоено персональное звание «Учителя средней школы». Следует добавить, что 10 апреля 1939 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР о введении персональных званий для учителей страны и нужно признать, что Новикова Ю. П. стала одной из первых нижегородских учительниц, удостоенных этого почетного и престижного звания. Окончив в 1950 г. Горьковский иняз, работала на его кафедре методики.

Оболенский Михаил Васильевич – кандидат педагогических наук, доцент ГПИ в 1933 – 1954 гг.

Орлова Анна Александровна (1921-1988 гг.) – окончила ФФЯ I МПИИЯ в 1947 г. Работала в Горьковском инязе с 1950 по 1980 гг. Старший преподаватель кафедры французской филологии.

Орнатская Вера Николаевна (1892 г.р.) – окончила четырехгодичные курсы иностранных языков при ГПИ в 1936 г., а затем в 1939 – факультет английского языка МПИИЯ. С 1940 по 1956 гг. работала в ГГПИИЯ преподавателем английского языка.

Парийская Лариса Ивановна (1905-1972 гг.) – родилась в Нижнем Новгороде. Внучатая племянница Н.А. Добролюбова. Её отец, Иван Михайлович, был священником церкви Покрова на ул. Большая Покровская в

Нижнем Новгороде. Дядя – С. М. Парийский – известный нижегородский историк-краевед. В 1933 г. она была зачислена на курсы иностранных языков, тогда возглавляемые М. М. Ландау Окончила их четырехгодичное английское отделение в июне 1937 г. с отличными оценками по всем предметам. В дальнейшем стала одним из преподавателей Горьковского иняза. Проработала в инязе до ухода на пенсию в 1960 г.

Писарева Клавдия Никитична (1903-1986 гг.) – окончила ФФЯ в 1946 г. С 1946 по 1958 г. работала в ГГПИИЯ в должности старшего преподавателя кафедры французского языка.

Плеухина Эмилия Николаевна (1931 г.р.) – окончила ГГПИИЯ (ФАЯ) в 1953 г. С 1956 г. работала в инязе. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры английской филологии (с 1961 г.).

Покровская Елена Дмитриевна (1921-1996 гг.) – официально была зачислена в штат ГГПИИЯ в 1945 г. Работала в должности преподавателя английского языка, а также занимала должность заместителя декана ФАЯ. Трудилась в Горьковском инязе до выхода на пенсию в 1978 г.

Пономарева Ольга Николаевна (1922-1972 гг.) – окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1945 г. Работала в инязе с 1945 по 1972 гг. Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкой филологии.

Попок Лев Григорьевич (1909 г.р.) – выпускник МПИИЯ (факультет английского языка). Трудился в Горьковском инязе (с августа 1938 г. по август 1939 г.)

Потехин Алексей Васильевич (1923-1989 гг.) – окончил ГГПИИЯ в 1945 г. и проработал в нем с 1945 по 1972 г. Кандидат философских наук, преподаватель курса научного коммунизма.

Припоров Павел Алексеевич (1890 г.р.) – окончил в 1909 г. Порецкую учительскую семинарию, в 1919 г. Нижегородский учительский институт, а в 1935 г. – английское отделение четырехгодичных курсов, руководимых М. М. Ландау В Горьковском инязе работал до 1957 г. Зам. директора ГГПИИЯ по учебной и научной работе с 1937 по 1940 гг.

Райснер Эльза Фридриховна (в девичестве – Цайссер) – родилась в городе Эссене (Германия), окончила там же в 1932 г. педагогический институт. Её муж – В.К.Райснер, член Коммунистической партии Германии (Spartacusbund) с 1919 г., принял решение вместе с женой Эльзой приехать в СССР (по линии Коминтерна). Отдел иностранных языков Наркомпроса рекомендовал Райснер Э. Ф. для работы в Горьковском пединституте иностранных языков, где она преподавала сначала на условиях почасовой оплаты, а позже до 1940 г. как штатный преподаватель, зав. кафедрой немецкого языка.

Радышева Татьяна Макаровна (1916-1994 гг.) – окончила ФФЯ в 1941 г. С 1945 по 1957 г. работала преподавателем кафедры методики ГГПИИЯ.

Романова Викторина (Виктория) Константиновна (1919 г.р.) – участник Великой Отечественной войны. Окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1955 г. С 1955 по 1978 г. работала старшим преподавателем английского языка кафедры второго языка. С 1966 г. выполняет обязанности директора музея истории Горьковского института иностранных языков (ныне музей НГЛУ).

Роштон Флоретта Ионовна (псевдоним Рамона Барр) (1913-1941 гг.) – американка, прибыла в Нижний Новгород в 1931 г. 19-летней девушкой с отцом-коммунистом, который решил принять участие в строительстве автозавода. В родной Флориде она вступила в коммунистический союз молодежи США, полагала, что лучшее место для реализации идей коммунистического строительства – это Советский Союз. Прожила в России 10 лет. Погибла в 1941 г. во время бомбежки ГАЗа в начале Великой Отечественной войны.

Русина Ирина Викторовна (1916 г.р.) – окончила немецкий факультет ГГПИИЯ в 1948 г. Работала в инязе с 1952 по 1972 г. Зав. кафедрой немецкого языка.

Сабурова Ия Алексеевна (1915 г.р.) – окончила ФНЯ ГГПИИЯ в 1939 г. В 1947 – 1971 гг. – преподаватель немецкого языка ГГПИИЯ.

Сакулинская Нина Андреевна (1891-1958 гг.) – два года училась в Парижском университете, а в 1917 г. окончила Петроградские педагогические курсы. В ГГПИИЯ вела курс французского языка. Декан ФФЯ (1940 г.).

Самсонов Владимир Иванович (1907 г.р.) – окончил педфак НГУ (1927-1930 гг.), был преподавателем общественно-экономических дисциплин, имел опыт партийной работы как секретарь РК ВКП(б) Кагановичского района города Горького (1936 г.).

Себестин Мэри Петровна (по мужу – Алферова) (1917-1992 гг.) – родилась в городе Бриджпорт, штат Коннектикут, США. Венгерка по происхождению. В октябре 1931 г. приехала вместе со своим приемным отцом (инженером) в Нижний Новгород. Окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1944 г., затем работала старшим преподавателем кафедры английской филологии до ухода на пенсию в 1974 г. В постперестроечный период, когда Нижний Новгород перестал быть «закрытым» городом, достаточно много времени уделяла встречам со специалистами, приезжавшими в вузы города из США.

Серебров Михаил Григорьевич (1903 г.р.) – учился в Институте марксизма-ленинизма. Партработник с 1930 по 1940 гг. С 1938 по 1941 гг. обучался на истфаке ГГПИ по специальности «история». Преподаватель основ марксизма-ленинизма ГГПИИЯ с 1940 г. (по путевке Горьковского ОК ВКП(б)). Участник Великой Отечественной войны. Ранен в 1943 г. Инвалид войны. Орденоносец (Орден Отечественной войны II степени). После демобилизации в 1946 г. зачислен преподавателем основ марксизма-ленинизма в ГГПИИЯ. Старший преподаватель (1946 г.). Кандидат исторических наук (1953 г.). Доцент (1960 г.). Работал в ГГПИИЯ до 1964 г.

Световидова Ц. Г. пришла преподавать немецкий язык в НГУ в конце 20-х гг. До этого занималась учительской деятельностью в Нижегородском механико-строительном техникуме и др. учебных заведениях Н. Новгорода.

Сенаторова Александра Павловна (1922 г.р.) – в 1941 г., окончив ФНЯ иняза, ушла на фронт. Вместе с боевыми частями Действующей Армии

переводчик Сенаторова прошла путь до Восточной Пруссии. С 1946 г. Сенаторова снова студентка ГГПИИЯ, но теперь факультета английского языка. Окончила институт в 1950 г. с отличием. Преподаватель английского и немецкого языков Горьковского иняза. Заместитель директора ГГПИИЯ по заочному отделению (1953-1959 гг.). Зав. кафедрой языкознания (с 1959 г.).

Сиверс Елена Львовна (в замужестве – Чижова) (1926 г.р.) – работала в ГГПИИЯ на подготовительном отделении с 1940 г.[755]. Доцент. Специалист по английскому страноведению. Декан ФАЯ (с 29.04.1949 по 1.09.1953).

Сингер Евгения Ильинична училась в Нью-Йорке в образовательном колледже, в 1932 г. приехала в СССР вместе с отцом. Её отец, коммунист Илья Петрович Сингер (род. в 1879 г. в Гродненской губернии царской России), приехал в 1932 г. в Нижний Новгород в составе группы американских специалистов на автозавод, где он работал до 1935 г. (до перевода в Самару). Был репрессирован: расстрелян в 1941 г. Е. И. Сингер окончила Ростовский машиностроительный институт (1940 г.), затем ГГПИИЯ (заочно). Член Международной организации помощи борцам революции (секция СССР) с января 1944 г. Работала в ГГПИИЯ преподавателем английского языка. Зав. кафедрой английского языка и перевода.

Смирницкий Александр Иванович – крупный специалист в области сравнительного и общего языкознания, английской и скандинавской филологии. В Горьковском инязе периодически вел занятия до 1945 г. Доц. Смирницкий сотрудничал с ГГПИИЯ в качестве преподавателя-почасовика. Эвакуированный из Москвы в апреле 1942 г., он работал в должности председателя ГЭКа при ГГПИИЯ. Однако, уже в сентябре был отозван обратно в Москву. Профессор МГУ. Доктор филологических наук.

Соколов Николай Петрович (1890-1979 гг.) – доцент Горьковского пединститута, позже доктор исторических наук, профессор Горьковского университета. Крупный специалист по проблемам средневековой истории Запада, зав. кафедрой всеобщей истории ГГУ.

---

[755] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1. Д. 35. Л. 90.

Сосенский Адольф Яковлевич (1913-1938 гг.) – родился в г. Вернсгаусене (Германия). Его родители эмигрировали из России в Германию в 1907 г. Учился в городах Франкфурт-на-Майне и Кассель. В 1929 г. вступил в Коммунистический союз молодежи Германии. В 1933 г. был арестован. После освобождения из-под ареста решил выехать в СССР. Окончил педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде (экстерном). Преподаватель немецкого языка ГГПИИЯ в 1938 г.

Степанова Аида Васильевна (Бенедиктова) (1929 г.р.) – окончила ГГПИИЯ, ФАЯ в 1951 г., аспирантуру в МГПИ имени Потемкина. Кандидат филологических наук (1956 г.). Доцент (с 1961 г.).

Теплова Зинаида Федоровна работала в Горьковском инязе с 1939 г. Кандидат ист. наук. Зав. кафедрой истории КПСС (с 1956 г.).

Торсуев Георгий Петрович родился в 1908 г. в Нижнем Новгороде в семье профессора медицины, почетного гражданина Нижнего Новгорода. До 1927 г. отец Торсуева Г. П. профессорствовал в НГУ. Сам Торсуев Г. П. окончил отделение иностранных языков Ленинградского государственного педагогического института в 1929 г., а затем в 1931-м – аспирантуру при нем. С 1930 по 1931 гг. преподавал английский язык в ленинградских вузах. С 1931 г. занимал должность доцента кафедры иностранных языков в Институте востоковедения при ЦИК СССР (Москва). С 1932 г. и. о. доцента в Московском институте иностранных языков. С 1932 по 1937 гг. прошел в нем должности заведующего кафедрой английского языка, зав. аспирантурой, и. о. декана английского факультета, и. о. профессора. Владел английским, немецким, французским языками. С 1936 г. вел фонетику в Горьком на курсах иностранных языков при ГПИ и в Минском государственном педагогическом институте. Совмещал основную работу с преподаванием фонетики на Московских курсах повышения квалификации – Архив НГЛУ. Торсуев Г. П. являлся крупным специалистом в области фонетики английского языка, исследователем английских баллад, автором «Краткого курса английского языка», написанного в соавторстве с Торсуевой Е. Н. и Катцером. Тогда

Торсуев Г. П. работал над текстом докторской диссертации на тему «Интонации русского языка, сравнение русской интонации с английской».

Третьякова Софья Васильевна (1912 г.р.) – происходила из интеллигентной семьи преподавателей вуза и средней школы. Окончила полный курс ЛГУ (1932-1937 гг.), затем аспирантуру ЛГУ по специальности «всеобщая литература», а 24 июня 1941 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Романы Филдинга». Решением комиссии Наркомпроса РСФСР в сентябре 1941 г. назначена преподавателем литературы в ГГПИИЯ как кандидат филологических наук. В Горьковском инязе она начала читать курс зарубежной литературы, используя в процессе обучения собственное знание и владение английским, французским, немецким языками. В 1942 г. ей было присвоено звание доцента. С 1941 г. – зав. кафедрой зарубежной литературы института.

Тьерри Э. Р. – единственный преподаватель английского языка НИНО, недолго проработавший в этом учебном заведении

Финкельштейн Иосиф Лазаревич (1920 г.р.) – с III курса филфака Киевского госуниверситета ушел на фронт. Участник боевых действий в составе Калининского фронта, стрелок (декабрь 1941 – февраль 1942 г.). Тяжело ранен и контужен под Ржевом. Инвалид Великой Отечественной войны. С 1942 по 1945 г. учился в МГУ по специальности «английский язык и литература», получил квалификацию «научный работник в области филологических наук, преподаватель ВУЗа, ВТУЗа, учитель средней школы». Окончил аспирантуру по кафедре всеобщей литературы при МГПИ имени В. П. Потемкина. С 1949 г. старший преподаватель по кафедре литературы ГГПИИЯ с окладом в 1250 рублей в месяц. Направлен в иняз Минпросом РСФСР. Кандидат филологических наук (с 1952 г.), доцент по кафедре зарубежной литературы (с 1957 г.), доцент кафедры английской филологии (с 1964 г.).

Фролов Максим Филиппович. (1886 г.р.) – преподаватель ГПИ (1936-1941 гг.). Доцент (1939 г.). С июля 1941 г. выполнял обязанности зав. кафедрой

основ марксизма-ленинизма ГГПИИЯ. Кандидат философских наук (1948 г.). Зав. кафедрой философии ГГПИИЯ (с 1954 г.). Работал в ГГПИИЯ до 1960 г.[756]

Хрусталева В.В. окончила факультет немецкого языка МПИИЯ. В ГГПИИЯ проработала недолго – до осени 1940 г. Впоследствии преподаватель II МГГПИИЯ**.**

Цареградская Вера Иудовна (Юрьевна) (1910 г.р.) – окончила курсы иностранных языков М. М. Ландау (1933-1935 гг.). В 1936 г. работала преподавателем немецкого языка в ГПИ. С 1937 г. преподавала в ГГПИИЯ. Одновременно обучалась в I МГГПИИЯ на заочном отделении (до 1938 г.) Занималась научной работой под руководством Чемоданова Н. С., крупного специалиста в области истории немецкого языка, и Шендельс Е. И., кандидата филологических наук, доцента МГГПИИЯ (1947-1949 гг.). В 1954 г. перевелась в Смоленский пединститут

Чемоданов Александр Александрович (1912 г.р.) – выпускник ЛГУ. Работал в ГГПИИЯ с 1941 по 1950 г. до перехода в Тульский педагогический институт. Зам. директора ГГПИИЯ с 1941 по 1950 г. Старший преподаватель кафедры английской филологии.

Чемоданов Николай Сергеевич (1903 г.р.) – окончил I МГУ. Работал в ГГПИИЯ совместителем с 1937 г. Крупный специалист в области истории немецкого языка, создатель хрестоматии по истории немецкого языка, изданной в Москве в 1953 г. Профессор МГУ, доктор филологических наук.

Чугунов Иван Иванович (1907-1972 гг.) – окончил физмат Горьковского университета и преподавал на кафедре теоретической механики. Работал помощником ректора ГГУ по заочному отделению (1933-1937 гг.), зам. секретаря парткома университета (1937 г.). С 1937 г. на ответственной работе в Краснодарском крайкоме партии. В годы войны служил в Главном политуправлении Советской Армии. С 1946 г. секретарь Краснодарского

[756] ЦАНО. Ф. Р-2595. Оп. 1а. Д. 17. Л. 50.

крайкома ВКП(б). Со второй половины 1950-х гг. председатель Горьковского облисполкома.

Шапошникова Лидия Эрастовна (1877 г.р.) – дочь служащего, окончила Высшие курсы новых языков в Петербурге по специальности «новые языки» в 1900 г. Учитель первой мужской гимназии Нижнего Новгорода (с 1901 г.). Одна из первых преподавателей иностранного языка (французский) Нижегородского пединститута (с 1918 г.). Утверждена на эту должность 1 января 1919 г. Советом НПИ.

Шарпье Эсфирь Константиновна (1868-1928 гг.) – окончила Казанский университет в 1898 г. С 1918 г. занималась учительской деятельностью. По направлению Главпрофобра с 15 октября 1925 г. работала в НГУ на химическом факультете преподавателем французского языка (старший ассистент).

Шейнеман Ида Борисовна (ум. в январе 1960 г.) – работала в Горьковском инязе с 1941 по 1960 г. По оценкам коллег – талантливый переводчик[757].

Шейнина И. – преподаватель немецкого языка НИНО.

Шеффер Александра Викторовна (1883-1961 гг.) – обучалась на четырехгодичных курсах иностранных языков при ГПИ, затем перешла в Горьковский иняз, только созданный, на факультет немецкого языка и окончила его в 1938 г. с отличием. Была оставлена на преподавательской работе.

Шульц Генрих Эдуардович (1860 г.р.) – окончил Петербургский университет в 1887 г., преподаватель английского языка НГУ с 1925 г., вел лабораторные занятия.

Шульц Генрих Генрихович (1897 г.р.) – сын Г. Э. Шульца. Выпускник Промышленно-экономического института (1924 г.), преподаватель немецкого языка НГУ с 1925 г.

---

[757] Лингвист». – 1960. – 12 января.

Щелок Евгения Александровна (1890-1968 гг.) – окончила Петербургские курсы иностранных языков в 1917 г.; работала учителем одной из нижегородских школ II ступени. Длительное время проработала в инязе.

Эдид Софья Марковна (Сарра Менделеевна) (1902-1987 гг.) – окончила ФАЯ ГГПИИЯ в 1945 г. и сразу же была зачислена в его штат, где проработала до 1958 г. в должности старшего преподавателя второго иностранного языка на ФНЯ и ФФЯ.

Эйнгорн Любовь Осиповна – вузовский преподаватель (НПИ и НГУ) до в 1926 г.

Энгельс Альма Вильгельмовна – преподаватель немецкого языка в гимназиях Нижнего Новгорода с начала XX в. и французского – в советской школе I и II ступеней Нижнего Новгорода.

Якобсен Арнольд Августович (1881 г.р.) – Советом НГУ 25 мая 1919 г. был введен в коллектив на должность преподавателя немецкого языка. С 1926 г. старший ассистент НГУ.

Ярнатовская Валерия Евгеньевна (1919 г.р.) – будучи студенткой ГГПИИЯ, на V курсе обучения получала сталинскую стипендию. Окончила институт с отличием в 1946 г. С этого времени до сентября 1970 г. работала в Горьковском институте иностранных языков: ассистент, старший преподаватель, доцент (с 1955 г.), зав. кафедрой немецкого языка (с 1958 г.), зам. директора института по учебной и научной работе (1956-1960 гг.), проректор по учебной работе (1964-1970 гг.), профессор кафедры немецкой филологии (с 1969 г.). Автор более 60 работ по различным вопросам лингвистики и методики преподавания иностранных языков. В сентябре 1970 г. перешла на работу в АПН СССР. Доктор филологических наук (с 1971 г.).

Ярошевская Эмилия Васильевна окончила Ревельскую гимназию с правом преподавания немецкого языка в средней школе. С 1890 по 1906 гг. служила классной дамой в Нижегородском Мариинском институте. С 1908 по 1915 гг. преподаватель немецкого языка в женской гимназии, затем в средней школе.

Приложение 11. Из воспоминаний В. П. Киселева

«Дело Чемоданова.

Эта история случилась в начале 50-х г. Тогда развернулась дискуссия по вопросам языкознания. Собственно, на дискуссию-то, предполагающую партнерство в поисках истины, это было мало похоже. Громили «новое учение» академика Н. Я. Марра о языке, главным образом его теорию о надстроечном и классовом характере языка. Является ли язык надстройкой над экономическим базисом общества, можно ли признать язык в классовом обществе классовым, а не общенациональным, существовал ли язык жестов или мышление изначально связано со звуковым языком – эти вопросы были в центре обсуждения.

И вот в «Правде» 20 июня 1950 г. появилась большая статья «Относительно марксизма в языкознании»[758]. Подпись: И. Сталин. Участие Сталина в дискуссии сразу подняло её на необычайную высоту, вопросы языкознания приобрели общегосударственное, общепартийное значение... Повсюду стали изучать новый труд вождя... Сочинение вождя превозносили до небес...

Александр Александрович Чемоданов был заместителем директора Горьковского института иностранных языков по учебной и научной работе. Без всяких ученых степеней, был он, однако, высокообразованным и тонким знатоком языкознания, любимым преподавателем. С детства пораженный полиомиелитом, он внушал сострадание.

Случилось так, что в разгар дискуссии он выехал в командировку в Москву и, как говорил он сам, тяжело заболел там. И вот идет дискуссия

---

[758] По-видимому, за давностью лет профессор В.П. Киселев успел забыть действительное название того сталинского сочинения. 20 июня 1950 г. в главном печатном органе ВКП(б) была опубликована известная теоретическая работа И.В. Сталина, озаглавленная «Марксизм и вопросы языкознания».

по вопросам языкознания, и не где-нибудь, а на страницах «Правды», вся страна следит за ней, уже и сам Сталин выступил и посыпались со всех сторон статьи и заявления «в свете...», а в это время специальный, единственный на огромную округу лингвистический вуз публично, так, чтобы, по крайней мере, в городе знали, не выразил своего отношения к дискуссии. Не отреагировал.

Руководство института было очень этим обеспокоено. Шутка ли: сам Сталин выступил, а институт промолчал. Кто-то должен за это ответить... Возникло «персональное дело». Чемоданова обвинили в том, что он лично не отреагировал на всесоюзную дискуссию и не организовал в этих целях институтский преподавательский коллектив. На собрании в институте Чемоданов оправдывался: «В командировке тяжело заболел, не до дискуссии мне было». Постановили: исключить из рядов ВКП(б)...

Решением бюро горкома было утверждено исключение Чемоданова из партии (в те годы это называлось «политическим расстрелом»). Автоматически он был уволен с должности заместителя директора института и уехал в Тулу на рядовую преподавательскую работу. Было ему, видать, очень тяжело и одиноко. И он запил. Однажды пропустил несколько занятий. В институте решили: болен. Но никто не проведал его. Потом, видно, заподозрили что-то неладное. Пришли, дверь заперта. Стучатся – никто не открывает. Тишина. Заглянули в замочную скважину, видят: висит Чемоданов. Вот и весь рассказ.

Приложение 12. Из воспоминаний В. К. Романовой

«Боже, сбылась моя мечта! Позади фронтовые годы, я родила дочурку, в 29 лет сдала экзамены и стала студенткой Горьковского педагогического института иностранных языков. Сдавала я немецкий язык (то есть должна была поступить на факультет немецкого языка), но пошла к директору Шульпину Петру Ивановичу с огромной просьбой: разрешить мне учиться на факультете английского языка. Я знала немного немецкий язык, но мне хотелось овладеть английским.

Петр Иванович, казалось, был неумолим, но... я нашла свою фамилию не в списке студентов немецкого факультета, а у «англичан». Моя вторая мечта осуществилась. Это был сентябрь 1951 г. Занятия, лекции доставляли мне огромное наслаждение. Зарубежную литературу читал истинный педагог – артист Мичурин Виктор Эрминенгольдович. Он умер, когда мы перешли на 2-ой курс, и лекции продолжила читать Третьякова Софья Васильевна. Читала тоже хорошо и дала нам много. Русский язык преподавал Лавров Николай Александрович – интеллигентный, внимательный, чуткий, прекрасный педагог….

Английский язык нам преподавали замечательные люди, старые преподаватели, для которых английский язык был родным языком: Мэри Петровна Себестин, Анна Карловна Томлянович, Екатерина Франковна Гостева. Великолепно владели языком Смирнова Валентина Ивановна, Шейнеман Ида Борисовна, Колдунова Ольга Александровна. Их талантливыми учениками были Середина Конкордия Григорьевна, Виноградова Галина Ивановна, Борисевич Евгения Андреевна.

Нам давали огромные списки слов, их транскрипцию. Мы находили значения этих слов, учили их, зубрили, зубрили, зубрили... Знали, что нужно сделать с губами, ртом, языком перед тем, как произнести звуки. Фонетист

требовал этих знаний. Учили грамматические правила. На занятиях открывали скобки, ставя глаголы в нужном времени, выбирая нужные артикли и т.д., и т.д., и т.д.

О расовой дискриминации читали те книги, которые нам рекомендовали в качестве домашнего чтения: «Хижину дяди Тома», «Приключения Тома Сойера и Геккельбери Финна», «Да сгинет день». О собственниках, их жадности и эгоизме – «Сагу о Форсайтах», о страданиях простых людей из-за американского империализма в романе «Сестра Кэрри». Читали мы на английском языке. Переводили отрывки на русский язык, а пересказ прочитанного давали на русском языке.

К моему большому огорчению, после окончания института мы плохо владели разговорной речью, плохо понимали оригинальную речь. Этот наш недостаток прекрасно знали преподаватели на всех факультетах.

Приложение 13. Из воспоминаний В. П. Киселева

Мы, вчерашние фронтовики, учились тогда ещё на младших курсах. Ходили в шинелях. От них пахло пороховым дымом и кострами. На воинской фуражке с черным артиллерийским околышем я долго носил звездочку. Погоны, конечно, снял, а звездочку захотелось оставить. Она связывала с армией, была символом пережитого. Жили победители голодновато, а временами вовсе голодно. 240 рублей (24 рубля по-нынешнему) стипендия... В общежитии на улице Совнаркомовской ... (что в Канавино...) в одной комнате жили ребята, большинство – фронтовики, человек пятнадцать, в двух других– девушки, тоже человек пятнадцать в комнате. Большинство же снимали углы. Питались в основном картошкой. Но сварить её было проблемой. В каждой комнате было только по одной электроплитке. Занимали очередь... В 1947 г. отменили карточки. И хотя очереди за вольным хлебом были длиннющие, но не горевали... После войны все нам было нипочем. Радостное было время. Мы были молоды, мы верили в свои силы, в свое будущее. Оно представлялось нам не очень определенным, но светлым, а кому-то, может быть, и прекрасным».